S 104/57

S 104/57
ф 10-81/333

СОЧИНЕНІЯ КНЯЗЯ КУРБСКАГО,

КАКЪ ИСТОРИЧЕСКІЙ МАТЕРІАЛЪ.

Изслѣдованіе кандидата

А. Н. Ясинскаго.

1 5 61
8

Типографія ИМПЕРАТОРСКАГО Университета Св. Владиміра.
Кіевское отдѣленіе ВЫСОЧАЙШЕ утвержд. Т-ва печатн. дѣла и торг. И. Н. Кушнеревъ и К° въ Москвѣ.
1889.

Библиотека имени В. И. Ленина
ф-39343-37

Печатано по опредѣленію Совѣта Императорскаго Университета Св. Владиміра
(изъ Унив. Извѣстій 1889 года).

2007065947

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		Стр.
	Введеніе	1—18
I.	Жизнь Курбскаго	19—76
II.	Образованность и воззрѣнія Курбскаго.	77—96
III.	Предварительныя замѣчанія объ историческомъ трудѣ Курбскаго	97—107
IV.	Разборъ 1-ой половины историческаго труда Курбскаго.	108—164
V.	Разборъ 2-ой половины историческаго труда Курбскаго.	165—215

Настоящее изслѣдованіе, написанное на тему, предложенную въ январѣ 1888 года историко-филологическимъ факультетомъ для конкурснаго соисканія наградъ, и удостоенное въ факультетскомъ засѣданіи 20-го декабря того-же года награды золотою медалью, выходитъ нынѣ въ свѣтъ въ томъ почти видѣ, какъ было представлено, главнымъ образомъ вслѣдствіе того, что авторъ не располагаетъ достаточнымъ количествомъ времени для пополненія и расширенія его.

Рѣшившись представить свое изслѣдованіе на судъ ученой критики, авторъ не утѣшаетъ себя надеждою, что ему удалось окончательно разрѣшить нѣкоторые спорные вопросы царствованія Іоанна Грознаго, но сочтетъ себя вполнѣ вознагражденнымъ за потраченные имъ трудъ и время, если признаютъ, что его изслѣдованіе хотя немного способствуетъ рѣшенію ихъ.

Заканчивая свой трудъ, авторъ считаетъ пріятною обязанностью выразить глубокую и искреннюю благодарность проф. Владиміру Степановичу Иконникову, всегда и съ величайшею предупредительностью дававшему многочисленныя библіографическія указанія по вопросамъ, входившимъ въ составъ настоящаго изслѣдованія, а также засвидѣтельствовать признательность тѣмъ членамъ историко-филологическаго факультета, которые содѣйствовали труду автора, предоставляя въ его распоряженіе свои собственныя книги.

25-го ноября 1889 г.

ВВЕДЕНІЕ.

Время Іоанна Грознаго невольно останавливаетъ вниманіе историка: русская территорія значительно расширяется на востокѣ государства, предпринимается цѣлый рядъ усилій пробиться къ морю, завязываются непосредственныя сношенія съ западомъ Европы и издаются важные законодательные акты. Эпоха, ознаменованная такими важными успѣхами государственности, отмѣчена, кромѣ того, кровавой расправой царя съ боярствомъ.

Между тѣмъ, отечественные источники для политической исторіи этого царствованія крайне скудны и недостаточны.

Поручныя записи, синодики и разряды—вотъ почти всѣ акты, касающіеся политической исторіи того времени. Этотъ недостатокъ актовъ и документовъ блистательно, какъ можетъ показаться на первый взглядъ, вознаграждается и восполняется обиліемъ лѣтописей, которыя цѣликомъ или отчасти посвящены событіямъ времени Іоанна IV и носятъ различныя заглавія: Никоновская лѣтопись, Царственная Книга, Львовская лѣтопись, Отрывокъ русской лѣтописи, Нормантскаго лѣтописецъ, Подробная лѣтопись, Александро-Невская лѣтопись, Воскресенская, двѣ (вторая и третья) Новгородскія и Псковская первая.

Критическое изученіе и разсмотрѣніе состава этихъ лѣтописей приводитъ, однако, къ противоположному выводу.

„*Русская лѣтопись по Никонову списку*“ была издана подъ такимъ заглавіемъ Императорской Академіей Наукъ въ 1791 году. Ко времени Іоанна относится первыхъ 316 страницъ VII части этой лѣтописи, которая правильно доводится до іюня 1558 г., а затѣмъ

попадаются вразбросъ нѣкоторыя извѣстія за 1571, 1301, 1563, 1558, 1572 и 1577 годы. Издана эта лѣтопись крайне небрежно и съ грубыми опечатками [1]).

Въ составъ Никоновской лѣтописи вошли: 1) посланіе къ царю и великому князю митрополита Макарія (стр. 130—140) и отвѣтъ царя митрополиту (стр. 141); 2) постановленіе о мѣстничествѣ, буквально сходное съ помѣщеннымъ въ Акт. Ист. I, № 154 (стр. 258); 3) приговоръ о кормленіяхъ (стр. 259); 4) разсказъ о вѣнчаніи великаго князя Ивана Васильевича (стр. 50—54), буквально тождественный съ „чиномъ вѣнчанія“ (Госуд. Грам. и Дог. II, № 33), исключая начала: „лѣта ҂ЗЧД году, генваря въ 16 день“, которое измѣнилъ лѣтописецъ такъ: „тояжъ зимы генваря 16“; 5) разрядъ 1558 года (стр. 312), буквально сходственный съ разрядомъ, помѣщеннымъ въ XIII т. Др. Вивл. (стр. 275).

Далѣе, какъ особенность этой лѣтописи, нужно отмѣтить, что большинство извѣстій ея передается въ формѣ донесеній воеводъ и полководцевъ съ поля битвы.

Итакъ, введеніе въ текстъ оффиціальныхъ актовъ и разрядовъ, внесеніе переписки царя и митрополита, форма изложенія событій въ видѣ рапортовъ—все это служитъ доказательствомъ, что эта лѣтопись оффиціальнаго происхожденія, вслѣдствіе чего составителю были доступны государственные акты и переписка государя съ митрополитомъ, или представляетъ только списокъ съ этой оффиціальной лѣтописи.

Разсмотрѣніе Царственной Книги рѣшаетъ эту дилемму.—„*Царственная Книга*, то есть лѣтописецъ царствованія царя Іоанна Васильевича, отъ 7042 году до 7061, напечатанъ съ письменнаго, который сысканъ въ Москвѣ въ Патріаршей Библіотекѣ“. Подъ

---

[1]) Отмѣтимъ главнѣйшія изъ нихъ: 1) «князю Андрею сказываютъ, на великую княгиню, что хотятъ его *поминати*» (стр. 13) вмѣсто понмати (см. Царственную Книгу, стр. 63); 2) «человѣка своего *Чремкостемъ*» (стр. 15) вмѣсто Еремку съ тѣмъ (см. Царств. Кн. стр. 67); 3) «шли многіе люди *круситы сечь со ста* (стр. 21) вм. къ Руси тысечь со ста (Царств. Кн. стр. 80); 4) «згорѣ теремъ и всѣ хоромы на *церкве* и великого князя дворѣ» (стр. 63) вм. царя (Царств. Кн. 149); 5) «кому имъ вѣрити и *на чаяся* руки дати» (стр. 97) вмѣсто на чье ся руки (см. Царств. Кн. 196); 6) «казанцы ни на что иное упражднютца, но токмо *сіе дати* плоти рабъ твоихъ (стр. 102) вмѣсто *снедати* (Царств. Кн. 203); 7) «приговорили на 10 человѣкъ *по топору* (стр. 150) вмѣсто по туру (Царств. Кн. 263); 8) Курбскій названъ Ивановичемъ (стр. 312).

этимъ заглавіемъ князь Щербатовъ издалъ эту лѣтопись въ 1769 г.; доведенная до 1553 года она занимаетъ 347 стр. in—4^{0}. Издатель ея (см. предисловіе) говоритъ, что въ Патріаршей Библіотекѣ онъ нашелъ книгу № 70 въ листахъ съ заглавіемъ: „Лѣтописецъ старинной о Великихъ Князьяхъ“ съ рисовальными фигурами, при чемъ нѣкоторые листы были двойные и тройные. Хотя онъ замѣтилъ, что нѣкоторые листы рукописи были перемѣшаны, но рѣшился все-таки держаться порядка подлинника, а заглавіе „Царственная“ далъ на томъ основаніи, что имъ „во многихъ мѣстахъ на листахъ усмотрѣно старинною же рукою надписаніе“ это.

Эта „Царственная Книга“ есть почти буквально тоже самое, что русская лѣтопись по Никонову списку, съ той только разницею, что въ печатномъ видѣ она доводится до 1553 г., въ то время какъ Ник. лѣт. до 1558 г.

Однако, Царственная Книга значительно полнѣе Никоновской лѣтописи. Такъ, въ послѣдней не находимъ извѣстій: 1) объ освобожденіи Шигъ-Алея изъ заточенія и торжественномъ его пріемѣ при дворѣ правительницею Еленою и малолѣтнимъ великимъ княземъ (стр. 51—58); 2) объ исцѣленіи разслабленной при образѣ Богородицы (стр. 60) и о постройкѣ земляного города въ Стародубѣ (стр. 61); 3) о пожарѣ города Владиміра и его возобновленіи и поставленіи города Велижа (стр. 73—74); 4) о возведеніи на митрополію Іоасафа (стр. 76—77); 5) объ оскорбленіи государя въ Коломнѣ новгородскими пищальниками лѣтомъ 1546 года (стр. 124); 6) о совѣщаніи государя съ митрополитомъ о женитьбѣ и вѣнчаніи на царство (стр. 127—128); 7) о нѣкоторыхъ подробностяхъ московскаго пожара: вышелъ изъ собора митрополитъ въ сопутствіи протопопа Гурія, который несъ правила, а митрополитъ образъ Богородицы письма чудотворца Петра; прошли они къ тайнику, гдѣ протопопъ остался, митрополитъ же былъ спущенъ на взрубъ къ рѣкѣ Москвѣ (стр. 138); 8) о знаменіяхъ и дивахъ на Свіягѣ и въ Казани (стр. 167—169); 9) о продовольствіи войска на пути отъ Мурома подъ Казань (стр. 254); 10) о видѣніи понамаря (стр. 257) и различныхъ другихъ видѣніяхъ св. апостоловъ и святыхъ въ Казани (стр. 273—276); 11) о болѣзни царя и тогдашней боярской смутѣ (стр. 338—347).

Но этимъ не ограничивается отличіе Царственной Книги отъ

Никоновской лѣтописи; многое въ послѣдней пропускается, такъ что разсказъ выходитъ болѣе краткимъ и неопредѣленнымъ.

Такъ, напр., въ разсказѣ о враждѣ между боярами въ малолѣтство царя Никоновская лѣтопись умалчиваетъ о томъ, что Шуйскіе вооружились не только противъ Ивана Бѣльскаго, но и противъ Михаила Тучкова за то, что тѣ совѣтовали великому князю пожаловать въ бояре князя Юрія Голицына, а въ окольничіе—Ивана Хабарова; что въ это дѣло были замѣшаны и дѣйствовали, вѣроятно, противъ партіи Шуйскихъ митрополитъ Даніилъ, поплатившійся лишеніемъ митрополіи, и дьякъ Оедоръ Мишуринъ, которому эта боярская партія приказала отсѣчь голову 21 окт. 1538 г. у тюремъ (стр. 75).

Потомъ, въ дополненіе къ разсказу о ссылкѣ Бѣльскаго въ 1542 г., Царственная Книга сообщаетъ, что раньше Ивана Шуйскаго въ Москву явились его сынъ Петръ и Иванъ большой Шереметьевъ, что къ той же партіи Шуйскихъ тянули кн. Иванъ и Михаилъ Кубенскіе, кн. Дмитрій Палецкій, казначей Иванъ Третьяковъ и новгородцы, что одного изъ совѣтниковъ Бѣльскаго кн. Петра Щенятева взяли изъ комнаты государя заднимп дверями, а Ивана Хабарова предварительно посадили въ погребъ подъ палату на дворѣ Головина, что въ келью митрополита Іоасафа шибали кампями, а за нимъ самимъ приходили съ шумомъ въ комнату государеву (стр. 101—102).

Далѣе, въ дополненіе къ разсказу Никоновской лѣтописи о расправѣ съ Воронцовымъ Царственная Книга передаетъ: способствовали Шуйскимъ Димитрій Курлятевъ, Иванъ Немяка, Иванъ Турунтай—Пронскій и Алексѣй Басмановъ; царь посылалъ митрополита Макарія просить, чтобы отослали Воронцова на службу въ Коломну, но, вопреки желанію Іоанна, отправили Воронцова съ сыномъ въ Кострому, а Ѳома Головинъ наступалъ во время этихъ переговоровъ на мантію митрополита и ее подралъ (стр. 112).

Наконецъ, въ разсказѣ объ умерщвленіи Юрія Глинскаго въ Никоновской лѣтописи пропускаются нѣкоторыя подробности, которыя находимъ въ Царственной Книгѣ: на второй день пожара царь пріѣхалъ навѣстить больнаго митрополита Макарія, а протопопъ Благовѣщенскаго собора Оедоръ Барминъ, Оедоръ Шуйскій, Юрій Темкинъ, Иванъ Оедоровъ-Челяднинъ, Григорій Захарьинъ, Оедоръ

Нагой и другіе объявили, что Москва сгорѣла потому, что чародѣи вынимали человѣческія сердца, мочили ихъ въ водѣ и этой водой кропили улицы; царь приказалъ произвести разслѣдованіе; на пятый день послѣ пожара бояре, въ числѣ которыхъ былъ Юрій Глинскій, собрали чернь и спрашивали, кто зажигалъ Москву; народъ отвѣтилъ, что волхвовала Анна Глинская съ сыновьями; услыша это, князь Юрій поспѣшилъ скрыться въ соборъ, но бояре подстрекнули толпу, которая умертвила несчастнаго въ церкви и вытащила на торговую площадь; на третій день послѣ этого чернь явилась въ Воробьево требовать выдачи Анны и Михаила Глинскихъ (стр. 141—143).

Итакъ, мы видимъ, что Царственная Книга значительно полнѣе и подробнѣе Никоновской лѣтописи. Въ виду того, что текстъ обѣихъ этихъ лѣтописей буквально тождественный, возможно было бы утверждать, что составитель Ник. лѣт. просто переписалъ Царств. Кн., кое-что пропуская, а иное сокращая, но изъ дальнѣйшаго обнаружится преждевременность такого вывода.

Мы уже видѣли, что̀ пропустилъ составитель Никоновской лѣтописи, а теперь покажемъ, какъ онъ сокращалъ:

„*О Устюгѣ.* Тогожъ мѣсяца Апрѣля въ 20 день, повелѣніемъ Великаго Государя Ивана Васильевича всея Руссіи, и его матери Великія Государыни Елены, *здѣланъ градъ Устюгъ древянъ* весь повъ; а рубилъ его Даніила Загрязской".

(Царств. Кн. 61).

„Тоялъ весны здѣланъ градъ Устюгъ древянъ".

(Ник. лѣт. 12).

Опуская всѣ подробности, составитель Никоновской лѣтописи взялъ лишь голый фактъ построенія Устюга. Приведемъ еще другой примѣръ подобнаго же сокращенія:

„*О Ярославскомъ пожарѣ. Тогожъ лѣта*, мѣсяца *іюля* 9 дня, въ недѣлю, въ 8 часъ дни во градѣ Ярославлѣ загорѣлся храмъ *Святаго* Чудотворца *Николы*, и

„Тогожъ лѣта іюля згорѣлъ городъ Ярославль отъ церкви святаго Николы, и поставленъ бысть повъ тогожъ лѣта".

(Ник. лѣт. 12).

отъ того *згорѣ градъ Ярославль* весь, и церкви древяныя внутри города, и дворы погорѣли. И Князь Великій Иванъ Васильевичь всея Руссіи, и мати его великая княгиня Елена велѣли тогожъ мѣсяца на старомъ же мѣстѣ на погорѣломъ градъ Ярославль рубити, и додѣлаша его тогожъ лѣта. *И поставленъ бысть тогоже лѣта* градъ Ярославль древянъ на старомъ мѣстѣ на погорѣломъ".

(Царств. Кн. 62).

Такого рода сокращенія составителя Никоновской лѣтописи имѣютъ за себя оправданіе свою основательность и правильность, но въ большинствѣ случаевъ эти сокращенія производятся механически, т. е. просто пропускаются цѣлыя предложенія и отдѣльныя слова. Поступая такимъ образомъ съ разсказомъ о боярскихъ раздорахъ, составитель Никоновской лѣтописи лишаетъ насъ, какъ мы видѣли, интересныхъ подробностей, но иногда вслѣдствіе подобнаго механическаго сокращенія онъ впадаетъ въ грубыя ошибки, напр.:

„пріидоша послы Великаго Государя Ивана Васильевича всея Руссіи отъ Жигимонта короля Польскаго Василей Григорьевичь Морозовъ, да Ѳедоръ Семеновичь Воронцовъ, да дьякъ посникъ Губинъ съ грамотою перемирною".

(Царств. Кн. 109).

„пріидоша послы Великаго Князя Ивана Васильевича всея Руссіи отъ Жигимонта короля польскаго Василей Григорьевичь Воронцовъ (?), да дьякъ Посникъ Губинъ съ грамотою перемирною".

(Ник. лѣт. 38).

Однако, не смотря на все это, невозможно въ Никоновской лѣтописи видѣть только плохой списокъ Царственной Книги, потому что въ послѣдней видимъ, по сравненію съ текстомъ первой, нѣкоторую неполноту хотя, впрочемъ, ничтожную: 1) на стр. 36 пропущены 3 строки о звѣздахъ, падавшихъ на землю послѣ кончины великаго князя Василія (Ник. лѣт. 1); 2) на стр. 86 не упоми-

нается объ отправленіи дьяка Ивана Курицына къ воеводамъ съ увѣщаніемъ, чтобы розни между ними не было и чтобы берегли берегъ отъ хана (Ник. лѣт. 25); 3) по разсказу Царственной Книги (стр. 158), самъ царь въѣхалъ на Круглую гору съ 30 человѣками и разсмотрѣлъ удобство этой горы, а въ Ник. лѣт. (стр. 69—70) говорится, что царь совѣтовался съ Шигъ-Алеемъ, воеводами и казанскими князьями о мѣстѣ, гдѣ бы поставить городъ, и Шигъ-Алей съ князьями показали Круглую гору; 4) на стр. 166 не упоминается, что при нападеніи на казанскій посадъ Петра Серебрянаго русскіе побили много татаръ, а казанцы убили Михаила Зачесломскаго и двухъ Стромиловыхъ, захвативши въ плѣнъ Афанасія Скоблева, сотскаго стрѣлецкаго, съ 5 стрѣльцами (Ник. лѣт. 77).

Кромѣ того, замѣчается различіе въ толкованіи нѣкоторыхъ событій: напр., Царств. Кн. (стр. 38) говоритъ, что 19 авг. былъ схваченъ Михаилъ Глинскій, потому что захотѣлъ „держати великое государство Россійскаго царства“, и скоро умеръ, но въ Ник. лѣт. сказано, что онъ схваченъ по обвиненію въ томъ, что далъ великому князю зеліе пити въ болѣзни, отъ котораго будто послѣдній и умеръ (стр. 3).

Буквальное тождество текста Царственной Книги и Никоновской лѣтописи, при существованіи отмѣченныхъ пропусковъ и различій и въ той, и въ другой, приводитъ къ заключенію, что *объ эти лѣтописи представляютъ списки съ оффиціальной московской лѣтописи*, при чемъ, какъ оказывается изъ произведеннаго изслѣдованія о составѣ ихъ, Царственная Книга значительно полнѣе, такъ какъ составитель Ник. лѣт. изложилъ сокращенно боярскіе раздоры, опуская всѣ тѣ подробности, какія ярко обрисовываютъ неистовства партіи Шуйскихъ и униженіе царя, и ни словомъ не обмолвился объ участіи боярской интриги въ умерщвленіи Юрія Глинскаго, совершенно пропуская разсказъ о боярскихъ спорахъ во время болѣзни царя.

Все это заставляетъ видѣть въ составителѣ Ник. лѣт. человѣка, сочувственно относящагося къ боярамъ: разсказывая, напр., о казни въ Коломнѣ Кубенскаго и Воронцовыхъ, онъ не считаетъ нужнымъ говорить о мотивахъ казни (оскорбленіе государя пищальниками), а сообщаетъ только, что „по діаволю дѣйству оклеветалъ ложными словесы“ бояръ дьякъ Василій Захаровъ, котораго онъ иронически называетъ Гнилѣевымъ, намекая вѣроятно, на подлость этого дьяка (Ник. лѣт. 49).

Хотя издатель Царств. Книги замѣтилъ, что листы ея сильно перемѣшаны, но при печатаніи рабски держался порядка подлинника, вслѣдствіе чего въ его изданіи необходимо произвести слѣдующія поправки: стр. 98—100 отъ словъ „тогожъ мѣсяца 25“ до „пожаловалъ князь“ слѣдуетъ внести на 107 стр. и помѣстить послѣ 1-го пункта, а въ конецъ 160 стр. внести стр. 105 106 отъ словъ „тояже зимы“ до „тогоже мѣсяца 14“, два же послѣднихъ пункта на стр. 347 совершенно выбросить, ибо это повтореніе помѣщеннаго на стр. 142, а также 4 пункта на предыдущей страницѣ, какъ повторяющіеся на стр. 124.

Критическое изученіе состава Львовской лѣтописи и лѣтописца Нормантскаго приводитъ къ подтвержденію нашего заключенія, что въ основу Ник. лѣт. и Царств. Кн. легла не сохранившаяся до насъ оффиціальная лѣтопись.

„*Лѣтописецъ Руской* отъ пришествія Рурика до кончины царя Іоанна Васильевича“ былъ изданъ Н. Л(ьвовымъ) въ 1792 году. Къ царствованію Іоанна относится томъ IV, состоящій изъ 456 стр., и томъ V, заключающій въ себѣ 315 стр. in—16.

Начало этой лѣтописи значительно отличается отъ Никоновской и Царственной Книги въ томъ отношеніи, что изобилуетъ извѣстіями о сношеніяхъ московскаго правительства въ малолѣтство Іоанна IV съ восточными, преимущественно татарскими владѣтелями, т. е. съ Казанью, крымскимъ ханомъ, ногайскими мурзами и астраханскимъ ханомъ. Кромѣ того, въ этой же части Львовской лѣтописи встрѣчаемъ слѣдующія отличія и добавленія, сравнительно съ Никоновской лѣт. и Царственной Книгой: 1) описаніе ареста Юрія Ивановича выставляется дѣломъ боярской интриги, дѣломъ лукавства Андрея Шуйскаго, который самъ задумалъ бѣжать къ Юрію, и, когда это ему не удалось, оклеветалъ самого Юрія (стр. 6—10); 2) правильнѣе распредѣлены извѣстія о постановленіи города Себежа и другихъ событіяхъ этого похода, ибо разсказаны въ хронологической послѣдовательности: сначала постановка Себежа, а потомъ взятіе города Стародуба литовцами (сравни Льв. лѣт. IV, 41—50 съ Ник. лѣт. 9—10 и Царств. Кн. 49—51); 3) упомянуто, что Михаилъ Глинскій умеръ 15 сен. 1536 года; 4) сообщается, что Шуйскіе и ихъ единомышленники схватили 9 сен. 1537 года кн. Ивана Овчину-Телепнева-Оболенскаго и „уморища его голодомъ и тяжестію

желѣзною", а сестру его постригли (Льв, IV, 105); 5) указано, что въ апр. 1538 г. были выпущены изъ тюрьмы Иванъ Бѣльскій и Андрей Шуйскій и пожалованы въ бояре, а Василій Шуйскій женился на двоюродной сестрѣ царя, Анастасіи Петровнѣ (Льв. IV, 106).

Это различіе въ изложеніи прекращается съ 150 стр. IV тома, и извѣстія съ 1548 года тѣ же, что̀ встрѣчаемъ въ Ник. лѣт. съ 32 стр., или, выражаясь правильнѣе, Львовская лѣтопись, начиная съ этого пункта, буквально сходствуетъ съ Никоновской, представляя лишь нижеслѣдующія отличія и неправильности: 1) на стр. 156 Львовской „Казанскихъ" вмѣсто К. Никоновской (стр. 35), что̀ значитъ 20; 2) пропущено извѣстіе объ отправленіи въ Казань Ник. Чувашова съ предложеніемъ переговоровъ, отпускѣ въ Новгородъ архіепископа Ѳеодосія и прибытіи изъ Крыма Кашина съ Токмачемъ (срав. Льв. IV, 156 и Ник. 35—36); 3) при описаніи вѣнчанія на царство Іоанна пропущенъ возгласъ и молитва митрополита (срав. Льв. IV, 186—187 и Ник. 52); 4) пропущено размышленіе о томъ, что пожаръ произошелъ въ наказаніе за грѣхи, а также слова: „и отъ того царь и великій князь пріиде во умиленіе и нача многіе благіе дѣла строити" (срав. Льв. IV, 197—198 и Ник. 58—59); 5) не сказано, когда извѣстили царя и кто былъ убитъ изъ дворянъ подъ Казанью (срав. Льв. IV, 204 и Ник. 62); 6) возрастъ умершей царевны Анны исчисленъ различно: въ Никоновской (стр. 70)—„году безъ двадцати день и безъ единаго", а во Львовской (стр. 219)—„сорокъ девять недѣль"; 7) опущены слова—„Ивану Васильевичу Шереметеву, да" (Ник. 92), вслѣдствіе чего вышло—„боярину своему Алексѣю Адашеву" (Льв. IV, 259), что̀ составляетъ грубую ошибку; 8) пропущены слова: „Пронской, да князь Дмитрій Ивановичъ" (Ник. 114), вслѣдствіе чего въ росписи передоваго полка при движеніи на Казань получилась путаница (Льв. IV, 302); 9) въ разсказѣ о крещеніи казанскаго царя Семеона во Львовской (V, 7): „а несъ протопопъ", но въ Ник. (стр. 300): „Амосъ протопопъ"; 10) царь приказалъ собрать съ Ливоніи по Льв. лѣт. (V, 38) „старые золотые", а въ Ник. правильно „залоги" (стр. 216); 11) въ приговорѣ 1550 г. сказано, что дѣтямъ боярскимъ съ воеводами „безвѣсть ходити" (Льв. V. 121), а въ Ник. правильно „безъ мѣстъ" (стр. 258); 12) на стр. 148

поставлены точки, ибо пропущено слово „козаковъ“ (Ник. 272); 13) вставленъ разсказъ о набѣгѣ крымскаго царевича на литовскую землю, Волынь и Подолію (срав. Льв. V, 195 и Ник. лѣт. 296); 14) большой пропускъ Ник. лѣт. (стр. 311), означенный черточками, воспроизводится во Льв. лѣт. (V, 223—225).

Замѣчательно, что это буквальное почти сходство начинается съ того пункта, гдѣ на стр. 32 Никоновской лѣтописи обрывается лѣтопись Воскресенская (П. С. Р. Л. VIII, 285—301), Карамзинскій списокъ которой, по замѣчанію ея издателя А. Ѳ. Бычкова, „совершенно сходенъ съ Никоновскою лѣтописью“ (VIII, 301), а это равнымъ образомъ указываетъ на то, что *существовало множество списковъ одной и той же лѣтописи*, обрывающихся на томъ или другомъ году [1]).

Какъ мы указывали, Никоновская лѣтопись прерывается на изложеніи іюньскихъ событій 1558 года, такъ что страницы 150—456 четвертаго тома Львовской лѣтописи и 1—229 пятаго соотвѣтствуютъ страницамъ 32—312 Никоновской лѣтописи, но Львовская, продолжаясь тамъ, гдѣ обрывается первая, излагаетъ событія конца 1558 года, а затѣмъ всего 1559 и половины 1560 года, такъ что дополняетъ Ник. лѣт. изложеніемъ событій двухъ цѣлыхъ годовъ.

Въ виду всего вышесказаннаго, приходимъ къ заключенію, что 1) Львовская лѣтопись также представляетъ списокъ съ московской оффиціальной лѣтописи, 2) что съ стр. 150 четвертаго тома начинается то сокращеніе оффиціальной лѣтописи, которое видимъ въ Никоновской, но 3) это сокращеніе въ изданіи Львова продолжается на два года дальше, чѣмъ въ Никоновской лѣтописи.

Нѣкоторый варіантъ этой не дошедшей до насъ оффиціальной московской лѣтописи представляетъ лѣтописецъ Нормантскаго, изданный И. Бѣляевымъ въ Врем. Имп. Общ. Ист. и Древн. (кн. V, 1850 г.) подъ заглавіемъ: „*Книга глаголемая Лѣтописецъ Ѳедора Кириловича Норьмантскаго*“. Лѣтописецъ этотъ занимаетъ 148 стр. in—8, изъ которыхъ до царствованія Ивана IV не относится первыхъ 28 страницъ.

---

[1]) Карамзинъ цитировалъ въ 8-мъ томѣ своей исторіи рукописную лѣтопись Синодальной библіотеки подъ № 351. По словамъ А. Викторова, эта лѣтопись, значащаяся теперь подъ № 486, въ большей части своего состава буквально согласна съ Царственною Книгою и Никоновской лѣтописью. См. «Лѣтопись занятій Археограф. Ком.» вып. V, отд. IV (протоколы), стр. 165—166.

Если будемъ сравнивать этотъ лѣтописецъ съ Никоновскою лѣтописью, то легко убѣдимся, что онъ представляетъ безсмысленное сокращеніе оффиціальной лѣтописи, и это сокращеніе производится вполнѣ механически: пропускаются слова, предложенія и цѣлыя страницы. Особенно сильно лѣтописецъ Нормантскаго сокращенъ въ той части, которая излагаетъ завоеваніе Казани; къ концу же онъ становится полнѣе, т. е. менѣе сокращаетъ Никоновскую лѣтопись, а именно съ 73 стр., конецъ которой соотвѣтствуетъ 209 стр. Ник. лѣт., гдѣ описываются астрахапскія дѣла, и такъ продолжается до 126 стр., середина которой соотвѣтствуетъ 310 стр. Ник. лѣт., т. е. до разсказа о завоеваніи города Сыренска, возлѣ какого пункта, какъ мы указывали, обрывается Ник. лѣт. Начиная съ 126 стр. и до конца этотъ лѣтописецъ является сокращеніемъ той части Львовской лѣтописи, которая, представляя продолженіе Ник. лѣт., начинается съ 223 стр. V тома.

Говоря, что лѣтописецъ Нормантскаго есть сокращеніе Никоновской и Львовской лѣтописей, мы не хотимъ сказать этимъ, что эти двѣ лѣтописи послужили его источниками, такъ какъ и ихъ мы разсматриваемъ, какъ списки оффиціальной московской лѣтописи, которой варіантъ мы видимъ и въ этомъ лѣтописцѣ, но желаемъ лишь указать, что изслѣдователь ничего новаго не узнаетъ изъ Нормантскаго лѣтописца, сравнительно съ Никоновской и Львовской лѣтописями, если не считать сообщенія о томъ, что Семенъ Степановичъ Ярцевъ, личность третьестепенная, упоминаемая вскользь нашими лѣтописями (Ник. лѣт. 285, 95; Льв. лѣт. V 263—264), носилъ добавочную фамилію Нормантскаго, а Афанасій Степановичъ Нормантскій былъ посломъ въ 1557 году къ ногаямъ (Норм. 105).

Издатель говоритъ: „Лѣтописецъ Нормантскаго, какъ принадлежащій къ разряду фамильныхъ лѣтописей, преимущественно заботится объ указаніяхъ на разряды полковъ“ (см. Предисловіе, III), но съ этимъ нельзя согласиться, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ, не называя воеводъ по полкамъ, этотъ лѣтописецъ говоритъ: „и всѣ полки бояря и товарыщи по полкомъ“ (срав. Норм. 61 и Ник. лѣт. 114), или, назвавши имя главнаго воеводы, добавляетъ: „и иныхъ своихъ воеводъ“ (срав. Норм. 54 и Ник. лѣт. 61), а то прибѣгаетъ въ видахъ сокращенія къ такому обороту: „и поидоша кождо своимъ полкомъ: большой полкъ, передовой, правая рука, лѣвая рука, сторожевой полкъ“ (срав. Норм. 43 и Ник. лѣт. 27).

Въ виду всего этого, если нельзя не согласиться съ И. Бѣляевымъ, который въ своей статьѣ „О разныхъ видахъ русскихъ лѣтописей", помѣщенной въ той же книгѣ Временника, признаетъ, что фамильныя лѣтописи, какъ о нихъ онъ могъ говорить, основываясь на изученіи Нормантскаго лѣтописца, „были чрезвычайно небрежны въ изложеніи самыхъ событій, и выписывая ихъ изъ оффиціальныхъ источниковъ или, можетъ быть, и изъ самыхъ Государственныхъ лѣтописей, сокращали иногда даже до безмыслицы", то слѣдуетъ отвергнуть безусловно его мнѣніе, что лѣтописецъ Нормантскаго заботится „преимущественно о подробномъ выписываніи лицъ, участвовавшихъ въ событіяхъ" (Врем. стр. 12).

Издавши совершенно безполезный лѣтописецъ Нормантскаго и видя въ немъ фамильную лѣтопись, Бѣляевъ предполагаетъ, что въ фамильныхъ лѣтописяхъ „проглядываютъ современныя поговорки и прозвища лицамъ" (Врем. стр. 14) и въ доказательство своей мысли ссылается на отзывъ Норм. лѣт. подъ 1541 годомъ о крымскомъ ханѣ, гдѣ тотъ названъ „неоднословымъ". Такъ какъ И. Бѣляевъ, приписывая такія достоинства фамильнымъ лѣтописямъ, свое мнѣніе о нихъ основывалъ на изученіи Нормантскаго лѣтописца, то необходимо замѣтить, что доказательство его неосновательно, ибо цѣликомъ текстъ этотъ находится въ Ник. лѣт. (стр. 20): „А князь великій Иванъ Сафакирѣевъ обычай вѣдаетъ, что Сафакирѣй царь *неоднословенъ*, въ своей правдѣ крѣпокъ не стоитъ, хотя съ великимъ княземъ въ дружбѣ".

Такимъ образомъ, для историка лѣтописецъ Нормантскаго не имѣетъ никакого значенія.

Чтобы указать, насколько полно всѣ вышеуказанныя лѣтописи передавали свой оригиналъ, намъ достаточно сказать о составѣ Подробной лѣтописи и Отрывка Русской Лѣтописи.

„*Подробная лѣтопись* отъ начала Россіи до Полтавской баталіи" была издана въ 1798—99 годахъ въ 4-хъ частяхъ, во второй изъ которыхъ до царствованія Іоанна относятся 83—243 стр. (описаніе взятія Казани), а въ третьей первыя 92 стр. in—8 о „прочихъ военныхъ дѣйствіяхъ со Шведы и Поляки".

По словамъ К. Н. Бестужева—Рюмина, сказаніе о взятіи Казани, изданное въ 1791 году, было напечатано въ другой разъ во второмъ томѣ Подробной лѣтописи, сходство которой въ этой части

съ „Отрывкомъ Русской Лѣтописи", изданнымъ по Воскресенскому списку въ VI томѣ Полн. Собр. Рус. Лѣт., было замѣчено студентомъ Аквилоновымъ [1]).

Дѣйствительно, какъ оказывается при сравненіи Отрывка съ Подробной Лѣтописью, 304—314 страницы печатнаго изданія перваго соотвѣтствуютъ 166—230 страницамъ второй [2]).

Проф. С. М. Шпилевскій, подвергнувъ этотъ вопросъ пересмотру, доказалъ, что Отрывокъ Русской Лѣтописи слѣдуетъ считать самостоятельнымъ и оконченнымъ цѣлымъ, а Казанская исторія, изданная въ 1791 году и вторично напечатанная во второмъ томѣ Подробной Лѣтописи, представляетъ риторическую компиляцію Отрывка съ прибавленіемъ нѣкоторыхъ мѣстъ изъ другихъ источниковъ, почти исключительно изъ Степенной книги [3]).

Этотъ Отрывокъ Русской Лѣтописи, описывая осаду Казани съ меньшими подробностями, чѣмъ вышеуказанные списки оффиціальной лѣтописи, представляетъ нѣкоторыя прибавленія къ нимъ. Укажемъ главнѣйшія изъ нихъ: 1) извѣстіе о томъ, что послѣ отраженія Девлетъ-Гирея митрополитъ, Анастасія и Юрій писали къ царю и просили его возвратиться въ Москву, но Іоаннъ все-таки рѣшился итти подъ Казань (стр. 304—305); 2) помѣщено посланіе митрополита Макарія къ царю подъ Казань; помѣченное 1552 годомъ, оно было привезено около половины сентября митрополичьимъ бояриномъ Иваномъ Плещеевымъ (стр. 307—309); 3) указано количество оставленнаго въ Казани войска и нѣкоторыя подробности возвращенія изъ-подъ Казани (стр. 314—315).

Эти очень существенныя подробности не вошли въ составъ ни

---

[1]) Русская Исторія, стр. 42, примѣч. 30.

[2]) Такъ, напр., соотвѣтствіе страницъ Отрывка Русской лѣтописи, изданной in—folio, и Подробной Лѣтописи слѣдующее: 304 стр. этого Отрывка (П. С. Р. Л. VI)—166 (съ середины), 167 (безъ 13 строкъ вставки), 168, 169 (безъ 11 строкъ снизу) и 170 (до середины); 305—170, 171 (безъ 7 снизу), 172 (безъ 9 сверху и 4 снизу), 173 (безъ 18 сверху), 174 и 175 (до середины); 306=175 (съ середины), 176 и 177; 307—177 (сверху 5 строкъ), 178, 179 (до середины), 181 (снизу 5 строкъ), 182 (сверху 5 строкъ), 183 (сверху 11 строкъ), 186 (безъ 9 сверху) и 187 (безъ 7 снизу); 308—309=187—193; 310=193 (снизу 2 строки), 195 (безъ 2 сверху), 196 (безъ 4 снизу), 197 (безъ 8 сверху) и 198 (до середины); 311=198, (съ середины) до 201; 312—214—215 (безъ 10 снизу), 216 (безъ 5 сверху) и 218 (безъ 13 сверху) 313—219, 220 (безъ 8 снизу), 221 (снизу 8 строкъ); 314—225 (снизу 8 строкъ), 226 (безъ 6 снизу), 228 (снизу 6 строкъ), 229, 230 (сверху 10 строкъ).

[3]) «Древніе города и др. булгарско-татарскіе памятники», стр. 557—565.

одной изъ вышеуказанныхъ лѣтописей, а это наводитъ на мысль, что въ нихъ *дошли далеко не всѣ извѣстія оффиціальной московской лѣтописи.*

Какъ извѣстно, издатель Подробной Лѣтописи П. Львовъ, основываясь на показаніяхъ историка Болтина, приписывалъ составленіе ея Ѳеофану Прокоповичу (т. I, предисловіе), предполагая, что Ѳеофанъ записывалъ слышанныя имъ преданія слово въ слово (т. II, 114).

Если, въ виду вышесказаннаго, приходится отвергнуть предположеніе Львова объ авторствѣ Ѳеофана въ разсказѣ о взятіи Казани, то вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо сказать, что это предположеніе въ приложеніи къ дальнѣйшему тексту Подробной Лѣтописи, имѣетъ за за себя большую долю вѣроятности: 1) что составитель не былъ современникомъ Іоанна, доказывается хотя бы такимъ его замѣчаніемъ: „нѣкоторые повѣствуютъ, яко бы незадолго предъ кончиною воспріялъ на себя чинъ монашескій“ (III, 83); 2) обнаруживается желаніе вступить въ полемику съ „исторій писателями“ (стр. 35) и знакомство съ сочиненіемъ польскаго писателя Кромера [1]); 3) употребляется масса иностранныхъ словъ [2]); 4) составитель весьма расположенъ къ Іоанну и видитъ въ немъ великаго монарха [3]).

Всѣ эти особенности опредѣленно указываютъ, что разсказъ составленъ былъ во время Петра Великаго по разнымъ источникамъ: напр., составитель ссылается на записки капитана Маржерета (стр. 76 и 86) и другихъ „исторій составителей“, съ которыми ведетъ иногда полемику, не называя ихъ по именамъ.

Слѣдовательно, Подробная Лѣтопись, какъ слѣдуетъ изъ всего вышесказаннаго, не заслуживаетъ никакого вниманія изслѣдователя.

---

[1]) «Описатель Польскій Крамерусъ въ одномъ описаніи своемъ показуетъ, что Россіане; еще лучше христіане, какъ нѣкоторые имѣющіеся подъ закономъ Западныя Римскія церкви» (стр. 44).

[2]) Аллiанцъ, кондиціи (стр. 32), инструкція, аффенсивъ и дефенсивъ, аммуниція (стр. 26), фортуна (стр. 18), офицера (стр. 53), резолюція (стр. 65), провіантъ (стр. 69), командиръ (стр. 70), на акордъ сдался (стр. 72), потентаты (стр. 74) и т. д.

[3]) Приводимъ его отзывъ: «такого въ свѣтѣ Великаго Монарха, какого имѣла Россія, лишилась, но дѣла его великія и славныя въ другихъ государствахъ изъ памяти людей въ родъ и родъ не забыты будутъ, яко такой раздраннаго Государства тогда бывшимъ своевольствомъ Россійскимъ народомъ воедино обладаніе въ самодержавную свою власть и силу пришелъ, и вымышляемыя на него отъ подданныхъ всякія измѣны своимъ остроуміемъ превзошелъ» (стр. 84).

Итакъ, критическое изученіе вышеуказанныхъ всѣхъ лѣтописей привело насъ къ выводу, что *при московскомъ дворѣ велась оффиціальная лѣтопись, недошедшая до насъ, ибо сохранились лишь ея списки,* и что матеріалами для ней служили государственные акты, рапорты воеводъ и переписка высокопоставленныхъ лицъ.

Дѣйствительно, при Московскомъ государственномъ архивѣ составлялась оффиціальная лѣтопись, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ самого государя.

Основываясь на совпаденіи перерывовъ лѣтописнаго изложенія на февральскихъ событіяхъ 1560 года по одному варіанту московской оффиціальной лѣтописи (Львовская лѣтопись) и на августовскихъ событіяхъ 1568 года по другому (Александро-Невская лѣтопись) [1]) съ моментами опалы царской на Алексѣя Адашева и Ивана Висковатаго, въ завѣдываніи которыхъ находился государственный архивъ, и принимая во вниманіе свидѣтельство „Описи царскаго архива“, что у Алексѣя Адашева въ Дерптѣ послѣ его смерти были взяты копіи лѣтописца новыхъ лѣтъ, можно, какъ кажется, притти къ заключенію, что при Іоаннѣ оффиціальную лѣтопись, списки которой дошли до насъ подъ различными наименованіями, составлялъ Алексѣй Адашевъ, а послѣ его паденія Иванъ Висковатый [2]).

Такимъ образомъ, оказывается, что московская лѣтопись не сохранилась для періода времени отъ февраля 1560 по февраль 1563 года и для всего послѣдующаго времени царствованія Іоанна, начиная съ 1568 года, если не считать жалкихъ обрывковъ, встрѣчаемыхъ въ Никоновской лѣтописи (отдѣльныя извѣстія за 1571, 1572 и 1577 годы).

---

[1]) Въ ящикѣ 224 архива царскаго (см. Опись въ I т. Акт. Арх. Эксп. № 289) сохранились «списки, что писати въ Лѣтописецъ», въ которыхъ были «лѣта новыя прибраны отъ лѣта 7068 до лѣта 7074 и до 76», т. е. отъ 1560 до 1568 года (августа) по тогдашнему лѣтосчисленію. Находившаяся въ 224 ящикѣ архива лѣтопись начиналась съ того времени, до котораго доведена была львовская лѣтопись, обрывающаяся, какъ извѣстно, на февральскихъ событіяхъ 1560 года, и кончалась на изложеніи августовскихъ 1568 года событій, на которыхъ прерывается Александро-Невская лѣтопись (издана въ III т. Рус. Ист. Библ.). Совпаденіе это служитъ, по нашему мнѣнію, доказательствомъ того, что такъ называемая Александро-Невская лѣт. есть обрывокъ лѣтописи, хранившейся въ 224 ящикѣ архива, т. е. доказательствомъ, что она есть также списокъ оффиціальной лѣт.

[2]) Объ этомъ подробнѣе въ нашей статьѣ «Московскій государственный архивъ», стр. 11—14 (Унив. изв. 1889 года и отдѣльно).

До нѣкоторой степени этотъ недостатокъ восполняется Новгородской Второй лѣтописью (П. С. Р. Л. Ш, 121—174), указывающей на нѣкоторыя обстоятельства, дополняющія исторію Іоанна IV въ эпоху опричнины, Новгородской Третьей лѣтописью (П. С. Р. Л. Ш, 207—279), одна изъ повѣстей которой подробно разсказываетъ о разгромѣ царемъ Новгорода, и Псковской Первой лѣтописью (П. С. Р. Л. IV), но все-же эти лѣтописи интересуются преимущественно дѣлами мѣстными и только вскользь указываютъ на общегосударственныя событія и отношенія.

Эта скудость источниковъ политической исторіи XVI вѣка невольно привлекаетъ вниманіе изслѣдователя на сочиненія князя Курбскаго, современника Іоанна Грознаго.

Какъ извѣстно, кромѣ переводовъ [1]), изъ сочиненій Курбскаго въ настоящее время открыты и изданы слѣдующія:

1) „Исторія Князя Великаго Московскаго о дѣлѣхъ, яже слышахомъ у достовѣрныхъ мужей и яже видѣхомъ очима нашима“; 2) Переписка съ царемъ (четыре письма къ нему); 3) письма къ разнымъ лицамъ: три Константину Острожскому, одно Марку Сарыгозину, два Козьмѣ Мамоничу (бурмистру виленскому), одно Кадіану Чаплію, два Ѳедору Бокею Печихвостовскому, одно княгинѣ Черторижской, одно Древинскому, одно Евстафію Воловичу, одно Семену Сѣдлару (мѣщанину львовскому), одно Вассіану (иноку Псково-

---

[1]) Шесть бесѣдъ Іоанна Златоуста, нѣсколько отрывковъ изъ исторіи Евсевія, діалогъ патріарха Геннадія, два отрывка изъ Дамаскина и Исторія Флорентійскаго Собора—вотъ все, какъ думали, что сохранилось отъ огромной переводной дѣятельности Курбскаго (см. статью Петровскаго въ Зап. Каз. Унив. 1873, № 4, стр. 713—714, 738—742), но какъ оказывается изъ описанія рукописи Моск. Рум. Музея, изъ собранія Ундольскаго № 187, сохранилась значительнѣйшая часть «Новаго Маргарита» (начиная съ 112 листа, продолженіемъ 29 главы), прерывающагося въ руко иси на 101 главѣ: главы 90—95 посвящены переводу житія Златоуста, составленнаго Эразмомъ Ротердамскимъ, «сказу» самого Курбскаго и переводу дополнительныхъ къ житію Златоуста свѣдѣній изъ хроники Никифора Каллиста, а всѣ остальныя главы этого сборника въ томъ видѣ, какъ онъ сохранился, представляютъ переводъ различныхъ словъ и бесѣдъ Златоуста (см. Приложенія къ изслѣдованію А. Архангельскаго «Очерки изъ исторіи западно-русской литературы», помѣщенному въ 1 книгѣ Чтеній Московск. Общ. Ист. за прошлый годъ, стр. 2, 15, 24—26).

Кромѣ того, какъ доказалъ А. Архангельскій въ своемъ изслѣдованіи «Творенія отцовъ церкви въ древне-русской письменности», князю Курбскому принадлежитъ въ дошедшихъ спискахъ переводъ Богословія, Діалектики и другихъ 7 сочиненій Дамаскина, почерпнутыхъ отчасти изъ его фрагментовъ (см. Журн. Мин. Нар. Просв. 1888 г. № 8, стр. 258, 260—262).

печерскаго монастыря, два княгинѣ Збаражской, [1]) одно неизвѣстному въ Дерптъ [2]) и три также неизвѣстнымъ лицамъ [3]); 4) предисловіе къ Новому Маргариту [4]); 5) предисловіе къ книгѣ Дамаскина „Небеса“ [5]) и 6) примѣчанія (на поляхъ) къ переводу твореній Іоанна Златоуста и Дамаскина [6]).

Хотя во всѣхъ этихъ произведеніяхъ пера Курбскаго разсыпаны любопытныя замѣчанія, уясняющія жизнь и характеръ самого автора, но для историка наиболѣе важна его „Исторія Князя Великаго Московскаго“ и отчасти переписка съ Іоанномъ [7]).

Не подлежитъ сомнѣнію, что при критическомъ изученіи произведеній писателя въ высшей степени важно знать какъ взгляды, такъ и симпатіи его, потому что иначе останется открытымъ вопросъ, насколько историкъ можетъ довѣрять сообщаемымъ свѣдѣніямъ; напротивъ, при знакомствѣ съ политическими и другими воззрѣніями писателя, изслѣдователь опредѣленно и отчетливо можетъ указать, что̀ должно подлежать критической провѣркѣ, и что̀ возможно принять почти безусловно.

Такъ какъ воззрѣнія и характеръ человѣка неотразимо складываются подъ вліяніемъ воспитанія и окружающей обстановки, а симпатіи и расположенія общественнаго и государственнаго дѣятеля находятся въ зависимости отъ того, служенію какой идеѣ или напра-

---

[1]) Всѣ эти сочиненія Курбскаго изданы Устряловымъ въ «Сказаніяхъ князя Курбскаго» (изданіе третье въ 1868 году).

[2]) Издано Сахаровымъ въ «Москвитянинѣ», 1843, № 9.

[3]) Помѣщены въ «Православномъ Собесѣдникѣ», 1863 г. часть II, кн. V—VIII. Эти три посланія были указаны Строевымъ въ »Рукописяхъ слав. и россійскихъ, принадлеж. Царскому» (см. Петровскій, стр. 713—714).

[4]) Открытое проф. Н. Иваниševымъ оно было имъ издано въ сборникѣ актовъ: «Жизнь князя Курбскаго въ Литвѣ и на Волыни», II, 303—315, а перепечатано Устряловымъ въ Сказ. Курб. 269—278 и А. Архангельскимъ въ Приложеніяхъ къ «Очерк. ист. зап.-рус. лит» (въ Чт. Общ. Ист. и Древ. 1888 № 1, стр. 7—15).

[5]) Издано княземъ Оболенскимъ въ «Библіографическихъ Запискахъ», 1858 г. № 12 стр. 358—366.

[6]) Изданы А. Архангельскимъ въ Приложеніяхъ къ «Очеркамъ и пр.» стр. 27—36, 88—128.

[7]) О жизни и сочиненіяхъ Курбскаго имѣется въ русской исторической литературѣ сочиненіе Сергѣя Горскаго, озаглавленное «Жизнь и историческое значеніе князя Андрея Михайловича Курбскаго», но это изслѣдованіе написано крайне тенденціозно, и мы рѣшились просто игнорировать его существованіе, не желая вступать на каждомъ шагу въ полемику, которая повела бы къ удвоенію (не въ интересахъ дѣла) размѣра нашего собственнаго изслѣдованія: пусть сами факты говорятъ за себя. Замѣтимъ, кстати, что въ сочиненіи З. Опокова «Князь Курбскій» (Унив. Изв. 1872 г.) представлена справедливая оцѣнка этой работы С. Горскаго.

вленію онъ посвящаетъ свою жизнь и дѣятельность, то изслѣдователь, если онъ желаетъ подвергнуть критическому разсмотрѣнію достовѣрность извѣстій писателя, необходимо долженъ предварительно обозрѣть его жизнь и дѣятельность. Когда это будетъ произведено, то сами собою объяснятся и воззрѣнія, и симпатіи писателя, т. е. та точка зрѣнія, съ которой онъ разсматривалъ изображаемыя имъ историческія событія.

Въ виду всѣхъ этихъ соображеній, наше изслѣдованіе, написанное на тему: „*Сочиненія князя Курбскаго, какъ историческій матеріалъ*“, будетъ состоять изъ двухъ частей: въ первой изъ нихъ мы представимъ обозрѣніе жизни Курбскаго и характеристику его церковно-политическихъ воззрѣній, во второй же подвергнемъ историко-критическому разбору „Исторію Князя Великаго Московскаго“, привлекая при этомъ и другія его произведенія.

I.

Жизнь Курбскаго.

Родоначальникомъ своимъ князь Андрей Курбскій считалъ потомка въ 6-омъ колѣнѣ Владиміра Мономаха, Ѳеодора Ростиславича [1]), мощи котораго въ XVI вѣкѣ покоились въ одномъ изъ монастырей Ярославля [2]). Внукъ Ѳеодора Ростиславича Василій Давыдовичъ, по прозванію Грозный, въ XIV столѣтіи правилъ Ярославлемъ съ титуломъ великаго князя; сынъ его Василій и внукъ Ѳеодоръ, родоначальникъ князей Пѣнковыхъ, носили тотъ же ти-

---

[1]) Сказанія Курбскаго (изд. 3-е), стр. 84, 133. Курбскій ошибался, считая Ѳеодора Ростиславича правнукомъ Владиміра Мономаха (стр. 84). Хотя исторія Смоленскаго княжества въ XIII вѣкѣ довольно темна, но мы достовѣрно знаемъ, что въ началѣ этого вѣка въ Смоленскѣ княжилъ Мстиславъ Давыдовичъ (1223—1231), извѣстный договоромъ съ Ригою. Младшимъ изъ трехъ внуковъ этого Мстислава Давыдовича, правнука Мстислава, старшаго сына Владиміра Мономаха, былъ Ѳеодоръ Ростиславичъ, получившій въ удѣлъ Можайскъ. Такъ какъ братья притѣсняли его, то онъ удалился въ Суздальскую землю, гдѣ, женившись на Маріи, единственной дочери Василія Всеволодовича, наслѣдовалъ Ярославль. Только послѣ смерти братьевъ Ѳеодору удалось занять великокняжескій столъ въ Смоленскѣ (торговый договоръ съ нѣмцами 1284 года былъ заключенъ имъ), но недолго на немъ онъ усидѣлъ: по крайней мѣрѣ, знаемъ, что въ 1298 г. онъ предпринималъ уже противъ племянника своего Александра Глѣбовича, завладѣвшаго Смоленскомъ, походъ, окончившійся полною неудачею (Бестужевъ-Рюминъ, Русская Исторія т. I, стр. 179 и 431). Вѣроятно, этого князя не любили въ Смоленскѣ, и онъ прибѣгалъ къ насильственнымъ мѣрамъ: «князь Ѳеодоръ Ростиславичъ, прародитель вашъ, пишетъ царь Курбскому, въ Смоленскѣ колико крови проліялъ есть!» (Сказанія Курбскаго, стр. 146). По разсказу позднѣйшихъ лѣтописцевъ, не улыбалось счастье этому князю и въ Ярославлѣ, который онъ получилъ по смерти тестя, послѣдовавшей въ 1294 г.: когда умерла княгиня Марія, его жена, народъ объявилъ княземъ ея сына Михаила, а Ѳеодоръ вынужденъ былъ удалиться въ Орду, гдѣ женился на влюбившейся въ него дочери хана, который по смерти Михаила посадилъ Ѳеодора Ростиславича въ Ярославлѣ княземъ (Прим. 136 Устрялова къ Сказаніямъ и Родословная Книга во Временникѣ Москов. Общ. Ист. кн. X, стр. 54).

[2]) Сказанія Курбскаго, стр. 120.

тулъ [1]), но въ концѣ XIV и въ XV вѣкѣ родъ Ѳеодора Ростиславича развѣтвился [2]), и родичи раздробили Ярославское княжество на множество ничтожныхъ и мелкихъ отчинъ, владѣтели которыхъ одинъ за другимъ переходили на службу московскаго великаго князя и становились въ ряды его боярства.

Въ половинѣ XV вѣка, въ правленіе Іоанна III, явились ко двору московскаго государя и Курбскіе въ лицѣ правнука Василія Грознаго, кн. Семена Ивановича [3]), который первый сталъ носить эту фамилію [4]), и заняли среди московскаго служилаго класса видное мѣсто [5]).

Внукъ перваго Курбскаго и дѣдъ нашего князя Андрея Михайловича, князь Михаилъ Ѳеодоровичъ Карамышъ былъ въ 1500 году въ Казани первымъ воеводою, въ 1502 году въ походѣ на Ливонію начальствовалъ лѣвой рукой, а въ 1506 году, когда великій князь посылалъ на Казань войска, начальствовалъ передовымъ полкомъ и стоялъ на Камѣ. Семенъ Ѳеодоровичъ, братъ Карамыша, въ 1508 году начальствовалъ передовымъ полкомъ въ походѣ на Литву [6]), а значительно раньше, въ 1499 году онъ же съ двумя другими воеводами (Петромъ Ушаковымъ и Заболоцкимъ-Бражникомъ), начальствуя 5-тысячнымъ отрядомъ, участвовалъ въ удачномъ походѣ противъ инородцевъ, живущихъ между рѣками Печорою и Обью,

---

[1]) Родословная книга, стр. 55.

[2]) Устряловъ говоритъ, что потомство Василія Грознаго раздѣлилось на 40 поколѣній (Сказанія, стр. VII). Въ Родословной книгѣ показаны происшедшими изъ рода князя Ѳеодора Ростиславича: Сицкіе, Моложскіе, Прозоровскіе, Шуморомскіе, Ушатые, Дуловы, Шйковы, Романовичи, Курбскіе, Юхотскіе, Кубенскіе, Шастуновы, Засѣкины, Шаховскіе, Щетинины, Охлябины, Дѣевы, Вѣкошкины, Зубатые, Морткины, Львовы, Шехонскіе, Весчестьевы-Хворостины, Алабышевы, Троекуровы, Алешкины, Сисѣевы, Гагины, Заозерскіе и т. д. См. Родословную книгу (Временникъ, X), стр. 54—57.

[3]) Разряды, рукопись В. И. Григоровича, листъ 29 см. соч. С. Горскаго, стр. 20. Въ Родословной книгѣ сказано: «А у Князя Ивана Васильевича Ярославскаго 5 сыновъ: князь Романъ, да князь Олександръ бездѣтенъ, да князь Василій княжъ Давыдовъ дѣдъ Хромого, да князь Воинъ удѣлъ его былъ Курба, да князь Семенъ Курбскій». См. Временникъ кн. X, стр. 55.

[4]) По словамъ Герберштейна (см. сборникъ Старченскаго Historiae Ruthenicae Scriptores Exteri, t. I, pp. 53, 57), Курбскіе заимствовали свою фамилію отъ названія родовой отчины Курбы (a Kurba patrimonio suo Kurbski dictus). Село Курба лежитъ въ 25 верст. отъ Ярославля, при рѣчкѣ Курбицѣ. (Статья М. Петровскаго въ Зап. Казан. Унив. 1873, № 4, стр. 721, прим. 18).

[5]) В. Ключевскій, «Боярская Дума Древней Руси», стр. 237.

[6]) «О службахъ и походахъ боярскихъ» въ Отеч. Зап. 1830, часть 44, стр. 28, 30, 33, 35.

въ страны Вогуличей и Югры, съ которыми мужественно и счастливо незадолго до того воевалъ его отецъ [1]).

Съ княземъ Семеномъ Ѳеодоровичемъ былъ знакомъ баронъ Герберштейнъ и разспрашивалъ его о походѣ на Югру [2]). Благодаря этому обстоятельству, мы имѣемъ характеристику этого перваго боярина [3]) изъ рода Курбскихъ: „Семенъ Ѳеодоровичъ, говоритъ баронъ Герберштейнъ, отъ наслѣдственной вотчины Курбы названный Курбскимъ, былъ человѣкъ старый, измученный необыкновенно строгой и воздержанной жизнью, которую онъ велъ съ юности; воздерживаясь въ теченіе многихъ лѣтъ отъ употребленія мяса, онъ ѣлъ рыбу лишь по воскресеньямъ, вторникамъ и субботамъ, а по понедѣльникамъ, средамъ и пятницамъ въ постъ воздерживался и отъ рыбы“ [4]).

Когда Василій Ивановичъ задумалъ развестись съ первою своею женою, этотъ почтенный и благочестивый бояринъ не побоялся высказаться противъ намѣренія своего государя и за это подвергся опалѣ [5]).

Объ отцѣ нашего писателя извѣстно мало: Михаилъ Михайловичъ Курбскій, племянникъ князя Семена, сынъ Михаила Карамыша, какъ видно изъ приписки, сдѣланной на полѣ рукописи письма кн. Курбскаго къ царю, былъ женатъ на Маріи, дочери Михаила Васильевича Тучкова [6]), отъ которой имѣлъ сыновей Андрея и Ивана [7]). Горскій, на основаніи рукописи разрядовъ проф. Гри-

---

[1]) Карамзинъ, Исторія Государства Россійскаго, т. VI, стр. 177. Замысловскій, «Герберштейнъ и его историко-географическія извѣстія о Россіи», стр. 434—436.

[2]) Rerum Moscovitarum Commentarii, p. 57 (у Старчевскаго); Замысловскій, стр. 55; Сказанія, стр. 5.

[3]) Такъ, по крайней мѣрѣ, можно предполагать, основываясь на томъ, что въ Послужномъ спискѣ (Древняя Россійская Вивліоѳика Новикова, т. XX) до 1515 года, когда было сказано боярство Семену Ѳедоровичу, Курбскіе не упоминаются.

[4]) Герберштейнъ, pp. 53—54.

[5]) Сказанія Курбскаго, стр. 5. Умеръ Семенъ Ѳедоровичъ въ 1527 году (Древн. Вивл. т. XX, стр. 23).

[6]) Примѣч. 313 Устрялова къ Сказаніямъ Курбскаго.

[7]) Родословная книга во Врем. X, стр. 57. Карамзинъ (т. VIII, стр. 112), описывая подвиги Курбскихъ подъ Казанью, называетъ Ивана Романомъ (Устряловъ въ Сказаніяхъ, стр. VIII). Петровскій же утверждаетъ, не оговариваясь, что у Михаила Михайловича Курбскаго было три сына: Андрей, Иванъ и Романъ, о которомъ, по его мнѣнію, говоритъ Андрей Михайловичъ, разсказывая о взятіи Казани (Изв. Каз. Унив. 1873, № 4, стр. 721, прим. 18). Эта путаница въ числѣ сыновей князя Михаила произошла отъ того, что Курбскій не называетъ по имени своего

горовича, сообщаетъ, что кн. Михаилъ въ малолѣтство Грознаго былъ однимъ изъ главнѣйшихъ воеводъ и дѣйствовалъ въ разное время противъ Казани, Крымцевъ и Литвы [1]). Если къ этому мы присоединимъ, что онъ въ 1540 году былъ пожалованъ въ бояре, а спустя 6 лѣтъ умеръ [2]), то вотъ и все, что намъ безусловно достовѣрнаго извѣстно объ отцѣ Андрея Михайловича.

Какъ извѣстно, князь Андрей Михайловичъ Курбскій родился въ 1528 году [3]), и слѣдовательно не могъ подвергнуться непосредственному вліянію своего почтеннаго дѣда, но семейная традиція существовала, и, несомнѣнно, дѣятельность и взгляды его должны были повліять на нашего писателя, который гордился своимъ знаменитымъ дѣдомъ, какъ видно изъ слѣдующаго отзыва: „Изъ свѣтскихъ же вельможъ, пишетъ Курбскій, возбранялъ ему (т. е. великому князю въ дѣлѣ развода) Семенъ, по прозванію Курбскій, изъ роду князей Смоленскихъ и Ярославскихъ; о немъ и его святой жизни не только знаютъ въ Русской землѣ, но и Герберштейнъ, нарочитый мужъ цесарскій и великій посолъ, познакомившійся съ нимъ въ Москвѣ, свидѣтельствуетъ въ своей хроникѣ, которую на латинскомъ языкѣ онъ написалъ, въ бытность свою въ славномъ городѣ Миланѣ“ [4]).

Люди того времени не хуже нашего понимали, какое вліяніе на умственный и нравственный складъ человѣка оказываетъ семья и ея традиціи: „Вы извыкли, пишетъ царь Курбскому, отъ прародителей своихъ чинить измѣну: какъ дѣдъ твой князь Михаилъ Карамышъ съ княземъ Андреемъ Углицкимъ на дѣда нашего, великаго государя Ивана, умышлялъ измѣнные обычаи, такъ и отецъ твой князь Михайло съ великимъ княземъ Дмитріемъ внукомъ (Іоанна III) на отца нашего, блаженной памяти великаго государя Василія, многія пагубныя смерти умышлялли; такъ и матери твоей дѣдъ Василій

брата, отличившагося подъ Казанью, но Карамзинъ назвалъ его почему-то Романомъ, а Петровскій присоединилъ этого Романа къ двумъ извѣстнымъ изъ Родословной книги сыновьямъ князя Михаила.

[1]) Горскій, стр. 20. Въ походѣ 1535 года на Литву онъ былъ воеводою передового полка (Никонов. лѣт. VII, 5).

[2]) Древн. Вивл. XX, стр. 30, 33.

[3]) Самъ Курбскій, описывая осаду Казани, которая происходила въ 1552 году, говоритъ, что ему тогда было 24 года отъ рожденія (Сказанія, стр. 18).

[4]) Сказанія, стр. 5.

и Иванъ Тучко многія поносныя и укоризненныя слова дѣду нашему великому государю Ивану износили; также и дѣдъ твой Михайло Тучковъ, на преставленіе матери нашей, великой царицы Елены, дьяку нашему Елизару Цыплятеву много надменныхъ словъ высказалъ... а отцу твоему князю Михайлу гоненія очень много, да и убожества, а измѣны такой, какъ ты не учинялъ“ [1]).

Высказываясь такъ, царь обвинялъ всю родню Курбскаго въ недоброжелательномъ отношеніи къ правящему дому: дѣдъ его Карамышъ умышлялъ на Ивана III „измѣнные обычаи“, а отецъ— „многія пагубныя смерти“ на Василія IV, Тучки же, родня съ материнской стороны, были невоздержаны на языкъ. Положимъ, царь писалъ въ раздраженіи и могъ преувеличивать, но въ пользу того, что Іоаннъ не измышлялъ обвиненій, свидѣтельствуетъ полное на этотъ счетъ молчаніе въ отвѣтныхъ письмахъ Курбскаго, который, въ противномъ случаѣ, не приминулъ бы указать, что царь клевещетъ на его предковъ. Но если мы не можемъ повторить за царемъ, что отецъ Курбскаго умышлялъ на Василія „многія пагубныя смерти“, такъ какъ въ другихъ источникахъ не находимъ никакого намека или указанія на это, то вполнѣ основательно можемъ утверждать, что кн. Михаилъ Михайловичъ въ правленіе отца Іоаннова принималъ участіе въ какихъ-то придворныхъ интригахъ или былъ въ нихъ замѣшанъ и понесъ даже наказаніе, ибо Іоаннъ о немъ прямо говоритъ, что ему было „гоненія много, да и убожества“. Пусть царь преувеличилъ вину, желая уколоть и уязвить своего врага, но самый фактъ наказанія едва ли можетъ подлежать сомнѣнію, хотя бы по одному тому, что, обвиняя предковъ Курбскаго, царь не касается прямого Семена Курбскаго, который открыто высказывалъ свои убѣжденія, не взирая на то, какъ это не нравится государю: если бы царь измышлялъ и клеветалъ на предковъ Курбскаго, то не стоило бы большаго труда приписать какую ни есть измѣну опальному боярину. Въ виду всего этого, не будетъ, кажется, слишкомъ смѣлымъ сказать, что отецъ нашего писателя совсѣмъ не стоялъ вдали отъ борющихся партій. Между тѣмъ, въ литературѣ установилось мнѣніе, что, въ малолѣтство Іоанна, онъ

[1]) Сказанія, стр. 155.

счастливо воевалъ съ врагами отечества и не принималъ участія въ безпорядкахъ внутренняго правленія [1]).

Существованіе подобнаго мнѣнія, основаннаго единственно на молчаніи нашихъ источниковъ, обязываетъ насъ пересмотрѣть событія времени боярскаго правленія, и это тѣмъ болѣе, что среди этихъ событій выросталъ, крѣпъ и развивался нашъ писатель.

Въ 1538 году, 3 апрѣля, во второмъ часу дня, скончалась правительница Елена, и правленіе перешло въ руки бояръ, а 9 апрѣля Василій Шуйскій и его братъ князь Иванъ съ своими единомышленниками, схвативши конюшаго боярина князя Ивана Ѳедоровича Овчину—Телепнева—Оболенскаго, человѣка самаго приближеннаго покойной правительницы, и сестру его Аграфену, мамку великаго князя, посадили ихъ обоихъ „въ палатѣ за дворцомъ у конюшни“, гдѣ князя Ивана уморили голодомъ и оковами, а сестру его послали въ Каргополь и тамъ ее постригли [2]). Въ томъ же мѣсяцѣ были освобождены изъ заточенія князь Иванъ Ѳеодоровичъ Бѣльскій и князь Андрей Михайловичъ Шуйскій [3]). Скоро, однако, въ средѣ бояръ произошла вражда. Осенью, говоритъ лѣтописецъ, начали враждовать Василій и Иванъ Васильевичи Шуйскіе на князя Ивана Ѳеодоровича Бѣльскаго и Михаила Васильевича Тучкова за то, что Бѣльскій и Тучковъ совѣтовали великому князю пожаловать боярствомъ князя Юрія Михайловича Голицына, а окольничествомъ Ивана Ивановича Хабарова, но Шуйскіе этого не захотѣли; и „многія между ними были вражды изъ-за корыстей и родственниковъ“: каждый заботится, замѣчаетъ лѣтописецъ, о своихъ дѣлахъ, а не о государскихъ и земскихъ. Шуйскіе послѣ этого стали держать вражду и гнѣвъ на митрополита Даніила и дьяка Ѳеодора Мишурина, сочувствовавшихъ Бѣльскому и Тучкову. Такъ какъ сторона Шуйскихъ была сильнѣе, то всѣ ихъ враги подверглись преслѣдованіямъ: Бѣльскаго посадили въ заключеніе на дворъ Ѳеодора Мстн-

---

[1]) Устряловъ, Сказанія, стр. VIII; З. Оппоковъ, «Князь Курбскій» въ Универ. Изв. 1872 года № 6, стр. 4.

[2]) Льв. Лѣт. т. IV, стр. 104—105.

[3]) Льв. Лѣт. т. IV, стр. 106. Иванъ Бѣльскій былъ схваченъ по подозрѣнію въ соучастіи съ братомъ своимъ Семеномъ, который въ августѣ 1534 года вмѣстѣ съ Иваномъ Ляцкимъ бѣжалъ въ Литву; Андрея же Шуйскаго посадили въ оковы за желаніе переѣхать къ удѣльному князю Юрію Ивановичу. См. Соловьева, Исторія Россіи, т. VI, стр. 3—6, 8.

славскаго, а совѣтниковъ его разослали по селамъ. Что касается Мишурина, то съ нимъ не стѣснялись: 21 октября, по приказанію Шуйскихъ, несчастнаго дьяка схватили на его же собственномъ дворѣ, сорвали съ него всѣ одежды и нагому у тюрьмъ отсѣкли на плахѣ голову [1]).

Какъ видно изъ этого разсказа, среди бояръ образовалось двѣ партіи; во главѣ одной стояли Иванъ Бѣльскій и Михаилъ Тучковъ, тесть Михаила Курбскаго, дѣйствіями другой руководили Шуйскіе. Боярина Михаилъ Тучковъ былъ дворецкимъ [2]) и, какъ можно судить изъ отзыва царя, человѣкомъ вліятельнымъ въ первое время боярскаго правленія, наставшаго по смерти великой княгини Елены: „Казну матери нашей, пишетъ Іоаннъ, перенесли въ Большую казну, пеистово ногами пихая и спицами тыкая; а иное себѣ разобрали: дѣдъ твой Михайло Тучковъ то сотворилъ“ [3]). Если лѣтопись ясно говоритъ, что причиною вражды между боярами была забота каждаго о выгодахъ его родственниковъ и ихъ корыстяхъ, то мы имѣемъ полное основаніе думать, что отецъ нашего писателя сочувствовалъ той партіи, во главѣ которой стоялъ Иванъ Бѣльскій и его тесть, ибо только при ея торжествѣ онъ могъ получить и корысти, и пожалованіе въ боярство. Между тѣмъ, партія эта пала, и всѣ сторонники ея подверглись гоненію. Потерпѣлъ также и митрополитъ Даніилъ, который, какъ мы видѣли, сочувствовалъ побѣжденной партіи. Едва сошелъ въ могилу Василій Шуйскій, щадившій, вѣроятно, митрополита, какъ его братъ въ февралѣ свелъ Даніила съ митрополіи, а 6 февраля уже былъ поставленъ въ митрополиты игуменъ Троицо-Сергіевскаго монастыря, Іоасафъ Скрыпицынъ [4]).

Можно думать, что митрополитъ Іоасафъ, какъ человѣкъ добросовѣстный, не сочувствовалъ дѣлу Шуйскихъ, которые позволяли себѣ безъ зазрѣнія совѣсти грабить и разорять государство; хотя онъ былъ ставленникъ партіи и, вѣроятно, вначалѣ на своевольства Шуйскихъ смотрѣлъ снисходительно, но всему бываетъ граница. Этотъ

---

[1]) Царств. кн. стр. 75; Ник. лѣт. т. VII, стр. 19; Льв. Лѣт. т. IV, стр. 112—113.

[2]) Въ Послужномъ спискѣ бояръ подъ 1535 г. боринъ и дворецкій Михаилъ Васильевичъ Тучковъ показанъ неправильно умершимъ (Древн. Вивл. т. XX, стр. 28), такъ какъ, по разсказу лѣтописи, въ 1538 г. онъ принималъ живое участіе въ борьбѣ съ партіей Шуйскихъ.

[3]) Сказанія, стр. 159.

[4]) Царств. кн. стр. 76—77; Ник. лѣт. т. VII, стр. 19; Льв. Лѣт. т. IV, стр. 115—116.

поворотъ въ политикѣ митрополита произошелъ въ іюлѣ 1540 года. Великій князь, говоритъ лѣтопись, 25 числа пожаловалъ митрополита Іоасафа и, по его просьбѣ, выпустилъ изъ заточенія Ивана Ѳеодоровича Бѣльскаго и очи свои ему далъ видѣть; Иванъ Шуйскій тогда началъ гнѣвъ держать на митрополита и бояръ, пересталъ ѣздить къ государю и совѣтоваться съ боярами, и былъ, заканчиваетъ лѣтопись, между боярами великій мятежъ [1]). Освобожденія Бѣльскаго, какъ можно видѣть изъ вышеприведеннаго разсказа, желалъ не одинъ митрополитъ, но и нѣкоторые бояре: Шуйскій, говоритъ лѣтопись, на митрополита и на бояръ началъ гнѣвъ держать. Этому придворному перевороту сочувствовалъ и Михаилъ Михайловичъ Курбскій, какъ одинъ изъ единомышленниковъ партіи Бѣльскаго и зять Михаила Тучкова. Дѣйствительно, какъ мы знаемъ изъ Послужнаго Списка, въ 1540 году, когда послѣдовало вторичное освобожденіе Ивана Бѣльскаго, отецъ нашего писателя былъ пожалованъ боярствомъ, одновременно съ кн. Юріемъ Михайловичемъ Голицынымъ-Булгаковымъ [2]), изъ-за пожалованія котораго въ бояре схватились, какъ мы видѣли, сторона Шуйскихъ съ единомышленниками Бѣльскаго и Михаила Тучкова.

Правленіе кратковременное Бѣльскаго смѣнилось снова господствомъ Шуйскихъ, но кончилось весьма плачевно: великій князь велѣлъ отдать Андрея Шуйскаго на казнь псарямъ. Огромное вліяніе на дѣла государственныя послѣ этого переворота пріобрѣтаетъ Ѳеодоръ Воронцовъ, любимецъ Іоанна, но, повидимому, молодой государь скоро началъ тяготиться и этой опекою: воспользовавшись доносомъ дьяка Гнилѣева, онъ приказалъ казнить Ѳеодора Воронцова и близкихъ ему людей. Тогда власть перешла въ руки родственниковъ великаго князя по матери, князей Глинскихъ, но враги этихъ послѣднихъ воспользовались возбужденіемъ народныхъ страстей послѣ страшнаго московскаго пожара 1547 года и подстрекнули чернь, которая схватила Юрія Глинскаго въ Благовѣщенскомъ соборѣ и безчеловѣчно умертвила. Испуганный погибелью брата Михаилъ Глинскій пытался бѣжать въ Литву изъ ржевскихъ мѣстъ, но былъ схваченъ. Такъ кончилось господство Глинскихъ.

Въ эпоху этихъ придворныхъ переворотовъ и кровавыхъ расправъ

---

[1]) Лѣв. Лѣт. т. IV, стр. 130—131.

[2]) Древн. Вивл. т. XX, стр. 30.

прошло дѣтство и отрочество нашего писателя, время, когда человѣкъ особенно живо воспринимаетъ впечатлѣнія, вырабатываетъ понятія и набирается свѣдѣній, т. е. приготовляется къ тому, чтобы занять въ обществѣ подобающее мѣсто и за свой страхъ выступить въ защиту своихъ интересовъ и принциповъ. Когда скончался его отецъ, князю Андрею Курбскому было около 18 лѣтъ [1]). Отроческіе годы не прошли для молодого князя безплодно: онъ пріобрѣлъ солидныя по тому времени свѣдѣнія, любовь и уваженіе къ умственнымъ и книжнымъ трудамъ.

Образованіе Андрея Курбскаго [2]) и связи его отца съ партіей Бѣльскаго рано, вѣроятно, привлекли на него вниманіе молодого царя, и эти обстоятельства, нужно думать, способствовали его быстрому возвышенію. „Этого достигъ я, говорилъ онъ о своемъ начальствованіи правой рукой въ молодые годы, не безъ труда, но восходя по степенямъ военнымъ“ [3]). Къ сожалѣнію, недостатокъ данныхъ лишаетъ насъ возможности провѣрить эти его слова. Изъ рукописныхъ Разрядовъ Академіи наукъ, находившихся въ пользованіи Устрялова, возможно почерпнуть нѣкоторыя свѣдѣнія о томъ, какъ кн. Курбскій „восходилъ по степенямъ военнымъ“.

На 21 году жизни онъ сопровождалъ Іоанна въ походѣ на Казань, въ званіи стольника, и находился въ эсаулахъ, вмѣстѣ съ Никитою Романовичемъ Юрьевымъ, братомъ царицы Анастасіи [4]). Вскорѣ послѣ того, въ августѣ 1550 года, царь отправилъ его воеводою въ Пронскъ для охраненія юговосточныхъ предѣловъ отъ набѣга татаръ [5]). Въ слѣдующемъ году Андрей Курбскій начальствовалъ правой рукой русскаго войска, стоявшаго на берегу рѣки Оки, въ ожиданіи соединенныхъ силъ крымскихъ и казанскихъ татаръ [6]).

Факты эти краснорѣчиво говорятъ, какимъ довѣріемъ царя

---

[1]) Древн. Вивл. т. XX, стр. 33. Сказанія Курбскаго, стр. 18.

[2]) Соловьевъ т. VI, стр. 204.

[3]) Сказанія, стр. 18.

[4]) Сказанія, стр. VIII. Горскій (стр. 26) говоритъ, что тотъ походъ, въ которомъ участвовалъ кн. Курбскій, начался въ январѣ 1549 года, но лѣтописи знаютъ два похода: въ первый изъ нихъ русское войско выступило въ походъ въ ноябрѣ 1547 г., а во второй—въ ноябрѣ 1549 г. (Ник. Лѣт. т. VII, стр. 61, 67).

[5]) Сказанія стр. VIII. Рус. Ист. Сборн. Погодина, кн. II. стр. 207.

[6]) Сказанія стр. VIII. «О службахъ и походахъ боярскихъ» см. въ Отеч. Зап. 1830 г. часть 44, стр. 85.

пользовался Курбскій, когда ему, не смотря на молодость, не затруднялись ввѣрять начальствованіе войскомъ и охраненіе предѣловъ отъ татарскихъ набѣговъ. Исключительное и особое довѣріе, какое питалъ къ нему Іоаннъ, неоднократно, вѣроятно, сказывалось. Разъ, напр., воеводы, стоявшіе на Рязани, стали мѣстничаться съ княземъ Михаиломъ Воротынскимъ и отказались къ нему ѣздить; дѣло остановилось, и въ войскѣ водворился безпорядокъ. Узнавши объ этомъ, государь послалъ грамоту кн. Курбскому и поручилъ ему сказать воеводамъ, чтобы они къ Воротынскому ѣздили и были бы безъ мѣстъ [1]).

И Курбскій заслуживалъ то полное и исключительное довѣріе, которое ему оказывалось: въ 1552 году, при отраженіи крымскаго хана и взятіи Казани, онъ обнаружилъ какъ способности искуснаго военачальника, такъ и блестящую личную храбрость.

Однако, прежде чѣмъ перейти къ изображенію этихъ событій 1552 года, когда патріотическая дѣятельность и таланты Курбскаго сказались въ полной мѣрѣ, необходимо обозрѣть хотя бы кратко, какъ сложились московскія отношенія къ Казани въ малолѣтство Іоанна, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, останется непонятной важность историческая тѣхъ событій, въ которыхъ принималъ живое и непосредственное участіе нашъ писатель.

Въ малолѣтство великаго князя обнаружились всѣ крайне тяжелыя слѣдствія сосѣдства съ хищническимъ и разбойничьимъ государствомъ, какимъ была Казань. Необходимость охранять свои восточные предѣлы отъ набѣговъ давно заставила московское правительство включить въ сферу своей политики вопросъ, какъ поступить съ Казанью.

Обычная политика московскаго правительства заключалась въ томъ, чтобы посадить ханомъ въ Казани преданнаго человѣка, который бы руководился видами московской политики; и достигнуть этого было не трудно, такъ какъ, при аристократическомъ строѣ казанскаго царства [2]) и при связанной съ этимъ строемъ борьбѣ

---

[1]) Акт. Арх. Экси. I, № 289; Опись царскаго архива, ящикъ 223: «да грамоты на Рязань ко князю Ондрею Курбскому, чтобъ молвилъ княземъ, которымъ велѣно быть со княземъ Михаиломъ Воротынскимъ, чтобъ ко князю ѣздили и были съ нимъ безъ мѣстъ, князь Ондрей Катыревъ, князь Дмитрей Куракинъ, князь Данило Одоевскій, князь Петръ Телятевскій и иные князи.»

[2]) Ѳирсовъ, «Положеніе инородцевъ», стр. 11—13.

сильныхъ фамилій, всегда можно было разсчитывать провести на тронъ желательнаго кандидата, но по той же самой причинѣ эта политика была несостоятельна, такъ какъ немедленно почти образовывалась, въ противовѣсъ московской партіи, крымская, которая спѣшила взять хана изъ Крыма; и предѣлы московскаго государства тогда подвергались набѣгамъ и со стороны Крыма, и со стороны Казани.

Въ сент. 1535 года крымская партія (царевна Ковгоршадъ и кн. Булатъ) свергла московскаго посаженника Еналея и призвала изъ Крыма Сафа-Гирея. Московское правительство послало на Казань князя Семена Гундурова, но тотъ ничего не достигъ и отступилъ. Перемѣна главы въ Казани не замедлила сказаться: въ январѣ 1536 года казанцы опустошили окрестности Балахны и Нижн.-Новгорода [1]). Московская партія въ Казани все-таки спѣшила довести до свѣдѣнія Москвы, что она недовольна этой перемѣной правителя, что число недовольныхъ князей и мурзъ довольно велико, и просила освободить изъ заточенія царя Шигъ-Алея [2]). Въ Москвѣ поспѣшили исполнить эту просьбу, привезли Шигъ-Алея съ женою изъ Бѣла-озера, гдѣ онъ находился въ заключеніи, и щедро одарили, желая дать въ немъ опору московской партіи въ Казани [3]), но этимъ ограничились, потому что вниманіе правительства было отвлечено войною и переговорами съ Литвою и набѣгомъ крымскаго хана. Вскорѣ настало тяжелое время боярскаго правленія, когда всѣ государственныя дѣла пришли въ разстройство, такъ какъ бояре-правители, какъ мы видѣли, занялись личными счетами.

Видя „нестроеніе въ землѣ“, казанцы въ малолѣтство государя опустошали окрестности Нижн.-Новгорода, Мурома, Костромы, Владиміра, Галича, Вологды, Устюга и Перми, избивая и уводя въ плѣнъ населеніе, сжигая и разграбляя города и монастыри [4]).

Такое грустное положеніе окраинъ государства продолжалось довольно долго, такъ какъ, только начиная съ 1545 года, мы можемъ отмѣтить рядъ болѣе или менѣе рѣшительныхъ предпріятій противъ Казани. Въ апрѣлѣ 1545 г. воеводы кн. Сем. Ив. Пунковъ, Ив. Вас. Шереметевъ и Вас. Сем. Серебряный опустошили

---

[1]) Льв. лѣт. т. IV, стр. 50—67.

[2]) Царств. Кн. стр. 51—52.

[3]) Царств. Кн. стр. 53—58; Льв. лѣт. т. IV, стр. 53—62.

[4]) Льв. лѣт. т. IV, стр. 121—122; Отрыв. Рус. лѣт. въ VI т. П. С. Р. Л. стр. 302.

берега Вятки и Камы, побили около Казани множество казанцевъ и сожгли ханскіе кабаки. Сафа-Гирей началъ не довѣрять послѣ этого похода своимъ князьямъ: „вы, говорилъ онъ, приводили воеводъ великаго князя“, и сталъ избивать ихъ [1]). Рознь усиливалась, и московская партія одержала верхъ: въ декабрѣ 1545 года казанцы извѣщали, что Сафа-Гирея они прогнали, побили многихъ крымцевъ, и просили дать на Казань Шигъ-Алея. Когда въ мартѣ слѣдующаго года явилось вторично посольство съ тою же просьбою, то Іоаннъ рѣшился отпустить Шигъ-Алея, но послѣдній пробылъ лишь одинъ мѣсяцъ и бѣжалъ изъ Казани, ибо казанская партія снова одержала верхъ и призвала Сафа-Гирея; и тотъ принялся искоренять приверженцовъ Москвы, нѣкоторые изъ которыхъ поспѣшили спастись бѣгствомъ и явились ко двору великаго князя осенью 1546 года. Можно думать, что весьма многіе въ Казани были недовольны дѣйствіями Сафа-Гирея: по крайней мѣрѣ, въ дек. того-же года Черемисы просили въ Москвѣ послать рать на Казань, изъявляя готовность служить государю. Великій князь, въ виду этой просьбы, отправилъ въ походъ князя Александра Горбатаго, который ходилъ до Свіажскаго устья, повоевалъ казанскія мѣста и привелъ въ Москву 100 человѣкъ Черемисовъ [2]).

Это, однако, было недостаточно, и требовались болѣе энергическія мѣры для возстановленія въ Казани московской партіи, уничтоженной крутыми мѣрами Сафа-Гирея.

Осенью 1547 года задумали походъ на Казань. Въ ноябрѣ воеводы Дмитрій Бѣльскій и Владиміръ Воротынскій выступили въ походъ, а въ декабрѣ пошелъ во Владиміръ самъ царь, но настала страшная безпутица, такъ что царь, въ глубокомъ горѣ и слезахъ, вынужденъ былъ, простоявши три дня на островѣ Роботкѣ, въ ожиданіи пути, воротиться въ Москву, куда прибылъ 7 марта. Воеводы же пошли далѣе и 18 февраля достигли Казани. Князь Семенъ Микулинскій, начальствовавшій передовымъ полкомъ, разбилъ казанцевъ на Арскомъ полѣ; и стояли воеводы подъ Казанью 7 дней, посылая воевать окрестные улусы [3]). Этотъ походъ не произвелъ на ка-

---

[1]) Ник. лѣт. т. VII, стр. 44; Царств. кн. стр. 117; Льв. лѣт. т. IV, стр. 171—173.

[2]) Ник. лѣт. т. VII, стр. 46—50; Царств. кн. стр. 120—126; Льв. лѣт. т. IV, стр. 176—183.

[3]) Ник. лѣт. т. VII, стр. 61—62; Царств. кн. стр. 145—148; Льв. лѣт. т. IV, стр. 201—204.

занцевъ желательнаго вліянія, такъ какъ вслѣдствіе безпутья и бездорожья русскіе принуждены были поспѣшно отступить: наступала весна. Осенью 1548 г. казанцы, въ отплату за предпринятый на нихъ походъ, сдѣлали набѣгъ на галицкія мѣста, но были разбиты костромскимъ намѣстникомъ Зах. Пет. Яковлевымъ [1]).

Въ мартѣ 1549 г. узнали въ Москвѣ о смерти Сафа-Гирея. Казанцы провозгласили ханомъ его двухлѣтняго сына Утемиша, пославши немедленно въ Крымъ просить помощи и взрослаго царя, но посольство это было перехвачено; въ іюлѣ явились въ Москву изъ Казани послы съ просьбой о мирѣ, но имъ отвѣтили, чтобы прислали для переговоровъ добрыхъ людей [2]). Осенью 1549 г. задумали новый походъ на Казань. Въ ноябрѣ царь отправилъ впередъ Дм. Бѣльскаго, Влад. Воротынскаго, Петра Шуйскаго и др. съ войскомъ, а самъ 24 числа выступилъ изъ Москвы на Казань черезъ Нижн.-Новгородъ, изъ котораго вышелъ 23 января.

Простоявши подъ Казанью, куда прибыли 12 фев., 11 дней, русскіе войска отступили, потому что были большіе дожди, сильные вѣтры и къ городу нельзя было приступиться. Можно было бы считать этотъ походъ 1550 г. совершенно безполезнымъ, если бы при возвращеніи царь не рѣшился на устьѣ Свіяги основать городъ, избравши понравившееся ему мѣсто, называемое „Круглая гора“ [3]).

Въ Москвѣ приготовлялись къ рѣшительной борьбѣ съ Казанью. 1 окт. 1550 г. царь приговорилъ съ боярами испомѣстить въ московскомъ уѣздѣ и ближайшихъ деревняхъ (отъ Москвы верстъ за 60 и за 70) 1000 человѣкъ дѣтей боярскихъ: боярамъ и окольничимъ, которымъ „быть готовыми въ посылки“, а у нихъ въ Московскомъ уѣздѣ нѣтъ помѣстій, тѣмъ въ этомъ уѣздѣ дать помѣстья по 200 четвертей; дѣтямъ боярскимъ 1-ой статьи по 200, другой статьи—по 150 и третьей—по 100. Приговоръ этотъ преслѣдовалъ исключительно военныя цѣли, какъ видно изъ намѣренія правительства держать этотъ отрядъ въ разъ опредѣленной численности: „кто изъ этой тысячи, читаемъ въ актѣ, умретъ, а сынъ его къ подобной

---

[1]) Ник. лѣт. т. VII, стр. 63—64; Царств. кн. стр. 150; Льв. лѣт. т. IV, стр. 206—207.

[2]) Ник. лѣт. т. VII, стр. 64—65; Царств. кн. стр. 151—152; Льв. лѣт. т. IV, стр. 200—208.

[3]) Ник. лѣт. т. VII, стр. 66—70; Царств. кн. стр. 153—159; Льв. лѣт. т. IV, стр. 210—218.

службѣ годенъ не будетъ, то на мѣсто выбывшаго прибрать другаго" [1]).

Князь Андрей Курбскій, записанный въ число дѣтей боярскихъ первой статьи, получилъ въ помѣстье 200 чет., а его братъ Иванъ 150 чет., какъ записанный во второй статьѣ [2]).

Въ апрѣлѣ 1551 г. были посланы впередъ князь Сем. Микулинскій, князь Петръ Серебряный и другіе поставить городъ на Свіажскомъ устьѣ, на Круглой горѣ, въ двадцати верстахъ отъ Казани. До прибытія главныхъ силъ Петръ Серебряный сдѣлалъ весьма удачное нападеніе на Казань и благополучно возвратился въ Свіажскъ, куда 24 мая прибылъ Шигъ-Алей съ главными силами. Немедленно принялись строить городъ и закончили постройку въ 4 недѣли. Горные Черемисы, въ странѣ которыхъ поставили новый городъ, изъявили покорность и поддались на службу царю. Въ самой Казани поднялись раздоры; многіе князья и мурзы пріѣхали служить государю, крымцы же, видя близкое сосѣдство русскихъ войскъ и усиленіе вслѣдствіе этого московской партіи, которая не остановилась бы передъ выдачей ихъ въ руки московскаго правительства, въ количествѣ 300 человѣкъ, побѣжали изъ Казани, но были перехвачены пятскимъ воеводою Зюзинымъ, разбиты на голову и потоплены, а глава ихъ Кощакъ и 46 его спутниковъ попались въ плѣнъ и были казнены въ Москвѣ. Казанцы снова стали просить на царство Шигъ-Алея, обѣщая выдать Утемиша, его мать, оставшихся крымцевъ и освободить русскій полонъ. Соглашаясь отпустить Шигъ-Алея въ Казань, царь рѣшилъ удержать горную Свіажскую сторону, какъ добытую саблею. Хотя этимъ послѣднимъ условіемъ не могли быть довольны Казанцы, да и самъ Шигъ-Алей, но все-таки 11 авг. состоялась выдача Утемиша съ крымцами, 14 авг. послѣ долгихъ споровъ о горной сторонѣ состоялось докончаніе между казанцами и воеводами, на основаніи извѣстныхъ уже условій, а 16 авг. въ Казани былъ новый ханъ. На слѣдующій день было освобождено 2700 человѣкъ, а со всей казанской земли было выпущено на свободу 60 тыс., томившихся въ неволѣ.

Шигъ-Алей непрочно, однако, сидѣлъ на казанскомъ тронѣ. Находившійся при немъ боярин Ив. Ив. Хабаровъ доносилъ, что

---

[1]) Акт. Арх. Эксп. т. I, № 225; Древн. Вивл. т. VIII, стр. 1—2.

[2]) Древн. Вивл. т. VIII, стр. 3 и 5.

казанцы куютъ плѣнныхъ и прячутъ, а ханъ не казнитъ этихъ укрывателей, какъ обязанъ былъ по договору, боясь возмущенія тѣмъ болѣе, что уже снова начались сношенія недовольныхъ съ ногайцами. Самъ Шигъ-Алей былъ недоволенъ и чувствовалъ непрочность своего положенія: неоднократно посылалъ онъ въ Москву просить горной стороны или, по крайней мѣрѣ, ясаковъ въ ней, заявляя, что безъ этого ему не усидѣть въ Казани. Въ ноябрѣ Шигъ-Алей на пиру перебилъ многихъ князей и мурзъ, которые сносились съ ногайцами, и этимъ возбудилъ къ себѣ такую ненависть, что казанцы стали просить царя свести Шигъ-Алея съ Казани и назначить намѣстника. Въ виду этой просьбы, въ февр. 1552 г. государь послалъ Алексѣя Адашева исполнить это желаніе казанцевъ. 6 марта Шигъ-Алей выѣхалъ, въ сопровожденіи русскаго отряда, казанскихъ князей и мурзъ, на озеро рыбу ловить, но вмѣсто того отправился въ Свіажскъ, гдѣ этихъ спутниковъ хана задержали. Въ Казань былъ назначенъ намѣстникомъ князь Сем. Ив. Микулинскій. Русскіе войска изъ Свіажска подходили къ Казани и были уже на Бежбалдѣ, когда впередъ поѣхавшіе князья Исламъ, Кебякъ и мурза Алпкей возмутили казанцевъ, пустивши слухъ, что воеводы намѣреваются перебить всѣхъ жителей. Немедленно затворили ворота и рѣшили отсиживаться. Всѣ увѣщанія и разувѣренія воеводъ не имѣли успѣха; русскіе принуждены были отступить въ Свіажскъ, а казанцы послали къ ногайцамъ просить хана [1]).

Въ апрѣлѣ 1552 г. въ Москвѣ происходило совѣщаніе о казанскихъ дѣлахъ; на этомъ совѣтѣ, гдѣ многіе отговаривали Іоанна отъ личнаго участія въ походѣ, рѣшили отпустить въ судахъ рать съ пушками и запасами, а самому государю, когда приспѣетъ время, идти полемъ, т. е. по окраинѣ государства, войска же должны собираться въ Коломнѣ, изъ дальнихъ городовъ и Новгорода—въ Каширѣ, а изъ московскихъ—въ Муромѣ [2]). Между тѣмъ, приходили со всѣхъ сторонъ неутѣшительныя вѣсти: князь Микулинскій извѣщалъ, что горные люди волнуются, что въ Свіажскѣ свирѣпствуетъ цынга и язва, отъ которой многіе померли, а другіе ле-

[1]) Ник. лѣт. т. VII, стр. 75—101; Царств. кн. стр. 164—202; Льв. лѣт. т. IV, стр. 227—277.

[2]) Ник лѣт т. VII, стр. 102—103; Царств. кн. стр. 203—204; Льв. лѣт. т. IV, стр. 279—282.

жать больные; отправленный въ Свіажскъ князь Александръ Горбатый писалъ, что горные люди нападали на воеводскія стада, а казанцы побили оставшихся въ ихъ городѣ 180 чел.; князь Мих. Вас. Глинскій, посланный на Каму, извѣщалъ, что подходилъ съ 500 челов. призванный казанцами на ханство ногайскій царевичъ Едигеръ-Магметъ, сынъ астраханскаго хана, и тайкомъ, переправившись съ немногими людьми, прибылъ въ Казань [1]).

Въ маѣ отпустилъ царь князя Ивана Мстиславскаго съ другими воеводами въ Коломну, правую руку, которою начальствовали князь Петръ Мих. Щенятевъ и князь Андрей Мих. Курбскій, въ Каширу, сторожевой же полкъ, ополченіе московскихъ городовъ, въ Муромъ, а самъ съ своимъ полкомъ, которымъ начальствовали князь Влад. Ив. Воротынскій и Ив. Вас. Шереметевъ, рѣшилъ итти на Коломну, Муромъ и черезъ Саканское городище къ Свіажску, отпустивши предварительно туда Шигъ-Алея въ судахъ съ запасами для всего войска и пушками [2]).

Извѣстно, что, по приговору 1550 г., второй воевода лѣвой руки былъ объявленъ меньше втораго же воеводы правой руки [3]). Назначенный теперь вторымъ воеводою лѣвой руки Дмитрій Михайл. Плещеевъ увидѣлъ поруху своему отечеству въ томъ, что кн. Андрей Курбскій былъ вторымъ воеводою правой руки, слѣдовательно одной степенью выше его [4]). Слѣдуетъ предполагать, что этотъ мѣстническій споръ былъ рѣшенъ въ пользу Курбскаго, такъ какъ позднѣе мы встрѣчаемъ обоихъ мѣстниковъ на старыхъ мѣстахъ [5]). На пути къ Коломнѣ, куда царь выступилъ 16 іюня, къ нему явился станичникъ изъ Путивля и сообщилъ, что крымцы перешли Донецъ и направились къ украйнамъ. Вскорѣ (21 іюня) пришла вѣсть, что крымцы осадили Тулу; тотчасъ царь приказалъ итти на выручку правой рукѣ изъ Каширы (Щенятевъ и Курбскій), передовому полку изъ Ростиславля (князь Ив. Пронскій и князь Дм. Хилковъ), а изъ Колычева князю Мих. Ив. Воротынскому, воеводѣ большого полка.

---

[1]) Ник. лѣт. т. VII, стр. 104—106; Царств. кн. стр. 205—208; Льв. лѣт. т. IV, стр. 283—286.

[2]) Ник. лѣт. т. VII, стр. 114—115; Царств. кн. стр. 217—219; Льв. лѣт. т. IV, стр. 302—304.

[3]) Собр. Гос. Грам. и Дог. т. II, № 38.

[4]) Акт. Арх. Эксп. I, № 289. Опись царскаго архива лиц. 216: «дѣло князя Ондрея Курбского о мѣстахъ съ Дмитріемъ Плещѣевымъ».

[5]) Въ 1557 г. на берегу. См. «О службахъ и походахъ боярскихъ» въ Отеч. Зап. 1830 г. часть 44, стр. 102.

Между тѣмъ, 22 іюня, въ 1-мъ часу дня, къ Тулѣ подошелъ самъ ханъ и цѣлый день приступалъ къ городу, стрѣляя изъ пушекъ, но воевода Григ. Темкинъ и горожане, не смотря на вспыхнувшій пожаръ, отразили татаръ. На слѣдующій день въ городѣ увидѣли съ высоты стѣны подымающуюся пыль отъ приближающагося войска, сдѣлали вылазку, избили подъ городомъ много татаръ и захватили пушечный нарядъ, ядра и порохъ, такъ какъ ханъ Девлетъ-Гирей, предполагая, что на выручку идетъ самъ царь, поспѣшно бѣжалъ въ степи. Это подходили кн. Мих. Репнинъ изъ Прони и Ѳед. Салтыковъ изъ Михайлова города; только три часа спустя прибыли воеводы, отправленные царемъ. Воеводы побили татаръ, опустошавшихъ окрестности Тулы, и преслѣдовали хана до рѣчки Шиворони, гдѣ тотъ, поспѣшно убѣгая, побросалъ телѣги и верблюдовъ. Возвратившіеся въ Коломну 1 іюля воеводы сообщили, что, по донесенію станичниковъ, ханъ бѣжитъ съ поспѣшностью, дѣлая переходы по 60 и 70 верстъ въ день, загоняя коней [1]).

Въ этой стычкѣ, которую выдержали русскіе съ значительнымъ татарскимъ отрядомъ, опустошавшимъ окрестности Тулы, отличился мужествомъ князь Курбскій: онъ говоритъ, что получилъ тяжелыя пораненія и въ голову, и въ другія части тѣла [2]). Правда, лѣтопись ничего не говоритъ о ранахъ воеводы правой руки, но правдивость показанія этого подтверждаетъ самъ царь, который былъ не прочь умалить заслуги воеводъ въ этомъ дѣлѣ съ крымцами: „хотя, пишетъ Іоаннъ, вы много ранъ получили, но побѣды никакой не одержали“ [3]).

Царь, по возвращеніи изъ-подъ Тулы воеводъ, посовѣтовавшись съ Владиміромъ Андреевичемъ и боярами, рѣшилъ самъ итти на Владиміръ и Муромъ, воеводъ же отпустить на Рязань и Мещеру, а сходиться на полѣ за Алатыремъ. Въ виду этого рѣшенія, выступилъ государь 3 іюля въ Муромъ, куда прибылъ 13 числа, а большой полкъ, передовой и правую руку, которой начальствовали Щенятевъ и Курбскій, отпустилъ тогда же на Рязань и Мещеру [4]). Назначеніе этого второго отряда было прикрывать движеніе царя

---

[1]) Льв. лѣт. т. IV, стр. 313—327; Ник. лѣт. т. VII, стр. 120—128; Царств. кн. стр. 223—234.

[2]) Сказанія, стр. 14.

[3]) Сказанія, стр. 186.

[4]) Ник. лѣт. т. VII, стр. 128—129; Царств. кн. стр. 234—235; Льв. лѣт. т. IV, стр 327—328.

отъ неожиданнаго нападенія ногайцевъ [1]). За 14 дневныхъ переходовъ достигъ Іоаннъ рѣки Суры, которую перешелъ подъ Баранчеевымъ городищемъ, а 5 авг. присоединились къ царскому войску воеводы, переправившіеся черезъ рѣку въ ея верховьяхъ. Опредѣливши порядокъ въ слѣдованіи полковъ, царь двинулся къ Свіажску, куда къ великой радости всѣхъ благополучно прибылъ 13 авг. Едва войска успѣли немного оправиться послѣ продолжительнаго похода, какъ 16 авг. велѣно было начать переправу черезъ Волгу и становиться на луговой казанской сторонѣ, а 20 авг. русскіе перешли уже за Казанку [2]). На военномъ совѣтѣ подъ Казанью приговорили распредѣлить полки такъ: самому государю и кн. Владиміру Андреевичу стать на Царевомъ лугу, Шигъ-Алею за Булакомъ около кладбища, на Арскомъ полѣ большому и передовому полкамъ и полку удѣльнаго князя Владиміра, правой рукѣ съ значительнымъ отрядомъ казаковъ за Казанкою, сторожевому полку на устьѣ Булака, а лѣвой рукѣ выше его [3]).

Вся почти первая недѣля осады прошла въ томъ, что русскіе полки занимали свои мѣста, ставили туры и снабжали ихъ пушками, при чемъ происходили ожесточенныя стычки съ казанцами, старавшимися помѣшать этимъ осаднымъ работамъ. Щенятевъ и Курбскій 25 авг. получили приказаніе итти за Казанку и расположиться противъ города, а 29 числа имъ и воеводамъ ертаула приказали ставить туры: воеводы послали Ивана Ершова съ стрѣльцами и казаковъ впередъ; тѣ закопались во рвы по берегу и отвлекали вниманіе осажденныхъ, пока воеводы не прикатили туровъ и не засыпали ихъ землею [4]). По словамъ Курбскаго, правая рука, которою онъ начальствовалъ вмѣстѣ съ Щенятевымъ, стояла на лугу между большими болотами, значительно ниже города, расположеннаго на возвышеніи, такъ что больше другихъ частей русскаго осаждающаго войска она терпѣла отъ стрѣльбы изъ города, а сверхъ того подвергалась съ тылу частымъ нападеніямъ Черемисовъ, выѣзжающихъ изъ лѣсовъ [5]).

---

[1]) Сказанія, стр. 14.

[2]) Ник. лѣт. т. VII, стр. 144—149; Царств. кн. стр. 253–261; Льв. лѣт. т. IV, стр. 359—367.

[3]) Ник. лѣт. т. VII, стр. 150; Царств. кн. стр. 263; Льв. лѣт. т. IV, стр. 369—370.

[4]) Ник. лѣт. т. VII, стр. 154—160; Царств. кн. стр. 267–273, 277—280; Льв. лѣт. т. IV, стр. 372—388.

[5]) Сказанія, стр. 18.

Когда отрѣзали Казань отъ сообщенія съ окрестною страною, поставивъ вокругъ города туры и земляныя укрѣпленія, подъ защитою которыхъ расположились войска и обстрѣливали городъ, принялись вести подъ стѣны подкопы. Важно было лишить осажденныхъ воды, а между тѣмъ узнали изъ разспросовъ, что казанцы ходятъ подземнымъ ходомъ къ тайнику; тогда подкопались подъ этотъ тайникъ и взорвали его порохомъ 4 сент. [1]). Крайне также необходимо было обезопасить тылъ, такъ какъ постоянные наѣзды изъ лѣсовъ изнуряли осаждающихъ и лишали ихъ возможности добывать въ окрестностяхъ кормъ для лошадей. Въ виду этого, 6 сентября царь отправилъ Горбатаго, Яковлева и Микулинскаго къ Арску, гдѣ были собраны запасы казанцевъ, и острогу. Этотъ острогъ, стоявшій самъ среди непроходимыхъ болотъ и окруженный множествомъ засѣкъ, былъ опорнымъ пунктомъ, гдѣ были собраны значительныя непріятельскія силы, и откуда дѣлались постоянные наѣзды на тылъ русскаго осаждающаго войска. Воеводы разбили татаръ, взяли острогъ, захватили Арскъ и, опустошивши Арскую сторону на 150 вер. поперекъ, а въ длину—до рѣки Камы, благополучно воротились съ богатою добычею подъ стѣны Казани [2]). Весь сентябрь прошелъ въ осадныхъ работахъ. По приказанію царя, построили башню, взнесли на вершину ея орудія и обстрѣливали городъ, но осажденные стали рыть землянки и прикрываться земляными насыпями, дѣлая постоянно ожесточенныя вылазки [3]). Осада приходила къ концу: 30 сент. кн. Воротынскому удалось зажечь деревянную стѣну возлѣ Царевыхъ, Аталыковыхъ и Ногайскихъ воротъ и утвердиться на стѣнахъ городскихъ и при Арскихъ воротахъ, но казанцы возвели новые срубы и засыпали ихъ землею [4]). На 2 окт. былъ назначенъ рѣшительный приступъ къ городу со всѣхъ сторонъ.

Курбскому было приказано итти на приступъ въ Елбугины ворота, снизу отъ Казанки, а подкрѣплять его долженъ былъ Щенятевъ, другой воевода правой руки [5]). На разсвѣтѣ, когда взорвали

---

[1]) Ник. лѣт. т. VII, стр. 164; Царств. кн. стр. 285–286; Льв. лѣт. т. IV, стр. 395.

[2]) Ник. лѣт. т. VII, стр. 165–166; Царств. кн. стр. 287–290; Льв. лѣт. т. IV, стр. 396—399.

[3]) Ник. лѣт. т. VII, стр. 167–169; Царств. кн. стр. 290—293; Льв. лѣт. т. IV, стр. 400—405.

[4]) Ник. лѣт. т. VII, стр. 169—171; Царств. кн. стр. 294—296; Льв. лѣт. т. IV, стр. 405—409.

[5]) Ник. лѣт. т. VII, стр. 172—173; Царств. кн. стр. 297—299; Льв. лѣт. т. IV, стр. 410—413.

въ двухъ мѣстахъ стѣны, русскіе пошли на приступъ. Воротынскій ворвался черезъ проломы стѣны и потѣснилъ татаръ къ Тезицкому рву, гдѣ Кулшерифъ-Мулла съ значительнымъ отрядомъ оказывалъ послѣднее отчаянное сопротивленіе, но весь его отрядъ и онъ самъ пали подъ ударами русскихъ. Остающіеся въ живыхъ казанцы отступали со всѣхъ сторонъ къ царскому дворцу, гдѣ пытались сдержать напоръ мужественно наступающихъ на нихъ русскихъ [1]).

Между тѣмъ, какъ это все происходило въ той части города, которая прилегала къ Арскому полю, Курбскій повелъ 12-тысячный отрядъ свой на приступъ къ Елбугинымъ воротамъ. Въ этомъ мѣстѣ стѣны не были разрушены взрывомъ. Казанцы подпустили русскихъ къ стѣнѣ; и тогда на головы осаждающихъ полилась кипящая смола, полетѣли тучи бревенъ, камней и стрѣлъ. Сопротивленіе было мужественное. Русскимъ удалось, однако, пушечною и ружейною стрѣльбою сбить съ башни и стѣны многихъ защитниковъ; были приставлены лѣстницы, и первымъ взошелъ братъ Курбскаго и другіе храбрецы.

Ворота и стѣна были въ рукахъ русскихъ. Казанцы поспѣшно отступили къ царскому дворцу и очистили всю нижнюю часть города. Тѣснимые отовсюду, они собрались на царскомъ дворѣ, но, видя неминуемую гибель, ринулись къ выходящимъ на Казанку Елбугинымъ воротамъ. Здѣсь стоялъ Курбскій съ своимъ полкомъ. Не смотря на то, что численность его отряда значительно уменьшилась, такъ какъ одни пали при штурмѣ, а весьма многіе, увлекаемые корыстолюбіемъ, кинулись грабить, онъ нѣкоторое время сдерживалъ казанцевъ и не пропустилъ ихъ въ ворота. Казанцы по трупамъ взошли на стѣну и башню, выдали въ руки русскихъ своего царя и спустились къ рѣкѣ, черезъ которую пытались переправиться противъ стана правой руки, но залпами изъ пушекъ были принуждены отказаться отъ переправы въ этомъ мѣстѣ. Ничто, однако, не помѣшало имъ перебрести черезъ рѣку нѣсколько ниже. Это отступленіе татаръ произошло такъ быстро, что только Курбскій и 200 другихъ храбрецовъ успѣли сѣсть на коней и ударить на татарскій отрядъ, успѣвшій переправиться и построиться въ боевой порядокъ. Эти остатки казанскихъ защитниковъ стремительно направлялись въ

---

[1]) Ник. лѣт. т. VII, стр. 176—178; Царств. кн. стр. 303—306; Льв. лѣт. т. IV, стр. 417—422.

лѣса, гдѣ, подъ защитою лѣсной чащи и болотъ, они могли разсчитывать на спасеніе и относительную безопасность. Малочисленный отрядъ русскій, разумѣется, не могъ воспрепятствовать этому плану татаръ и сдержать ихъ. Желая прорвать боевой порядокъ враговъ или разстроить его, русскіе ударили на нихъ.

Три раза Курбскій, по его словамъ, налеталъ на нихъ на быстромъ конѣ, топча и избивая ихъ, въ четвертый же разъ и конь, и всадникъ, покрытые ранами, повалились, но князя спасла крѣпкая броня. Мужественный его братъ подоспѣлъ, когда отрядъ татарскій прошелъ уже половину луга, лежащаго между рѣкою и лѣсами. Не уступая старшему своему брату въ мужествѣ, онъ безпощадно разилъ враговъ, разъѣзжая между ними, подобно вождю, пока не палъ израненный и полуживой. Князя Андрея Михайловича спасла броня, но его братъ не оправился отъ ранъ и въ слѣдующемъ году скончался [1]).

Лѣтописецъ засвидѣтельствовалъ какъ правдивость этого разсказа, такъ и выдающееся мужество самого разсказчика: „Князь Андрей Михайловичъ Курбскій, читаемъ въ лѣтописи, выѣхалъ изъ города, сѣлъ на коня и, преслѣдуя татаръ, наскочилъ на нихъ всѣхъ; они же, сбивши съ коня, изрубили (сѣкоша множество) Курбскаго такъ, что многіе считали его мертвымъ, но потомъ, слава Богу, онъ выздоровѣлъ“ [2]).

Оставивши въ Казани Александра Горбатаго и Василія Серебрянаго съ 2040 дѣтей боярскихъ, 1000 стрѣльцовъ и 3500 казаковъ, царь отправился изъ Казани 11 окт. въ Москву [3]), куда съ великимъ торжествомъ прибылъ 29 окт. [4]). Въ теченіе трехъ дней, начиная съ Михайлова дня (8 ноября), угощалъ Іоаннъ своихъ сподвижниковъ и дарилъ щедро ихъ шубами, кубками, ковшами, доспѣхами, платьемъ и деньгами: на эти подарки, по смѣтѣ казначеевъ, было издержано 48 тыс. руб., да сверхъ того весьма многимъ были даны вотчины, помѣстья и кормленія [5]).

Все, казалось, улыбалось Россіи: пало грозное казанское царство, ханъ крымскій со стыдомъ удалился отъ предѣловъ русской

---

[1]) Сказанія, стр. 26—32.

[2]) Ник. лѣт. т. VII, стр. 179; Царств. кн. стр. 307; Льв. лѣт. т. IV, стр. 422—423.

[3]) Отрыв. рус. лѣт. въ П. С. Р. Л. т. VI, стр. 314.

[4]) Карамзинъ, т. VIII, стр. 117; Арцыбашевъ, «Повѣствованіе о Россіи», т. II, стр. 211.

[5]) Ник. лѣт. т. VII, стр. 196—197; Царств. кн. стр. 329—330; Льв. лѣт. т. IV, стр. 454—456.

земли; незадолго до казанскаго похода, король польскій изъявилъ желаніе вести переговоры въ теченіе перемирныхъ лѣтъ о вѣчномъ мирѣ, чтобы „кровь христіанская не лилась, а рука бы поганская не высплась“, и въ дек. 1551 г. добровольно отпустилъ на родину кп. Михаила Булгакова-Голицына, попавшаго въ плѣнъ въ предшествовавшее царствованіе [1]); ливонскому ордену, по просьбѣ дерптскаго епископа, продолжили перемиріе на 5 лѣтъ [2]); бояре, воеводы и дѣти боярскіе, одаренные государемъ, отдыхали отъ тяжелыхъ воинскихъ трудовъ, въ томъ сознаніи, что великое земское дѣло счастливо и блистательно доведено до конца, и труды ихъ вознаграждены по достоинству молодымъ государемъ.

Въ это самое время, когда Іоаннъ находился на вершинѣ счастья, какъ государь и человѣкъ (въ окт. 1552 г. у него родился сынъ [3]) Дмитрій), въ началѣ марта 1553 г. тяжелая болѣзнь уложила его въ постель [4]).

Событія, происходившія во время этой болѣзни при дворѣ, заслуживаютъ нашего полнаго вниманія, потому что они въ дальнѣйшемъ повлекли за собою паденіе той могущественной партіи Сильвестра и Адашева, которая долгое время руководила молодымъ царемъ и оказывала сильное вліяніе на всѣ государственныя дѣла. Представители враждебныхъ воззрѣній, царь и князь Курбскій, единодушно свидѣтельствуютъ о силѣ и могуществѣ этой партіи, различно только освѣщая этотъ фактъ. „Ни одной власти, пишетъ по этому поводу царь, не оставили они, гдѣ бы ни поставили своихъ угодниковъ“ [5]). „Собираютъ къ нему (т. е. царю), прямо высказывается другъ этой партіи, совѣтниковъ, мужей разумныхъ и совершенныхъ, мастистыхъ стариковъ, украшенныхъ благочестіемъ и страхомъ Божіимъ, а другихъ, хотя и средняго возраста, но также хорошихъ и храбрыхъ людей, и тѣхъ и другихъ, какъ вполнѣ искусныхъ въ военныхъ и земскихъ дѣлахъ; къ нимъ, продолжаетъ Курбскій, царь питалъ такую пріязнь и дружбу, что безъ ихъ совѣта ничего не предпринималъ и не задумывалъ [6]).

---

[1]) Книга посольская метрики вел. княж. Литовскаго, т. I, №№ 35, 37.

[2]) Ioannis Levenclavii (De Moscov. bellis), p. 10 въ сборникѣ Script. Ext. t. I; Новгород. Втор. лѣт. въ П. С. Р. Л. т. III, стр. 156.

[3]) Нов. Втор. лѣт. въ П. С. Р. Л. т. III, стр. 157.

[4]) Арцыбашевъ (т. II, стр. 214, прим. 1313) указываетъ, что царь слегъ 1 марта.

[5]) Сказанія, стр. 164.

[6]) Сказанія, стр. 10.

Лестные отзывы Курбскаго о Сильвестрѣ и Адашевѣ, разсѣянные въ его сочиненіяхъ, опредѣленно обнаруживаютъ въ немъ жаркаго ихъ приверженца и почитателя. „Блаженный, святой и неповинный“, по его словамъ, Сильвестръ, котораго жизнь была „нарочита и чиста“, исцѣлилъ душу царя „отъ прокаженныхъ ранъ“ и исправилъ его „развращенный умъ“. „Алексѣй Адашевъ, говоритъ онъ о другомъ вождѣ партіи, былъ человѣкъ очень полезный и по праву подобенъ ангеламъ; онъ не только самъ былъ добродѣтеленъ, но былъ другомъ и союзникомъ всѣхъ богобоязненныхъ людей; правду сказать, продолжаетъ Курбскій, никто не повѣрилъ бы, если бы я по порядку все о немъ разсказалъ“.

Какъ приверженецъ партіи, онъ не щадитъ словъ для выраженія своего негодованія противъ враговъ „святыхъ и праведныхъ“ мужей, „блаженнаго“ Сильвестра и „добродѣтельнаго“ Адашева: ихъ враговъ онъ называетъ „презлыми ласкателями“, клеветавшими и шептавшими на ухо благосклонно ихъ слушавшему царю, „отродьемъ ехидны“, а новыхъ приближенныхъ царя, заступившихъ мѣсто „доброй избранной рады“, какъ Курбскій называетъ людей своей партіи,— „навѣтниками, паразитами, блазнями, ворами и разбойниками“ [1]).

Въ виду принадлежности Курбскаго къ могущественной партіи Сильвестра и Адашева, событія, происходившія при дворѣ во время болѣзни, привлекаютъ наше вниманіе, потому что они въ дѣльнѣйшемъ произвели паденіе этой партіи, а это послѣднее не могло не отразиться на судьбѣ нашего писателя.

Когда царю сдѣлалось хуже, и окружающіе начали отчаиваться въ его жизни, дьякъ Иванъ Михайловичъ Висковатый напомнилъ больному о духовной. По совершеніи духовной, государь приказалъ привести къ крестному цѣлованію князя Владиміра Андреевича и бояръ на вѣрность царевичу Дмитрію. Вѣрные бояре, главнымъ образомъ, Владиміръ Михайловичъ Воротынскій и дьякъ Висковатый начали уговаривать удѣльнаго князя Старицкаго, который упрямился и не хотѣлъ цѣловать креста, послушаться волѣ умирающаго государя. Владиміръ Старицкій, двоюродный братъ Іоанна, въ сердцахъ сказалъ Воротынскому: „Ты бы со мною не бранился, мнѣ не указывалъ и противъ меня не говорилъ!“

---

[1]) Сказанія, стр. 9, 68, 70—73, 80, 106.

Библиотека имени В. Е. Ленина

—„Я принесъ, отвѣчалъ Воротынскій, присягу царю и великому князю Ивану Васильевичу всея Руси и сыну его царевичу князю Димитрію, что служить мнѣ имъ во всемъ въ правду; и съ тобою они, государи мои, велѣли мнѣ говорить. Служу имъ, государямъ своимъ, а тебѣ служить не хочу и за нихъ, за государей своихъ, съ тобою говорю, а гдѣ доведется, по ихъ государей своихъ велѣнію, и драться съ тобою готовъ!“

Поднялась, говоритъ лѣтописецъ, между боярами брань, крикъ и шумъ большой. Дѣло въ томъ, что многіе благопріятствовали князю Владиміру и не желали видѣть на тронѣ государя-младенца, потому что страшились, чтобы государственная власть не попала въ руки Захарьиныхъ-Юрьевыхъ, родственниковъ младенца Димитрія.

„Если вы, говорилъ больной боярамъ, сыну моему Димитрію креста не цѣлуете, то видно, у васъ другой государь есть, но цѣловали вы мнѣ крестъ неоднократно, чтобы помимо насъ другихъ государей не искать. Привожу васъ къ цѣлованію и велю служить сыну моему Димитрію, а не Захарьинымъ. Я съ вами говорить много не въ силахъ: вы свои души забыли и, въ чемъ намъ крестъ цѣловали, того не исполняете. Кто не хочетъ служить государю-младенцу, тотъ и *взрослому не захочетъ служить*; и если мы вамъ ненадобны, то это на вашихъ душахъ“.

—„Нельзя намъ, оправдывалъ бояръ князь Ив. Мих. Шуйскій, цѣловать крестъ не передъ государемъ. Передъ кѣмъ намъ цѣловать, если государя тутъ нѣтъ?“

—„Тебѣ государю и сыну твоему царевичу князю Димитрію, прибавилъ отецъ Адашева, крестъ цѣлуемъ, а Захарьинымъ, Данилѣ съ братомъ, намъ не служить; но сынъ твой, государь нашъ, еще въ пеленкахъ, а владѣть нами станутъ Захарьины, Данила съ братьею, а мы уже отъ бояръ въ твое малолѣтство бѣды многія видѣли“.

Отвѣчая такимъ образомъ, вопреки словамъ государя: „велю вамъ служить сыну моему Димитрію, а не Захарьинымъ“, окольничій Оеодоръ Григорьевичъ Адашевъ настаивалъ на неизбѣжности, при малолѣтствѣ царевича, владычества Захарьиныхъ, что, при рѣшительномъ его заявленіи: „Захарьинымъ намъ не служить“, равносильно было полному отказу цѣловать крестъ Димитрію.

И былъ, продолжаетъ лѣтописецъ, мятежъ великій и рѣчей много между боярами, но не хотятъ все-таки служить младенцу. Къ

вечеру, однако, присягнули Ив. Ѳед. Мстиславскій, Влад. Ив. Воротынскій, Пв. Вас. Шереметевъ, Мих. Яковл. Морозовъ, Дм. Ѳед. Палецкій, дьякъ Ив. Висковатый, Дан. Ром. и Вас. Мих. Юрьевы. Тогда же присягнули Алексѣй Адашевъ и Игнатій Вешняковъ. О Дм. Пв. Курлятевѣ, который больной цѣловалъ крестъ на третій день послѣ того, какъ мятежъ среди бояръ минулся, и о казначеѣ Фуниковѣ ходила молва, будто они сносились съ Старицкимъ княземъ и его матерью, потому что не хотѣли царевича Димитрія на государствѣ изъ-за его младенчества. Бояринъ же Ив. Петр. Ѳедоровъ-Челяднинъ сказывалъ впослѣдствіи государю, что Петръ Щенятевъ, Ив. Пронскій и Сем. Ростовскій не хотѣли креста цѣловать и говорили: „вѣдь нами владѣть Захарьинымъ и чѣмъ нами владѣть Захарьинымъ, а намъ служить государю молодому, такъ мы станемъ служить старому—князю Владиміру Андреевичу“. Кн. Дм. Ив. Нѣмой, по словамъ окольничаго Льва Салтыкова, говорилъ ему: „Богъ знаетъ что такое! насъ бояре приводятъ къ цѣлованію, а сами креста не цѣловали, но какъ служить малому мимо стараго? владѣть нами Захарьинымъ!“ [1]).

Когда нѣкоторыхъ бояръ царь привелъ къ цѣлованію, то приказалъ написать крестоцѣловальную запись для князя Владиміра Старицкаго. Въ ней, между прочимъ, было сказано: „А придетъ Божія воля, возметъ Богъ государя моего царя и великаго князя, то мнѣ сына государя своего царя и великаго князя, царевича Димитрія Ивановича держать въ твое мѣсто; а великихъ княжествъ, Казанскаго царства и всѣхъ его государствъ подъ нимъ блюсти и не обижать, не вступаться и не подыскиваться никакими дѣлами, никакою хитростью, но быть мнѣ съ нимъ вездѣ за одинъ“ [2]).

Кн. Владиміръ отказался „на записи крестъ цѣловать“.

—„Самъ, сказалъ ему больной, то знаешь, если не хочешь креста цѣловать: что станется, на твоей душѣ; а мнѣ до того дѣла нѣтъ“.

Обращаясь же къ присягнувшимъ царевичу Димитрію, прибавилъ: „Бояре! я не могу и мнѣ не до того; а вы, на чемъ мнѣ и сыну моему Димитрію крестъ цѣловали, по тому и дѣлайте!“

---

[1]) Царств. кн. стр. 338—340.

[2]) Запись, данная Владиміромъ Андреевичемъ 12 марта 7061 года, сохранилась. См. Собр. Грам и Договор. т. I. № 167.

И давшіе присягу бояре встрѣчали тѣхъ бояръ, которые не захотѣли наканунѣ присягать, уговаривая ихъ не противиться волѣ умирающаго государя, но тѣ стали жестоко браниться и укорять преданныхъ бояръ: „вы нами, говорили они, сами хотите владѣть, но мы не хотимъ вамъ служить и владѣнія вашего не желаемъ!“

Между тѣмъ, какъ царь лежалъ при смерти и едва имѣлъ силъ объясняться съ боярами, а тѣ бранились и перекорялись во дворцѣ, Владиміръ Андреевичъ и его мать собрали своихъ дѣтей боярскихъ и раздавали имъ деньги. Сохранившіе вѣрность умирающему царю бояре поставили на видъ князю Владиміру и его матери неприличіе подобныхъ раздачъ и ихъ неумѣстность, но тѣ обидѣлись и возпегодовали на бояръ, а послѣдніе перестали пускать ихъ къ постели больнаго.

Тогда-то вмѣшался попъ Сильвестръ: „зачѣмъ вы, сказалъ онъ боярамъ, къ государю князя Владиміра не пускаете: онъ государю *добра хочетъ* (добрахотенъ). Подобное заявленіе „блаженнаго“ Сильвестра взорвало бояръ: „мы отвѣчали они, на чемъ государю и сыну его царевичу князю Димитрію присягнули, по тому и дѣлаемъ, *чтобы ихъ государству было крѣпче*“. И пошла съ тѣхъ поръ, говоритъ лѣтописецъ, вражда между боярами и Сильвестромъ и его совѣтниками.

На другой день призвалъ государь всѣхъ бояръ и говорилъ, чтобы присягали сыну его Димитрію. Такъ какъ ему самому тяжело было, то присутствовать въ передней избѣ, гдѣ должна была происходить присяга, онъ указалъ своимъ ближнимъ боярамъ, Ив. Ѳед. Мстиславскому и Влад. Ив. Воротынскому съ товарищами. Принесшимъ присягу боярамъ государь сказалъ: „Бояре! вы принесли присягу (дали есте душу) мнѣ и сыну моему Димитрію на томъ, что вамъ служить намъ; нынѣ бояре сына моего на государствѣ не хотятъ видѣть; если совершится надо мною воля Божья и меня не станетъ, вы, пожалуйста, помните, на чемъ мнѣ и сыну моему крестъ цѣловали: не дайте боярамъ извести сына моего, а бѣгите съ нимъ въ чужую землю, куда Богъ укажетъ“.

Потомъ, обратившись къ Даніилу Романовичу и Василію Михайловичу, прибавилъ: „Вы, Захарьины, чего испугались? можетъ, вы думаете, бояре васъ пощадятъ? вы отъ бояръ первые мертвецы будете: такъ вы бы за сына моего и его мать умерли, а жены моей на поруганіе боярамъ не дали“.

Эти слова государя произвели такое впечатлѣніе на бояръ (государскаго жесткаго слова поустрашилися), что они отправились въ переднюю избу присягать царевичу Димитрію.

Тутъ, когда присягали, одинъ изъ бояръ, Ив. Ив. Туруптай-Пронскій, подойдя ко кресту, у котораго стоялъ Воротынскій, въ сердцахъ сказалъ, обращаясь къ послѣднему: „Твой отецъ да и ты самъ послѣ великаго князя Василія первый измѣнникъ, а приводишь ко кресту“. Воротынскій нашелся: „я, отвѣчалъ онъ, измѣнникъ, а тебя привожу къ крестному цѣлованію, чтобы ты служилъ государю нашему и сыну его, царевичу Димитрію, по ты прямъ, а государю нашему и царевичу Димитрію креста не цѣлуешь и служить имъ не хочешь“.

Этотъ насмѣшливо-правдивый отвѣтъ смутилъ князя Пронскаго, и онъ поторопился присягнуть [1]).

Разумѣется, всѣ эти сцены и происшествія должны были произвести на больнаго Іоанна самое тяжелое впечатлѣніе тѣмъ болѣе, что онъ могъ вполнѣ убѣдиться, что тѣ люди, которыхъ онъ приблизилъ къ себѣ, употребимъ собственное его выраженіе, *для помощи души своей,* люди, которымъ онъ безусловно довѣрялъ, покинули его въ самую критическую и тяжелую минуту жизни, а одинъ изъ нихъ, попъ Сильвестръ, осмѣлился сказать о Владимірѣ Старицкомъ, что онъ добра государю хочетъ, хотя для всякаго были очевидны пропски этого удѣльнаго князя.

Это поведеніе партіи Сильвестра и Адашева во время болѣзни царя повлекло ея паденіе, которое, правда, случилось спустя нѣсколько лѣтъ. Эта медленность царя въ расправѣ съ этой партіей находитъ себѣ объясненіе въ томъ, что она, какъ мы видѣли, захватила всю власть въ государствѣ и была такъ могущественна, что немедленное ея удаленіе образовало бы вокругъ трона пустоту, потому что большинство бояръ, какъ можно видѣть изъ описанія болѣзни Іоанна, принадлежало къ этой партіи.

Въ самомъ дѣлѣ, все оставалось какъ бы по прежнему, и даже милости оказывались лицамъ, наиболѣе себя скомпроментировавшимъ въ послѣднее время: въ 1553 г. черезъ нѣсколько, вѣроятно,

---

[1]) Царств. кн. стр. 341—345.

мѣсяцевъ послѣ выздоровленія царя было сказано боярство кн. Семену Ростовскому, который не хотѣлъ цѣловать креста малолѣтнему Димитрію, и Ѳеодору Григорьевичу Адашеву [1]), который не постѣснялся передъ тяжело-больнымъ государемъ высказать опасенія своихъ единомышленниковъ и оправдывать ихъ образъ дѣйствій. Царю, видно, приходилось таить свое негодованіе и кровную обиду: „младенца нашего, говорилъ онъ по этому поводу, ниспосланнаго намъ Богомъ, хотѣли, уподобясь Проду, погубить, воцаривши князя Владиміра“ [2]).

Однако, со времени выздоровленія обозначаются признаки охлажденія царя къ этой партіи, и она чувствовала, что теряетъ подъ собою почву, но объ этомъ положеніи партіи Сильвестра и Адашева мы будемъ еще имѣть случай говорить.

Мы не знаемъ, какъ держалъ себя Курбскій во время болѣзни царя, потому что самъ онъ, при описаніи Іоаннова царствованія, только вскользь о ней упоминаетъ, а Царств. книга, единственная лѣтопись, дающая подробныя свѣдѣнія о болѣзни, говоритъ только о лицахъ, принадлежащихъ къ боярской думѣ, т. е. о боярахъ и окольничихъ, а Курбскій, хотя прославленный уже военными талантами и мужествомъ воевода, продолжалъ считаться въ числѣ боярскихъ дѣтей первой статьи [3]). Въ одномъ изъ своихъ писемъ онъ рѣшительно заявляетъ, что и не думалъ желать князя Владиміра на царство, считая его человѣкомъ недостойнымъ трона [4]). Очень вѣроятно, что нашъ писатель былъ въ числѣ лицъ, державшихся нейтралитета; по крайней мѣрѣ, мы видимъ, что онъ пользуется благосклонностью царя, какъ пользовался ею и до болѣзни. Когда послѣ выздоровленія царь съ женою и малолѣтнимъ сыномъ отправился на богомолье въ Кириловъ монастырь, то въ числѣ лицъ, сопутствующихъ ему, былъ Курбскій и присутствовалъ при бесѣдѣ Іоанна съ Максимомъ Грекомъ [5]). Какъ

---

[1]) Древн. Вивл. т. XX, стр. 39.

[2]) Сказанія, стр. 166.

[3]) Фамилія князей Курбскихъ принадлежала къ числу тѣхъ первостепенныхъ, члены которыхъ становились прямо боярами, минуя промежуточную степень окольничаго. Ключевскій, стр. 240—245.

[4]) Сказанія, стр. 203.

[5]) Сказанія, стр. 35—37.

извѣстно, царь отправился въ маѣ на богомольѣ; въ іюлѣ воротился уже въ Москву [1]), а въ сентябрѣ Курбскій снова надѣлъ свои доспѣхи. Дѣло въ томъ, что не успѣли русскія войска выйти изъ Казанской области, какъ стали въ Москвѣ получаться отъ князя Горбатаго непріятныя извѣстія о волненіяхъ среди населенія новопокоренной области [2]). 20 марта 1553 г. боярин князь Петръ Ив. Шуйскій извѣщалъ, что онъ посылалъ противъ арскихъ людей, приходившихъ на горную сторону, Бориса Салтыкова, но онъ былъ разбитъ и попался въ плѣнъ, а его отрядъ понесъ довольно значительныя потери [3]). Въ виду подобнаго тревожнаго положенія казанской области, туда въ сент. 1553 г. были отправлены князь Сем. Пв. Микулинскій, Ив. Вас. Шереметевъ и князь Курбскій, начальствовавшій сторожевымъ полкомъ. Походъ этотъ былъ весьма удачный: русскіе во многихъ стычкахъ разбили враговъ, городъ на Межѣ сожгли и разорили до основанія, 4 недѣли опустошали всю арскую сторону вверхъ по Камѣ на полтораста верстъ, а поперекъ, отъ Волги до Вятки, на 200 верстъ.

Послѣ этого разгрома арская и побережная сторона покорились и обѣщали давать дань, а воеводы благополучно возвратились въ Москву къ Благовѣщенію 1554 года [4]).

Слѣдующіе два съ половиною года, въ теченіе которыхъ была завоевана Астрахань, умиротворена Казанская земля, начата и счастливо окончена война со Швеціей, отраженъ отъ предѣловъ русскихъ крымскій ханъ, Девлетъ Гирей (Судьбищенская битва), Курбскій посвятилъ мирной дѣятельности, какъ можно предполагать изъ того, что и самъ онъ не говоритъ о своемъ участіи въ событіяхъ этихъ лѣтъ, и наши источники не даютъ на это указанія. Знаемъ только, что въ янв. 1556 г. онъ ходатайствовалъ передъ царемъ за одного изъ своихъ сподвижниковъ, Михаила Рязанова, которому поэтому

---

[1]) Ник. лѣт. т. VII, стр. 202—203; Льв. лѣт. т. V, стр. 12—13.

[2]) Ник. лѣт. т. VII, стр. 198—200; Царств. кн. стр. 331—335; Льв. лѣт. т. V, стр. 2—8.

[3]) Ник. лѣт. т. VII, стр. 200—201; Царств. кн. стр. 335—336; Льв. лѣт. т. V, стр. 8—9.

[4]) Ник. лѣт. т. VII, стр. 208, 213—214; Льв лѣт. т. V, стр. 22, 32—34.

было дано помѣстье, 9 обжей земли [1]), и въ томъ же году ему было сказано боярство [2]).

Вскорѣ обострившіяся отношенія московскаго государства къ крымскому хану вызвали новопожалованнаго боярина на арену военной дѣятельности, съ которой онъ не сходилъ уже до момента своего бѣгства въ Литву, участвуя въ цѣломъ рядѣ походовъ и доблестно поддерживая репутацію даровитаго полководца, созданную его подвигами подъ Казанью.

Весною 1556 г., когда узнали въ Москвѣ, что крымскій ханъ не отправилъ своего гонца, въ замѣнъ на московскаго, „чиня нужду" послѣднему, и собирается сдѣлать набѣгъ на московскія украины, поспѣшили послать дьяка Ржевскаго подъ улусы крымскіе развѣдывать о ханѣ. Ржевскій построилъ на Пселѣ суда и Днѣпромъ спустился къ кочевьямъ татаръ [3]). Въ маѣ пришло отъ него извѣстіе, что ханъ съ ордою собрался на Конскихъ водахъ и думаетъ броситься на украины русскія; это извѣстіе было подтверждено жителемъ Путивля, бѣжавшимъ изъ Крыма.

Царь съ боярами, по полученіи этихъ вѣстей, приговорилъ итти на Серпуховъ и Тулу, чтобы за этимъ городомъ на полѣ, какъ тогда называли степи, прилегавшія къ украинамъ, ожидать татаръ и вступить съ ними въ бой (дѣлать прямое дѣло), какъ только они покажутся.

Въ этомъ походѣ, какъ можно предполагать, принималъ участіе Курбскій: по крайней мѣрѣ, мы видимъ, что въ сент. этого года онъ начальствуетъ лѣвой рукой и вмѣстѣ съ воеводами большого полка и сторожевого стоитъ въ Калугѣ [4]).

Когда царь находился уже въ Серпуховѣ и собирался итти дальше, стали получаться благопріятныя вѣсти. Данила Чулковъ, отправленный еще весною Дономъ подъ Азовъ, прислалъ взятыхъ имъ въ плѣнъ 9 татаръ и сообщилъ, что ханъ дѣйствительно соби-

---

[1]) Доп. Акт. Ист. т. I, № 52, стр. 111. „А воевода нашъ князь Ондрѣй Михайловичь Курбской намъ сказывалъ, что Михалецъ службою добръ». Здѣсь Курбскій не называется бояриномъ, такъ что мы можемъ болѣе точно опредѣлить, когда ему было сказано боярство: въ промежутокъ времени отъ 20 янв. (дата грамоты) до 1 сент. 1556 года.

[2]) Древн. Вивл. т. XX, стр. 41.

[3]) Няк. лѣт. т. VII, стр. 262; Льв. лѣт. т. V, стр. 128—129.

[4]) Древн. Вивл. т. XIII, стр. 247—248.

рался на московскія украины, но, узнавши о мѣрахъ и приготовленіяхъ русскихъ, отказался отъ мысли о набѣгѣ; собрался было онъ итти на польскія мѣста, но воротился, такъ какъ изъ Крыма дали знать, что видѣли на Днѣпрѣ русскихъ, которые идутъ къ Исламъ-Керменю.

Это былъ дьякъ Ржевскій и присоединившіеся къ нему черкасскіе казаки. Въ іюнѣ узналъ царь подробности о походѣ этого послѣдняго: русскіе подошли къ Исламъ-Керменю, но люди оттуда выбѣжали, удалось захватить скотъ и лошадей; отсюда дьякъ Ржевскій пришелъ къ Очакову, взялъ острогъ и побилъ турокъ и татаръ; турки его преслѣдовали, когда онъ отступалъ, но онъ устроилъ засаду въ днѣпровскихъ тростникахъ и побилъ много враговъ; одновременно съ нимъ къ Исламъ-Керменю явился калга (старшій крымскій царевичъ), однако дьякъ, отбиваясь отъ него 6 дней, успѣлъ ночью отогнать у татаръ конскіе табуны, перевезъ ихъ къ себѣ на островъ и благополучно воротился Днѣпромъ, подымаясь вверхъ по рѣкѣ. По полученіи этихъ извѣстій, царь въ іюнѣ воротился въ Москву, оставивши на берегу воеводъ [1]) и въ числѣ ихъ Курбскаго въ лѣвой рукѣ первымъ воеводою.

Въ сент. въ Москвѣ уже знали о благополучномъ возвращеніи дьяка Ржевскаго въ Путивль. Казаки черкасскіе, какъ извѣстно изъ донесенія дьяка, пристали къ нему, когда онъ шелъ на Исламъ-Кермень. Удача этой экспедиціи и удаль москвичей, дерзнувшихъ тревожить разбойниковъ въ ихъ собственномъ гнѣздѣ, плѣнили, вѣроятно, черкасскихъ казаковъ и ихъ предводителя князя Дм. Ив. Вишневецкаго: въ сент. того года прибыли отъ послѣдняго послы. Они отъ имени пославшаго извѣщали, что князь отъѣхалъ отъ польскаго короля, поставилъ городъ на Хортицѣ, противъ Конскихъ водъ, возлѣ крымскаго кочевища, и просятъ принять его на службу царскую. Московское правительство приняло предложеніе и отправило кн. Вишневецкому „опасную грамоту и жалованье“. Въ октябрѣ этотъ новый слуга увѣдомлялъ, что отправляется воевать улусы татарскіе подъ Исламъ-Кермень. Вскорѣ услышили въ Москвѣ, что на Покрову Вишневецкій взялъ этотъ городъ, а пушки вывезъ въ свой Хортицкій городокъ [2]).

---

[1]) Ник. лѣт. т. VII, стр. 264—267; Льв. лѣт. т. V, стр. 132—138.

[2]) Ник. лѣт. т. VII, стр. 272—273, 274, 276; Льв. лѣт. т. V, стр. 143—149, 151—152, 155; Древн. Вивл. т. XIII, стр. 248.

Эти успѣхи русскаго оружія заставили хана искать съ Москвою мира и завязать переговоры; ханъ писалъ царю, что онъ „всю безлѣпицу отставилъ“ [1]). Московское правительство знало цѣну дружбы и увѣреній пріятельскихъ, идущихъ изъ Крыма, и продолжало держать войска на берегу. По новой росписи, правая рука, которой начальствовали Щенятевъ и Курбскій, стояла въ Каширѣ вмѣстѣ съ передовымъ полкомъ, большой и сторожевой полки въ Коломнѣ, а лѣвая рука въ Тарусѣ [2]).

Дѣйствительно, въ маѣ 1557 г. кн. Вишневецкій писалъ царю, что ханъ съ ордою приходилъ на Хортицкій городокъ, 24 дня приступалъ къ городу, но ему удалось отбиться и побить много татаръ. Этотъ храбрый казацкій вождь справедливо замѣчалъ: „пока на Хортицѣ будутъ царскіе люди, крымцамъ на войну ходить никуда нельзя“ [3]).

Какъ только были получены эти вѣсти отъ кн. Вишневецкаго, царь 2 іюля рѣшилъ „для своего дѣла и земскаго“ итти на Коломну и тамъ ожидать дальнѣйшихъ и болѣе опредѣленныхъ вѣстей [4]).

Вскорѣ крымцамъ удалось выбить Вишневецкаго изъ его опаснаго для нихъ стратегическаго пункта. Въ октябрѣ князь писалъ въ Москву: кормовъ у него не стало, и казаки отъ него разошлись, а ханъ съ турками и валахами пошелъ на Хортицкій городокъ; поэтому онъ бросилъ свой городокъ и засѣлъ въ Черкассахъ и Каневѣ, ожидая дальнѣйшихъ указаній отъ царя. Іоаннъ приказалъ отступиться отъ захваченныхъ городовъ, какъ принадлежащихъ польскому королю, съ которымъ было перемиріе, а пожаловалъ удальца своимъ жалованьемъ, городомъ Бѣлевымъ со всѣми волостями и селами [5]).

Выживши кн. Вишневецкаго изъ Хортицы, въ Крыму сразу заговорили другимъ языкомъ: въ декабрѣ того же года явился въ Москву ханскій гонецъ, съ предложеніемъ крымской дружбы, если царь согласится посылать бо́льшіе поминки, чѣмъ въ предшествовавшіе

---

[1]) Ник. лѣт. т. VII, стр. 275—276; Льв. лѣт. т. V, стр. 155.
[2]) Древн. Вивл. т. XIII, 251—252.
[3]) Ник. лѣт. т. VII, стр. 284; Льв. лѣт. т. V, стр. 171.
[4]) Древн. Вивл. т. XIII, стр. 252.
[5]) Ник. лѣт. т. VII, стр. 292—293; Льв. лѣт. т. V, стр. 187—188.

годы, и ту дань, которую даетъ король [1]). Между тѣмъ, какъ происходили эти переговоры, крымцы, по донесенію Ѳеодора Загрязскаго, собирались сдѣлать набѣгъ на московскія украины. Однако, въ Москвѣ, вѣроятно, не особенно боялись крымскихъ угрозъ, потому что войска были отпущены, а только по украиннымъ городамъ оставили надежныхъ воеводъ [2]).

Въ предотвращеніе набѣга, прибѣгли къ испытанному средству. 5 янв. 1558 г. царь отправилъ князя Вишневецкаго, дьяка Ржевскаго и другихъ на Хортицу: они должны были построить суда на Пселѣ и стоять на Днѣпрѣ, оберегая предѣлы русскіе [3]). Въ маѣ же были получены отъ Вишневецкаго вѣсти: приходилъ онъ къ Перекопу, въ 6 верстахъ отъ него побилъ сторожей крымскихъ и благополучно возвратился на Хортицу, такъ какъ ханъ скрылся за Перекопъ, куда поспѣшили убраться всѣ крымцы; когда подошелъ съ свѣжими силами дьякъ Ржевскій, князь отпустилъ всѣхъ слабыхъ и истомленныхъ, рѣшивши проводить лѣто въ Исламъ-Керменѣ и оттуда ходить за Перекопъ и къ Козлову; хану же удалось своевременно „забить всѣ улусы за Перекопъ“, потому что король его извѣстилъ о походѣ русскихъ [4]). Вскорѣ, 12 іюня, Вишневецкій изъ Исламъ-Керменя прислалъ бѣжавшаго изъ Крыма плѣнника, который сообщилъ, что ханъ собралъ всю орду за Перекопомъ и рѣшилъ у султана просить помощи, такъ какъ намѣренъ итти на московскія украины [5]).

Еще до полученія этихъ вѣстей, 26 марта царь росписалъ воеводъ по полкамъ, отправляемымъ на берегъ, но, когда получилъ эти свѣдѣнія о положеніи крымскихъ дѣлъ, роспись была измѣнена совершенно, но ни въ той, ни въ другой мы не встрѣчаемъ имени Курбскаго [6]).

Отозванный въ концѣ 1557 г. вмѣстѣ съ другими воеводами отъ береговъ Оки, онъ теперь, по волѣ царя, появляется на другомъ театрѣ войны.

---

[1]) Ник. лѣт. т. VII, стр. 295; Льв. лѣт. т. V, стр. 192.

[2]) Древн. Вивл. т. XIII, стр. 258.

[3]) Древн. Вивл. т. XIII, стр. 260; Ник. лѣт. т. VII, стр. 295—296; Льв. лѣт. т. V, стр. 193—194.

[4]) Ник. лѣт. т. VII, стр. 308—309; Льв. лѣт. т. V, стр. 218—220.

[5]) Древн. Вивл. т. XIII, стр. 263.

[6]) Древн. Вивл. т. XIII, стр. 262—265.

Въ 1550 г. истекалъ срокъ перемирія съ Ливоніей, заключеннаго магистромъ Плетенбергомъ, но, какъ извѣстно, въ то время все вниманіе московскаго правительства было поглощено дѣлами казанскими, такъ что въ Москвѣ, по просьбѣ дерптскаго епископа (D. Iodocus a Beck), согласились продолжить перемиріе на 5 лѣтъ, подъ условіемъ возобновленія разрушенныхъ въ Ригѣ, Ревелѣ и Дерптѣ русскихъ храмовъ (лютеранами въ 1527 г.), уплаты дани (tributum per capita) съ Дерптской области и удовлетворенія по различнымъ возникшимъ жалобамъ [1]). Однако, условія этого перемирія не были приведены въ исполненіе ливонцами, въ той надеждѣ, что московиту, какъ они называли царя, не до нихъ (война съ Казанью и болѣзнь), но когда узнали о паденіи Казани, то поспѣшили завязать снова переговоры. Въ маѣ 1554 г. прибыли въ Москву ливонскіе послы (Іоаннъ Боккорстъ и Отто фонъ-Гротгузенъ отъ магистра, а Вольмеръ Врангель и Дидерихъ Каферъ отъ дерптскаго епископа) просить перемирія, но царь черезъ окольничаго Алексѣя Адашева указывалъ на нарушенія заключеннаго раньше договора: дани съ дерптской области за много лѣтъ не уплачиваютъ, купцовъ обижаютъ, церкви христіанскія и концы русскіе позанимали. Послы долго спорили, доказывая, что дерптская область никогда дани не платила, и требовали, чтобы имъ показали грамоты и договоры, на которыхъ русскіе основываютъ свои притязанія, но, наконецъ, согласились признать права царя на дань съ юрьевской области, въ размѣрѣ гривны (рижской марки) съ человѣка, и получили перемиріе на 15 лѣтъ [2]). Въ іюнѣ 1556 г. пріѣхалъ въ Дерптъ Терпигоревъ и ему выдали грамоту о дани съ обязательствомъ уплатить просроченное за три года, рѣшивши, впрочемъ, опротестовать эту грамоту въ имперскомъ судѣ [3]). Эти юридическія тонкости, при помощи которыхъ ливонцы предполагали отвратить грозное требованіе дани, не имѣли никакого смысла въ глазахъ всѣхъ благоразумныхъ людей и московскаго царя, продолжавшаго требовать исполненія заключен-

---

[1]) De Moscov. bel. Comm. (Іоанна Левеклава) p. 10; Bel. Liv. Hist. (Бреденбаха) pp. 6—7, 16 въ Сборникѣ Старчевскаго Script. Ext. t. I.

[2]) Ник. Лѣт. т. VII, стр. 215—216; Лив. Лѣт. т. V, стр. 36—38; Рюссовъ (Прибалтійскій Сборникъ, т. II), стр. 339—340. Нienштедтъ (Прибл. Сборн. т. IV), стр. 9—10.

[3]) Рюссовъ (Прибл. Сборн. т. II), стр. 344—346; Нienштедтъ (Прибл. Сборн. т. IV), стр. 11—13; П. С. Р. Л. т. IV, стр. 309 (Пск. Лѣт.)

ихъ договоровъ. Въ февралѣ 1557 г. магистръ прислалъ пословъ просить о сложеніи съ жителей дерптской области дани, но царь приказалъ Адашеву и Висковатому отвѣчать, что государь рѣшился самъ искать удовлетворенія съ магистра и ливонской земли. Вслѣдъ за этимъ, въ апрѣлѣ былъ отправленъ окольничій князь Дм. Шастуновъ и Иванъ Выродковъ поставить на морскомъ берегу городъ при устьѣ Нарвы, ниже Ивангорода, а въ Новгородѣ, Псковѣ и Ивангородѣ было объявлено запрещеніе ѣздить съ товарами въ Ливонію; но пріѣзжать по торговымъ дѣламъ нѣмцамъ было разрѣшено и было приказано не дѣлать имъ никакой защиты [1]). Эти мѣры московскаго правительства устрашили ливонцевъ. Въ декабрѣ 1557 г. прибыли послы отъ магистра и епископа (Клаусъ Франке и Элертъ Крузе); они просили сложить поголовную дань, а брать урокомъ, по 1000 венгерскихъ золотыхъ (гульденовъ) ежегодно, съ дерптскаго епископства, а за просроченные годы 40 тыс. талеровъ, немедленно подлежащихъ уплатѣ, умоляя не посылать войска на Ливонію. На эти условія царь согласился, но когда потребовали денегъ, то у пословъ ихъ не оказалось, и они начали просить отсрочки, обѣщая доставить деньги безъ замедленія. Это мало помогло. Царь разгнѣвался, видя въ этомъ нѣмецкую волокиту, и объявилъ походъ [2]).

Въ январѣ 1558 г. громадное русское войско [3]), сторожевымъ полкомъ котораго начальствовалъ Курбскій и Петръ Головинъ [4]), выступило изъ Пскова и вошло возлѣ Нейгауза въ Ливонію тремя отрядами: одинъ изъ нихъ, держась литовскаго рубежа, опустошилъ страну на полтораста вер. вдоль и 100 поперекъ; два же другіе шли къ Дерпту, уничтожая все по дорогѣ; отряды сошлись подъ Дерптомъ. Простоявши подъ этимъ городомъ три дня, пошли къ Ракобору (Везенбергу), отсюда повернули направо къ морю, посылая летучіе отряды по дорогѣ къ Ригѣ и Ревелю; и отряды только 30—50 верстъ не доходили до этихъ главныхъ ливонскихъ городовъ.

Все, что только могло, искало спасенія подъ защитою крѣпостей, ибо русскіе городовъ не осаждали, а довольствовались лишь

---

[1]) Ник. Лѣт. т. VII, стр. 282—283; Льв. Лѣт. т. V, стр. 167—169.

[2]) Ник. Лѣт. т. VII, стр. 294; Льв. Лѣт. т. V, стр. 190—192; Рюссовъ (Прив. Сборн. т. II) стр. 353—355.

[3]) Численность русскаго войска, по Леневлаву, составляла 20 тыс., а по Нienштедту 40 тыс., но Бреденбахъ даетъ фантастическую цифру 300 тыс.

[4]) Древн. Внвл. т. XIII, стр. 270.

тѣмъ, что сжигали посады. Отъ моря русскіе отряды повернули къ Чудскому озеру и черезъ Нарвскую область, которую опустошилъ Дм. Шастуновъ, отправленный еще весною прошлаго года ставить городъ, вышли изъ Ливоніи мимо Сыренска (Нейшлосса), на Козловъ бродъ. Русскіе опустошали Ливонію цѣлый мѣсяцъ и возвратились съ большимъ количествомъ плѣнныхъ и богатою добычею [1]). Выходя изъ Ливоніи, главный начальникъ войска, бывшій казанскій ханъ, Шигъ-Алей послалъ магистру грамоту: кровь христіанская, онъ писалъ, пролилась по ихъ винѣ, но если они не хотятъ этого несчастія, то прислали бы къ царю просить мира [2]). На ландтагѣ въ Венденѣ рѣшили просить перемирія и отправить въ Москву 60 тыс. талеровъ, собранныхъ городами Ригой, Ревелемъ и Дерптомъ, изъ которыхъ послѣдній далъ 10 тыс. Въ виду этого рѣшенія ландтага, магистръ послалъ гонца просить 4—мѣсячнаго перемирія и охранной для пословъ грамоты. То и другое было дано въ мартѣ, а въ маѣ посольство явилось въ Москву, но настроеніе царя было совершенно враждебное, и послы уѣхали, не добившись даже перемирія [3]). Эту перемѣну въ настроеніи царя произвели нарвскія событія. Вопреки перемирію, нарвскій фохтъ позволилъ себѣ стрѣлять изъ пушекъ по насупротивъ лежащему русскому Ивангороду, а черезъ нѣкоторое время въ Нарву прибылъ отправленный магистромъ отрядъ; эти новоприбывшіе непріятели напали на русскій передовой полкъ, поспѣшно переправляющійся черезъ Нарву, но были отражены, и 34 нѣмца было взято въ плѣнъ. 11 мая вспыхнулъ въ Нарвѣ пожаръ; воспользовавшись имъ, русскіе вышли изъ Ивангорода и приступомъ взяли посадъ, послѣ чего нѣмцы сдали кремль и получили право безпрепятственно уйти, куда хотятъ [4]). Вслѣдствіе всего этого царь въ маѣ приказалъ Дан. Адашеву и Павлу Заболоцкому, стоявшимъ въ Нарвѣ, когда къ нимъ присоединились изъ Новгорода Троекуровъ и Вас. Квашнинъ, вступить въ Ливонію. Они подошли къ Сыренску.

---

[1]) Ник. Лѣт. т. VII, стр. 297—299; Льв. Лѣт. т. V, стр. 196—200; Левеклавъ, р. 13; Бреденбахъ, р. 18; Нienштедтъ (Прив. Сборн. т. IV), стр. 14; Рюссовъ (Прив. Сборн. т. II), стр. 358; П. С. Р. Л. т. IV, стр. 310 (Пск. Пер. Лѣт.).

[2]) Ник. Лѣт. т. VII, стр. 299; Льв. Лѣт. т. V, стр. 201.

[3]) Левеклавъ, р. 13; Бреденбахъ, р. 19; Нienштедтъ (Прив. Сб. IV), стр. 14; Ник. Лѣт. т. VII, стр. 301, 309; Льв. Лѣт. т. V, стр. 204—205, 221.

[4]) Ник. Лѣт. т. VII, стр. 305—307; Льв. Лѣт. т. V, стр. 212—217; П. С. Р. Л. т. IV, стр. 310 (Пск. Пер. Лѣт.); Бреденбахъ, рр. 19—20; Левеклавъ, рр. 13—14.

лежащему при истокѣ рѣки Нарвы изъ Чудскаго озера. 6 іюня фохтъ этого города сдался, выговоривши себѣ право свободнаго отступленія. Послѣ взятія Сыренска, вся рѣка Нарва, Чудское озеро и территорія пограничная на 60 верстъ вдоль и 40 поперекъ перешла въ руки русскихъ [1]).

Получивши эту радостную вѣсть, царь приказалъ воеводамъ оставить въ Сыренскѣ Пав. Заболоцкаго и итти на соединеніе съ Петромъ Ив. Шуйскимъ и Андреемъ Мих. Курбскимъ, шедшими изъ Пскова на Нейгаузъ, по взятіи котораго изъ Москвы, въ подкрѣпленіе Шуйскому и Курбскому, былъ присланъ князь Вас. Сем. Серебряный [2]). По росписи этого похода, Курбскій начальствовалъ передовымъ полкомъ, Шуйскій большимъ, а Серебряный правой рукой [3]). Послѣ трехнедѣльной осады, 30 іюня, русскіе взяли Нейгаузъ, на помощь которому подошелъ съ незначительнымъ отрядомъ магистръ, но во все время осады простоялъ въ полной бездѣятельности около Кирепне, въ 30 верстахъ отъ осаждаемаго города. Услышивши о взятіи Нейгауза, магистръ отступилъ въ Венденъ (Кесь), оставя дерптскаго епископа, поспѣшившаго съ 300 человѣкъ скрыться въ Дерптъ, куда двинулись за нимъ русскіе; настигли его и разбили, такъ что епископъ убѣжалъ съ нѣсколькими солдатами. 11 іюля русскіе подошли къ Дерпту и принялись его осаждать; изъ города дѣлали вылазки и стрѣляли изъ пушекъ, но городское населеніе не надѣялось отсидѣться и во главѣ съ бургомистромъ потребовало у епископа сдачи. Такъ какъ главнокомандующій князь Шуйскій предложилъ очень льготныя условія (желающіе вольны были удалиться безпрепятственно изъ города, а остающіеся сохраняли все имущество, свои права и самоуправленіе городское), то 18 іюля были подписаны условія сдачи, а на слѣдующій день русскіе заняли укрѣпленія города; воеводы строго наблюдали, чтобы никто не обижалъ жителей [4]). Всѣхъ нѣмецкихъ городовъ въ это лѣто русскіе завоевали до

---

[1]) Льв. Лѣт. т. V, стр. 222—225; Ник. Лѣт. т. VII, стр. 310.

[2]) П. С. Р. Л. т. IV, стр. 310 (Пск. Пер. Лѣт.); Льв. Лѣт. т. V, стр. 226; Ник. Лѣт. т. VII, стр. 311.

[3]) Древн. Вивл. т. XIII, стр. 275.

[4]) Льв. Лѣт. т. V, стр. 230—236; Бреденбахъ, pp. 20—28; Кіенштедтъ (Прив. Сборн. т. IV), стр. 15—27; Рюссовъ (Прив. Сборн. II), стр. 367—368; П. С. Р. Л. т. IV, стр. 310 (Пск. Пер. Лѣт.).

двадцати [1]) и, оставивши въ нихъ гарнизоны, вышли изъ Ливоніи: „оставались мы, пишетъ Курбскій о себѣ и товарищахъ, въ той землѣ до самихъ заморозковъ (первозимія) и возвратились къ царю нашему съ великою и славною побѣдою“ [2]).

Недолго пришлось Курбскому отдыхать послѣ этого славнаго похода: не прошло и полугода, какъ его уже видимъ на южной украинѣ, которой угрожалъ набѣгъ татаръ.

Въ іюнѣ 1558 г., когда войска, подъ начальствомъ Шуйскаго и Курбскаго, были въ Ливоніи, кн. Вишневецкій, какъ мы говорили, донесплъ изъ Исламъ-Керменя о приготовленіяхъ хана къ набѣгу, но прошли лѣто и осень, а ханъ не появлялся на украинахъ. Въ декабрѣ [3]) въ Москвѣ узнали, что ханъ, получивши вѣсти о походѣ царя въ Ливонію, рѣшилъ напасть на украины. По полученіи этихъ извѣстій, царь немедленно отправилъ Курбскаго въ Тулу, пограничный городъ, обыкновенно подвергающійся нападенію татаръ [4]). Дѣйствительно, стотысячное татарское войско, подъ начальствомъ царевича Магметъ-Гирея и Ахмата, переправилось черезъ Донецъ и шло вверхъ по Дону; крымцы разсчитывали, раздѣлившись на три отряда, одновременно броситься на Рязань, Тулу и Каширу, но, когда пришли къ рѣкѣ Мечи (правый притокъ Дона), за два дневныхъ перехода до украины, и узнали отъ захваченныхъ рыболововъ, что самъ царь находится въ Москвѣ, а страшные для татаръ воеводы—Шереметевъ въ Рязани, Вишневецкій въ Бѣлевѣ, а Воротынскій въ Калугѣ, то ими овладѣлъ страхъ, и они поспѣшно поворотили назадъ. Въ догонку за татарами, былъ отправленъ князь Воротынскій, но русскіе не догнали и находили только множество павшихъ коней и верблюдовъ на сакмѣ, какъ называли тѣ дороги и пути, по которымъ ходили крымцы [5]).

Въ Москвѣ, однако, не считали украинъ въ безопасности, и царь совѣтовался съ думою объ ихъ оборонѣ, а когда 11 марта

---

[1]) Льв. Лѣт. т. V, стр. 242; П. С. Р. Л. III, стр. 159 (Новг. Вт. Лѣт.). Въ послѣдней названы 18 изъ нихъ.

[2]) Сказанія, стр. 53.

[3]) Въ лѣтописи (Льв. V, стр. 273) просто сказано: «тогожъ мѣсяца въ 21 день на память Петра чудотворца митрополита кіевскаго и всея Россіи», а преставленіе митрополита Петра празднуется церковью 21 декабря.

[4]) Древн. Вивл. т. XIII, стр. 268.

[5]) Льв. Лѣт. т. V, стр. 272—277; Древн. Вивл. т. XIII, стр. 268.

1559 г. были росписаны воеводы по полкамъ, князю Курбскому съ княземъ Ив. Мстиславскимъ поручили начальствованіе правой рукой [1]).

Нѣсколько раньше составленія этой мартовской росписи, въ февралѣ, царь приказалъ князю Вишневецкому построить на Донцѣ суда и ходить на крымскіе улусы, подъ Азовъ и Керчь, а окольничаго Дан. Адашева отрядилъ на Днѣпръ [2]). Въ апрѣлѣ Вишневецкій прислалъ 14 плѣнныхъ и извѣщалъ, что на Айдарѣ (лѣвый притокъ Донца) онъ побилъ татарскій отрядъ и что Магметъ-Гирей возвратился въ Крымъ, но потерялъ много коней и людей [3]).

До полученія этихъ извѣстій, князю Михаилу Воротынскому было приказано итти на Дѣдиловъ и въ степи „мѣстъ смотрѣть, гдѣ царю съ полкомъ стоять", а затѣмъ, когда были получены вѣсти, Курбскому государь велѣлъ изъ Калуги перейти ближе къ степямъ, въ Мценскъ [4]). Въ іюлѣ Данила Адашевъ прислалъ подробное донесеніе о своей экспедиціи: Адашевъ спустился по Днѣпру подъ Очаковъ; тамъ русскіе захватили корабль и отсюда поплыли къ острову Чюлу, гдѣ взяли другой корабль; на островѣ Ярлагашѣ захватили и побили верблюжьи стада, а потомъ, раздѣлившись на отряды, опустошали берега Крыма и окрестности Перекопа; ханъ съ ордою пошелъ на Данила, но послѣдній, благополучно воротившись съ моря къ устью днѣпровскому, началъ подыматься вверхъ по рѣкѣ, отбиваясь отъ татаръ, которые дѣлали нападенія въ тѣсныхъ и узкихъ мѣстахъ; когда Адашевъ прошелъ черезъ пороги и расположился на Монастырскомъ островѣ, то со словъ плѣнника узналъ, что ханъ стоитъ въ 15 вер. отъ острова и собирается сдѣлать на него нападеніе, но посланные развѣдчики донесли объ отступленіи татаръ [5]).

Въ виду этого донесенія, царь, сдѣлавъ смотръ воеводамъ и дѣтямъ боярскимъ, стоявшимъ по украиннымъ городамъ, отпустилъ ихъ 23 августа 1559 г. и оставилъ только на украинахъ обычное количество военныхъ силъ и сторожей [6]).

Между тѣмъ, какъ дѣла на югѣ пришли къ благополучному окончанію, не то происходило на западныхъ границахъ, въ Ливоніи.

---

[1]) Древн. Вивл. т. XIII, стр. 285—286.
[2]) Льв. Лѣт. т. V, стр. 279.
[3]) Льв. Лѣт. т. V, стр. 289.
[4]) Древн. Вивл. т. XIII, стр. 288.
[5]) Льв. Лѣт. т. V, стр. 290—295.
[6]) Древн. Вивл. т. XIII, стр. 296.

Едва успѣли русскіе полки выйти изъ этой страны, какъ стали въ Москву приходить неутѣшительныя вѣсти. Осенью Готгардъ Кетлеръ, коадъюторъ магистра, осадилъ Рингенъ, гдѣ воеводою былъ Русинъ Игнатьевъ; на выручку къ нему послали изъ Ракобора Мих. Репнина, а изъ Москвы отправили Бор. Колычева. Подошедши къ городу, воеводы узнали, что Кетлеръ стрѣляетъ усиленно изъ пушекъ, а Игнатьевъ у него побиваетъ людей на приступахъ. Такъ какъ нѣмцы окопались и не выходили противъ Репнина, то тотъ, не рѣшаясь напасть самъ, довольствовался мелкою войною и нападалъ на выходящихъ за фуражемъ. Послѣ шестинедѣльной осады Кетлеръ взялъ Рингенъ, разбилъ Репнина на-голову и отступилъ въ Венденъ (Кесь) [1]). Въ то же время, наступая отъ литовскаго рубежа (отъ Рѣжицы, Влеха и Лужи), ливонцы сожгли посадъ Краснаго городка и пограбили много селъ въ Псковской области, а подъ Себежомъ сожгли монастырь св. Николая [2]).

Въ виду подобнаго положенія дѣлъ, царь въ декабрѣ отправилъ Сем. Ив. Микулинскаго, который вступилъ въ Ливонію 17 января 1559 г. [3]). Опустошивъ окрестности Вендена, русскіе подошли къ Ригѣ и стояли подъ нею три дня, посылая отряды грабить и уничтожать все по обѣ стороны Двины. „Не было мѣста, говоритъ лѣтопись, гдѣ не прошла бы война“: русскіе опустошили Ливонію отъ границы до Риги на 600 верстъ, а поперекъ на полтораста или двѣсти [4]).

Наказавъ ливонцевъ за взятіе Рингена и грабежи въ Псковской области, царь далъ, по ходатайству датскаго короля, перемиріе до ноября 1559 г., чтобы ливонцы имѣли время вступить въ переговоры; но самъ магистръ нарушилъ это перемиріе. Въ октябрѣ онъ явился съ войскомъ въ Дерптскую область, разбилъ выступившаго противъ него Зах. Плещеева, осадилъ Дерптъ, но въ декабрѣ, послѣ 50-дневной осады, отступилъ; также были безуспѣшны попыт-

---

[1]) Льв. Лѣт. т. V, стр. 264—270; П. С. Р. Л. т. IV, стр. 310—311 (Пск. Перв. Лѣт.); Нienштедтъ (Прив. Сборн. т. IV), стр. 28. Наши лѣтописи въ описаніи осады Рингена называютъ Кетлера магистромъ, но ошибочно, такъ какъ старый магистръ отказался отъ должности лишь въ слѣдующемъ году (см. Нienштедтъ, стр. 28).

[2]) П. С. Р. Л. т. IV, стр. 311 (Пск. Перв. Лѣт.).

[3]) Древн. Вивл. т. XIII, стр. 281.

[4]) Льв. Лѣт. т. V, стр. 285—286; Пск. Перв. Лѣт. стр. 311.

кя магистра взять Лаисъ. Какъ только вѣсть о новомъ вѣроломствѣ нѣмцевъ пришла въ Москву, царь отправилъ въ Ливонію Ив. Мстиславскаго. Русскіе послѣ Крещенія взяли Маріенбургъ и опустошили снова все рижское епископство и Курляндію [1]).

Не удовлетворяясь этимъ походомъ, царь весною того же 1560 г. отправилъ въ Ливонію другое войско, подъ главнымъ начальствомъ князя Андрея Курбскаго, какъ перваго воеводы большого полка [2]).

Около праздника св. Троицы русскіе вступили въ Гарріенъ и опустошили безжалостно этотъ край [3]).

Какъ мы указывали, Курбскій весною 1559 г. стоялъ въ Мценскѣ, а въ августѣ, когда войска были распущены по домамъ, потому что опасность болѣе не угрожала южнымъ границамъ, онъ, вѣроятно, возвратился въ Москву, чтобы въ качествѣ члена боярской думы принять участіе въ обсужденіи государственныхъ дѣлъ; но это было тревожное время, когда требовались опытные и искусные вожди, и поэтому недолго Курбскій засѣдалъ въ думѣ.

Раннею весною, по полученіи донесенія Мстиславскаго, дѣйствіями котораго царь, какъ можно предполагать, былъ не вполнѣ удовлетворенъ, князь Андрей Михайловичъ выступилъ въ походъ. Царь призвалъ его къ себѣ и сказалъ: „я вынужденъ дѣйствіями моихъ воеводъ (отъ прибѣгшихъ воеводъ моихъ) или самъ итти противъ ливонцевъ, или тебя, моего любимаго, послать, чтобы снова мое войско,—да поможетъ тебѣ Богъ!—воодушевилось: иди и послужи мнѣ вѣрно!“.

По прибытіи въ Дерптъ, гдѣ къ нему долженъ былъ присоединиться Афан. Бутурлинъ, около праздника Троицы, Курбскій ходилъ къ Вейссенштейну (Пайдѣ) опустошать его окрестности. Здѣсь, подъ самымъ городомъ, онъ поразилъ отрядъ нѣмецкій и отъ плѣнныхъ узналъ, что въ 8 миляхъ разстоянія, за болотами, стоитъ магистръ съ войскомъ. Отправивъ плѣнныхъ въ Дерптъ, Курбскій ночью выступилъ противъ нѣмцевъ и къ утру прибылъ къ болотамъ; цѣлый день русскіе переходили черезъ эти опасныя мѣста, отдѣлявшія ихъ

---

[1]) Льв. Лѣт. т. V, стр. 288, 299—301, 304—305, 308—309; Иск. Перв. Лѣт. стр. 311; Нienштедтъ (Приб. Сборн. т. IV), стр. 28—29; Рюссовъ (Приб. Сб. т. II), стр. 385; Древн. Вивл. т. XIII, стр. 297—298.

[2]) См. разрядъ этого похода въ Древн. Вивл. т. XIII, стр. 310.

[3]) Рюссовъ (Приб. Сборн. т. II), стр. 389—390; Нienштедтъ (Прибл. Сборн. т. IV), стр. 29—30

отъ нѣмцевъ, которые расположились на широкой равнинѣ и ничего, вѣроятно, не знали о движеніи русскихъ, такъ какъ легко могли бы уничтожить малочисленный русскій отрядъ при этомъ опасномъ переходѣ. На поле битвы около полуночи первымъ прибылъ передовой полкъ, которымъ начальствовалъ князь Петръ Ив. Горенскій; сраженіе открылось перестрѣлкою; черезъ полтора часа, когда подошелъ самъ Курбскій съ большимъ полкомъ, русскіе схватились въ рукопашную, потѣснили враговъ и, обративъ въ бѣгство, преслѣдовали ихъ цѣлую милю до одной рѣчки, на которой подломился мостъ; и тамъ почти всѣ враги погибли. Возвратившись къ восходу солнца на поле битвы, русскіе находили нѣхтовъ, спрятавшихся въ хлѣбахъ, и брали ихъ въ плѣнъ. Послѣ 10-дневнаго отдыха въ Дерптѣ Курбскій, подкрѣпленный 2000 добровольно къ нему присоединившихся, выступилъ къ Феллину, гдѣ находился отказавшійся отъ должности магистръ Фирстенбергъ. Скрывъ главное войско, русскій главнокомандующій послалъ впередъ татарскій отрядъ, находившійся подъ начальствомъ князя Ив. Золотого, жечь посадъ. Фирстенбергъ, видя малочисленность враговъ, выѣхалъ противъ нихъ со всѣмъ своимъ гарнизономъ, но русскіе внезапно вышли изъ засады и ударили на нѣмцевъ такъ стремительно, что престарѣлый магистръ едва успѣлъ спастись подъ защитою стѣнъ. Цѣлую недѣлю Курбскій опустошалъ окрестности Феллина, а потомъ возвратился въ Дерпть, гдѣ поджидалъ прибытія большого войска, шедшаго завоевывать Ливонію, ибо Іоаннъ уже не хотѣлъ удовлетворяться легкими набѣгами даже такими удачными, каковъ былъ послѣдній [1]).

Иностранные писатели говорятъ, какъ мы указывали, только объ опустошеніи Гарріена, но сомнѣваться въ правдивости разсказа нашего писателя мы не имѣемъ основанія, въ виду краткаго извѣстія Псковской лѣтописи объ этомъ походѣ: „того же лѣта (1560 г.), послѣ Троицына дня, ходили воевать князь Андрей Курбскій да князь Петръ Горенскій и иные воеводы, и воевали много нѣмецкой земли; и приходили на нихъ нѣмцы отъ Колывани (Ревеля), и они побили нѣмцевъ“ [2]).

---

[1]) Сказанія, стр. 60—62; Древн. Внвл. т. XIII, стр. 310.

[2]) П. С. Р. Л. т. IV, стр. 311—312. Отмѣтимъ здѣсь погрѣшность, въ которую впалъ Карамзинъ. Разсказывая о побѣдѣ Курбскаго съ его же словъ, исторіографъ говоритъ, что ливон

Послѣ Ильина дня (20 іюля) большое войско, подъ начальствомъ Пв. Ѳед. Мстиславскаго и Петра Пв. Шуйскаго, вступило въ Ливонію; изъ Дерпта къ нему присоединился съ своимъ отрядомъ князь Андрей Курбскій, получившій начальствованіе передовымъ полкомъ [1]). Сами воеводы шли подъ Феллинъ, а князя Вас. Пв. Барбашина отправили въ обходъ, зная о намѣреніи Фирстенберга отослать въ Гапсаль артиллерію и казну [2]). Вблизи Эрмеса значительный нѣмецкій отрядъ, подъ начальствомъ ландмаршала Филиппа Шаль фонъ-Белля, неожиданно напалъ на Барбашина, но потерпѣлъ пораженіе: болѣе 500 рыцарей пало, а командоры съ Филиппомъ Беллемъ взяты были въ плѣнъ. Между тѣмъ, 20 іюня русскіе прибыли къ Феллину и принялись его осаждать; нѣмцы храбро отбивались, но русскимъ удалось артиллерійскимъ огнемъ сжечь посадъ и сбить во многихъ мѣстахъ стѣны. Ливонскіе писатели передаютъ, что городъ сдался лишь потому, что кнехты, не получая жалованья, взбунтовались и вступили въ переговоры съ русскими. Какъ бы то ни было, осада продолжалась цѣлый мѣсяцъ, и только 21 августа нѣмцы сдались на капитуляцію, выговоривъ себѣ свободный пропускъ. Русскіе, однако, стараго магистра задержали и отправили въ Москву, гдѣ царь далъ ему на кормленіе городъ Любимъ, въ которомъ онъ и скончался. Вскорѣ послѣ того русскимъ сдались Руя и Тарвасъ, и они заняли покинутый гарнизономъ Полчевъ. Въ то время, какъ продолжалась осада Феллина, Курбскій ходилъ подъ Венденъ, гдѣ разбилъ посланнаго на него Іеронимомъ Ходкѣвичемъ князя Александра Полубенскаго, подъ Вольмаромъ поразилъ снова ливонцевъ, а отряды русскіе опустошали страну по рижской дорогѣ и на сѣверѣ до приморскаго Пернова [3]). Послѣ взятія Феллина, воеводы вмѣсто того, чтобы итти къ Ревелю, какъ приказывалъ царь, и заняться его оса-

---

цами начальствовалъ тогда Фирстенбергъ, но при этомъ имъ было, вѣроятно, упущено изъ виду вышеуказанное свидѣтельство нашей лѣтописи, которая сообщаетъ, что нѣмцы пришли *изъ Ревеля*, а Фирстенбергъ тогда находился, какъ извѣстно, въ Феллинѣ (Карамзинъ, т. VIII, стр. 187). Дѣйствительно, Курбскій говоритъ, что въ этой битвѣ ливонцами начальствовалъ магистръ, но это былъ новопоставленный Готтардъ Кетлеръ. За Карамзинымъ ту же ошибку повторяетъ Соловьевъ (т. VI, стр. 238).

[1]) П. С. Р. Л. т. IV, (Пск. Перв. Лѣт.), стр. 312. Древн. Винл. т. XIII, стр. 310—311.

[2]) Сказанія, стр. 63.

[3]) Рюссовъ (Приб. Сборн. т. II), стр. 390—395; Кіенштедтъ (Приб. Сборн. т. IV), стр. 30—31; Пск. Лѣт. (П. С. Р. Л. т. IV), стр. 312; Древн. Винл. т. XIII, стр. 316—317; Левеклавъ, р. 15.

дою, осадили Вейссенштейнъ, но, простоявъ подъ нимъ 6 недѣль до 18 октября, принуждены были снять осаду и отступить, такъ какъ поморили людей и лошадей, а посошные люди разбѣжались отъ голода, и жители Псковской области разорились, такъ какъ должны были ставить, вмѣсто разбѣжавшейся посохи, другихъ, съ сохи по 22 человѣка, а на мѣсяцъ давали человѣку по три рубля, а иные и больше, съ лошадьми и телѣгами подъ нарядъ, который, впрочемъ, благополучно доставили въ Дерптъ, а оттуда въ Псковъ на судахъ [1]). Такъ окончился походъ 1560 г.

Мы видѣли, что Курбскій разбилъ подъ Венденомъ князя Полубенскаго, начальника литовскаго отряда, посланнаго Хоткѣвичемъ. Это было первое столкновеніе русскихъ съ польскимъ королемъ за права на Ливонію. Дѣло въ томъ, что Ливонскій орденъ не видѣлъ возможности отстоять свою независимость отъ московскаго царя и рѣшился послѣ нѣкоторыхъ колебаній обратиться къ Сигизмунду-Августу. Въ ноябрѣ 1561 года переговоры закончились: Ливонія отходила къ польской коронѣ, при чемъ были подтверждены всѣ ея права и привилегіи, а магистръ Кетлеръ получилъ Курляндію и Семигаллію съ титуломъ герцога [2]).

Разумѣется, Іоаннъ, употребивъ столько усилій на борьбу съ ливонцами и владѣя уже половиною Ливоніи, не хотѣлъ отказаться отъ своихъ притязаній и продолжалъ стремиться къ завоеванію всей прибалтійской страны. Вся вторая половина царствованія Іоанна прошла въ борьбѣ съ сосѣдями за Ливонію и, какъ извѣстно, окончилась Запольскимъ миромъ, по которому русскіе должны были отказаться отъ правъ на нее и возвратить всѣ свои завоеванія. Это крушеніе внѣшней политики Іоанна произошло 20 лѣтъ спустя, а въ 1561 году дѣла русскихъ были въ прекрасномъ положеніи, и борьба была неизбѣжна.

Война началась взаимными набѣгами. Передъ Ильинымъ днемъ

---

[1]) Пск. Лѣт. (П. С. Р. Л. т. IV), стр. 312—313; Рюссовъ (Приб. Сборн. т. IV), стр. 395.

[2]) Грамота Сигизмунда Августа (confirmatio jurium et immunitatum), состоящая изъ 27 статей, и договоръ съ Кетлеромъ (pacta inter Regem Poloniae et magistrum), въ силу котораго ему давался герцогскій титулъ (Ducalem titulum... tribuimus, ita ut vasallus noster, feudalitiusque Princeps sit), наслѣдственный въ мужскомъ колѣнѣ (cum posteris ex linea masculina), и владѣтельныя права на Курляндію и Семигалію (totum illum tractum Curlandiae et Signigalliae), помѣщены въ сборникахъ Тургенева. Cm. Historica Russiae Monimenta, I, pp. 184—198.

1561 года литовцы опустошали окрестности Нейгауза, Керепети и Дерпта, осадили Тарвасъ и послѣ 5-недѣльной осады взяли городъ 1 сент., гарнизонъ же русскій отпустили. Изъ Москвы отправили князя Мих. Глинскаго и князя Петра Серебрянаго, которые, такъ какъ литовцы уже удалились, посылали къ Пернову летучіе отряды, побившіе литовцевъ и захватившіе нѣкоторыхъ изъ нихъ въ плѣнъ [1]). Весною 1562 г. (на 7 недѣлѣ послѣ Пасхи) литовцы осаждали Опочку. Однако, горожане отсидѣлись и не дали зажечь посадъ; но, отступая отъ Опочки, враги опустошили окрестности Себежа и пожгли монастыри [2]).

Для защиты границъ отъ литовскихъ набѣговъ были по городамъ разставлены воеводы, которымъ было приказано также ходить опустошать литовскія пограничныя мѣста.

Очевидно, въ Москвѣ приготовлялись къ болѣе рѣшительному шагу, чѣмъ взаимные набѣги, такъ какъ въ пограничные города были отправлены наиболѣе опытные и испытанные вожди: въ Смоленскѣ стоялъ Ив. Шереметевъ, въ Дорогобужѣ—Щенятевъ и Петръ Серебряный, въ Холмѣ—Ив. Пет. Шуйскій, а въ Лукахъ Великихъ—Андрей Курбскій [3]). Въ отместку за опустошеніе Себежа, въ іюнѣ (въ Петрово говѣніе) 1562 года Курбскій сдѣлалъ нападеніе на Витебскъ и сжегъ посадъ, а по Ильинѣ днѣ князь Серебряный ходилъ подъ Мстиславль и тамъ разбилъ литовскій отрядъ; нѣкоторые же другіе отряды опустошали берега Двины.

Въ августѣ того же года литовцы явились подъ Невлемъ и опустошали окрестности этого города; противъ нихъ былъ отправленъ князь Курбскій [4]). Стрыйковскій, Бѣльскій и Гваньини единогласно утверждаютъ, что у Станислава Лезніовольскаго, отправленнаго изъ Озерища Флоріаномъ Зебржидовскимъ, было 1500 человѣкъ, а русскихъ было 45 тыс. По словамъ Бѣльскаго и Гваньини, Курбскій, проигравъ битву, устрашился обвиненія товарища своего передъ царемъ и бѣжалъ въ Литву. Если вѣрить этимъ писателямъ, русскіе

---

[1]) Пск. Перв. Лѣт. (П. С. Р. Л. т. IV), стр. 313; Древн. Вивл. т. XIII, стр. 319—321, гдѣ помѣщена роспись этого похода, а потомъ прибавлено: «и по той росписи воеводы подъ Тарвасъ не ходили потому, что литовскіе люди отъ Тарваса пошли прочь, а ходили въ войну (т. е. опустошали) въ Ливонскіе нѣмцы».

[2]) Пск. Перв. Лѣт. (П. С. Р. Л. т. IV), стр. 314.

[3]) Древн. Вивл. т. XIII, стр. 324—325.

[4]) Пск. Лѣт. (П. С. Р. Л. т. IV), стр. 314.

потерпѣли страшное пораженіе: по Стрыйковскому, русскихъ пало болѣе 3 тыс., а поляковъ 15 челов.; по Бѣльскому—число убитыхъ русскихъ простиралось до 7 или 8 тыс., а по Гваньини—до 15 тыс., кромѣ утонувшихъ и побитыхъ въ погонѣ [1]). Хотя въ нашей исторической наукѣ не придается полное довѣріе этому разсказу польско-литовскихъ лѣтописцевъ, но принимается съ ихъ словъ на вѣру, что Курбскій подъ Невлемъ дѣйствительно былъ разбитъ, а это обстоятельство повліяло на его судьбу: „гнѣвное слово, пишетъ Соловьевъ, за Невльскую битву могло быть рѣшительнымъ побужденіемъ для Курбскаго къ бѣгству“ [2]).

Между тѣмъ, если мы обратимся къ неоффиціальнаго происхожденія Псковской лѣтописи, то найдемъ по поводу этого эпизода изъ жизни князя Курбскаго слѣдующее показаніе: „приходили литовскіе люди подъ Невель, городокъ великаго князя, и волости грабили (воевали) и пошли прочь; а преслѣдовалъ ихъ (ходилъ за ними) князь Андрей Курбскій и другіе воеводы, но безъ особеннаго успѣха: съ обѣихъ сторонъ завязалась схватка, и наши взяли нѣкоторыхъ изъ нихъ въ плѣнъ (и мала была помощь, съ обѣихъ сторонъ потянулися и языковъ наши взяли у нихъ) [3]).

Итакъ, наша лѣтопись говоритъ опредѣленно, что князь Курбскій слѣдовалъ за уходившими изъ-подъ Невля литовцами, настигъ ихъ и схватился съ ними, но враги дали мужественный отпоръ, хотя все-таки русскимъ удалось у нихъ взять языковъ. Правда, Курбскій не одержалъ побѣды, но во всякомъ случаѣ не можетъ быть рѣчи о его пораженіи подъ Невлемъ, а слѣдовательно о вліяніи этой битвы на его бѣгство изъ Россіи: произошла только стычка, не увѣнчавшаяся обычнымъ успѣхомъ для такого опытнаго и искуснаго полководца, какимъ былъ Курбскій. Это дало, вѣроятно, возможность литовскому начальнику хвалиться Невльскимъ дѣломъ, такъ какъ еще свѣжо было въ памяти литовцевъ и то пораженіе, которое имъ нанесъ Курбскій подъ Венденомъ, и удачный его набѣгъ и опустошеніе витебскихъ окрестностей.

Такъ ли или иначе сложился этотъ хвастливый разсказъ польскихъ

---

[1]) Арцыбашевъ, т. II, кн. III, стр. 296, прим. 1777.
[2]) Соловьевъ, т. VI, стр. 203.
[3]) Пск. лѣт. (П. С. Р. Л. т. IV), стр. 314.

писателей, но послѣдователь, если духъ исторической критики не совершенно чуждъ ему, обязанъ цѣликомъ отвергнуть этотъ разсказъ и принять болѣе достовѣрный нашей лѣтописи.

Мы позволяемъ себѣ такъ строго отнестись къ свидѣтельству польскихъ писателей въ виду отзыва о невльской битвѣ самого Іоанна, заподозрѣть котораго въ пристрастіи къ Курбскому въ хорошемъ смыслѣ никакъ ужъ нельзя. Въ томъ письмѣ, гдѣ царь старался выставить въ самомъ неблагопріятномъ свѣтѣ дѣятельность какъ всѣхъ вообще приверженцевъ Адашева и Сильвестра, такъ въ частности самого Курбскаго, онъ ничего не говоритъ о пораженіи подъ Невлемъ, но, если бы пораженіе дѣйствительно произошло, онъ не преминулъ бы выставить таковое, какъ аргументъ для умаленія подвиговъ своего врага; между тѣмъ, даже изъ его пристрастнаго въ дурную сторону отзыва можно убѣдиться въ правдивости нашей лѣтописи и полной неосновательности разсказа польскихъ писателей: „съ 15 тыс., пишетъ Іоаннъ Курбскому о Невльской битвѣ, вы не могли побѣдить 4 тыс., и не только не побѣдили, но и сами отъ нихъ едва возвратились, ничего не успѣвъ“ [1]).

Въ виду вышесказаннаго, мы тѣмъ менѣе можемъ принять сообщеніе Мартина Бѣльскаго о томъ, что царь подозрѣвалъ Курбскаго въ измѣнѣ, да и этому противорѣчатъ факты. Въ самомъ дѣлѣ, когда 30 ноября того же года, т. е. черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ битвы подъ Невлемъ, царь отправился изъ Москвы къ Полоцку, то Андрей Курбскій былъ вторымъ воеводою сторожевого полка, первымъ воеводою котораго былъ его сподвижникъ Петръ Щенятевъ [2]). 31 января началась осада Полоцка, а 15 февраля городъ былъ взятъ послѣ того, какъ 300 саженъ стѣны было выжжено [3]). Послѣ взятія Полоцка царь, оставивъ въ городѣ гарнизонъ, съ войскомъ возвращался въ Москву и въ началѣ марта 1563 г., когда выступалъ изъ Лукъ, отправилъ Андрея Курбскаго въ Дерптъ [4]).

---

[1]) Сказанія, стр. 186.

[2]) Древн. Вивл. т. XIII, стр. 330.

[3]) Пск. лѣт. (П. С. Р. Л. т. IV), стр. 314.

[4]) Древн. Вивл. т. XIII, стр. 336, гдѣ сказано, что Курбскій назначенъ въ Юрьевъ Ливонскій, «какъ государь пошелъ съ Лукъ къ Москвѣ». Изъ Александро-Невской лѣтописи знаемъ, что въ Луки царь пришелъ 6 марта, а 20 числа того же мѣсяца былъ подъ Москвою. См. Русская Историческая Библіотека, т. III, стр. 172.

Разумѣется, если бы царь подозрѣвалъ Курбскаго въ измѣнѣ, то ни въ какомъ бы случаѣ не назначилъ его воеводою сторожевого полка, а въ мартѣ 1563 г. не послалъ бы въ важный и только что завоеванный пограничный городъ: „если бы мы тебѣ, пишетъ царь, не вѣрили, то не посылали бы тебя въ ту свою вотчину“ [1]).

Стоя во главѣ Дерптскихъ воеводъ, Курбскій, какъ можно предполагать, считался намѣстникомъ лифляндской земли и имѣлъ право сноситься съ иностранными государствами и заключать, разумѣется, съ согласія царя, перемиріе съ шведскимъ королемъ. По крайней мѣрѣ, преемникъ его, боярин Мих. Яковл. Морозовъ игралъ подобную роль. Въ августѣ 1564 года приходило посольство въ Москву отъ шведскаго короля Эриха XIV съ просьбою о позволеніи заключить перемиріе съ боярином и намѣстникомъ Лифляндской земли, Мих. Яковл. Морозовымъ, а, по приказанію царя, для намѣстника лифляндскаго была изготовлена особая печать (двуглавый орелъ, у правой ноги котораго былъ гербъ ливонскаго магистра, а у лѣвой—дерптскаго епископа), и эту печать царь приказалъ дерптскому боярину и воеводѣ прикладывать (печатати) къ перемирнымъ грамотамъ со Швеціей и грамотамъ въ другія государства [2]). Нѣтъ основанія предполагать, что Курбскій не считался намѣстникомъ лифляндской земли и не имѣлъ значенія Морозова, такъ какъ, сравнивая разряды 1563 и 1564 годовъ, мы убѣждаемся, что и тотъ, и другой стояли во главѣ управленія Дерптомъ, будучи въ санѣ боярина, и при обоихъ состояло 4-ро воеводъ [3]).

Недолго, впрочемъ, Курбскій оставался на этомъ важномъ посту. Въ маѣ 1564 г. воевода Ѳед. Бутурлинъ съ товарищами писалъ царю, что Курбскій ночью 30 апрѣля побѣжалъ изъ Дерпта въ нѣмецкій городъ (Вольмаръ), къ литовскому королю, оставивъ свое имущество и жену; съ нимъ побѣжало, по словамъ воеводъ, 12 человѣкъ, по Ваську Шибанова, слугу Курбскаго, воеводы поймали и отправили къ государю. Пойманный Васька Шибановъ, говоритъ лѣтопись, сказалъ царю про господина своего „многія измѣнныя дѣла“, которыя тотъ умышлялъ противъ Іоанна [4]).

---

[1]) Сказанія, стр. 180.

[2]) Алекс.-Нев. лѣт. (Рус. Ист. Библ. т. III), стр. 230.

[3]) Древн. Вивл. т. XIII, стр. 336, 359—360.

[4]) Алекс.-Нев. лѣт. (Рус. Ист. Библ. т. III), стр. 221—222. Простое указаніе на бѣгство Курбскаго см. Древн. Вивл. т. XX, стр. 46. Тамъ отмѣчено: «отъѣхалъ боярин князь Андрей

Одна изъ рукописей московскаго архива даетъ любопытныя свѣдѣнія о бѣгствѣ Курбскаго. По ея словамъ, онъ сказалъ своей женѣ, узнавъ о гнѣвѣ царя: „хочешь ли, жена моя, видѣть меня передъ собою мертвымъ или, не видя, слышать, что я живъ“?

—„Нѣтъ, отвѣчала ему жена, я не хочу ни видѣть тебя мертвымъ, ни даже слышать о твоей смерти“.

Князь Андрей прослезился, поцѣловалъ жену и сына девятилѣтняго, перелѣзъ черезъ городскую стѣну и ускакалъ къ литовскому рубежу.

Этотъ разсказъ нѣсколько риторически разукрашенъ. Такъ, напр., по свидѣтельству этой московской рукописи, Шибановъ поджидалъ съ осѣдланными конями подъ стѣнами Дерпта, потомъ привезъ изъ Литвы въ Москву „досадительное“ письмо своего господина къ Іоанну, который, пронзивъ ногу вѣрнаго слуги острымъ жезломъ и опираясь на него, слушалъ чтеніе письма [1]).

Зная, что Курбскій бѣжалъ въ Литву не съ однимъ Шибановымъ, но бѣжало съ нимъ 12 человѣкъ дѣтей боярскихъ, а Шибанова, схваченнаго при этомъ, дерптскіе воеводы препроводили въ Москву къ царю, передъ которымъ этотъ вѣрный слуга сказалъ „многія измѣнныя дѣла“ на своего господина,—мы рѣшительно отвергаемъ эти послѣднія подробности разсказа.

Въ высшей степени похвальный отзывъ царя о Шибановѣ ставитъ внѣ сомнѣнія преданность его Курбскому, а показанія о измѣнныхъ дѣлахъ, данныя, вѣроятно, подъ мученіями пытки, нельзя, разумѣется, ставить ему въ укоръ, особенно когда мы знаемъ, что онъ славилъ своего господина, идя на казнь: „онъ, пишетъ Курбскому о Шибановѣ Іоаннъ, передъ самою казнью (при смертныхъ вратѣхъ стоя), въ присутствіи царя и всего народа, превозносилъ тебя и изъявлялъ полную готовность за тебя умереть“ [2]). Погибъ не одинъ Шибановъ. Пострадали за бѣгство Курбскаго самые близкіе къ нему люди: мать, жена и малолѣтній его сынъ были посажены въ заточеніе, гдѣ отъ тоски умерли [3]). Допросу, какъ можно предполагать, были подверг-

---

Михайловичъ Курбскій», а также Пск. лѣт. (П. С. Р. Л. т. IV, стр. 315), гдѣ читаемъ: «тое же весны измѣнилъ князь Андрей Курбскій, избѣгъ въ Литву изъ Юрьева».

[1]) Прим. 213 Устрялова къ Сказаніямъ.

[2]) Сказанія, стр. 140.

[3]) Прод. на новый Маргаритъ въ Сказаніяхъ, стр. 271—272.

нуты всѣ лица, такъ или иначе близко стоявшія къ нашему писателю: какъ извѣстно, записаны были „рѣчи старца отъ Спаса изъ Ярославля, попа чернаго отца духовнаго Курбскаго“ [1]).

Такъ какъ Курбскій съ большою похвалою отзывается о Ѳеодоритѣ, называя его своимъ отцемъ духовнымъ, то, вѣроятно, онъ-то и былъ тотъ „старецъ отъ Спаса изъ Ярославля“, котораго указываетъ опись царскаго архива тѣмъ болѣе, что, какъ извѣстно со словъ Курбскаго, Ѳеодоритъ послѣ освобожденія изъ заточенія въ Кирилловомъ монастырѣ поселился въ томъ монастырѣ Ярославля, гдѣ лежали мощи Ѳеодора Ростиславича [2]), а мощи послѣдняго покоились въ монастырѣ Св. Спаса [3]).

Какія обстоятельства побудили Курбскаго искать спасенія въ Литвѣ, не указываетъ ни онъ самъ, ни Іоаннъ.

Первый изъ нихъ считаетъ „себя туне отогнаннымъ отъ любимаго отечества“ и говоритъ, что просилъ „умиленными словами“, умолялъ „многослезнымъ рыданіемъ“ о милости, прибѣгая къ ходатайству епископовъ, но безуспѣшно [4]), а царь, упрекая Курбскаго въ бѣгствѣ „ложнаго ради страха смертнаго“, утверждаетъ, что не думалъ казнить его: „если бы сообразоваться, пишетъ Іоаннъ, съ твоимъ достоинствомъ, и если бы ты не отъѣхалъ къ нашему недругу, то отбылъ бы въ какомъ либо нашемъ городѣ (опалу) за *такое* дѣло, а убѣгать тебѣ не было надобности“ [5]), но далѣе нѣсколько разъясняетъ причину своего гнѣва на Курбскаго: „а какое малое наказаніе тебѣ бывало, такъ-то за твое преступленіе, такъ какъ ты *былъ въ согласіи съ нашими измѣнниками;* неправдъ же и измѣнъ, которыхъ ты не совершалъ, мы на тебя не взводили, назначая наказаніе за твои проступки, соразмѣрно винѣ“ [6]).

---

[1]) Акт. Арх. Эксп. т. I, стр. 350. Опись царскаго архива, ящикъ 191. У Бестужева-Рюмина (т. II. вып. I, стр. 260) неправильно напечатанъ этотъ текстъ: вмѣсто «попа чернаго» вышло «попа *Германа*».

[2]) Сказанія, стр. 119, 122—123, 120.

[3]) Временникъ, т. X, стр. 55 (Родословная книга).

[4]) Сказанія, стр. 123, 133.

[5]) Сказанія, стр. 142, 180. Отправляя въ 1572 г. польско-литовскаго посла Ѳеодора Зенковича-Воропая, Іоаннъ говорилъ буквально то же самое: «Krupski... do vaszey zemi prziechał.... a ja otym Bogiem swiadczę, iżem niemyślił obym go skarać miał, jednom to wprawdzie myślił, ująć mu nieco dignitarstw i urzędy pobrać, alem się go potym użałować miał, on się tego obowiając do ziemie Litewskiey zatym zjechał. См. Monim. Russiae, t. I, p. 231.

[6]) Сказанія, стр. 184.

Такимъ образомъ, обнаруживается, что главная вина Курбскаго, въ глазахъ Іоанна, была его принадлежность къ „измѣнникамъ“, т. е. партіи Сильвестра и Адашева.

Какъ мы говорили, эта партія выдвинулась вскорѣ послѣ страшнаго московскаго пожара и захватила въ свои руки правленіе, но во время болѣзни царя приверженцы Адашева и Сильвестра вели себя такъ несдержанно и двухсмысленно, что поколебали довѣріе къ себѣ молодого государя, а черезъ нѣсколько лѣтъ подвергнулись цѣлому ряду преслѣдованій и опалъ. Охлажденіе началось со времени болѣзни, т. е. съ 1553 г., а опалы и казни съ 1560 г., когда враги могущественной партіи, воспользовавшись смертью жены царя и его подозрительностью, окончательно возстановили его противъ бывшихъ любимцевъ: „еще при началѣ этихъ тяжкихъ бѣдствій (во среду бѣды тое презѣльныя), пишетъ Курбскій о гоненіяхъ Іоанновыхъ, отъѣхалъ я изъ своего отечества“ [1]).

Между тѣмъ, принадлежность Курбскаго къ этой могущественной партіи не подлежитъ сомнѣнію. Царь прямо на это указываетъ: „согласился еси съ нашими измѣнники“, а самъ Курбскій разсказывалъ, что въ эпоху преслѣдованій семейства Адашева, въ бытность свою въ Москвѣ, онъ слыхалъ отъ Петра Турова, тестя Данила Адашева, разсказъ о видѣніи, предвѣщающемъ мученическую смерть, послѣдовавшую, дѣйствительно, черезъ мѣсяцъ послѣ этого интимнаго разговора [2]).

Іоаннъ не могъ не знать о сочувствіи Курбскаго дѣлу партіи Сильвестра и Адашева и, зная это, не могъ не относиться подозрительно къ своему „любимцу“; съ другой же стороны, этотъ послѣдній видѣлъ преслѣдованія своихъ единомышленниковъ и естественно боялся, чтобы очередь не дошла до него. Разумѣется, при такомъ настроеніи царя и воеводы достаточно было самаго ничтожнаго обстоятельства, чтобы Іоаннъ заподозрѣлъ вѣрность своего воеводы, а послѣдній устрашился за свою жизнь. Когда слезныя моленія, оправданія и заступничество духовенства не смягчили гнѣва государя, Курбскому оставалось искать спасенія бѣгствомъ въ Литву, такъ какъ не могъ же онъ, въ самомъ дѣлѣ, знать дѣйстительно

---

[1]) Сказанія, стр. 78.

[2]) Сказанія, стр. 80.

ныхъ намѣреній царя „только поубавить почестей и вотчинъ (nieco dignitarstw i urzędy) съ тѣмъ, чтобы послѣ возвратить ихъ“, а кровавыя расправы, совершаемыя надъ его единомышленниками, были передъ глазами и наводили на тяжелыя думы.

Странно, конечно, заводить рѣчь о правѣ отъѣзда и называть человѣка измѣнникомъ, какъ дѣлаютъ наши изслѣдователи, когда извѣстно, что Курбскій бѣжалъ въ Литву, придя къ убѣжденію (основательно ли было подобное убѣжденіе, это другой вопросъ, на который изслѣдователь можетъ дать лишь гадательный отвѣтъ), что жизнь его въ опасности и необходимо „отъ казни горло свое унести“ [1]).

Такимъ образомъ, мы приходимъ къ вопросу, какое обстоятельство вызвало гнѣвъ царя и заставило трепетать князя Курбскаго за свою жизнь?

Дерптскій бюргеръ, человѣкъ высокихъ нравственныхъ качествъ и при томъ знавшій хорошо Россію, Францъ Ніенштедтъ [2]) сообщаетъ по поводу бѣгства Курбскаго такія свѣдѣнія, которыя заслуживаютъ полнаго нашего вниманія и служатъ вмѣстѣ съ тѣмъ разъясненіемъ нашихъ отечественныхъ источниковъ.

Польскій король Сигизмундъ-Августъ, по словамъ Ніенштедта, выдавая свою сестру Екатерину замужъ за финляндскаго герцога Іоанна, далъ ей въ приданое заложенные ему орденомъ города (Каркусъ, Гельметъ, Трикатенъ, Эрмесъ или Руйень и Буртнекъ), управленіе которыми герцогъ поручилъ графу Іоанну фонъ-Арцу. Когда графъ узналъ, что король Эрихъ арестовалъ герцога и уже успѣлъ захватить Каркусъ, а русскіе собираются овладѣть остальными замками, то просилъ у Сигизмунда-Августа помощи и защиты, сообщая, что самъ не въ силахъ противостоять врагамъ. Король обѣщалъ, но ничего не дѣлалъ. Въ такомъ затруднительномъ положеніи Арцъ обратился къ московскому намѣстнику въ Дерптѣ,

---

[1]) Петровскій, стр. 726—729 въ Зап. Каз. Унив. 1873, № 4.

[2]) Издатель лѣтописи Ніенштедта (во 2-мъ томѣ Monumenta Livoniae antiquae) сообщаетъ, что Францъ Ніенштедтъ, вестфальскій уроженецъ, въ 1554 г. прибылъ въ Дерптъ, гдѣ посвятилъ себя торговлѣ; по торговымъ дѣламъ онъ бывалъ въ Москвѣ, Новгородѣ и Псковѣ и только въ 1571 г. переселился въ Ригу. Тиленаній съ большою похвалою отзывается о высоко-нравственномъ характерѣ Ніенштедта и правдивости его лѣтописи. См. Прибл. Сборн. т. III, стр. 355—358.

къ князю Курбскому, и просилъ его уговорить великаго князя оставить въ покоѣ замки, пока герцогъ Іоаннъ не освободится изъ заключенія, предлагая покамѣстъ уступить русскимъ Гельметъ. Сдѣлка была заключена. Графъ Арцъ ожидалъ въ этомъ самомъ городѣ прибытія дерптскаго намѣстника, чтобы передать ему городъ и крѣпость, но лица, не сочувствовавшія планамъ графа, схватили его и отослали въ Ригу, гдѣ несчастнаго колесовали передъ Рождествомъ 1563 года. Какъ только русскіе приблизились къ городу, на нихъ посыпались ядра; такъ какъ Курбскій не ожидалъ подобной встрѣчи, то поспѣшилъ отступить, явившись, вѣроятно, съ небольшимъ отрядомъ подъ стѣны Гельмета. Раздраженный такимъ исходомъ дѣла, онъ воскликнулъ: „Пока живъ великій князь, такое вѣроломство не останется безнаказаннымъ! Вѣдь они сами вступили въ переговоры, за своимъ рукоприкладствомъ и печатью!“

По словамъ Ніенштедта, Курбскій этими переговорами возбудилъ подозрѣніе у великаго князя, будто бы онъ злоумышлялъ съ королемъ польскимъ; великій князь рѣшился умертвить Курбскаго, но тотъ ночью успѣлъ перелѣзть черезъ городскую стѣну и бѣжалъ къ королю польскому; послѣ своего побѣга онъ написалъ царю оправдательное письмо, въ которомъ доказывалъ свою невинность [1]).

По словамъ другого ливонскаго лѣтописца, Іоаннъ фонъ-Арцъ осенью 1563 г. обѣщалъ русскимъ сдать замки Гельметъ, Каркъ, Эрвисъ и др. съ тѣмъ, чтобы ему дали одинъ изъ городовъ въ наслѣдственное владѣніе и взяли подъ покровительство, но подчиненные схватили графа и отправили въ Ригу, гдѣ его колесовали [2]).

Такимъ образомъ, не подлежитъ сомнѣнію, что въ 1563 г. Курбскій велъ какіе-то переговоры о сдачѣ городовъ, окончившіеся неудачею. При тогдашнемъ напряженномъ состояніи дѣлъ, нѣтъ ничего

---

[1]) Ніенштедтъ (Прив. Сборн. т. IV), стр. 32, 34—36. Ніенштедтъ, который самъ былъ какъ бы очевидцемъ описываемыхъ событій, въ своихъ сообщеніяхъ о Курбскомъ пользовался, кромѣ того, въ разсказѣ о дальнѣйшей судьбѣ его сообщеніями Александра Кенига, служившаго прежде у графа Арца, потомъ у Курбскаго. Поэтому, эта часть разсказа Ніенштедта не заслуживаетъ нашего довѣрія тѣмъ болѣе, что она стоитъ въ противорѣчіи съ другими нашими источниками. Такъ, онъ пишетъ, что царь, по полученіи оправдательнаго письма, пожелалъ оставить Курбскаго у себя, но тотъ не согласился и просилъ только отпустить жену, которая въ его отсутствіе родила ему сына, царь же не исполнилъ этой просьбы и запретилъ женѣ Курбскаго слѣдовать за мужемъ, но отписалъ новорожденному всѣ отцовскія вотчины.

[2]) Рюссовъ (Прив. Сборн. т. III), стр. 148.

удивительнаго, что неудачное Гельметское дѣло навлекло на Курбскаго гнѣвъ царя и подозрѣніе въ измѣнѣ. Дерптскій намѣстникъ, какъ мы видѣли, оправдывался, обращался къ ходатайству духовенства и бѣжалъ, когда не помогло ни то, ни другое.

Нienштедтъ сообщаетъ, что Курбскій писалъ царю какое-то оправдательное письмо послѣ бѣгства. Дѣйствительно, тотчасъ послѣ побѣга онъ писалъ неизвѣстному въ Дерптъ и прислъ выпуть спрятанную въ его жилищѣ, подъ печью, рукопись, въ которой было „мало писано дѣло царское", и отослать либо къ царю, либо въ Печерскій монастырь [1]). Весьма возможно, что въ этой спрятанной рукописи Курбскій описывалъ ходъ Гельметскаго дѣла и переговоры съ графомъ Арцемъ, старался оправдать себя отъ несправедливаго подозрѣнія въ измѣнѣ; сознаніе своей правоты давало ему право считать себя „туне отогнаннымъ", а царь, познакомившись съ этимъ оправдательнымъ документомъ, убѣдился въ невинности Курбскаго, что́ и выразилъ въ своемъ къ нему письмѣ: „*въ такомъ дѣлѣ*, въ коемъ бы нашемъ градѣ избылъ еси, утеканія тебѣ сотворити было невозможно" [2]).

Наши изслѣдователи жизни Курбскаго высказываютъ предположеніе, что Курбскій передъ бѣгствомъ велъ переговоры съ польскимъ дворомъ, переманившимъ его въ Литву [3]), т. е. „дѣйствовалъ обдуманно, и только тогда рѣшился измѣнить своему царю, когда плату за измѣну нашелъ для себя выгодною" [4]).

---

[1]) Москвитянинъ, 1843 г., № 9.

[2]) Петровскій, на основаніи этого письма къ неизвѣстному въ Дерптъ, высказываетъ предположеніе, что «Курбскій еще до ливонской экспедиціи изложилъ на бумагѣ свое недовольство царемъ, разсказавъ какое-нибудь неблестящее «дѣло царское». Однако, съ этимъ трудно согласиться: 1) едва ли бы нашелся смѣльчакъ, который дерзнулъ бы вынимать тетради, гдѣ описывается неблестящее дѣло царское, чтобы ихъ отослать царю; 2) эта рукопись писана была въ Печерскомъ монастырѣ, куда, вѣроятно, изъ Дерпта ѣздилъ на богомолье Курбскій, будучи въ дружескихъ отношеніяхъ съ игуменомъ и братіей этого монастыря; и наконецъ, 3) гнѣвъ царя, по словамъ Курбскаго, былъ настолько великъ, что даже заступничество духовенства не могло его смягчить, а между тѣмъ оказывается, что царь позднѣе находилъ достаточнымъ за проступокъ Курбскаго положить на него небольшую опалу. Однако, противорѣчіе примиряется, если допустить, что царю, по просьбѣ Курбскаго, была доставлена та рукопись, гдѣ «писано мало дѣло царское» т. е. подробно, по нашему предположенію, изложены всѣ обстоятельства переговоровъ съ Арцемъ и Гельметское дѣло. См. ст. Петровскаго. стр. 722—723 въ Зап. Каз. Унив. 1873 г., № 4.

[3]) Петровскій, стр. 727.

[4]) Иванишевъ, Сочиненія, стр. 155.

Правда, въ завѣщаніи своемъ Курбскій говоритъ, что пріѣхалъ въ Литву, „получивъ королевскую охранительную грамоту и положившись на присягу ихъ милостей, паповъ сенаторовъ“ (за упевненьемъ и клейтомъ его королевское милости также за присягою ихъ милости паповъ радъ), а въ „судебномъ рѣшеніи о правѣ наслѣдниковъ князя Курбскаго на ковельское имѣніе“ сказано было: „подсудимые (сторона позванная)... представили два закрытые листа: одинъ Радивила, гетмана Литовскаго, и пана Евстафія Воловича, а другой—короля Сигизмунда-Августа. Оба листа писаны къ покойному князю Курбскому, чтобы онъ пріѣхалъ изъ Московскаго государства въ Литву. Потомъ представили открытый листъ того же Радивила къ Курбскому; въ этомъ листѣ обѣщается Курбскому приличное содержаніе. Далѣе, другой листъ того же короля; въ этомъ листѣ король обѣщаетъ быть къ князю Курбскому милостивымъ (где се ему ласкаве обецуетъ ставить)“ [1]).

До насъ дошли отвѣтныя грамоты московскихъ бояръ польскому королю и литовскому гетману Хоткѣвичу; изъ нихъ видимъ, что приглашенія переѣхать съ обѣщаніемъ жаловать (обецуемъ заховати) писались и отъ короля, и отъ вельможъ литовскихъ, которые, давая различныя обѣщанія, просили перезывать съ собою всѣхъ, кого бояре считаютъ пригодными къ военной службѣ королю [2]). Подобныя двѣ грамоты, какъ видно, получилъ князь Курбскій, вѣроятно, въ концѣ 1563 года, послѣ непріятнаго Гельметскаго дѣла, или въ началѣ 1564 г. Если не подлежитъ сомнѣнію, что король польскій прибѣгалъ къ политикѣ переманиванія къ себѣ слугъ московскаго государя, которые часто соблазнялись этими приглашеніями и перебѣгали въ Литву [3]), то нѣтъ ничего страннаго въ томъ, что король и гетманъ литовскій отправили пригласительныя грамоты къ Дерптскому намѣстнику и прославленному полководцу, а когда тотъ, по полученіи этихъ грамотъ, въ силу вышеуказанныхъ обстоятельствъ, изъявилъ согласіе, то поспѣшили прислать открытые ли-

---

[1]) «Жизнь князя Андрея Мих. Курбскаго въ Литвѣ и на Волыни» (Акты Врем. Ком.) т. I, стр. 232—233; т. II, стр. 193.

[2]) См. эти грамоты Древн. Вивл., т. XV, стр. 20—76.

[3]) Такъ, въ Литвѣ видимъ много русскихъ людей, бѣжавшихъ туда въ тѣ же годы: Владиміра Заболоцкаго, Богдана Шишковича, кн. Хованскихъ съ десятками дѣтей боярскихъ. См. «Жизнь Курбскаго въ Литвѣ и на Волыни» т. II, стр. 243—267, 268, 299.

сты, т. е. охранную грамоту (глейтъ), въ которой Курбскому давалось лишь обѣщаніе, что его будутъ „ласкаво ставить". Рѣшительно не видно, откуда слѣдуетъ, что Курбскій „дѣйствовалъ обдуманно, и только тогда рѣшился измѣнить своему царю, когда плату за измѣну нашелъ для себя выгодною". Напротивъ, изъ рѣшенія королевскаго суда процесса наслѣдниковъ князя Курбскаго не въ ихъ пользу и изъ постоянныхъ препирательствъ его самого съ правительствомъ и частными лицами изъ-за правъ владѣнія Ковельскими имѣніями; о чемъ такъ много говорятъ акты объ его жизни на Литвѣ и Волыни, неопровержимо слѣдуетъ, что *никакихъ рѣшительныхъ и выгодныхъ обѣщаній*, кромѣ извѣстнаго намъ обѣщанія ласкаво обращаться, ему не было дано ни королемъ, ни гетманомъ. Итакъ, Курбскій не вступалъ ни въ какіе особенные переговоры съ польскимъ дворомъ, а бѣжалъ въ Литву, „унося только свое горло отъ зневоленья".

Немедленно, по прибытіи Курбскаго въ Литву, польское правительство пожелало воспользоваться его опытностью и талантами военными. Когда осенью (16 сент. — 4 окт.) литовцы въ количествѣ 50 тыс. и польскій девятитысячный вспомогательный отрядъ стояли у Полоцка, то передовымъ полкомъ, вмѣстѣ съ княземъ Острожскимъ и княземъ Богушемъ Корецкимъ, начальствовалъ князь Курбскій [1]).

Два тома актовъ, изданныхъ въ Кіевѣ Временной Коммиссіей, посвящены жизни князя Курбскаго на Литвѣ и Волыни; почти всѣ акты, помѣщенные въ этихъ двухъ томахъ, даютъ свѣдѣнія о нескончаемыхъ процессахъ Курбскаго съ различными частными лицами и о столкновеніяхъ съ правительствомъ изъ-за правъ владѣнія разными имѣніями, изъ числа пожалованныхъ ему королемъ или самовольно имъ захваченныхъ, а также о бракоразводномъ дѣлѣ съ княгиней Маріей Голшанской и дѣлахъ объ убіеніи нѣкоторыхъ москвитянъ, выѣхавшихъ вмѣстѣ съ нимъ въ Литву, но весь этотъ матеріалъ исчерпанъ въ прекрасномъ предисловіи къ этимъ актамъ проф. Н. Иванишева [2]). Что же касается дѣятельности Курб-

---

[1]) Алекс.-Невск. лѣт. (Рус. Ист. Библ. т. III), стр. 241—242.

[2]) Это изслѣдованіе перепечатано въ Сочиненіяхъ Иванишева, стр. 153—197. См. также объ этомъ періодѣ жизни Курбскаго страницы (16—30) въ предисловіи Устрялова къ Сказаніямъ Курбскаго и, отчасти, статью Оппокова въ Унив. Изв. 1872 г. №№ 6—8.

скаго въ защиту православія и его переводовъ твореній св. отцевъ, то по этому вопросу находимъ достаточныя свѣдѣнія у историковъ церкви. Поэтому намъ нѣтъ надобности останавливаться на обозрѣніи этого литовскаго періода жизни Курбскаго, а удовольствуемся только замѣчаніемъ, что эти поземельные процессы и рѣшеніе королевскаго суда, въ силу котораго наслѣдники Курбскаго въ 1590 году были лишены Ковельскихъ имѣній [1]), доказываютъ, какъ неосновательны рѣчи о „выгодной платѣ за измѣну“. Курбскій бѣжалъ въ Литву, получивъ въ охранной грамотѣ (глейтѣ) *неопредѣленное* обѣщаніе, что съ нимъ будутъ ласково обращаться и дадутъ приличное содержаніе.

Выѣхавъ изъ Москвы при Сигизмундѣ-Августѣ, Курбскій въ маѣ 1583 г. скончался въ Ковлѣ [2]); такимъ образомъ, около двадцати лѣтъ онъ прожилъ на чужбинѣ. Если онъ позволялъ себѣ иногда не исполнять повелѣній слабаго Сигизмунда-Августа и дерзко отвѣтить его посланцу, явившемуся послѣ смерти этого короля, такъ за то преемникъ Сигизмунда, Стефанъ Баторій, неоднократно давалъ ему почувствовать, что онъ вполнѣ зависитъ отъ его милости [3]). Стефанъ Баторій не особенно цѣнилъ этого „въ московскихъ родахъ не десятаго, а мало не двадцатаго“ [4]) въ такой же мѣрѣ, въ какой Іоаннъ его высоко ставилъ: „ты говоришь, пишетъ король царю, что мы съ твоими измѣнниками Курбскимъ, Заболоцкимъ и Тетеринымъ взяли Полоцкъ. Да, великая это помощь трехъ человѣкъ, которые отъ твоей жестокости убѣжали только съ горломъ (передъ окрутенствомъ твоимъ съ горломъ только утекли)! Знать, мало имѣешь другихъ, когда съ такою скорбью (tanto cum dolore) объ нихъ пишешь!“ [5]).

Вопль больной души слышится въ тѣхъ словахъ нашего писателя, которыми онъ характеризуетъ свою жизнь въ Литвѣ; „Когда, пишетъ онъ, я пріѣхалъ сюда (т. е. въ Литву), то принужденъ былъ отправлять королю военную службу, но лишь толь-

---

[1]) «Жизнь Курбскаго въ Литвѣ и на Волыни», т. II, стр. 186—203.
[2]) Соч. Иваништева, стр. 185.
[3]) Соч. Иваништева, стр. 160—162, 174—175, 180.
[4]) Древн. Вивл. т. XV, стр. 57. Слова грамоты Хотѣевича къ боярину Воротынскому.
[5]) Mon. His. Rus. I, p. 345 и Посольская кн. Лит. Мет. т. II, стр. 200.

ко получилъ я досугъ, какъ ненавистные и лукавые сосѣди, движимые жадностью и завистью, хотѣли, наперекоръ моимъ разсчетамъ на спокойствіе, отнять имѣніе, данное мнѣ, по милости короля, на пропитаніе, и не только отнять, но и крови моей насытиться“ [1]). Среди „такихъ тяжкихъ и зѣло негостелюбныхъ“ людей приходилось Курбскому доживать свой вѣкъ въ то время, какъ на родинѣ пылалъ „огнь мучительства“ [2]).

---

[1]) Предисл. на Новый Маргаритъ см. Сказанія, стр. 275—276.
[2]) Тамъ же, стр. 269.

II.

Образованность и воззрѣнія Курбскаго.

Мы познакомились съ жизнью князя Курбскаго, теперь же намъ необходимо охарактеризовать его образованность и воззрѣнія, а въ связи съ послѣдними симпатіи и антипатіи, т. е. познакомиться вполнѣ съ личностью этого русскаго историка XVI вѣка, чтобы уяснить себѣ ту точку зрѣнія, съ какой онъ разсматривалъ современныя событія и явленія русской жизни. Курбскій, какъ видно изъ его сочиненій, зналъ основательно священное писаніе, такъ какъ у него попадаются довольно часто ссылки на книги ветхаго и новаго завѣта, знакомъ былъ съ произведеніями великихъ отцевъ церкви и даже переводилъ ихъ съ латинскаго языка на славянскій [1]).

Хотя образованіе того времени въ Русской землѣ было исключительно духовнаго направленія, а главнымъ источникомъ образованія являлась литература духовная, но Курбскій этимъ не удовлетворялся. Въ предисловіи своемъ къ переводу сочиненій Іоанна Дамаскина онъ совѣтуетъ изучать св. писаніе и науки свѣтскія, которыя онъ называетъ то шляхетными, то внѣшними [2]). Родоначаль-

[1]) Въ письмѣ къ Марку Сарыгозину Курбскій просилъ оказать содѣйствіе въ переводѣ Златоуста, Григорія Богослова, Кирилла Александрійскаго, Іоанна Дамаскина, Василія Великаго, творенія которыхъ онъ пріобрѣлъ, и при этомъ посылалъ ему въ подарокъ «орацыю едину Григорія Богослова, а другое слово Василія Великаго», своего съ кн. Оболенскимъ перевода (Сказанія, стр. 225—226). Къ Мамоничу Курбскій собирался явиться «съ тремя нарочитыми свѣдками: съ Діонисіемъ Ареопагитскимъ, и со Іоанномъ Златоустымъ, и съ Іоанномъ Дамаскинымъ, и со иными святыми древними учителми» (Сказанія, стр. 229). Въ «Исторіи» онъ ссылается на житіе св. Николая «премудраго» Метафраста (Сказанія, стр. 114).

[2]) Герберштейна Курбскій называетъ «искуснымъ въ шляхетныхъ наукахъ»; про взятыхъ въ плѣнъ дѣтей Матвѣя Лыкова упоминаетъ, что король велѣлъ научить ихъ шляхетнымъ на-

ники, древніе мужи, говоритъ князь Курбскій, вскорѣ послѣ смѣшенія языковъ, видя, что родъ человѣческій „въ скотоподобіе наклоняется, тѣлеснымъ сластемъ прилежитъ, а душевными добротами тлѣетъ“, описали эти внѣшнія или словесныя науки, которыми человѣкъ отъ Бога украшенъ. Такъ, продолжаетъ Курбскій, они написали грамматику, которая учитъ, какъ правильно слѣдуетъ человѣку говорить и правильно писать, риторику, которая научаетъ прекрасно говорить и передавать свою мысль кратко или пространно, соблюдая во всемъ мѣру, не допуская „со вѣлерѣченіемъ много звягати“, діалектику, которая учитъ, какъ основательно соединять мысли, чтобы правду и истину отличать отъ лжи и заблужденія, естественную философію, предметъ которой естественныя и Богомъ „въ существо приведенныя тѣлесныя и безтѣлесныя бытства“, правонаказательную философію, которой царства и гражданское благочиніе держатся, такъ какъ она учитъ правдѣ, разумности, мужеству, цѣломудрію и другимъ добродѣтелямъ; отъ древнихъ же намъ извѣстны „круга небеснаго обращенія, т. е. благочиніе звѣзднаго теченія“ [1]).

Такимъ образомъ, обнаруживается знакомство Курбскаго съ схоластической наукой, какъ она сложилась въ теченіе среднихъ вѣковъ: въ составъ внѣшнихъ наукъ Курбскій вводитъ науки trivium'а (грамматику, риторику и діалектику) и одну изъ наукъ quadrivium'а— астрономію, круга небеснаго обращенія, присоединяя къ нимъ естественную и нравонаказательную философію, съ которыми онъ познакомился по латинскому переводу Аристотеля [2]).

умамъ и языку Римскому (Сказанія, стр. 5, 94), а въ предисловіи къ Дамаскину пишетъ: «да первое учатся трудолюбие и тщательне прочитаютъ со прилежаніемъ божественные писанія, потомъ и *внѣшнимъ* поучаются, сирѣчь, философскимъ искуствамъ... понеже оные предреченные святые многіе лѣта изнурили, не щадячи проторовъ (т. е. расходовъ), въ тѣхъ поучался», а на слѣдующей страницѣ: «и не токмо священнымъ, но и *внѣшнимъ* учитися потщимся». См. Библіограф. Зап. 1858 г., т. I, стр. 361, 363.

[1]) Предисловіе къ перев. Іоанна Дамаскина. См. Библіограф. Зап. 1858, т. I, стр. 365—366.

[2]) Въ предисловіи на Новый Маргаритъ Курбскій говоритъ, что «прочитахъ, разсмотрихъ физическіе и обучахся и навыкохъ еттическихъ», а на поляхъ поясняетъ: «Физика есть книга Аристотельская, коя въ себѣ замыкаетъ прирожешную або *естественную философію* и есть зѣло премудра. Также и еттика, десять книгъ Аристотельскихъ, кои научаютъ налѣпшей философіи, сирѣчь обычае любомудрія, и человѣческому роду наипаче зѣло потребнѣйшна». См. Сказанія, стр. 273.

Нашъ писатель, какъ оказывается, обладалъ, кромѣ того, коекакими свѣдѣніями въ философіи Парменида и Платона [1]). Переводя Діалектику Дамаскина, онъ усвоилъ себѣ логическіе (средневѣковые) термины и опредѣленія [2]).

Свѣдѣнія Курбскаго въ астрономіи были настолько велики, что онъ зналъ о движеніи 7 планетъ и кометъ вокругъ солнца, имѣлъ совершенно правильное понятіе объ эклиптикѣ и осуждалъ астрологію [3]).

Прибавимъ, что въ Литвѣ нашъ писатель изучилъ латинскій языкъ, желая перевести на славянскій языкъ творенія великихъ отцевъ церкви [4]), и былъ знакомъ съ нѣкоторыми сочиненіями Цицерона; по крайней мѣрѣ, перевелъ цицероновскіе „Пародоксы", въ свое оправданіе передъ царемъ [5]).

Сверхъ всего этого, нѣкоторое знакомство Курбскаго съ византійской и церковной и основательное съ отечественной исторіей не подлежитъ сомнѣнію [6]).

---

[1]) «Вопрошенъ отъ нѣкоторыхъ Платонъ философъ, яко бы существо человѣческое вытолковалъ? Отвещалъ, іже есть человѣкъ звѣръ разумныи смертныи». Приводимъ интересное для исторіи русской философіи изложеніе Курбскаго ученія Парменида: «Парменідес філосое ксенефонтовъ ученикъ і другъ, от котораго имені платонъ беседу яж о идіах пісал парменідом прозвал, тот мнил все быти вѣчно, і недвіжімо: что бы было істотность по истінной вещи ібо толіко быти просто, і небоящееся, і нероженно, а рожніе оных быти ложным мнѣніем відятся быти егда ж не суть. А чувства отлученны ото истінны неищевал, понеж утвержал аще что ест наче истотности сіе не быти істотность, ані истотность не быти в вещах. А сіце собѣ истотность в жівущих составлял: а землю разлѣишимъ аером спадоніем сотворенну быти блядословил». См. Приложенія А. Архангельскаго къ изслѣдов. «Очерки зап.—рус. лит.» Чт. Моск. Общ. Ист. 1888 г., кн. I, стр. 107, 126.

[2]) Иногда онъ даетъ ихъ переводъ: «Паралогізмъ, а по латіне канцыо зааргументацыя або конклюзіо фалляксъ, або деценціо пер фалсас опініонес, а по словенску подуловляющее свідѣтельство». См. Тамъ же, стр. 126.

[3]) Движеніе планетъ: «седмь путеи по нимже планиты благочинне по божію устроенію шествуютъ, которые круги альбо пути учители церковные всѣ во единомъ небеси, рекше въ тверди быти разумѣютъ». Эклиптика: «блудящіе (планеты) сего ради нарицаются, ижъ овогда по праву солнца, овогда же по леву грядутъ, не яко же солнце, яже подъ единою чертою ходитъ, которая черта еклиптика нарицается». Взглядъ на астрологію: «глупаютъ, иже родился он сица человѣкъ таковъ и подъ таковою звѣздою, альбо въ такій часъ, невозможно уже ему пременитися». См. «Описаніе рукописей Хлудова», стр. 105, 106, 109.

[4]) Предисловіе на Новый Маргаритъ. Сказанія, стр. 274.

[5]) Переводъ Paradoxon, II и IV Курбскаго. См. Сказанія, стр. 205—209.

[6]) Князь Курбскій знаетъ событія послѣднихъ временъ существованія византійской имперіи по разсказамъ Максима Грека (Сказанія, стр. 273—274. Предисловіе на Новый Маргаритъ); знакомъ былъ съ ересью Оригена (см. Прилож. къ изслѣд. А. Архангельскаго, стр. 113); написалъ «Исторію Флорентійскаго Собора», пользуясь при этомъ, какъ доказываетъ Шевыревъ, со-

Чтобы понимать, на· олько эти познанія выдѣляли Курбскаго изъ среды его соотечественниковъ, слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ о печальномъ состояніи образованія въ русскомъ обществѣ XVI вѣка.

Припомнимъ жалобы новгородскаго архіепископа Геннадія на состояніе образованности въ его епархіи и слезное этого архіепископа прошеніе объ основаніи училищъ, гдѣ учащіеся могли бы получать хотя самыя необходимыя свѣдѣнія для духовенства, которое условіями своего служенія призывалось въ грамотности и нѣкоторой начитанности въ священномъ писаніи: „сперва пусть будетъ вполнѣ истолкована азбука со складами и слова съ титлами (подтительныя), потомъ псалтирь съ возслѣдованіемъ; когда это изучатъ, будутъ въ состояніи, повторяя выученное, разбирать и читать всякія книги"

Таковы были скромныя требованія, предъявляемыя ревностнымъ архіепископомъ духовенству, но и эти требованія тогдашняя жизнь находила слишкомъ высокими: „Вотъ, пишетъ митрополиту Геннадій, приведутъ ко мнѣ мужика, и я приказываю ему читать псалтирь, а онъ и по той едва бредетъ. Я ему отказываю. а они (т. е. представившіе ставленника жители) извѣтъ творятъ: „земля, господинъ, такова; не можемъ добыть, кто былъ бы гораздъ грамотѣ" [1]).

Въ XVI вѣкѣ нерѣдко встрѣчались безграмотные даже въ средѣ высшаго сословія: „кто изъ князей и дѣтей боярскихъ, сказано въ поручной записи по бояринѣ Иванѣ Петровичѣ Яковлевѣ, въ этой записи написанъ, а у записи рукъ ихъ нѣтъ, тѣ князья и дѣти боярскіе, ставъ передъ дьякомъ Иваномъ Дубенскимъ, сказали, что они за Ивана Петровича поручились, а у записи рукъ ихъ нѣтъ, потому что они грамотѣ не умѣютъ" [2]).

Въ то же время сказывалась среди русскихъ людей боязнь об-

чиненіемъ, которое дошло къ намъ въ ватиканскомъ рукописи, подъ заглавіемъ: «Исторія о листрійскомъ, то есть разбойничьемъ Феррарскомъ или Флорентійскомъ соборѣ, вкратцѣ, но справедливо написанная» (Ст. Петровскаго въ Изв. Каз. Унив. 1873, № 4, стр. 757—758), дополняя, однако, разсказъ своими свѣдѣніями, какъ это видно изъ его ссылокъ на Максима Грека и русскія лѣтописи (Сказанія, стр. 261—268 и прим. Устрялова); намѣревался перевести хронику Никифора Каллиста (письмо Сарыгозину. Сказанія, стр. 225), въ которой Устряловъ (прим. 330) видитъ церковную исторію Софійскаго монаха въ 38 кн., составленную по Евсевію, Созомену, Евагрію и другимъ авторамъ. Ссылки на лѣтописи доказываютъ знакомство Курбскаго съ родной исторіей (См. Сказанія, стр. 25, 83, 103).

[1]) Акты Историч. т. I, № 104.

[2]) Собр. Госуд. Грам. и Догов. I, № 184.

разованія, обычное явленіе въ необразованномъ обществѣ. По словамъ Курбскаго, молодымъ людямъ, у которыхъ замѣчали духъ любознательности, обыкновенно говорили: „не читайте книгъ много“, и, указывая на тѣхъ, кто сошелъ съ ума, прибавляли: „онъ вотъ въ книгахъ зашелся, а онъ вотъ въ ересь впалъ!“ [1]).

Разумѣется, Курбскій совершенно иначе смотрѣлъ на образованіе и придавалъ ему большое значеніе. Онъ, напр., совѣтовалъ молодымъ людямъ знакомиться съ священнымъ писаніемъ и изучать свѣтскія науки, убѣждая не лѣниться, и ѣздить въ чужія страны, если на родинѣ не найдутъ для себя учителей [2]). Какое же значеніе онъ придавалъ образованію, можно видѣть изъ его отзыва объ Иванѣ Лыковѣ, про котораго онъ говоритъ, что тотъ „пострадалъ за отечество, какъ слѣдовало ученому человѣку“ [3]).

Итакъ, какъ оказывается, Курбскій и по своему образованію, и по своимъ прогрессивнымъ стремленіямъ стоялъ неизмѣримо выше громаднаго большинства русскихъ людей того времени [4]).

Въ виду этого вопросъ, какъ удалось Курбскому пріобрѣсти такое образованіе, которое его выдѣляло изъ среды тогдашняго общества, самъ собою возникаетъ для изслѣдователя.

Правда, много новыхъ свѣдѣній онъ пріобрѣлъ во время пребыванія въ Литвѣ и тамъ написалъ всѣ дошедшія до насъ сочиненія, но, на основаніи этого, предполагать, что своимъ образованіемъ Курбскій главнымъ образомъ обязанъ своему второму отечеству, было бы неосновательно, такъ какъ въ Литву онъ прибылъ въ такомъ возрастѣ, когда человѣкъ, вполнѣ сложившись въ опредѣленную умственную и нравственную личность, можетъ съ успѣхомъ итти по принятому направленію и продолжать успѣшно лишь дѣло, излюбленное въ молодости. Помимо этого соображенія, имѣется документальное доказательство, что въ Литвѣ Курбскій имѣлъ лишь возможность обнаружить въ сочиненіяхъ, письмахъ и переводахъ свое образованіе, которое онъ получилъ въ Москвѣ.

---

[1]) Предисл. къ переводу Іоанна Дамаскина. См. Библіограф. Записки 1858, т. I, стр. 361—362.

[2]) Тамъ же стр. 361—362. «Не шкодитъ и чужихъ докторовъ писмо читати». См. «Описаніе рук. Хлудова», стр. 113.

[3]) Сказанія, стр. 94.

[4]) Все же онъ былъ сыномъ своего времени и вѣрилъ въ чары и чародѣйство. См. Сказанія, стр. 24.

Сохранилась память князя Александра Ивановича Полубенскаго къ Якову Шашкину и Игнатію Огибалову, которымъ поручалось разыскать оставленныя въ Юрьевѣ Курбскимъ вещи и книги. Въ Дерптѣ, какъ оказывается изъ этого письма, Курбскій оставилъ книги; въ нихъ были помѣщены слова разныхъ отцевъ церкви, житія и переводы съ латинскаго языка; оставилъ также въ нѣмецкомъ переплетѣ Апостолъ и особенно интересовался житіемъ Августина Гипонійскаго и „явленіемъ чудесъ“ Августина, вслѣдствіе чего Игнатію Огибалову поручали списать у старца Вассіана Муромцева житіе и явленіе въ томъ случаѣ, если книги не будутъ разысканы Яковомъ Шапкинымъ [1]).

Извѣстно, что съ молодости до своего бѣгства изъ Россіи Курбскій постоянно участвовалъ въ разныхъ походахъ и войнахъ, которыхъ въ царствованіе Іоанна было весьма много, или засѣдалъ въ думѣ въ качествѣ боярина и участвовалъ въ рѣшеніи государственныхъ и судебныхъ дѣлъ [2]). Значитъ, въ зрѣломъ возрастѣ нашъ писатель мало имѣлъ досуга для умственныхъ занятій и расширенія своихъ познаній, такъ что остается предположить, что въ молодости онъ получилъ достаточное образованіе, и тогда же ему была привита *любознательность*, побудившая его впослѣдствіи въ Литвѣ сѣсть за латинскую азбуку, равно какъ научныя стремленія и традиціи, сказывающіяся въ томъ, что онъ высоко ставилъ науку и увѣщевалъ молодыхъ людей стремиться всѣми силами къ пріобрѣтенію научнаго образованія.

Все это указываетъ на то, что свое образованіе Курбскій получилъ въ молодые годы, подъ руководствомъ высоко и всесторонне-образованнаго человѣка, успѣвшаго привить своему ученику научные вкусы и духъ образованности. Такимъ, безспорно, былъ учитель Курбскаго, Максимъ Грекъ, единственный человѣкъ въ тогдашней Россіи, который могъ познакомить своихъ учениковъ съ западной наукой XVI вѣка и, что главнѣе, возбудить въ нихъ любознательность.

Максимъ родился въ послѣдней четверти XV вѣка въ албанскомъ городѣ Артѣ. Получивъ въ родномъ городѣ первоначальное

---

[1]) Москвитянинъ, 1843, № 9, стр. 147—148.

[2]) Предисл. на Новый Маргаритъ. Сказанія, стр. 275.

образованіе, онъ путешествовалъ по Европѣ и обучался въ Венеціи и Флоренціи, гдѣ слушалъ лекціи знаменитыхъ учителей и познакомился съ философіей Платона и Аристотеля. Возвратившись около 1507 года на родину, онъ постригся въ аѳонскомъ Ватопедскомъ монастырѣ, гдѣ, продолжая свои научныя занятія, оставался, пока не былъ отправленъ въ Россію.

Великій князь Василій 15 марта 1515 года отправилъ Василія Конылу Спячаго просить съ Ватопеда книжнаго переводчика старца Савву, но, такъ какъ Савва былъ уже многолѣтній старецъ и страдалъ ногами, то протъ и ватопедскіе старцы рѣшили отправить Максима „искуснаго, какъ писали они, въ божественномъ писаніи и способнаго къ толкованію и переводу всякихъ книгъ и церковныхъ, и глаголемыхъ еллинскихъ“. Немедленно, по пріѣздѣ его въ Москву, куда онъ прибылъ 4 марта 1518 года, ему поручили переводъ Толковой псалтири древнѣйшихъ учителей церкви. Такъ какъ Максимъ славяно-русскій языкъ зналъ плохо, то дѣло перевода обставили такъ: Максимъ переводилъ съ греческаго на латинскій, два толмача Димитрій Герасимовъ и Власій съ латинскаго на славянскій, а Михаилъ Медоварцевъ и Сильванъ, инокъ Троицо-Сергіевскаго монастыря, занимались переписью. Черезъ годъ и пять мѣсяцевъ переводъ псалтири окончили, но еще ранѣе Максимъ успѣлъ перевести, по желанію митрополита Варлаама (1511—1521), толкованія неизвѣстнаго на послѣднія главы Дѣяній Апостольскихъ. Этою своею дѣятельностью Максимъ такъ угодилъ великому князю и митрополиту, что его упросили остаться въ Россіи и поручили исправленіе богослужебныхъ книгъ, наполненныхъ грубыми ошибками, исправленіе, которое онъ началъ съ Тріоди. Продолжая ревностно заниматься переводною дѣятельностью (такъ, онъ перевелъ толкованія Златоуста на евангелія Матоея и Іоанна и Псалтирь съ греческаго на русскій языкъ), Максимъ писалъ небольшія сочиненія, вооружаясь противъ сочиненій апокрифическихъ и разныхъ суевѣрій, противъ страсти къ астрологіи и вѣры въ судьбу. Вскорѣ послѣ своего прибытія въ Россію Максимъ познакомился съ извѣстнымъ послѣдователемъ Нила Сорскаго, ратовавшаго на соборѣ 1503 г., въ защиту нестяжанія, противъ монастырскихъ владѣній и имуществъ, знаменитымъ старцемъ—княземъ Вассіаномъ Косымъ, непримиримымъ врагомъ Іосифа Санина и тѣхъ идей, которыя послѣдній раз-

вивалъ въ своемъ „Просвѣтителѣ". Максимъ Грекъ рѣшалъ также отрицательно вопросъ—прилично-ли владѣть монастырямъ селами. Въ сочиненіяхъ своихъ: „Повѣсть страшна и достопамятна" и въ „Бесѣдѣ актимона съ филоктимономъ" (нестяжательнаго съ любостяжательнымъ) онъ настаивалъ на незаконности монастырскаго владѣнія.

Обыкновенно думали, что Вассіанъ и Максимъ подвергнулись опалѣ за сопротивленіе разводу великаго князя Василія, но митрополитъ Макарій справедливо опровергаетъ это мнѣніе, на томъ основаніи, что сохранился подлинникъ (Акт. Арх. Эксп. I, № 173) грамоты, данной, по ходатайству старца-князя Вассіана („билъ ми челомъ старецъ Васьянъ князь Ивановъ сынъ Юрьевича"), 14 сент. 1526 г., т. е. послѣ развода и второго брака, о неподсудности Ростовскому архіепископу иноковъ Ниловой Сорской пустыни. Не останавливаясь на вопросѣ, какія обстоятельства привели Максима къ опалѣ и заключенію въ тюрьмѣ, какъ выходящемъ изъ рамокъ нашего изслѣдованія, скажемъ, что на соборѣ 1525 года роль обвинителей приняли на себя чудовскій архимандритъ Іона и коломенскій епископъ Вассіанъ Топорковъ и приписали ему еретическое ученіе о Христѣ, что сидѣніе Его одесную Отца есть мимошедшее, минувшее, воспользовавшись ошибкою Максима, который по недостаточному знанію славянскаго языка зачеркивалъ и выскребалъ сѣде и сѣдящъ, замѣняя ихъ формами прошедшаго времени: сидѣвъ, сидѣвши и сидѣлъ. Соборъ 1525 года осудилъ Максима и его послали на заключеніе въ Іосифовъ Волоколамскій монастырь, гдѣ въ тюрьмѣ онъ терпѣлъ „различныя озлобленія и томленія и отъ голода, и отъ холода, и отъ дыма, отъ чего иногда дѣлался какъ бы мертвымъ". Въ 1531 году Максима снова поставили на судъ, обвиняя въ томъ, что онъ хулитъ и отвергаетъ русскія книги, и послали въ тверской Отрочъ-монастырь, но безъ запрещенія читать и писать книги. Въ 1551 году окончательно облегчили участь Максима: переселили въ Сергіево-Троицкій монастырь, гдѣ онъ и скончался въ 1556 году [1]).

Этотъ ученѣйшій человѣкъ своего времени и былъ учителемъ

[1]) Макарій, «Исторія русской церкви», Т. VI, стр. 157—165, 175 194; Филаретъ «Исторія русской церкви», ч. II, стр. 101—109; Соловьевъ, «Исторія Россіи», т. V, стр. 476—480, т VI стр. 184—186; Иловайскій, «Исторія Россіи», т. II, стр. 512—520.

Андрея Курбскаго: въ предисловіи на Новый Маргаритъ этотъ послѣдній называетъ Максима превозлюбленнымъ учителемъ. По его же словамъ, случилось однажды ему бесѣдовать съ Максимомъ о томъ, какъ много твореній великихъ отцевъ церкви не переведено на славянскій языкъ, и Максимъ указалъ, что почти всѣ эти творенія имѣются въ латинскомъ переводѣ. Какъ говоритъ Курбскій: „услышивши это *отъ превозлюбленнаго учителя* изъ самыхъ его преподобныхъ устъ“, онъ постарался, по пріѣздѣ въ Литву, изучить латинскій языкъ [1]).

Обязанный Максиму Греку своимъ умственнымъ развитіемъ, Курбскій питалъ къ нему самое глубокое уваженіе: его онъ называетъ не иначе, какъ „святымъ и преподобнымъ“, слова его „сладчайшими меда“ и приписываетъ ему даръ пророчества [2]); „Максимъ преподобный, говоритъ онъ о своемъ учителѣ, былъ человѣкъ очень мудрый, не только умѣющій много передавать превосходно, по правиламъ риторики, но и свѣдущій въ философіи и украшенный исповѣдническимъ по Бозѣ терпѣніемъ“.[3]).

Остается сказать, благодаря какимъ обстоятельствамъ Курбскій могъ сдѣлаться ученикомъ и близкимъ человѣкомъ Максиму Греку.

Въ февралѣ 1525 года, келейникъ Максима, Аѳанасій на допросѣ показалъ: „Приходили (прихожи были) къ Максиму Иванъ Берсень, князь Иванъ Токмакъ, Василій Михайловичъ Тучковъ, Иванъ Даниловичъ Сабуровъ, князь Андрей Холмскій и Юшко Тютинъ... и они говаривали съ Максимомъ книгами и вели пренія (спиралися) между собою о книжномъ“ [4]). Изъ этого показанія слѣдуетъ, что вокругъ Максима Грека въ 20-хъ годахъ XVI вѣка образовался ученый кружокъ, члены котораго собирались, обмѣнивались своими мыслями и вели споры книжнаго содержанія, и однимъ изъ этихъ близкихъ къ ученому греку людей былъ Василій Михайловичъ Тучковъ.

[1]) Предисловіе на Новый Маргаритъ. Сказанія, стр. 273—274. Дополнялъ свое образованіе и учился латинскому языку Курбскій, подъ руководствомъ какого-то бакалавра Амвросія. См. тамъ же стр. 274.

[2]) Сказанія, стр. 35—37, 41.

[3]) Тамъ же, стр. 35.

[4]) Акты Арх. Экп. т. I, № 172.

Если припомнимъ, что мать нашего писателя была изъ фамилія Тучковыхъ, съ которыми, какъ оказывается, у Максима Грека были давнія дружественныя отношенія, то станетъ понятнымъ, что онъ перенесъ свои симпатіи на даровитаго сына Маріи Тучковой. Доживая свой многострадальный вѣкъ въ Троицо-Сергіевской обители, глубокій старикъ любилъ, вѣроятно, бесѣдовать съ молодымъ воеводою о переводахъ твореній св. отцевъ церкви, послѣднемъ времени существованія византійской имперіи, западной наукѣ, своихъ трудахъ и преслѣдованіяхъ со стороны іосифлянъ [1]), а тотъ слушалъ рѣчи, „сладчайшія меда“, боясь проронить хотя одно слово „превозлюбленнаго учителя“.

Начитанность въ священномъ писаніи и знакомство съ твореніями лучшихъ отцевъ церкви позволяли Курбскому видѣть слабыя стороны въ западныхъ вѣроисповѣданіяхъ, вслѣдствіе чего онъ еще выше ставилъ родное православіе, въ догматахъ котораго былъ воспитанъ.

Указывая на ложность ученія объ исхожденія Святаго Духа отъ Отца и Сына, онъ въ то же время упрекаетъ западную церковь за частыя измѣненія въ своихъ законахъ и отступленія отъ церковнаго преданія, что, по его мнѣнію, происходитъ отъ излишняго мудрствованія (надѣявшася на хитрость и на философію тщетную) и порчи книгъ ветхаго и новаго Завѣта въ переводахъ Скорины и Лютера [2]).

Если объ этихъ заблужденіяхъ западной церкви, изъ нѣдръ которой вышло столько великихъ учителей церкви [3]), Курбскій говоритъ съ нѣкоторой тоской, то ничего подобнаго не замѣчается въ его отзывахъ о Лютерѣ и его послѣдователяхъ: „Прелестникъ новоявленный Лютеръ“, по его словамъ, волкъ въ овечьей шкурѣ, предтеча антихристовъ, посланный духомъ зла на смущеніе христіанъ; бывъ прежде монахомъ, онъ нагло нарушилъ обѣты, взялъ жену и этимъ подалъ прискорбный примѣръ для желающихъ идти „по широкому и пространному пути, вводящему въ погибель“, оставивъ указанный самимъ Господомъ „тѣсный и прискорбный путь“, вслѣд-

[1]) Предисл. на Новый Маргаритъ см. Сказанія, стр. 273—274; Исторія Флорентійскаго Собора см. Сказанія, стр. 263, 268.

[2]) Правосл. Собес., 1863, ч. II, стр. 453—455, 570.

[3]) Правосл. Собес., 1863, ч. II, стр. 561.

ствіе чего, „проповѣдуя свое ученіе, противное ученію апостоловъ и всѣхъ святыхъ, безчисленные народы соблазнилъ, великія царства смутилъ, а въ междуусобныхъ браняхъ пролилось много крови“ [1]). Поэтому, неудивительно, что нашъ писатель былъ самаго невыгоднаго мнѣнія о послѣдователяхъ этого „волка въ овечьей шкурѣ“, послѣдователяхъ, которые „не оставляютъ своего обыкновенія, т. е. пьянства жестокаго и издѣвательства надъ христіанскими догматами“ [2]): „въ тотъ самый день, пишетъ онъ, когда Господь нашъ Іисусъ Христосъ за человѣческій родъ плотью пострадалъ, въ тотъ день, когда каждый христіанинъ, подражая его страстямъ, терпитъ и пребываетъ въ постѣ и воздержаніи, ихъ милость нѣмцы вельможные и гордые, измыслившіе сами себѣ новое имя—Евангелики, еще въ началѣ того дня обпились и объѣлись... и пролили кровь христіанскую въ такіе великіе и святые дни“ [3]).

Печальныя явленія, отмѣчаемыя имъ въ жизни западной церкви, заставляли его высоко ставить русскую православную церковь, „пребывающую въ неизмѣнномъ тожествѣ и укрѣпленную седмистолпными догматами великихъ семи соборовъ“ [4]): „Вся земля наша русская, пишетъ онъ съ восторгомъ, отъ края до края, какъ чистая пшеница, вѣрою Божіей содержится: храмы Божьи, количествомъ своимъ равняясь звѣздамъ небеснымъ, воздвигнуты по лицу ея; построено множество монастырей (я не знаю, кто знаетъ число ихъ!), и въ нихъ спасается безчисленное множество преподобныхъ монаховъ; цари и князья и донынѣ, по обрядамъ православной вѣры древнихъ поколѣній, помазываются на отправленіе суда и защиту отъ враговъ чувственныхъ. Скажемъ съ Іереміей о милосердіи Господа: земля наша наполнена вѣрой Божьей и презобилуетъ ею, какъ море водою“ [5]). Обращаясь къ христіанину Западной Руси, колебящемуся въ своихъ вѣрованіяхъ и забывшему подвижническую жизнь, Курбскій спѣшитъ прибавить: „стойкіе еще встрѣчаются старцы въ православной христіанской землѣ, воспитанные въ правовѣрныхъ догматахъ!“ [6]).

---

[1]) Правосл. Собес. 1863 ч. II, стр. 458—459.
[2]) Сказанія, стр. 49.
[3]) Сказанія, стр. 48.
[4]) Правосл. Собес. ч. II, стр. 456.
[5]) Правосл. Собес. ч. II, стр. 562—563.
[6]) Сказанія, стр. 122.

Не ускользнули, однако, отъ наблюденія его и печальныя явленія въ русской церкви: увлеченіе апокрифическими сочиненіями, пристрастіе къ внѣшности и паденіе нравовъ среди монашествующихъ.

Въ посланіи къ Псково-Печерскому старцу Вассіану Муромцеву онъ основательно возражалъ противъ подлинности такъ называемаго Никодимовскаго евангелія, извѣстнаго апокрифическаго пятаго евангелія [1]). Въ борьбѣ противъ апокрифовъ и приверженности къ внѣшности онъ шелъ по слѣдамъ своего учителя [2]).

Оказывается, что православные увлекаются „словесами развращенными" и разными апокрифическими повѣстями, составленными попомъ болгарскимъ Іереміей и другими, которые свои произведенія „подписываютъ на святыхъ имена", чтобы простодушные и неученые охотнѣе за нихъ брались, а „сочиненія апостоловъ, пророковъ и святыхъ преподобныхъ великихъ учителей только переплетаютъ въ сафьянъ, украшая золотомъ, драгоцѣнными камнями и бисеромъ, и, положивши въ казнахъ за твердыми запорами, тщеславятся ими и сказываютъ посѣтителямъ, какъ дорого эти книги стоятъ" [3]).

Замѣчая дѣйствительно совершающееся паденіе нравовъ въ средѣ монашествующихъ [4]), Курбскій ставилъ это явленіе въ причинную связь съ стремленіемъ ихъ къ стяжательности: „Монахи богатолюбивые, по его словамъ, не заботятся о богоугодномъ и не совѣтуютъ по разуму духовному, но, старательно разузнавая, что угодно было бы царю и властямъ, то и говорятъ, чтобы выманить своимъ монастырямъ имѣнія и богатства и жить въ преступномъ сладострастіи, питаясь подобно свиньямъ" [5]). Вслѣдствіе этого благословеніе Божіе перестаетъ снисходить въ обителяхъ монаховъ, ведущихъ подобную жизнь: „чудеса, по его словамъ, прежде истекали, пока не

---

[1]) Петровскій въ Зап. Каз. Унив., 1873. № 4, стр. 746—747.

[2]) Припомнимъ, что противъ апокрифовъ Максимъ написалъ рядъ сочиненій, а тверскому епископу Акакію и тверянамъ, когда они впали въ уныніе по случаю того, что сгорѣлъ великолѣпный воздвигнутый ими храмъ, писалъ, что благочестіе ихъ гнило. См. соч. архіеп. Филарета «Исторія Русской церкви», ч. III, стр. 104, 109—110.

[3]) Правосл. Собес. ч. II, стр. 556—559.

[4]) См. посланіе царя въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь (Акт. Ист. I, № 204). Въ богомольной грамотѣ въ тотъ же монастырь (отъ 1571 г.) царь выражается такъ: «поздержали бы ся есте отъ пьянственнаго питья въ сій постъ, и въ великій мясоѣдъ, и въ великій святый четыредесятый постъ, и до велика дня *во пьянство не упивалися*. См. Акт. Арх. Экс. I, № 283.

[5]) Сказанія, стр. 36.

было имѣній дано монастырю (Псково-Печерскому), а монахи были нестяжательны, но когда, монахи начали любить стяжанія, особенно недвижимую собственность, т. е. села и деревни, тогда угасли божественныя чудеса“ [1]).

Борьба, возгорѣвшаяся еще въ правленіе Іоанна III между Нилом̀ъ Сорскимъ, защитникомъ нестяжательности, и Іосифомъ Санинымъ, защитникомъ монастырскихъ владѣній, вносила разладъ въ среду духовенства и мыслящихъ русскихъ людей.

Ученикъ Максима Грека, примкнувшаго къ приверженцамъ идей Нила Сорскаго и даже пострадавшаго за это, ненавидѣлъ учениковъ Іосифа Санина, называя ихъ Осифлянами, расточая по ихъ адрессу всевозможные бранные эпитеты: „въ злости презлые, скорые послушники и всему злому потаковники, лукавая чета, лукавства исполненый монашескій родъ и т. п.“ [2]).

Чисто принциніальная вражда Нила Сорскаго къ стяжательности монаховъ у Курбскаго осложнялась политическими мотивами, вслѣдствіе чего она у него переходила въ ненависть, не останавливающуюся ни передъ какимъ обвиненіемъ и подозрѣніемъ.

Дѣло въ томъ, что, по убѣжденію Курбскаго, на духовенствѣ лежала обязанность ходатайствовать и заступаться передъ царемъ за угнетенныхъ и оскорбленныхъ: духовенство должно полагать душу свою за паству, т. е. заступаться за вдовъ и сиротъ, избавлять отъ бѣды пострадавшихъ и несчастныхъ, выкупать изъ полона плѣнныхъ, воспрещать царю и властямъ несправедливые поступки, подобно тому, какъ дѣйствовали: Илія, обличавшій царя въ лицо, Амвросій Миланскій, смирившій императора Ѳеодосія, и Іоаннъ Златоустъ, рѣзко порицавшій императрицу „златолюбивую“. Между тѣмъ, духовенство не выполняло этой высокой миссіи, такъ какъ было поглощено совершенно другими интересами: „священническій чинъ, пишетъ Курбскій, села себѣ устраиваетъ, великіе храмы воздвигаетъ, со всѣмъ пломъ жаждетъ богатствъ, украшаясь имуществомъ, какъ благочестіемъ, а иноки, забывъ свои обѣты, пріобрѣтаютъ имѣнія и села, собираютъ съ нихъ большіе доходы и сохраняютъ ихъ въ своихъ твердыхъ хранилищахъ“. По убѣжденію Курбскаго, иначе и

[1]) Сказанія, стр. 108.
[2]) Сказанія, стр. 5, 35, 37, 107, 119.

быть не могло, такъ какъ „всѣ въ заботахъ о своемъ богатствѣ, обнявъ его, простерты лежатъ, всячески прислуживались властямъ и приноравлялись къ тому, чтобы не только сохранить свое, но и еще больше пріобрѣсти“ [1]).

Курбскій высоко ставилъ родное православіе, но и сознавалъ ясно темныя стороны и явленія въ жизни русской церкви, и это сознаніе выразилъ такъ: „мы убогіе, мало извѣстные древнимъ народамъ, какъ живущіе въ одномъ углу вселенной, были призваны къ благодати Христовой не по заслугамъ и были познаны не по добродѣтелямъ, но по неизмѣримому Его человѣколюбію были призваны въ Его достояніе, такъ какъ искони Онъ по обыкновенію ниспосылаетъ незаслуженно великое милосердіе“ [2]).

Итакъ, духовенство пренебрегло, по мнѣнію Курбскаго, вслѣдствіе любостяжательности своимъ земскимъ долгомъ. Этой же идеей земскаго служенія проникнуты всѣ его политическія воззрѣнія.

Такъ, цари, по убѣжденію нашего писателя, призываются и помазываются на царство для того, чтобы судомъ праведнымъ судить подвластныхъ, управляя державою кротко и милостиво, и защищать царство, врученное Богомъ, отъ нахожденія варваровъ [3]). Царь долженъ держать возлѣ себя совѣтныхъ людей и слѣдовать ихъ указанію, если не желаетъ навлечь бѣды на себя и своихъ подвластныхъ. Эту мысль о необходимости совѣтоваться и слѣдовать совѣтамъ онъ доказываетъ ссылкою на извѣстные изъ библейской исторіи примѣры Давида и Ровоама и приведеніемъ словъ Іоанна Златоуста, равно какъ указаніемъ на успѣхи царствованія Іоанна III. По его убѣжденію, успѣхи эти были достигнуты не „кровопійствомъ“ этого послѣдняго и его „грабительствомъ“, но благодаря его обычаю совѣтоваться съ мудрыми и мужественными боярами, такъ какъ, продолжаетъ Курбскій, онъ былъ, сказываютъ, любосовѣтенъ и ничего не предпринималъ безъ глубочайшаго и всесторонняго совѣта [4]).

Курбскій былъ далекъ отъ сословной узости и не присвоивалъ монополіи власти и совѣта боярскому классу: „царь, высказывается

---

[1]) Правосл. Собес. ч. II, стр. 564—566.
[2]) Правосл. Собес. ч. II, стр. 562.
[3]) Сказанія, стр. 55; Правосл. Собес. ч. II, стр. 564
[4]) Сказанія, стр. 38—40.

онъ, долженъ искать добраго и полезнаго совѣта не только у совѣтниковъ (т. е. бояръ), но и *у простыхъ людей* (всенародныхъ человѣкъ), такъ какъ, спѣшитъ онъ прибавить обоснованіе своей мысли, *царь духа даетсл по правости душевной:* не смотритъ Богъ на могущество и гордость, но на правость сердечную" [1]). Настаивая на правѣ совѣта, Курбскій разумѣлъ не обычное и никогда не отрицаемое право боярской думы разсматривать государственныя дѣла и постановлять вмѣстѣ съ царемъ приговоры, но то право „встрѣчи", на которое указывалъ Берсень въ своихъ бесѣдахъ съ Максимомъ Грекомъ: „Государь упрямъ, говорилъ этотъ опальный боярин великаго князя Василія, и встрѣчи противъ себя не любитъ; кто ему встрѣчу говоритъ, онъ на того опалается, а отецъ его противъ себя встрѣчу любилъ и тѣхъ жаловалъ, которые противъ него говаривали" [2]). Въ самомъ дѣлѣ, какой бы смыслъ имѣли слова Курбскаго о правѣ совѣта и любосовѣтіи Іоанна III, если бы онъ подъ правомъ совѣта не разумѣлъ этой Берсеневской „встрѣчи": вѣдь, въ московскомъ царствѣ никому и въ голову не приходила мысль, что царь можетъ править безъ боярской думы, ни даже самому Грозному, учредившему опричнину, но не коснувшемуся прерогативъ этого высшаго государственнаго учрежденія.

По убѣжденію Курбскаго, это право встрѣчи, т. е. право представлять возраженія государю, принадлежало всѣмъ классамъ общества, было ихъ земскимъ долгомъ, отъ котораго они не должны были уклоняться, а государь, съ своей стороны, въ видахъ государственнаго благоденствія, долженъ былъ искать этой встрѣчи и жаловать за нее „добрыхъ и правду совѣтующихъ", а не держать около себя „льстивыхъ ласкателей", готовыхъ хвалить каждый его шагъ и восхищаться каждою его мыслью, такъ какъ ничего не можетъ быть болѣе пагубнаго и вреднаго въ царствѣ, чѣмъ подобные совѣтники [3]).

Таковъ былъ политическій идеалъ [4]) нашего писателя, въ за-

---

[1]) Сказанія, стр. 39.

[2]) Акт. Арх. Экс. т. I, стр. 143—144.

[3]) Сказанія, стр. 46.

[4]) О правѣ отъѣзда Курбскій ничего не говоритъ. По этому поводу проф. Петровскій высказывается вполнѣ основательно слѣдующимъ образомъ: «Дружинникъ Курбскій, по словамъ г. Соловьева, настаивалъ на томъ, что царь долженъ слушаться *совѣта* бояръ, что бояре имѣ-

вислмости отъ котораго находились его всѣ антипатіи: не долюбливалъ онъ, какъ мы видѣли, Осифлянъ. монаховъ—стяжателей, потому что они не выполняли земскаго долга говорить государю „встрѣчу“, а, напротивъ, были потаковщиками и ласкателями; также относился непріязненно къ женамъ—иноплеменницамъ, ибо они внесли въ „предобрый русскихъ князей родъ злые нравы“, т. е. подъ ихъ вліяніемъ пало „любосовѣтіе“ предобрыхъ нашихъ государей [1]). По той же самой причинѣ враждебно смотрѣлъ Курбскій на тѣхъ„ русскихъ писарей“, которымъ государь оказывалъ особенное довѣріе, избирая ихъ изъ поповичей и простаго всенародства [2]): „есть у великаго князя, пишутъ боярину Морозову Тетеринъ и Маркъ Сарыгозинъ, новые вѣрники-дьяки, которые его половиною кормятъ, а бо́льшую себѣ берутъ; отцы ихъ вашимъ отцамъ въ холопы не годились, а нынѣ не только землею правятъ (владѣютъ), но и головами вашими торгуютъ“ [3]).

Къ сожалѣнію, авторъ „Боярской Думы“ не понялъ и не оцѣнилъ этой коренной черты воззрѣній Курбскаго и впалъ поэтому въ неисходныя противорѣчія: „Во всякомъ случаѣ, пишетъ проф. В. Ключевскій, эти люди (т. е. кн. Василій Патрикѣевъ и нашъ писатель) *не желали*, чтобы боярству принадлежала *монополія власти* и ихъ планъ земскаго совѣта шелъ даже дальше

ютъ *право отъѣзда*, а представитель *государственной воли* – Иванъ IV доказываетъ, что царь не долженъ находиться подъ чьимъ-либо вліяніемъ, что боринъ, имѣющій притязаніе на право совѣта—измѣнникъ. Право отъѣзда... Но Курбскій ни однимъ словомъ не упоминаетъ о такомъ *правѣ*. Могъ ли онъ настаивать на возвращеніи права отъѣзда, столь дорогаго для родичей, будто нарушеннаго Иваномъ IV, когда еще при Иванѣ III пали удѣлы и, стало быть, отъѣзжать было некуда, а отъѣздъ къ королю, къ хану, къ цесарю былъ, очевидно, измѣною. Отчего же бояре, задержанные въ своемъ побѣгѣ, не опирались на право отъѣзда? Естественно потому, что оно во время Грознаго не могло имѣть юридическаго значенія. Каждый отъѣзчикъ или, правильнѣе, бѣглецъ могъ только сознаться въ своей винѣ—а вовсе не опираться на давно потерянное право. И не одинъ Курбскій только не ссылался на *право* отъѣзда: князь Лобановъ-Ростовскій, желавшій бѣжать въ Литву въ 1554 году и задержанный въ дорогѣ, отвѣчалъ на допросѣ, что «*хотѣлъ бѣжати отъ убожества и отъ малоумства, понеже скудота была у него разума и всякимъ добрымъ дѣломъ*». Тетеринъ писалъ, что бѣжалъ отъ гонителя многихъ нестерпимыхъ мукъ»! См. ст. Петровскаго въ Зап. Каз. Унив. 1873, № 4, стр. 732—733.

[1]) Сказанія, стр. 4. Припомнимъ, что Берсень говорилъ Максиму: «какъ пришла сюды мати Великаго Князя Великая Княгини Софья съ вашими Греки, такъ наша земля замѣшалася и пришла въ нестроенія великіе, какъ и у васъ во Царѣгородѣ при вашихъ царѣхъ». См. Акт. Арх. Экси. I, стр. 142.

[2]) Сказанія, стр. 43.

[3]) Прим. 220 Устрялова къ Сказаніямъ.

дѣйствительности", но на слѣдующей страницѣ уже читаемъ: „Они ненавидѣли „русскихъ писарей", дьяковъ, людей изъ поповичей или простаго всенародства, по выраженію Курбскаго, за то, что они не безъ успѣха *оспаривали у боярства его правительственное вліяніе*".

Отмѣчая вполнѣ основательно, что въ политическихъ воззрѣніяхъ нашего писателя не замѣтно узкаго сословнаго эгоизма, признавая даже эти воззрѣнія возвышенными, проф. В. Ключевскій называетъ его „надменнымъ родословнымъ боярином" [1]). Рѣшительно недоумѣваемъ, какъ можно видѣть аристократическія замашки у человѣка, который, какъ извѣстно, былъ жаркимъ поклонникомъ попа Сильвестра и Адашева, людей далеко неродословныхъ.

Возвышенныя политическія воззрѣнія освѣщались и согрѣвались у Курбскаго самымъ глубокимъ чувствомъ любви къ родинѣ, къ „святорусской землѣ": „если бы, пишетъ онъ, пришлось душу свою положить за плѣнныхъ бѣдныхъ христіанъ, то эта добродѣтель любви, воистину, была бы выше всѣхъ добродѣтелей"; „хлѣбъ черемисскій, замѣчаетъ онъ въ другомъ мѣстѣ, показался сладокъ потому наиболѣе, что мы подвизались за отечество правовѣрнаго христіанства противъ враговъ креста Христова, вмѣстѣ съ своимъ царемъ" [2]).

Военными подвигами своими и беззавѣтнымъ мужествомъ онъ доказалъ, что это не были только слова.

Глубоко скорбѣлъ онъ, видя бѣдствія своей родины; земская скорбь и горячая любовь сына слышатся въ его правдивомъ изображеніи полнаго разгрома „святорусской земли" въ концѣ царствованія Іоанна Грознаго: „Воинскій чинъ (т. е. преимущественно дѣти боярскіе) теперь въ самомъ печальномъ положеніи, потому что большинство не только не имѣетъ коней, пригодныхъ для военной службы, или ратнаго оружія, но и дневного пропитанія, такъ что ихъ бѣдность, недостатки и несчастія превосходятъ всякое описаніе. Купцы и земледѣльцы—всѣ видятъ, какъ они страдаютъ отъ безмѣрныхъ налоговъ, волокиты и насилія немилосердныхъ приставовъ: одну подать съ нихъ взяли, другую берутъ, за третьей посылаютъ,

[1]) В. Ключевскій, «Боярская Дума», стр. 304—306.
[2]) Сказанія, стр. 15, 56.

а о четвертой совѣщаются. Больно видѣть! печальное зрѣлище! Отъ всѣхъ этихъ нестерпимыхъ мукъ одни безъ вѣсти бѣгутъ изъ отечества, другіе собственныхъ любимыхъ дѣтей, плоть отъ своей плоти, отдаютъ въ кабалу, а нѣкоторые сами на себя накладываютъ руки, давятся, топятся или иначе себя губятъ: горе заглушаетъ лучшія движенія ихъ человѣческой природы“ [1]).

Курбскій видѣлъ, что въ Литвѣ жилось свободнѣе, но эти „свободы христіанскихъ королей“ [2]) не мѣшали ему видѣть нравственное разложеніе польскаго общества; и картину этого разложенія онъ нарисовалъ широкою кистью [3]). Онъ съ любовью останавливался на томъ контрастѣ, который возникалъ при сравненіи русскаго царя, собственнолично выступающаго на враговъ во главѣ многочисленнаго и храбраго войска, съ западными государями, которые цѣлыя ночи просиживаютъ надъ картами и „прочими бѣсовскими бреднями“ [4]).

Его патріотизмъ былъ не такого рода, чтобы предпочитать все свое родное только за то, что оно родное. Образованіе и широкій жизненный опытъ дѣлали Курбскаго *сознательнымъ патріотомъ*: онъ любилъ родину, но видѣлъ ея недостатки, скорбѣлъ за нихъ и негодовалъ, видѣлъ существеннѣйшій недостатокъ „святорусской земли“ въ отсутствіи образованія и въ невѣжествѣ русскихъ людей.

Мы указывали, какъ увѣщевалъ онъ молодыхъ людей искать образованія и даже ѣздить за границу, если на родинѣ не найдутъ свѣдущихъ учителей. Рѣзкое слово иногда срывалось съ пера его, когда рѣчь заходила о русскомъ невѣжествѣ, и тогда сыпались эпитеты: „отечество неблагодарное и недостойное ученыхъ людей, земля

---

[1]) Правосл. Собес. ч. II, стр. 566—567. Любопытно сравнить отзывъ Антонія Поссевина о состояніи Россіи въ то время: «id constat, trecenta millium passuum aliquando in ejus ditione iter fieri in quibus incola nullus jam superstes sit; pagis ipsis exstantibus quidem, sed vacuis. At vero dedolati agri et recentes sylvae, quae passim succreverunt, indicia sunt frequentiorum antea incolarum». См. De rebus Moscovit. Scrip. Ext. II. p. 288. На пространствѣ нѣсколькихъ сотенъ верстъ пустые поселки, слѣды бывшаго густого населенія, прежде воздѣлываемыя поля, теперь поросшія кустарникомъ —вотъ картина, представляющаяся иностранцу при проѣздѣ по Россіи. Дѣйствительно, было отчего воскликнуть патріоту: «бѣдное видѣніе и умиленъ позоръ!»

[2]) Сказанія, стр. 110.

[3]) Сказанія, стр. 56—60. Въ этомъ обличеніи роскоши и изнѣженности нравовъ польскаго общества Курбскій сходится съ Михалономъ Литвиномъ. Соловьевъ. т. VII, стр. 188—191.

[4]) Сказанія, стр. 12.

лютыхъ варваровъ“ [1]), но мы не считаемъ себя въ правѣ только въ силу послѣдняго обстоятельства усомниться, подобно проф. В. Ключевскому, въ его любви къ родинѣ и не повторимъ за нимъ, что „можетъ быть, онъ и любилъ ее, эту землю убогихъ людей, но только развѣ, какъ географическое понятіе и много-много въ ея историческомъ прошломъ“ [2]), какъ потому, что подобный взглядъ, по нашему мнѣнію, противорѣчитъ всѣмъ вышеприведеннымъ фактамъ, такъ и потому, что во взглядѣ автора „Боярской Думы“ на умственную личность Курбскаго нѣтъ цѣлостности, вслѣдствіе чего онъ впадаетъ въ противорѣчія, нѣкоторыя изъ которыхъ отмѣчены выше.

Эту цѣлостность, т. е. черту, проходящую черезъ всѣ убѣжденія Курбскаго, мы усматриваемъ въ сознательной продуманности его убѣжденій и въ широтѣ его кругозора, широтѣ, обезпеченной ему превосходнымъ образованіемъ и огромнымъ жизненнымъ опытомъ: онъ высоко ставитъ русскую православную церковь, но видитъ недостатки въ ея жизни, скорбитъ надъ ними и смиренно соглашается, что мы достигли высоты не по заслугамъ, а по неизмѣримому человѣколюбію Божьему; онъ любитъ свою родину, скорбитъ ея скорбями, болитъ ея болью, отмѣчаетъ разложеніе чуждаго польскаго общества и съ нѣкоторымъ чувствомъ удовольствія сравниваетъ время провожденіе западныхъ государей и русскаго царя, но сознаетъ, что въ то время, какъ чужіе наслаждаются чтеніемъ нашихъ православныхъ великихъ учителей, святорусская земля голодомъ духовнымъ таетъ [3]); и въ минуту скорбнаго негодованія само собою сорвется рѣзкое слово: „земля лютыхъ варваровъ“.

Лучшимъ доказательствомъ высокаго патріотизма Курбскаго служитъ его литературная дѣятельность, которую онъ всецѣло посвятилъ на благо своей родины: видя, что святорусская земля голодомъ духовнымъ таетъ, онъ не удовлетворился словомъ осужденія, но въ преклонныхъ лѣтахъ сѣлъ за латинскую азбуку и переводы твореній великихъ отцевъ церкви [4]). Встрѣчая по большей части вокругъ себя тупое равнодушіе и безучастность къ просвѣщенію родной зе-

---

[1]) Сказанія, стр. 5, 94.

[2]) Ключевскій, «Боярская Дума», стр. 301—302.

[3]) Сказанія, стр. 274. Эти послѣднія слова см. въ Предисловіи на Новый Маргаритъ.

[4]) Сказанія, стр. 274—275. Предисл. на Нов. Маргаритъ.

мли, онъ уговорилъ князя Михаила Оболенскаго, молодого человѣка, провести три года въ Краковѣ, а два въ Италіи для усовершенствованія въ наукахъ и, такимъ образомъ, приготовилъ для себя ученаго помощника въ той переводной дѣятельности, которой онъ отдался всею душею; далѣе, пріобрѣлъ всѣ, какія были ему извѣстны, творенія Златоуста, Григорія Богослова, Кирилла Александрійскаго, Іоанна Дамаскина и подыскалъ также себѣ другого помощника въ лицѣ какого-то „бакаляра Амброжія, отъ родителей христіанскихъ рожденнаго“.

Курбскій съ этимъ бакалавромъ и Оболенскимъ принялись переводить и для перваго начала перевели одну рѣчь Григорія Богослова и одно слово Василія Великаго; однако, убѣдившись, что онъ и его помощники „не обыкли славянскому языку въ конецъ“, онъ приглашалъ къ себѣ Марка Сарыгозина, знатока, какъ видно, церковно-славянскаго языка, въ помощники: „яви, писалъ Курбскій Марку, *любовь къ единоплеменной Россіи и ко всему славянскому языку*“ [1]).

Въ виду всего этого, мы рѣшаемся утверждать, что даровитый князь Андрей Курбскій представляетъ въ высшей степени отрадное явленіе въ русской исторіи XVI вѣка и высоко-привлекательную личность. Историкъ можетъ съ любовью и отраднымъ чувствомъ остановиться на жизни и дѣятельности этого воина—мыслителя.

---

[1]) Письмо Марку Сарыгозину. Сказанія, стр. 224—225; Предисл. къ Новый Маргаритъ. Сказанія, стр. 274.

III.

Предварительныя замѣчанія объ историческомъ трудѣ Курбскаго.

Самъ Курбскій объясняетъ мотивы, побудившіе его взяться за составленіе крупнаго историческаго сочиненія, озаглавленнаго имъ „Исторія Князя Великаго Московскаго“. На первыхъ же строкахъ этого сочиненія онъ пишетъ: „Многіе свѣтлые мужи многократно обращались ко мнѣ и спрашивали: „Отчего произошла перемѣна съ прежде добрымъ и примѣрнымъ государемъ, который много разъ, забывая о себѣ для отечества, въ походахъ противъ враговъ креста Христова переносилъ, обливаясь потомъ, труды тяжкіе, несчастія, пзпуренія и у всѣхъ пользовался доброю славою?“ Не желая отвѣчать, Курбскій, по его словамъ, сначала умалчивалъ, вздыхая и скорбя, но, наконецъ, вынужденный этими разспросами, рѣшился представить очеркъ этой перемѣны съ государемъ (нѣчто рещи отчасти о случаяхъ, приключившихся таковыхъ) [1]).

Представивъ очеркъ обстоятельствъ, повлекшихъ, по его мнѣнію, перемѣну въ характерѣ царствованія Іоанна, т. е. выполнивъ поставленный въ самомъ началѣ сочиненія планъ, Курбскій въ 5 главѣ рѣшился дополнить свое изложеніе разсказомъ о лицахъ, погибшихъ жертвою Іоанновой „презлости“, побуждаемый къ тому любовью къ „неповинно избіеннымъ братьямъ“ и интересами исторіи (да не отнюдь въ забвеніе придутъ): „славныя и примѣрныя дѣянія великихъ мужей, пишетъ онъ, мудрые люди описываютъ въ историческихъ произведеніяхъ для возбуженія въ грядущихъ поколѣніяхъ

---

[1]) Сказанія, стр. 3.

соревнованія, а презлыхъ и лукавыхъ людей пагубныя и скверныя дѣла записываются для того, чтобы люди таковыхъ (дѣлъ) остерегались и избѣгали“ [1]).

Такимъ образомъ, оказывается, что, приступая къ составленію „Исторіи“, Курбскій не имѣлъ въ виду говорить о второй половинѣ царствованія Іоанна [2]), начавшейся послѣ той перемѣны, объясненіе которой онъ поставилъ для себя цѣлью въ началѣ своего сочиненія; далѣе оказывается, что Курбскій не довольствуется изложеніемъ обстоятельствъ, повлекшихъ, по его убѣжденію, перемѣну въ характерѣ царствованія Іоанна, но вставляетъ разсказы о взятіи Казани, умиротвореніи казанской области, крымскихъ набѣгахъ и ливонской войнѣ. Въ виду всего этого, слѣдуетъ признать, что авторъ „Исторіи“ не выполнилъ предначертанный имъ себѣ планъ. Тѣмъ не менѣе сочиненіе его имѣетъ *единство и стройность*.

Дѣйствительно, по изложенію Курбскаго, дѣло представлялось такъ: пока царь возлѣ себя держалъ мудрыхъ и добрыхъ совѣтниковъ вмѣстѣ съ мужественными воеводами, до тѣхъ поръ онъ всюду былъ прославляемъ, а земля русская доброю славою цвѣла, крѣпкіе города нѣмецкіе падали, предѣлы христіанскіе расширялись, въ степяхъ дикихъ воздвигались города, и враги креста Христова преклонялись [3]), но, когда, вмѣсто прежнихъ совѣтниковъ, приблизились къ трону ласкатели, своими навѣтами извратившіе прежній цѣломудренный и святой образъ жизни Іоанна, тогда все измѣнилось: царь великій православный оказался „бѣгуномъ и хоронякою“, городъ Москва многолюдный и превеликій былъ сожженъ и уничтоженъ тѣмъ самымъ „бусурманскимъ волкомъ“, который прежде не былъ въ безопасности даже въ своемъ логовищѣ, „на дикомъ полѣ бѣгая“, а самъ царь съ опричниками (кромѣшниками) явился опустошителемъ святорусской земли, грабителемъ и убійцею ея сыновъ [4]).

Итакъ, въ событіяхъ царствованія Іоанна Курбскій видѣлъ полное оправданіе своего главнаго политическаго принципа о необ-

---

[1]) Сказанія, стр. 76—77.

[2]) Дѣйствительно, въ серединѣ 4-ой главы онъ говоритъ уже о приближеніи конца произведенія своего: «мало нѣчто въ кратцѣ о битвахъ нѣкоторыхъ и взятью градовъ оныхъ воспомянемъ, къ сокращенію исторіи *и къ концу зряще*». См. Сказанія, стр. 59.

[3]) Сказанія, стр. 59—60.

[4]) Сказанія, стр. 74—75.

ходимости государю держать добрыхъ совѣтниковъ и слѣдовать ихъ указаніямъ. Эта идея, проходя красной нитью черезъ всю „Исторію“, придаетъ этому произведенію единство и стройность; она же легла въ основаніе дѣленія „Исторіи“ на двѣ половины. Царь могъ служить примѣромъ добраго государя въ первую счастливую половину царствованія: „таковъ былъ нашъ царь, говоритъ авторъ, пока любилъ около себя добрыхъ и правду совѣтующихъ“ [1]), но звуки похоронаго звона слышатся въ разсказѣ автора о второй половинѣ: убіенъ, убіены, убиты, убитъ, побиты—повторяются страшныя слова на пространствѣ многихъ страницъ, и невольно чувство ужаса закрадывается въ душу читателя.

Значитъ, всецѣло проникнутый мыслью о необходимости „совѣта—встрѣчи“, авторъ написалъ прагматическое историческое сочиненіе, гдѣ нашла себѣ оправданіе его главная политическая идея, хотя этого онъ не имѣлъ въ виду и предначертывалъ себѣ другой планъ и другую задачу. По нашему мнѣнію, это лучшее доказательство искренности и правдивости нашего писателя: онъ не подбиралъ историческихъ фактовъ, не подгонялъ ихъ подъ заранѣе измышленныя рамки и не искалъ въ нихъ лишь оправданія давно сложившагося своего вывода; онъ писалъ не памфлетъ на Іоанна, а исторію своего времени такъ, какъ она ему представлялась; если же пришелъ въ результатѣ къ осужденію Іоанна, то не съ точки зрѣнія лишь своихъ политическихъ принциповъ, а этотъ выводъ былъ сдѣланъ a posteriori, т. е. по законамъ историческаго научнаго метода.

Правда, Курбскій не щадилъ рѣзкихъ словъ по адрессу Іоанна, считалъ себя туне отогнаннымъ, но ненавидѣлъ въ Іоаннѣ не царя—представителя государственности, а царя—человѣка, котораго, по его мнѣнію, совратили съ пути истины презлые ласкатели. Дѣйствительно, онъ съ восторгомъ говоритъ о подвигахъ мужества Іоанна и съ удовольствіемъ останавливается на отрадныхъ картинахъ первой половины его царствованія; въ памфлетѣ не нашли бы себѣ мѣста такіе отзывы объ Іоаннѣ, какіе даетъ авторъ: „самъ царь, пишетъ онъ объ Іоаннѣ, возревновавъ ревностью, началъ противъ враговъ самъ ополчаться, собственнолично, и собирать многочисленное и храбрѣйшее войско, *не желая наслаждаться покоемъ въ своемъ пре-*

---

[1]) Сказанія, стр. 46.

красномъ дворищѣ, подобно тому, какъ западные государи проводятъ цѣлыя ночи, сидя за картами и занимаясь бѣсовскими бреднями“ [1]); „царь нашъ, говоритъ Курбскій въ другомъ мѣстѣ, шелъ скоро и съ великою охотою противъ крымскаго хана и..., не остановившись на берегу Оки, какъ издавна дѣлали, переправился и пошелъ къ Тулѣ, желая съ нимъ битву великую свести“ [2]).

Не могъ, наконецъ, писать памфлета тотъ, кто чистосердечно и со скорбью говорилъ о разгромѣ святорусской земли, кто призывалъ другихъ явить любовь къ единоплеменной Россіи и ко всему славянству, кто взывалъ къ совѣсти самого Іоанна, призывая его къ покаянію: „Не губи, писалъ Курбскій царю, себя и дома своего! Очнись и воспрянь! Развѣ не пора образумиться, покаяться и возвратиться снова ко Христу? Никогда не поздно, потому что наша свободная воля (самовластіе наше и воля), данная и вложенная въ насъ Богомъ, не отымается до самаго отдѣленія души отъ тѣла для нашего исправленія къ лучшему“ [3]).

„Исторія Князя Великаго Московскаго“, проникнутая, какъ мы указали, одной идеей, является не только первымъ русскимъ прагматическимъ историческимъ сочиненіемъ, но произведеніемъ изящнымъ, несмотря на непривлекательную внѣшность — на полуцерковный, полурусскій, съ примѣсью массы польскихъ словъ, языкъ, такъ какъ авторъ сумѣлъ придать единство своему сочиненію и избѣжать излишнихъ эпизодовъ. Краткость изложенія постоянно имѣется въ виду авторомъ; часто онъ чувствовалъ, что возможно много сказать по поводу того или другого обстоятельства, но удерживался въ видахъ стройности сочиненія: „невмѣстно писати широкости ради“, „вкратцѣ достоитъ воспомянути“ и т. д. [4]). Исключеніе онъ допускалъ лишь въ пользу нѣкоторыхъ эпизодовъ, гдѣ выражалась какая-либо особенно излюбленная его мысль. Такъ, напр., онъ останавливается на картинѣ разложенія польскаго общества, разложенія, происшедшаго, по его убѣжденію, отъ того, что жители „оставили путь Господень и отринули вѣру церковную, бросившись на пространный и широкій

---

[1]) Сказанія, стр. 12.
[2]) Сказанія, стр. 45.
[3]) Сказанія, стр. 217, 213.
[4]) Сказанія, стр. 93, 110 et passim.

путь, т. е. въ пропасть ереси Лютерской и другихъ различныхъ сектъ“ [1]); излагаетъ въ видѣ вставочнаго эпизода рѣчь взятаго въ плѣнъ ландмаршала, который доказывалъ, что всѣ бѣды постигли Ливонію послѣ того, какъ рыцари „отступили отъ вѣры церковной и дерзнули ниспровергнуть законы и уставы святые, принявъ вѣру новопзобрѣтенную“ [2]); и вводитъ цѣлую повѣсть о житіи своего (исповѣдника) отца духовнаго, Ѳеодорита, приверженца нестяжательности монаховъ и основателя общины, которой онъ далъ уставъ „нестяжательно жить, добывая пропитаніе трудами своихъ рукъ“ [3]).

Раздѣляясь по идеѣ на двѣ половины, „Исторія“ на двѣ же половины распадается по свойству матеріаловъ, послужившихъ для составленія ея. Въ самомъ заглавіи „Исторія Князя Великаго Московскаго о дѣлѣхъ, яже слышахомъ у достовѣрныхъ мужей и яже видѣхомъ очима нашима“ указывается, что авторъ объ одномъ пишетъ по разсказамъ достовѣрныхъ мужей, о другомъ же—какъ очевидецъ. Приступая къ составленію „Исторіи“, Курбскій не имѣлъ у себя подъ рукою никакихъ замѣтокъ и записокъ о событіяхъ, въ которыхъ онъ принималъ участіе и которыя теперь собирался описывать, а писалъ по памяти. Это слѣдуетъ изъ такихъ выраженій автора: „памятамися всѣхъ было пушекъ подъ Казанью аки полтараста“; „о взятьи града (Казани) мало воспомянемъ елико можемъ вспамятати“; „сражашася мало не двадесять кратъ (при усмиреніи Казанской области), памятатися“; „едино, еже въ память ми приходитъ, оплакивательное его (ландмаршала Филиппа) вѣщаніе о Лифляндской землѣ“ [4]). Разумѣется, если приходилось писать по памяти, то невольно могли вкрасться нѣкоторыя неточности въ его повѣствованіе о войнахъ казанской и ливонской (ихъ мы укажемъ въ своемъ мѣстѣ). Что же касается другого источника его свѣдѣній, т. е. разсказовъ достовѣрныхъ мужей, то эти свѣдѣнія заслуживаютъ меньшаго нашего довѣрія, и вина за ихъ неправильность лишь отчасти падаетъ на автора „Исторіи“. Разумѣется, не могъ провѣрить Курбскій, насколько основательны раз-

[1]) Сказанія, стр. 57.
[2]) Сказанія, стр. 65.
[3]) Сказанія, стр. 115.
[4]) Сказанія, стр. 19, 25, 42, 64.

сказы о временахъ Іоанна III и Василія Іоанновича, слышанные, вѣроятно, имъ въ дѣтствѣ отъ отца и другихъ старшихъ родственниковъ, къ которымъ нашъ авторъ, естественно, питалъ полное довѣріе. Правда, смерть въ тюрьмѣ Елены, жены Іоанна молодого, заключеніе въ тюрьму удѣльнаго князя Андрея и его двухъ сыновей, умершихъ въ этой неволѣ и казнь Семена Ряполовскаго—всѣ эти извѣстія, представляемыя Курбскимъ [1]), находятъ подтвержденіе въ лѣтописяхъ [2]), но извѣстія его объ отравленіи Іоанна молодого, удавленіи Димитрія и бѣгствѣ въ Литву удѣльныхъ Михаила Верейскаго и Василія Ярославича Боровскаго не находятъ себѣ лѣтописнаго подтвержденія. Во всякомъ случаѣ эти послѣднія извѣстія имѣли нѣкоторую фактическую основательность: «такъ, Контарини говоритъ, что Іоаннъ III не особенно жаловалъ старшаго сына за дурное поведеніе [3]), а Герберштейнъ передаетъ, что, по разсказамъ однихъ, Димитрія уморили холодомъ и голодомъ, по разсказамъ же другихъ—онъ задохся отъ дыма [4]); въ 1484 г. бѣжалъ въ Литву Василій Михайловичъ, сынъ удѣльнаго Верейскаго князя Михаила, а за годъ передъ тѣмъ скончался въ заточеніи на Вологдѣ Василій Боровскій, сынъ же его старшій и жена вторая успѣли бѣжать въ Литву [5]).

Не забудемъ, что Курбскій писалъ объ этихъ временахъ по разсказамъ, ходившимъ въ средѣ боярства, недовольнаго измѣненіями стародавнихъ порядковъ и видимымъ паденіемъ любосовѣтія государей: приписывая все это вліянію гречанки—Софіи, бояре не могли къ ней относиться иначе, какъ враждебно, а при такомъ настроеніи легко было сложиться легендѣ объ отравѣ гречанкою молодого Іоанна тѣмъ болѣе, что всѣ знали, какія холодныя отношенія установились между сыномъ и отцемъ въ первое время послѣ второго

---

[1]) Сказанія, стр. 76.

[2]) Софійскій Временникъ, изд. Строевымъ, т. II, стр. 273 (Елена умерла въ январѣ 1505 г.); Арцыбашевъ, кн. IV, отд. I, стр. 61—62 (Андрей взятъ подъ стражу 19 сент. 1492 г., а 22 доставлены въ Переславль въ оковахъ его два сына Іоаннъ и Димитрій); Соф. Врем. т. II, стр. 260 (Ряполовскому отсѣкли голову въ февралѣ 1499 г.).

[3]) Contarini, il Viaggio, cap. VIII: ha un figliuolo d'un'altra donna, il qual non gli è troppo in gratia, per non usar buoni costumi.

[4]) Rer. Moscov. Comment. p. 9: Alii fame illum ac frigore, pars fumo suffocatum putant.

[5]) Арцыбашевъ, кн. III, отд. I, стр. 212, прим. 1463; кн. IV, отд. I, стр. 53.

бракосочетанія (Контарини). Относительно прочихъ извѣстій можно сказать, что таковыя, будучи неправильны въ подробностяхъ, вѣрно выдерживаютъ фонъ исторической картины, а самыя эти неправильности мы въ правѣ объяснить тѣмъ соображеніемъ, что память могла измѣнить нашему автору, записывающему въ концѣ жизни разсказы отцевъ, слышанные имъ въ дѣтствѣ, и онъ легко могъ спутать отцевъ съ сыновьями, что̀, какъ видимъ, и произошло.

Провѣрить, между тѣмъ, эти разсказы онъ не имѣлъ никакой возможности, даже еслибы хотѣлъ, потому что тогда уже давно скончались всѣ современники Іоанна III; самъ же авторъ едва-ли сомнѣвался въ правдивости всѣхъ этихъ разсказовъ, такъ какъ, вѣроятно, еще въ раннемъ дѣтствѣ у него, подъ вліяніемъ старшихъ, сложилось убѣжденіе, что родъ московскихъ государей „издавна кровопійственный“, и укрѣпилось ходомъ позднѣйшихъ и ему современныхъ событій.

За всѣмъ тѣмъ, стремленіе знать истину и дать ее своему читателю было въ сильной степени развито у Курбскаго и не заглушалось у него даже духомъ вражды къ Іоанну.

Разсказывая о второй половинѣ царствованія этого государя, объ эпохѣ казней, по слухамъ: „глаголютъ, слышахъ отъ самовидца, овіи глаголютъ, другіи повѣдаютъ, слышахомъ“ [1])—безпрестанно повторяются эти слова у автора, когда онъ излагаетъ скорбную повѣсть погибели добрыхъ совѣтниковъ и мужественныхъ воеводъ,—онъ старательно передаетъ всѣ варіанты слуховъ и даже отмѣчаетъ погрѣшности ихъ, чистосердечно признаваясь, какъ ему трудно собрать правдивыя свѣдѣнія: „я, пишетъ Курбскій, не могъ разузнать истины о его (Ѳеодорита) смерти, хотя старательно объ этомъ разузнавалъ; поэтому, какъ слышалъ отъ нѣкоторыхъ, такъ написалъ, будучи самъ въ изгнаніи и отдѣленный большимъ разстояніемъ... отъ любимаго отечества моего“ [2]). Зная два варіанта о смерти митрополита Филиппа, архіепископа Германа и своего духовника Ѳеодорита, онъ безразлично отмѣчаетъ оба, а не отдаетъ предпочтенія тому, который можетъ болѣе очернить Іоанна, какъ поступилъ бы составитель памфлета: напр., онъ передаетъ, что, по разсказамъ од-

[1]) Сказанія, passim.
[2]) Сказанія, стр. 123.

нихъ, Ѳеодорита, его духовника, Іоаннъ приказалъ утопить, но прибавляетъ, что, по разсказамъ другихъ, Ѳеодоритъ умеръ тихою и спокойною смертью [1]). Далѣе, лишь интересы исторической правдивости могли побудить автора „Исторіи Великаго Князя“ внести поправку такого характера: „теперь послѣ этихъ слуховъ, я, пишетъ Курбскій, слыхалъ, что Петръ Морозовъ еще живъ, а дѣти Лыкова не всѣ погублены, но нѣкоторые, какъ говорятъ, остались въ живыхъ“ [2]).

Значитъ, Курбскій не желалъ обременять темную память Іоанна, приписывая ему тѣ преступленія, которыхъ послѣдній не совершалъ.

Итакъ, основываясь на этомъ общемъ разсмотрѣніи „Исторіи“, мы приходимъ къ заключенію, что нельзя отказать Курбскому въ историческомъ безпристрастіи; конечно, могъ онъ заблуждаться, но *заблужденія эти происходили по причинѣ шаткости его источниковъ, а не отъ его преднамѣренности.*

Извѣстно, что въ 1564 г. Курбскій бѣжалъ въ Литву, гдѣ написалъ „Исторію“. Издатель Сказаній князя Курбскаго (Устряловъ) не опредѣляетъ даже приблизительно, къ какому году слѣдуетъ отнести написаніе этого самаго крупнаго историческаго произведенія нашего автора и довольствуется лишь указаніемъ, что „это сочиненіе содержитъ въ себѣ исторію Іоанна IV отъ самаго дѣтства его до 1578 года“, на томъ основаніи, что „послѣднія жертвы, о коихъ упоминаетъ Курбскій, были Воротынскій, Морозовъ, Ѳеодоритъ: они погибли, по мнѣнію Устрялова, въ 1577 и въ 1578 годахъ“ [3]).

Къ сожалѣнію, почтенный историкъ впалъ при этомъ въ ошибку. Не говоря уже о томъ, что возможно сомнѣваться въ основательности причисленія Ѳеодорита къ жертвамъ Іоанновымъ, такъ какъ самъ Курбскій, какъ мы видѣли, не высказывается рѣшительно, слѣдуетъ замѣтить, что Воротынскій, Морозовъ, Одоевскій, послѣднія жертвы, о коихъ упоминаетъ авторъ, по свидѣтельству оффиціальнаго акта (Послужного списка) выбыли въ 1573 году [4]).

---

[1]) Сказанія, стр. 105, 107, 123.

[2]) Сказанія, стр. 97.

[3]) Предисловіе Устрялова къ Сказаніямъ, стр. XXXIII.

[4]) Древн. Вивл. т. XX, стр. 52.

Такъ какъ издатель Сказаній вопросъ о датировкѣ „Исторіи“ обошелъ и оставилъ нерѣшеннымъ, то тѣмъ болѣе на насъ лежитъ обязанность разрѣшить его.

Курбскій, какъ оказывается изъ его собственныхъ словъ, во время составленія „Исторіи“ узналъ, что Петръ Морозовъ еще живъ [1]). Такъ какъ этотъ бояринъ умеръ въ 1580 году [2]), то приходимъ къ заключенію, что „Исторія“ была написана не позже этого года. Далѣе, оказывается, что прежде составленія ея нашъ авторъ написалъ предисловіе на книгу Златоуста „Новый Маргаритъ“, ибо на него ссылается въ „Исторіи“ и приводитъ тамъ его начальныя слова [3]). Это предисловіе дошло до насъ, и мы можемъ довольно точно опредѣлить время его написанія. Дѣйствительно, въ „Предисловіи на Новый Маргаритъ“ авторъ жалуется, что ненавистные и лукавые сосѣди, движимые завистью и жадностью, не только хотѣли отнять у него данное, по милости короля, ему на пропитаніе имѣніе, но и желали самого его убить [4]). Эта жалоба автора опредѣленно указываетъ на событія 1575 г., когда князь Андрей Вишневицкій сдѣлалъ наѣздъ на землю Ковельскую, подъ села Порыдубы и Селище, при чемъ были отогнаны стада, избиты пастухи и крестьяне, убиты Якимъ Невзоровъ, выходецъ изъ Россіи, и Елисѣй Близневичъ, Ковельскій бояринъ; когда жители мѣстечка Берестечка убили Василія Калиновскаго, урядника Курбскаго, и отняли у него значительную сумму денегъ, которую тотъ везъ своему господину; когда Олизаръ Кирдей Мышьскій „завжды нофалки и отповеди“ дѣлалъ и вынудилъ Курбскаго внести въ гродскія книги Луцкаго повѣта на это жалобу [5]). Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ всѣхъ этихъ событій Курбскій написалъ предисловіе на книгу Златоуста „Новый Маргаритъ“, а черезъ нѣкоторое время приступилъ къ составленію „Исторіи“.

Такимъ образомъ, на основаніи вышеприведенныхъ данныхъ, мы приходимъ къ заключенію, что самое крупное историческое про-

---

[1]) Сказанія, стр. 97.
[2]) Древн. Вивл. т. XX, стр. 57.
[3]) Сказанія, стр. 78.
[4]) Сказанія, стр. 275—276.
[5]) «Жизнь князя Курбскаго въ Литвѣ и на Волыни», т. I, стр. 54—71.

изведеніе нашего писателя было написано въ періодъ времени отъ 1575 г. до 1580 г. Закончивъ, какъ можно думать, переводъ сочиненія Златоуста и написавъ къ нему предисловіе въ концѣ 1575 г. или въ началѣ 1576 года, Курбскій могъ посвятить свой досугъ историческимъ трудамъ, которые были прерваны приготовленіями къ предстоящей войнѣ: 29 іюня 1579 г. королевскимъ листомъ объявлялось о прекращеніи въ судахъ всѣхъ судебныхъ дѣлъ Курбскаго, въ виду того, что онъ отправляется на войну противъ московскаго царя [1]). Эти приготовленія къ походу были для Курбскаго, какъ владѣльца обширнаго Ковельскаго имѣнія на ленномъ правѣ, чрезвычайно хлопотливы и, смѣло можно думать, поглотили цѣлую первую половину 1579 г., такъ что Курбскій, закончивъ, какъ мы указывали, къ началу 1576 г. труды по переводу Златоустовой книги, могъ болѣе или менѣе располагать своимъ досугомъ до конца 1578 г. и въ этотъ-то промежутокъ времени написалъ свою „Исторію Князя Великаго Московскаго“, хотя предаться вполнѣ своему труду онъ не могъ, такъ какъ его отвлекали столкновенія съ женою и ея сыновьями. Подобное опредѣленіе времени написанія „Исторіи“ согласуется, какъ нельзя болѣе, съ намекомъ автора на обстоятельства, при какихъ приходилось ему писать: Курбскій говоритъ, что писалъ „уже въ старости“ (ему было въ концѣ 70-хъ годовъ подъ 50 лѣтъ) и въ то время, когда“ вслѣдствіе ненависти окружающихъ на него обрушивались бѣды и напасти“ [2]).

Какъ-бы то ни было, но къ началу похода противъ московскаго царя (къ лѣту 1579 г.) Курбскій окончилъ свой трудъ: въ письмѣ отъ 2 сент. 1579 г., указывая на позоръ потери Полоцка, онъ пишетъ Іоанну: „за лѣса забившись, какъ хороняка и бѣгунъ, ты трепещешь и исчезаешь, хотя никто тебя не преслѣдуетъ“. Если-бы нашъ историкъ писалъ послѣ похода 1579 г., онъ не преминулъ бы указать на позоръ потери Полоцка въ 5 главѣ, гдѣ, называя Іоанна также „бѣгуномъ и хоронякою“, онъ, въ подтвержденіе этого, ссылается только на сожженіе Москвы татарами и поспѣшное передъ ними отступленіе царя [3]).

---

[1]) «Жизнь князя Курбскаго въ Литвѣ и на Волыни», т. I, стр. 179—180.
[2]) Сказанія, стр. 78.
[3]) Сказаніе, стр. 74, 212.

Значитъ, Курбскій въ „Исторіи“, *написанной имъ въ періодъ времени 1576—78 г.*, событія до 1564 г. описывалъ, какъ очевидецъ, а послѣдующія событія до 1573 г. (время казни Воротынскаго, Морозова и Одоевскаго) по слухамъ и разсказамъ различныхъ лицъ.

Итакъ, и по главной идеѣ, и по свойству матеріаловъ, послужившихъ при ея составленіи, „Исторія Князя Великаго Московскаго“ распадается, кромѣ дѣленія на 9 главъ, на двѣ половины.

Это дѣленіе „Исторіи“ на двѣ половины, естественно, легло въ основу нашего разбора, къ которому переходимъ послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній.

IV.

Разборъ 1-й половины историческаго труда Курбскаго.

Событія счастливой половины Іоаннова царствованія излагаются Курбскимъ, какъ мы указали, въ 1-ой половинѣ „Исторіи“, а она распадается на три части: 1) первая посвящена краткому обзору обстоятельствъ, предшествовавшихъ возвышенію партіи Сильвестра и Адашева и той благотворной, по мнѣнію автора, перемѣнѣ, какая произошла съ царемъ и управленіемъ государственнымъ послѣ того, какъ къ трону приблизились Сильвестръ и Адашевъ; 2) счастливыя военныя предпріятія и на востокѣ (взятіе Казани, завоеваніе Астрахани и отраженіе крымскихъ набѣговъ), и на западѣ (ливонская война) государства во время господства той-же партіи—предметъ второй части, а въ 3) послѣдней излагаются обстоятельства, повлекшія за собою паденіе этой партіи, дѣятельность которой, какъ думаетъ и доказываетъ предшествующимъ изложеніемъ авторъ, была въ высшей степени плодотворна для русской земли.

Всѣ эти части объединяются, какъ извѣстно, одной мыслью, которую выражаетъ самъ авторъ такъ: „таковъ былъ нашъ царь, пока любилъ около себя добрыхъ и правду совѣтующихъ“ [1]). Правда, въ видахъ хронологической послѣдовательности Курбскій вставляетъ разсказъ о ливонской войнѣ въ середину своего изложенія о постепенномъ охлажденіи Іоанна къ „добрымъ и правду совѣтующимъ“, но мы въ нашемъ критическомъ разсмотрѣніи Исторіи будемъ руководиться вышеприведенной послѣдовательностью частей тѣмъ болѣе,

---

[2]) Сказанія, стр. 46.

что при этомъ рельефнѣе выступаетъ основная мысль этого произведенія.

I. Начиная свое изложеніе обстоятельствъ, предшествовавшихъ возвышенію партіи Сильвестра и Адашева, изреченіемъ: „доброму началу и конецъ бываетъ добръ, злое злымъ скончавается“, Курбскій разсказываетъ о разводѣ великаго князя Василія. Послѣ 26-лѣтней брачной жизни Василій приказалъ постричь свою жену Соломонію и отослать ее въ одинъ изъ монастырей далекой Каргопольской земли, а самъ женился на Еленѣ Глинской (Сказанія, стр. 4).

Дѣйствительно, 3 октября 1525 г. въ Москвѣ въ Рождественскомъ дѣвичьемъ монастырѣ была насильственно пострижена Соломонія и наречена въ иночествѣ Софіей; ее сначала отправили „въ дальній монастырь въ Каргополь—въ Заволжье по одному извѣстію (Хмыр. Перечень № 178), а потомъ 2-го ноября (Семев., Русс. Вѣстн. 1860 г. декабрь), перевезена была въ Суздаль, въ излюбленный супругомъ ея Покровскій дѣвичій монастырь“. Курбскій, однако, ошибался, утверждая, что это несчастное супружество продолжалось 26 лѣтъ, такъ какъ извѣстно, что Василія вѣнчалъ съ Соломоніей митрополитъ Симонъ 4 сент. 1505 года [1]).

Несчастная Соломонія чувствовала къ себѣ охлажденіе великаго князя и прибѣгала къ обычнымъ въ то время средствамъ, чтобы снова овладѣть его расположеніемъ. Сохранилась сказка родного брата ея, Ивана Юрьевича Сабурова, отъ 23 ноября 1525 г.; Сабуровъ признавался, что приводилъ къ сестрѣ рязанку Степаниду, которая „воду наговаривала и смачивала ею великую княгиню“, также приводилъ черницу: та наговаривала масло и медъ, этимъ должна была великая княгиня натереться, чтобы „ее великій князь любилъ, да и дѣтей дѣля“ [2]). Какъ видно, охлажденіе супруга болѣе заботило несчастную жену, чѣмъ отсутствіе дѣтей. Сомнительно также, чтобы Василіемъ руководили исключительно государственныя со-

---

[1]) Н. Стромиловъ, «Александровская Слобода», стр. 52, 58. См. въ Чт. Моск. Общ. Ист. 1883, № 2.

[2]) Акт. Ист. т. I, № 130. Изъ слѣдственнаго дѣла о неплодіи Соломоніи Юрьевны, уцѣлѣлъ одинъ этотъ отрывокъ. Въ «Описи Царскаго Архива» (ящ. 44) упоминаются также: «сказка Юрья Малово. и Степаниды Резанки, и Ивана Юрьева сына Сабурова, и Машки Корѣлепки и иныхъ, про немочь Великіе княгини Соломониды». См. Акт. Арх. Экси. т. I, № 289.

ображенія, заставившія его будто-бы постричь „неплодную смоковницу“ [1]) для того, чтобы отъ второго брака имѣть наслѣдника.

Н. Стромиловъ въ талантливо написанной монографіи доказываетъ [2]), что Василій влюбился въ Елену Глинскую, красавицу—панёнку, и хотѣлъ развестись съ Соломоніей, прикрываясь ея безплодіемъ: „остудило князя, пишетъ авторъ „Александровской Слободы“ (стр. 55), къ женѣ не одно общесемейное горе, а обольстительная красота Елены“. Нельзя не согласиться съ его доводомъ (стр. 64): „никакого выбора невѣстъ въ то время не было, что рѣшительно обнаруживаетъ, что Василій „удумалъ“ еще прежде жениться на Еленѣ, подчинившей его своимъ прихотямъ. въ виду чего и спѣшилъ развестись съ Соломоніей“.

Хотя разводъ состоялся съ разрѣшенія митрополита Даніила, но нравственное чувство современниковъ не могло не возмущаться; и Курбскій имѣлъ основаніе считать разводъ злымъ и законопреступнымъ дѣломъ (стр. 4).

Это неодобрительное отношеніе современниковъ отразилось и въ неоффиціальной лѣтописи: „великій князь Василій Ивановичъ постригъ свою княгиню Соломонію, а женился на Еленѣ; а все это по грѣхамъ нашимъ, какъ пишетъ Апостолъ: кто отпуститъ свою жену, а женится на другой, тотъ прелюбодѣйствуетъ“ [3]).

Въ виду этого заслуживаетъ нашего довѣрія свидѣтельство Курбскаго, что противъ развода высказывался Вассіанъ, который, „оставя мірскую славу, въ пустыню вселился, и такъ жестоко и свято житіе препровождалъ во монашествѣ, подобнѣ великому и славному древнему Антонію“ (стр. 4).

Къ намъ дошло разсужденіе инока—князя Вассіана о неприличіи монастырямъ владѣть отчинами. Возмущаясь тѣмъ, что иноки по-царски украшаютъ себѣ келліи и покоютъ себя брашнами и пьянствомъ на счетъ трудящихся, Вассіанъ высказываетъ такія пожеланія: 1) „по настоящему, лучшая пища и питье приличествуетъ свѣтскимъ, труждающимся на насъ, а не намъ инокамъ“; 2) „намъ инокамъ предписано имѣть обычныя въ мірѣ трапезу и одежды, а не лучшія

---

[1]) Пск. Перв. Лѣт. стр. 296.

[2]) «Александровская Слобода», стр. 54—64.

[3]) Пск. Перв. Лѣт. стр. 295.

и отнюдь не любить лучшихъ". Неудивительно, если въ духѣ строгаго подвижничества онъ восклицаетъ: „О безумные и заблуждающіеся пьяницы, невѣжественные иноки! мы угождаемъ мамонѣ, а о душѣ своей нерадѣемъ и не подумаемъ о томъ, что мы приняли постриженіе и принесли обѣтъ непрестанно со слезами передъ Богомъ стоять и молить Его" [1]). Однако, слѣдуетъ признать, что Вассіанъ хорошо понималъ идеалъ жизни монашеской, но самъ не желалъ или не могъ ему слѣдовать; и Курбскій былъ неправъ, когда сравнивалъ его съ Антоніемъ Великимъ: „Вассіанъ, пишетъ Зиновій Отенскій, сначала жилъ въ пустыни, а потомъ, по волѣ великаго князя, поселился въ Симоновѣ, но не угодно было Вассіану симоновскую пищу вкушать—хлѣба ржаного, щей, свекольника и каши на конопляномъ маслѣ или на молокѣ, производящемъ скорое истощеніе; молока промзглаго и монастырскаго пива, очищающаго желудокъ, не пилъ, потому что эту пищу и питье монастырь получаетъ съ деревень. Былъ же инокъ князь Вассіанъ приносимую ему со стола великокняжескаго пищу: чистые, пшеничные и крупичатые хлѣбы и другія кушанья, подслащенныя и съ разными приправами, какъ обыкновенно приготовляются для стола великокняжескаго рыба, масло, молоко и яйца; пилъ же этотъ нестяжатель романею, бастръ, мушкатель и бѣлое ренское вино" [2]).

Такимъ образомъ, Вассіанъ, по словамъ Зиновія Отенскаго, получалъ пищу изысканную отъ стола великаго князя; а это доказываетъ, что инокъ—князь вовсе не „жестоко и свято житіе препровождалъ" (Сказанія, стр. 4). Слѣдуетъ, правда, замѣтить, что Вассіанъ уклонялся отъ „монастырскаго брашна" не только потому, что оно было грубо и творило „скорое изсученіе", но и потому отчасти, что былъ врагомъ установившагося монастырскаго обычая не допускать къ братской трапезѣ свѣтскихъ лицъ: „мы, окаянные, пишетъ этотъ защитникъ нестяжанія, по наученію діавола, удаляемъ мірянъ отъ своей трапезы, какъ какихъ-нибудь невѣрныхъ иноземцевъ или поганыхъ... Впервые установившій особое лучшее питье и пищу для монастырской братіи произвелъ это по ненависти лукаваго" [3]). Изы-

[1]) См. это разсужденіе (стр. 9), изданное О. Бодянскимъ въ Чтеніяхъ Моск. Общ. Ист. 1859 г. № 3.

[2]) Прим. 5. Устрялова къ Сказаніямъ.

[3]) См. разсужденіе инока-князя, стр. 10.

сканный столъ Вассіана былъ, вѣроятно, единственной слабой стороной въ иноческомъ его житьѣ-бытьѣ, такъ какъ, если-бы были другія нарушенія строгаго монастырскаго устава, на нихъ не преминулъ-бы указать Зиновій Отенскій, горячій противникъ догматическихъ ученій и нестяжательности инока-князя. Это строгое иночество и побудило Курбскаго превознести слишкомъ высоко житіе Вассіана тѣмъ болѣе, что его дѣятельности онъ вполнѣ сочувствовалъ, видя въ немъ врага „ненавистныхъ осифлянъ“.

Было еще одно обстоятельство, которое усиливало его сочувствіе къ этому извѣстному защитнику нестяжательности: противъ развода высказывался и за это подвергся опалѣ его дѣдъ, Семенъ Курбскій, съ которымъ Герберштейнъ, дважды пріѣзжавшій въ Москву для заключенія вѣчнаго мира и союза противъ турокъ, былъ знакомъ и въ своей хроникѣ засвидѣтельствовалъ его „святое жительство“ (Сказанія, стр. 5).

Выше мы приводили это свидѣтельство Герберштейна, на которое ссылается Курбскій. Въ равной степени основательно его показаніе объ опалѣ князя Семена: едва-ли можно иначе объяснить то обстоятельство, что по разрядным спискамъ въ послѣдніе годы правленія Василія его имя не встрѣчается, хотя до того времени оно попадалось безпрестанно [1]).

Не прошли даромъ, по словамъ Курбскаго, возраженія противъ развода и другимъ лицамъ: Вассіана Василій приказалъ заточить въ Волоколамскій монастырь, гдѣ „въ прегорчайшей темницѣ“ его уморили „презлые осифляне“, а Максима Грека онъ заточилъ на смерть, предавъ казни нѣкоторыхъ другихъ святыхъ мужей“ (стр. 5).

Дѣйствительно, на соборѣ 1531 года судили Максима и Вассіана, при чемъ перваго обличили въ догматическихъ заблужденіяхъ, а послѣдняго въ хулѣ на Правила и самовольныхъ поправкахъ Кормчей книги, изъ которой онъ одно выбрасывалъ, другое же переставлялъ и перемѣнялъ [2]); послѣ этого собора, вѣроятно, послали Вассіана на заточеніе въ Волоколамскій монастырь, въ станъ его вра-

---

[1]) См. «Службы и походы боярскіе» въ Отеч. Зап. 1826, № 28, стр. 413; 1830, № 44, стр. 5, 14, 41, 46, 52, 55. Въ послѣдній разъ (стр. 14), какъ воевода правой руки, упоминается князь Семенъ Ѳеодоровичъ Курбскій въ разрядѣ 1523 г.: мы не принимаемъ во вниманіе разряда 1529 г., какъ совершенно испорченнаго (стр. 57).

[2]) Макарій, «Исторія Русской церкви», т. VI, стр. 186—191.

говъ, послѣдователей Іосифа Санина, основателя этого монастыря, иноки котораго не могли дружелюбно смотрѣть на извѣстнаго нестяжателя и приняли, какъ можно предполагать, всѣ мѣры, чтобы отяготить заточеніе князя-инока: „умориша его вскорѣ“ (стр. 5) [1]).

Митрополитъ Макарій основательно опровергаетъ показаніе Курбскаго, что Вассіанъ и Максимъ подверглись опалѣ за сопротивленіе разводу: сохранился подлинникъ грамоты, данной, по ходатайству старца-князя Вассіана (билъ ми челомъ старецъ Васьянъ княжь Ивановъ сынъ Юрьевича), 14 сент. 1526 г., т. е. послѣ развода и второго брака (Василій обвѣнчался съ Еленою 28 янв. 1526 г.), о неподсудности Ростовскому архіепископу иноковъ Ниловой Сорской пустыни [2]). Если важная несудимая грамота выдавалась, по просьбѣ Вассіана, покровительствуемой имъ Ниловой пустыни, то это очевидный признакъ, что въ 1526 г. онъ продолжалъ пользоваться благоволеніемъ великаго князя, несмотря на возраженія противъ развода, такъ что нельзя ставить опалы на князя-инока въ связь съ бракоразводнымъ дѣломъ великаго князя [3]).

„Тогда, заканчиваетъ Курбскій разсказъ о разводѣ Василія, зачался нынѣшній Іоаннъ нашъ, и родилася, въ законопреступленію и во сладострастію, лютость“ (стр. 5). Послѣ этого замѣчанія, оправдываемаго нравственнымъ чувствомъ нашего писателя, онъ переходитъ къ дальнѣйшему изложенію, цѣль котораго показать, что̀ способствовало развитію въ характерѣ Іоанна дурныхъ инстинктовъ: „злому началу еще возмогло“ сиротство царя и развращенное воспитаніе, данное ему боярами.

„Едва началъ, говоритъ Курбскій, приходити въ возрастъ, аки лѣтъ въ дванадесять... началъ первѣе безсловесныхъ крови проливати, съ стремнинъ высокихъ мечюще ихъ, такожъ и иныя многія неподобныя дѣла творити... а пѣстуномъ ласкающимъ, попущающе сіе и хваляще, на свое горшее отрока учаще. Егда же уже прихо-

---

[1]) В. Жмакинъ заподозрѣваетъ достовѣрность этого свидѣтельства, основываясь на одной рукописи, изъ которой видно, что Вассіана похоронили въ старомъ предѣлѣ и надъ гробомъ помѣстили икону въ серебряной ризѣ («Др. и Нов. Россія», 1880, т. I, стр. 35).

[2]) Макарій, «Исторія Русской церкви», т. VI, стр. 175—176.

[3]) Хронографъ графа Толстого подтверждаетъ всѣ прочія подробности разсказа Курбскаго: «Старецъ Васіянъ отсылается въ Іосифовъ монастырь, а Максимъ въ градъ Тверь, Саву въ Зосимовъ монастырь, Селивана въ Соловки, доброписца Михаила Медоварцева на Коломну». Карамзинъ, т. VII, прим. 343.

дяще къ пятомунадесять лѣту и вяще, тогда началъ человѣковъ уроняти. И собравши четы юныхъ около себя дѣтей и сродныхъ отихъ предреченныхъ сиглитовъ, по стогнамъ и по торжищамъ началъ на конехъ съ ними ѣздити и всенародныхъ человѣковъ, мужей и женъ, бити и грабити скачуще и бѣгающе всюду неблагочиніе. И воистину, дѣла разбойническія самыя творяше, и иныя злыя исполняше, ихъ же не токмо глаголати излишно, но и срамно; ласкателемъ же все таковое на свою бѣду восхваляющимъ: „О! храбръ, глаголюще, будетъ сей царь и мужественъ!“ (стр. 6).

Дѣйствительно, въ торжественной рѣчи, сказанной въ 1550 г., самъ царь говорилъ: „Я, Владыка Святой, какъ самъ ты знаешь, остался послѣ отца... четырехъ лѣтъ, а послѣ матери восьми лѣтъ; я не зналъ родительскихъ заботъ, а сильные мои бояре и вельможи обо мнѣ не заботились“ [1]), а Собору писалъ: „нельзя ни описать, ни языкомъ человѣческимъ пересказать всего того, что я сдѣлалъ дурного по грѣхамъ молодости моей...; я возрасталъ въ небреженіи, безъ наставленій, навыкъ злокозненнымъ обычаямъ боярскимъ, и съ того времени до сихъ поръ сколько согрѣшилъ я передъ Богомъ и сколько казней послалъ на насъ Богъ!.. Я не понималъ, что Господь наказываетъ меня великими казнями, и не покаялся, но самъ угнеталъ бѣдныхъ христіанъ всякимъ насиліемъ“ [2]).

Принимая вполнѣ показаніе Курбскаго о дурномъ воспитаніи царя, въ виду собственнаго признанія послѣдняго, мы должны отвергнуть лишь указанія на возрастъ Іоанна, ибо таковыя не соотвѣтствуютъ опредѣленнымъ лѣтописнымъ датамъ: такъ, напр., Курбскій говоритъ, что бояре казнили Ивана Бѣльскаго, когда Іоанну было 17 лѣтъ (стр. 6), а затѣмъ „по малѣ времени“ самъ онъ приказалъ казнить Андрея Шуйскаго, черезъ два же года казнилъ Ивана Кубенскаго, Ѳеодора и Василія Воронцова (стр. 7).

Указывая совершенно правильно послѣдовательность этихъ казней, Курбскій неправильно ихъ датируетъ. 2 янв. 1542 г., когда государю было 8 лѣтъ, приверженцы Шуйскихъ, схвативъ ночью Ивана Бѣльскаго, Щепятева и другихъ сочувствующихъ Бѣльскому лицъ, при чемъ „государя въ страхованіи учинили“, отослали князя Ивана въ заточеніе на Бѣлоозеро, гдѣ въ маѣ того-же года его

[1]) Собр. Гос. Грам. и Догов. т. II, № 37.

[2]) Соловьевъ, т. VI, стр. 57; Стоглавъ.

умертвили отправленные боярами три негодяя [1]). Кровавая расправа съ Андреемъ Шуйскимъ произошла не „по малѣ времени“: лѣтопись говоритъ, что 29 дек. 1543 г., т. е. спустя цѣлый годъ, царь предалъ Шуйскаго псарямъ, „и псари взяша и убиша его, влекуще къ тюрьмамъ противъ Ризъ положенныхъ въ градѣ“ [2]). Казнь Кубенскаго и Воронцовыхъ дѣйствительно произошла „аки по двухъ лѣтѣхъ“, въ іюлѣ 1546 г.: оскорбленный новгородскими нищальниками, принудившими его возвратиться къ своему стану окольною дорогою, царь приказалъ приближенному своему дьяку Василію Захарову произвести разслѣдованіе; дьякъ взвелъ дѣло нищальниковъ на Кубенскаго и Воронцовыхъ, и великій князь въ великой ярости (а въ Никоновской лѣтописи—въ великой радости) приказалъ обвиненнымъ отсѣчь головы [3]).

Кромѣ этихъ казней, засвидѣтельствованныхъ въ лѣтописи, Курбскій указываетъ и на другія. Онъ говоритъ, что, вмѣстѣ съ Воронцовымъ, погибъ какой-то Ѳеодоръ Невѣжа, „зацный и богатый земляпинъ“, вѣроятно купецъ или посадской человѣкъ, замѣшанный какъ-либо въ темное дѣло новгородскихъ нищальниковъ; далѣе, по словамъ Курбскаго, „аки за два лѣта“ до казни Воронцовыхъ, т. е. приблизительно около времени казни Андрея Шуйскаго, Іоаннъ удавилъ Михаила Богдановича Трубецкаго, юношу 15 лѣтъ, и убилъ князя Ивана Дорогобужскаго и Ѳеодора Ивановича Телепнева-Овчину-Оболенскаго, единственнаго сына фаворита Елены Глинской; они погибли „яко ягнцы неповинные заколены, еще въ самомъ паусіи“ (стр. 7).

Правда, лѣтописи умалчиваютъ объ этихъ жертвахъ Іоанновой испорченности, погибшихъ еще въ молодыхъ годахъ. Однако, если Родословная Книга (1,217), вопреки молчанію лѣтописей, подтвер-

---

[1]) Царств. кн. стр. 100—103; Ник. Лѣт. т. VII, стр. 33—34; Льв. Лѣт. т. IV, стр. 152—154.

[2]) Царств. кн. стр. 113—114; Ник. Лѣт. т. VII, стр. 42; Льв. Лѣт. т. IV, стр. 168.

[3]) Царств. кн. стр. 123—125; Ник. Лѣт. т. VII, стр. 49; Льв. Лѣт. т. IV, стр. 180—181. Дьяка Захарова, которому государь поручилъ произвести разслѣдованіе, «понеже онъ у государя бысть въ приближеніи», Никоновская и Львовская лѣтописи называютъ Захаровымъ—Гнилѣевымъ. Вѣроятно, лѣтописецъ хотѣлъ этимъ вторымъ прозвищемъ или отмѣтить темное происхожденіе дьяка, или охарактеризовать этимъ эпитетомъ неблаговидное дѣло Захарова. Лѣтописецъ—современникъ сомнѣвается въ добросовѣстности дьяка при этомъ разслѣдованіи: «онъ же невѣдомо какимъ обычаемъ извѣсти государю сіе дѣло на бояръ его»

ждаетъ свидѣтельство Курбскаго о казни Оболенскаго: „Иванъ Овчина имѣлъ одного сына Ѳеодора, коего казнилъ царь Іоаннъ Васильевичъ“ [1]), то это обстоятельство даетъ намъ основаніе съ значительнымъ довѣріемъ относиться къ показанію нашего писателя о казни другихъ лицъ.

Устряловъ колеблется, къ какому времени отнести казнь Ѳеодора Оболенскаго, но слѣдуетъ вполнѣ довѣриться указанію Курбскаго, что Ѳеодоръ и другіе два молодые человѣка погибли приблизительно около того времени, когда Іоаннъ предалъ въ руки псарей Андрея Шуйскаго, такъ какъ въ извѣстныхъ намъ разрядахъ не встрѣчается именъ этихъ жертвъ Іоанна. Въ виду же того, что, по словамъ Курбскаго, эти три князя погибли въ молодые годы, можно предполагать, что они, какъ сверстники великаго князя, были въ составѣ тѣхъ его четъ, съ которыми онъ разъѣзжалъ по улицамъ и безчинствовалъ, и погибли, подвернувшись въ несчастную минуту гнѣва юноши—государя.

Печальное зрѣлище представляла русская земля въ то время: „въ младости его, пишетъ Курбскій, безчисленными плѣненьми варварскими... а наипаче и горше всѣхъ отъ царя Казанскаго.... иже подъ властію своею имѣлъ шесть языковъ различныхъ, ими же безчисленное и неисповѣдимое плѣненіе и кровопролитіе учинялъ, такъ иже уже все было пусто за осьмнадесять миль до Московскаго мѣста. Такожъ и отъ Перекопскаго, або отъ Крымскаго царя, и отъ Нагай вся Рязанская земля, ажъ по самую Оку рѣку, спустошена“ (стр. 7—8).

О нашествіяхъ казанскаго царя въ лѣтописяхъ встрѣчаемъ извѣстія, подтверждающія слова нашего автора. Такъ, въ Львовской лѣтописи читаемъ: „Опустошали казанцы въ тѣ годы украйны государевы совершенно безпрепятственно, и много христіанъ убили, а города обезлюдили; подвергались опустошенію со стороны казанцевъ Новъ-городъ Нижній, Муромъ, Мещера, Гороховецъ, Балахна, половина Владиміра, Шуя, Юрьевъ Польскій, Кострома, Заволжіе, Галичъ и Вологда“ [2]). „Въ ту зиму (1530 г.), говоритъ другая лѣтопись, ходили татары по московскимъ городамъ, въ Костромщинѣ,

[1]) Прим. 19 Устрялова къ Сказаніямъ.

[2]) Льв. лѣт. т. IV, стр. 122.

Муромцинѣ, Галичѣ и въ Вологдѣ, а монастыри многіе были разграблены и сожжены“ [1]). Въ равной степени подтверждается показаніе Курбскаго объ опустошеніи рязанской области крымцами: въ 1535 г. они опустошали рязанскую украйну [2]); въ августѣ 1542 г. они снова воевали рязанскія мѣста [3]); въ декабрѣ 1545 г. сдѣлали набѣгъ на бѣлевскія и одоевскія украйны и „поплѣниша многихъ людей“ [4]), а въ октябрѣ 1539 г. приходившій на каширскія мѣста и ростовскую волость царевичъ „много поплѣнилъ за небреженіе“ [5]).

Внутри государства дѣла шли не лучше: это было печальное время, когда „управы въ землѣ никому“ не было, когда среди бояръ царствовала „великая рознь“, а „въ землѣ русской великій мятежъ и безгосударство“ [6]). Населеніе терпѣло отъ своеволія и насилій намѣстниковъ, на которыхъ негдѣ было искать управы: „были намѣстники, читаемъ въ лѣтописи, во Псковѣ свирѣпы, какъ львы, а люди ихъ, какъ звѣри дикіе для крестьянъ, и начали ябедники добрыхъ людей тягать; и разбѣжались добрые люди по другимъ городамъ, а игумены честные изъ монастырей побѣжали въ Новгородъ—отъ князя Андрея Михайловича Шуйскаго и князя Василія Ивановича Репнина. Князь Андрей Михайловичъ Шуйскій былъ злодѣй. Что я написалъ, прибавляетъ лѣтописецъ, не подъ вліяніемъ ненависти (не судя его писахъ), тому доказательство его притѣсненія въ пригородахъ и волостяхъ: онъ старыя дѣла возобновлялъ, правя на людяхъ то сто рублей, то болѣе, а во Псковѣ мастеровые люди все дѣлали на него даромъ, а болѣе зажиточные давали ему подарки“ [7]).

Курбскій умалчиваетъ объ этихъ насиліяхъ бояръ и намѣстниковъ, но въ этомъ нельзя видѣть желанія обѣлить людей своего класса и скрыть ихъ преступленія, потому что въ равной степени онъ не касается насилій самого царя, одно изъ которыхъ отмѣчаетъ та же лѣтопись: „въ Петровъ постъ (1547 г.) Псковичи послали

---

[1]) Пск. Перв. лѣт. стр. 302.

[2]) Льв. Лѣт. т. IV, стр. 45—46.

[3]) Ник. Лѣт. т. VII, стр. 37—38; Царств. Кн. стр. 107—108; Льв. Лѣт. т. IV, стр. 160—161.

[4]) Ник. Лѣт. т. VII, стр. 43; Царств. Кн. стр. 115—116; Льв. Лѣт. т. IV, стр. 170—171.

[5]) Льв. Лѣт. т. IV, стр. 124.

[6]) Акт. Ист. т. I. № 140. Отрывокъ розыскного дѣла о побѣгѣ за границу Петра Фрязина.

[7]) Пск. Перв. Лѣт. стр. 304.

70 человѣкъ въ Москву жаловаться на намѣстника Турунтая (Пронскаго), и эти жалобщики били челомъ государю великому князю на сельцѣ Островкѣ; князь великій (государь) опалился на Псковичей: ихъ безчестилъ, обливалъ виномъ горячимъ, палилъ бороды, а волоса свѣчею зажигалъ, приказывая ихъ класть нагихъ на землю" [1]). Зная, какія насилія по отношенію къ населенію позволяли себѣ какъ бояре, такъ и царь, Курбскій объ нихъ не распространяется, довольствуясь замѣчаніемъ: „а внутрь *человѣкоугодникомъ со царемъ младымъ,* пустошающимъ и воюющимъ нещадно отечество (стр. 8).

Очевидно, онъ спѣшилъ окончить краткій обзоръ обстоятельствъ, предшествующихъ возвышенію партіи Сильвестра и Адашева; отмѣтивъ „злое начало" Іоанна въ законопреступномъ бракѣ, его испорченное воспитаніе, первыя казни, какъ проявленіе этой испорченности, и бѣдственное положеніе московскаго государства, авторъ „Исторіи" оправдалъ необходимость нравственнаго исправленія „царя юнаго, и во злострастіяхъ и самодовольствіи безъ отца воспитаннаго, и презлище прелютаго, и крови уже напившагося всякія, не токмо всѣхъ животныхъ, но и человѣческія" (стр. 9) и приготовилъ читателя къ картинѣ этого исправленія, произведеннаго „прещеніями" пресвитера Сильвестра.

По той же причинѣ Курбскому не было надобности останавливаться на описаніи московскаго пожара и насильственной смерти князя Юрія Глинскаго, убитаго, какъ извѣстно, чернью, настроенной боярами, въ числѣ которыхъ былъ Григорій Юрьевичъ Захарьинъ, дядя царицы Анастасіи [2]). Упомянувъ вскользь объ этихъ событіяхъ, онъ продолжаетъ: „князь Михаилъ Глинскій, который былъ всему „злому начальникъ, утече, и другіе человѣкоубійцы сущіе съ нимъ разбѣгошася" (стр. 8).

Дѣйствительно, въ ноябрѣ 1547 г. князь Михаилъ Глинскій и князь Иванъ Турунтай-Пронскій пытались бѣжать въ Литву изъ ржевскихъ мѣстъ, но оба были схвачены, посажены подъ стражу и на допросѣ показали, что послѣ убійства князя Юрія на нихъ напалъ страхъ, и они поѣхали въ Оковецъ молиться, но съѣхали въ

[1]) Иск. Перв. Лѣт. стр. 307.

[2]) Ник. Лѣт. т. VII, стр. 55—59; Царств. Кн. стр. 137—143; Льв. Лѣт. т. IV, стр. 192—198.

сторону, не зная дороги. Оказалось послѣ разслѣдованія, что они „тотъ бѣгъ учинили, обложася страхомъ“ убійства князя Юрія Глинскаго, но государь для отца своего митрополита Макарія пожаловалъ и велѣлъ отдать ихъ на поруки [1]). Курбскій имѣлъ основаніе называть Глинскаго и Турунтая человѣкоугодниками. Мы приводили выше свидѣтельство Псковской лѣтописи о томъ, какъ молодой царь обошелся съ жалобщиками на Турунтая-Пронскаго; и его жестокая расправа находитъ себѣ объясненіе въ томъ, что Глинскіе, бывшіе тогда въ силѣ, постарались, вѣроятно, представить псковскаго намѣстника, человѣка имъ близкаго, невинно оклеветаннымъ, а самихъ Псковичей мятежниками. Вообще Глинскіе своевольничали и притѣсняли населеніе не менѣе Шуйскихъ: „въ то время, говоритъ лѣтопись, Глинскіе у государя были въ приближеніи и жалованіи; а отъ людей ихъ черньшъ людямъ было насильство и грабежъ, ибо они ихъ отъ того не унимали“ [2]).

Событія 1547 г. привели къ паденію ненавистныхъ простому народу и боярству Глинскихъ и выдвинули на ихъ смѣну Благовѣщенскаго попа Сильвестра и Алексѣя Адашева: „Тогда убо, говоритъ объ этомъ Курбскій, тогда, глаголю, прінде къ нему единъ мужъ, презвитеръ чиномъ, именемъ Селивестръ, пришлецъ изъ Новагорода Великаго, претяще ему отъ Бога священными писаньми и строзѣ заклинающе его страшнымъ Божіимъ именемъ; еще къ тому, и чудеса и аки бы явленія отъ Бога повѣдающе ему: не вѣмъ, аще истинныя, або такъ ужасновенія пущающе, буйства его ради, и для дѣтскихъ непстовыхъ его нравовъ, умыслилъ былъ себѣ сіе“. Какъ видно изъ этихъ словъ, Курбскій какъ бы колеблется „чудеса и явленія“ Сильвестра признать истинными, а далѣе, сравнивая его дѣйствія съ приказаніями отцевъ слугамъ пугать дѣтей „мечтательными страхами“, высказывается въ томъ смыслѣ, что „блаженный малую грозу присовокупляетъ благокозненія“, и оправдываетъ „блаженнаго“ указаніемъ на врачей, которые „по неволѣ, согнившія гагрины стружуще и рѣжуще желѣзомъ, або дикое мясо, возрастающе на ранѣ, обрѣзающе ажъ до живаго мяса“ (стр. 8). Однако, сомнѣваясь въ

---

[1]) Царств. Кн. стр. 144—145; Ник. Лѣт. т. VII, стр. 59—60; Лѣв. Лѣт. т. IV, стр. 199—201.

[2]) Царств. Кн. стр. 142.

истинности Сильвестровскихъ „явленій и видѣній“, что̀ выразилъ онъ въ письмѣ къ царю: „и аще таковая притча отъ тѣлесныхъ отцѣхъ (выше онъ упомянулъ о Хамѣ, насмѣявшемся наготѣ отца) случилась, кольми паче отъ духовныхъ должны *есмя покрывати, аще бы нѣчто и случилося человѣческія ради немощи*“, Курбскій настаиваетъ на необходимости прибѣгать къ такимъ сильнымъ средствамъ, какими пользуются врачи-операторы: Сильвестръ, по его словамъ, былъ „льстецъ и коварецъ“, „благокозненъ“, онъ „прилагалъ пластыри, ово кусательными словесы нападающе и порицающе... ово, яко уздою крѣпкою со браздами, невоздержаніе и препзлишпою похоть и ярость востязающе“ [1]).

Это свидѣтельство подтверждаетъ самъ царь: „ниже мните мя, пишетъ онъ Курбскому, *дѣтскими страшилы устрашити*, якожъ прежде сего съ попомъ Селивестромъ и со Алексѣемъ лукавымъ совѣтомъ прельстисте; или мните нынѣ таковая сотворити“? [2])

Архимандритъ Леонидъ въ своей статьѣ „Благовѣщенскій іерей Сильвестръ и его писанія“ даетъ совершенно иное объясненіе свидѣтельству Курбскаго: „кто внимательно прочтетъ, говоритъ онъ, посланіе Сильвестра къ Іоанну, гдѣ, по справедливому замѣчанію Коншина, изображеніе Божества разгнѣваннаго, карающаго грѣшниковъ, такъ живо и грозно, мѣста изъ Ветхаго и Новаго Завѣта такъ сильны и разительны, краски разврата, окружающаго юнаго царя, лежатъ такими яркими, безобразными пятнами, въ гнусной наготѣ своей, тотъ ни мало не усомнится признать вмѣстѣ съ нами, что такія „страшила“ легче всякихъ привидѣній могли устрашить и остановить юношу-царя, указавъ ему на великій, священный санъ его“ [3]). Даже, если не принимать гипотезы Н. Барсова, который думаетъ, что вышеуказанное посланіе къ Іоанну писалъ извѣстный Вассіанъ Топорковъ во время опричины (1565—1572) [4]), то нельзя не согласиться съ его вѣскими доводами, которыми онъ опровергаетъ мнѣніе проф. Жданова и московскихъ издателей твореній Сильвестра

---

[1]) Сказанія, стр. 199—200.

[2]) Сказанія, стр. 187.

[3]) Архим. Леонидъ, стр. 12—13. См. Чт. Моск. Общ. Ист. 1874, № 1. Здѣсь же напечатано впервые то посланіе (стр. 69—87), на которое ссылается авторъ.

[4]) «Къ вопросу объ авторѣ Посланія къ царю Ивану Васильевичу», стр. 117—130 См. Сборн. Археол. Института, кн. IV.

о принадлежности посланія попу Сильвестру [1]). Какъ бы то ни было, но принять объясненіе архим. Леонида нельзя и потому, что оно противорѣчитъ словамъ Курбскаго, подтвержденнымъ самимъ царемъ, и потому, что „трудно предположить, чтобы религіозный и набожный до суевѣрія Іоаннъ назвалъ „дѣтскими страшилами“ тѣ прекрасные доводы изъ св. писанія, которыми хочетъ склонить царя къ искорененію нечестія авторъ посланія“ [2]).

Карамзинъ, какъ будто со словъ Курбскаго, рисуетъ величественную картину неожиданнаго появленія „какого-то удивительнаго мужа, именемъ Сильвестра“ [3]), но Соловьевъ основательно замѣтилъ, что „изъ словъ Курбскаго мы не имѣемъ никакого права заключать, что Сильвестръ явился тутъ внезапно предъ Іоанномъ, не будучи вовсе извѣстенъ ему прежде“ [4]). Правда, Курбскій называетъ Сильвестра „пришлецомъ изъ Новгорода Великаго“, но вполнѣ естественно предполагать, что митр. Макарій, бывшій 16 лѣтъ архіепископомъ въ Новгородѣ, вызвалъ его и псковскаго священника Семена и опредѣлилъ ихъ священниками придворнаго Благовѣщенскаго собора [5]). Значительно ранѣе 1547 г. царь обратилъ, вѣроятно, вниманіе на благочестіе и начитанность Благовѣщенскаго попа: по крайней мѣрѣ, Царственная Книга говоритъ, что Владиміръ Старицкій и его мать были освобождены „его промысломъ“ [6]). Значитъ, въ село Воробьево, гдѣ послѣ пожара находился царь, явился не „какой-то удивительный мужъ“, но хорошо извѣстный государю священникъ придворнаго собора, пользующійся даже его благосклонностью; его устная бесѣда съ царемъ, взволнованнымъ страшнымъ народнымъ бѣдствіемъ, когда къ тому же онъ повѣдалъ „чудеса и аки бы явленія отъ Бога“ (стр. 8), произвела надлежащее дѣйствіе: Сильвестръ „душу его отъ прокаженныхъ ранъ исцѣлилъ и очистилъ былъ, и развращенный умъ исправилъ, тѣмъ и овымъ наставляюще на стезю правую“ (стр. 9).

Полная правдивость показанія Курбскаго подтверждается лѣто-

---

[1]) См. ст. Барсова, стр. 99—108.
[2]) Барсовъ, стр. 102.
[3]) Карамзинъ, т. VIII, стр. 62—63.
[4]) Соловьевъ, т. VI, стр. 58.
[5]) „Благовѣщенскій іерей Сильвестръ“, стр. 10; Соловьевъ т. VI, стр. 58.
[6]) Царств. Кн. стр. 343.

писью: „и съ того времени (т. е. послѣ пожара) царь и великій князь пришелъ въ умиленіе и началъ многія благія дѣла совершать“ [1]).

„Съ нимъ же (т. е. Сильвестромъ), продолжаетъ разсказъ нашъ авторъ, соединяется во общеніе единъ благородный тогда юноша, къ доброму и полезному общему, именемъ Алексѣй Адашевъ; цареви жъ той Алексѣй въ то время зѣло любимъ былъ и согласенъ, и былъ онъ общей вещи зѣло полезенъ, и отчасти, въ нѣкоторыхъ правѣхъ, ангеломъ подобенъ. И аще бы вся по ряду изъявилъ о немъ, воистину вѣрѣ не подобно было бы предъ грубыми и мірскими человѣки“.

Дѣйствительно, Алексѣй Адашевъ былъ близокъ къ молодому царю до страшныхъ іюньскихъ московскихъ бѣдствій: такъ, изъ описанія первой свадьбы Іоанна, происходившей 3 фев. 1547 г., т. е. за нѣсколько мѣсяцевъ до московскаго пожара, знаемъ, что онъ, на ряду съ знатными лицами, состоялъ въ спальникахъ и мовникахъ, когда великій князь мылся въ банѣ съ Юріемъ Глинскимъ и казначеемъ Сукинымъ, а съ братомъ своимъ Даніломъ былъ въ числѣ лицъ, стлавшихъ брачную постель [2]). Но есть, однако, основаніе предполагать, что Алексѣй Адашевъ при дворѣ, правда въ чинахъ, вѣроятно, неважныхъ, состоялъ давно: „До того же времени, пишетъ царь о событіяхъ 1547 года, бывшу сему собакѣ Адашеву, вашему начальнику, *въ нашего царствія дворъ, въ юности нашей, не вѣмъ, какимъ обычаемъ изъ батожниковъ водворившуся*, намъ же такія измѣны отъ вельможъ своихъ видѣвше, и тако взявъ сего отъ гноища и учинихъ съ вельможами, чающе отъ него прямыя службы“ [3]).

Какой же свой возрастъ Іоаннъ считалъ юностью? Разсказавъ о казни Мишурина, заточеніи Бѣльскаго и сверженіи митрополита Даніила, царь прибавляетъ: „Яковажъ пострадахъ во одѣяніи и во алканіи! Во всемъ бо семъ волн нѣсть; но вся не по волѣ и не *по времени юности*.... Какожъ исчести таковыя бѣдѣ страданія многая, яже въ юности пострадалъ!“ [4]) Изъ этихъ словъ слѣдуетъ,

---

[1]) Нпк. Лѣт. т. VII, стр. 58—59.
[2]) Древн. Вивл. т. XIII, стр. 33—34.
[3]) Сказанія, стр. 162.
[4]) Сказанія, стр. 159.

что Іоаннъ время казни Мишурина и главенства Ивана Шуйскаго, т. е. событія 1538—39 гг., когда ему было 8—9 лѣтъ, считаетъ совершившимися въ его юности. Когда же окончилась, по мнѣнію Іоанна, его юность? На этотъ вопросъ отвѣчаетъ онъ самъ: „И тако имъ (т. е. боярамъ) на много время жившимъ; мнѣ же *въ возрастъ достигшу*, не восхотѣхъ подъ рабскою властію быти, и того ради князя Ивана Васильевича Шуйскаго отъ себя отослалъ на службу, а у себя велѣлъ есми быть боярину князю Ивану Ѳедоровичу Бѣльскому“ [1]). Эта перемѣна при дворѣ, какъ извѣстно, произошла въ іюлѣ 1540 г., когда Іоанну было около 10 лѣтъ. Значитъ, по мнѣнію царя, юность его окончилась, когда ему исполнилось 10 лѣтъ. Въ виду же словъ Іоанна объ Алексѣѣ Адашевѣ: „въ юности нашей изъ батожниковъ водворился“, есть, какъ кажется, основаніе предполагать, что онъ попалъ ко двору до 1540 г., какъ сверстникъ молодого государя и, вѣроятно, товарищъ его игръ.

Показаніе Курбскаго подтверждается вполнѣ относительно Адашева; оказывается, что онъ въ самомъ дѣлѣ былъ человѣкомъ очень скромнымъ и не добивался почестей. Правда, позже царь называлъ его собакою и обвинялъ въ честолюбивыхъ замыслахъ, но мы болѣе довѣряемъ первоначальному отзыву Іоанна, когда чувство вражды и ненависти было чуждо его душѣ: „Алексѣй! взялъ я, говорилъ онъ, тебя изъ низшихъ и самыхъ молодыхъ людей. Слыша о твоихъ добрыхъ дѣлахъ, я теперь возвысилъ тебя выше твоей мѣры для помощи души моей; *хотя и твоего желанія на это нѣтъ*, но все же я пожелалъ (возвысить) не только тебя, но и другихъ такихъ, кто печаль мою утолилъ бы и о людяхъ, врученныхъ мнѣ Богомъ, позаботился“ [2]).

Разсказавъ о возвышеніи Сильвестра и Адашева, какъ мы видѣли, совершенно правдиво, Курбскій переходитъ къ характеристикѣ ихъ дѣятельности. По его словамъ, дѣло нравственнаго перевоспитанія и исправленія молодого государя совершалось такъ: „Паче же, и согласныхъ его на зло прежде бывшихъ, овыхъ отдѣлюютъ отъ него (яже была зѣло люты), овыхъ же уздаютъ и воздержатъ страхомъ Бога живаго. Наказываютъ опаснѣ благочестію; молитвамъ же при-

[1]) Сказанія, стр. 160.
[2]) Собр. Госуд. Грам. и Догов. т. II, № 37.

лежнымъ къ Богу, и постомъ, и воздержанію внимати со прилежаніемъ завѣщаваетъ оный презвитеръ, и отгоняетъ отъ него оныхъ предреченныхъ прелютѣйшихъ звѣрей, сирѣчь, ласкателей и человѣкоугодниковъ... и отсылаетъ и отдѣляетъ отъ него всяку нечистоту и скверну, прежде ему приключшуюся отъ сатаны; и подвижетъ на то и присовокупляетъ себѣ въ помощь архіерея онаго великаго града, и къ тому, всѣхъ предобрыхъ и преподобныхъ мужей, презвитерствомъ почтенныхъ" (стр. 9—10).

Этотъ образъ жизни царя, характеризуемый самимъ Курбскимъ словомъ „мѣрность" (стр. 73), несомнѣнно былъ введенъ при дворѣ усиліями, главнымъ образомъ, попа Сильвестра и Адашева, при сочувствіи митрополита и всѣхъ лучшихъ людей того времени. Правдивость этого показанія не вызоветъ никакого сомнѣнія, если мы припомнимъ, какъ враги Сильвестра и Адашева обвиняли ихъ въ томъ, что они заставляли царя „въ мѣру ясти и пити и со царицею жити, не дающе ни въ чесомъ же своей воли, а ни въ малѣ, а ни въ великомъ" (стр. 69), а самъ царь писалъ по по этому же поводу: „во внутреннихъ же, ни въ малѣйшихъ и худѣйшихъ, глаголю же до обуща и спанія, вся не по своей волѣ бяху, но по ихъ хотѣнію творяхуся; намъ же аки младенцемъ пребывающимъ... Кто же убо можетъ подробно исчести, еже убо въ житейскихъ пребываніяхъ, и хожденіяхъ, и въ покоѣ, и та же въ церковномъ предстояніи и во всякомъ житіи и гоненіи и утѣсненіи" [1]).

Эта строгость и мѣрность въ жизни царя, которую, по словамъ Курбскаго, ввелъ Сильвестръ, согласуется съ образомъ мыслей послѣдняго, насколько мы таковой знаемъ изъ несомнѣнно ему принадлежащаго [2]) „Наказанія или Поученія отца къ сыну". Въ этомъ

[1]) Сказанія, стр. 164—165.

[2]) Изучивъ списки Домостроя и сравнивъ его съ иностранными Домостроями, проф. Ив. Некрасовъ въ своемъ сочиненіи: «Опытъ Истор.-литер. изслѣдованія о Домостроѣ» (въ Чт. Моск. Общ. Ист. 1872, № 3) пришелъ къ выводу, что этотъ памятникъ постепенно вырабатывался въ Новгородѣ, а свящ. Сильвестръ только старался «отуземить Домострой въ Москвѣ» (стр. 184), „выбрасывая изъ него то, что шло къ Новгороду, а не шло къ Москвѣ" (стр. 178); поученіе же къ сыну составляетъ не иное что, какъ извлеченіе изъ Домостроя и повтореніе его содержанія въ сжатомъ, краткомъ видѣ" (стр. 179). Однако, вопросы о томъ, кому могутъ быть приписаны вторая и третья части Домостроя, и гдѣ онѣ были составлены, можно еще считать въ наукѣ спорными. См. ст. А. Михайлова и отвѣтъ проф. Некрасова въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1889 г. №№ 2 и 6.

„Наказаніи“ Сильвестръ пишетъ: „заутрени не просыпай, обѣдни не прогуливай, вечерни не пропивай; навечерницу, полунощницу и часы ты долженъ пѣть каждый день въ своемъ домѣ; если возможно по времени, прибавишь правила...; больше всего храни чистоту тѣлесную, да возненавидь хмѣльное питье; Господа ради отвергни отъ себя пьянство: отъ него рождаются всѣ злые обычаи“ [1]).

Новые приближенные царя не удовлетворились его нравственнымъ исправленіемъ, но перенесли свое вліяніе и авторитетъ въ сферу политическихъ и государственныхъ дѣлъ: „Собираютъ къ нему, разсказываетъ Курбскій, совѣтниковъ, мужей разумныхъ и совершенныхъ, во старости мастистѣй сущихъ, благочестіемъ и страхомъ Божіимъ украшенныхъ: другихъ же, аще и во среднемъ вѣку, такожъ предобрыхъ и храбрыхъ, и тѣхъ и оныхъ въ военныхъ и земскихъ вещахъ по всему искусныхъ; и сице ему ихъ въ пріязнь и въ дружбу усвояютъ, яко безъ ихъ совѣту, ничесоже устроити или мыслити... и нарицались тогда оные совѣтницы у него *избранная рада*; воистину по дѣломъ и наречніе имѣли: понеже все избранное и нарочитое совѣты своими производили, сирѣчь: судъ праведный, нелицепріятенъ, яко богатому, тако и убогому, еже бываетъ въ царствѣ наилѣпшее; и къ тому воеводъ, искусныхъ и храбрыхъ мужей, сопротивъ враговъ избираютъ, и стратилатскіе чины устроютъ, яко надъ ѣздными, такъ и надъ пѣшими; и аще кто явится мужественнымъ въ битвахъ и окровитъ руку въ крови вражьей, сего дороваными почитано, яко движными вещи, такъ и недвижными. Нѣкоторые жъ отъ нихъ, искуснѣйшіе, того ради и на вышнія степени возводились“ (стр. 10).

Наши скудные источники подтверждаютъ эти слова Курбскаго. Такъ, въ 1550 г. Іоаннъ возлагалъ большія полномочія на Алексѣя Адашева и надѣялся вполнѣ на его справедливость и безкорыстіе: „Поручаю тебѣ, говорилъ онъ послѣднему, принимать челобитныя отъ бѣдныхъ и обиженныхъ. Разсматривая ихъ внимательно, не бойся сильныхъ и славныхъ, похитившихъ почести и своимъ насиліемъ губящихъ бѣдныхъ и немощныхъ; не смотри и на ложныя слезы бѣдныхъ, клевещущихъ иногда на богатыхъ, изъ желанія несправедливо осудить богатаго и выставить себя правыми; но, разсматривая все

[1]) Соловьевъ, т. VII, стр. 224.

старательно, доводи до насъ истину, боясь только суда Божія; назначь судей правдивыхъ изъ бояръ и вельможъ“ [1]).

Далѣе, въ томъ же году царь приговорилъ съ боярами испомѣстить въ Московскомъ уѣздѣ 1000 человѣкъ дѣтей боярскихъ. Приговоръ этотъ преслѣдовалъ исключительно военныя цѣли, какъ видно изъ намѣренія правительства держать этотъ отрядъ въ разъ опредѣленной численности: „кто изъ этой тысячи, читаемъ въ актѣ, умретъ, а сынъ его къ подобной службѣ годенъ не будетъ, то на мѣсто выбывшаго прибрать другого“ [2]). Затѣмъ, мы уже упоминали, что послѣ взятія Казани на подарки сподвижникамъ государь издержалъ, по смѣтѣ казначеевъ, 48 тыс. рублей, по тому времени сумму весьма значительную, а, сверхъ того, весьма многимъ были даны вотчины, помѣстія и кормленія [3]). Наконецъ, достаточно заглянуть въ Послужной списокъ, чтобы убѣдиться, что большинство пожалованій въ боярство падаетъ на время 1547—1553 гг., время господства Сильвестра и Адашева [4]).

Если бы даже у насъ не было этихъ неопровержимыхъ доказательствъ правдивости разбираемаго показанія, то слова самого Іоанна служили бы достаточнымъ аргументомъ въ пользу нашего автора [5]). Царь писалъ: „Тако же *Селивестръ и со Алексѣемъ сдружился* и начаша совѣтовати отай насъ, мнѣвше насъ не разсудныхъ суща; и тако, вмѣсто духовныхъ, мірская начаша совѣтовати, и

---

[1]) Собр. Госуд. Грам. и Догов., т. II, № 37.

[2]) Акт. Арх. Эксп. т. I, № 225; Древн. Вивл. т. VIII, стр. 1—2.

[3]) Ник. Лѣт. т. VII, стр. 196—197; Царств. Кн. стр. 329—330; Льв. Лѣт. т. IV, стр. 454—456.

[4]) Древн. Вивл. т. XX, стр. 34—39. Изъ бояръ отца Іоаннова послѣднимъ умеръ князь Дм. Фед. Бѣльскій въ 1550 г. (Древн. Вивл. т. XX, стр. 36). Изъ пожалованныхъ въ бояре въ малолѣтство Іоанна оставались въ живыхъ въ 1550 г. лишь 8 человѣкъ: Иванъ Шуйскій, Семенъ Трубецкой (бояре 1535 г.), Юрій Голицынъ-Булгаковъ (1540 г.), Михаилъ Глинскій, Иванъ Мстиславскій, Иванъ Фока-Воронцовъ (1541 г.), Александръ Горбатый и Ѳедоръ Скопинъ-Шуйскій (1544 года).

[5]) См. статью М. Погодина «О характерѣ Іоанна Грознаго» въ его книгѣ: «Историко-критическіе Отрывки». Свои неблагопріятные для Іоанна выводы авторъ построилъ на сравненіи свидѣтельствъ Курбскаго и самого царя. Этотъ методъ М. Погодина—вполнѣ научный и заслуживаетъ полнаго нашего вниманія: въ самомъ дѣлѣ, если враги-современники объ одномъ и томъ же свидѣтельствуютъ согласно, то изслѣдователь не имѣетъ основанія сомнѣваться въ фактѣ. Карамзинъ объяснилъ слова Іоанна клеветою на самого себя. М. Погодинъ основательно на это замѣтилъ: «Клеветать на самого себя—это очень мудрено! Но развѣ Іоаннъ не могъ винить ихъ (т. е. Сильвестра и Адашева) и вмѣстѣ не отказываться отъ своихъ собственныхъ дѣйствій, если бъ были какія?» (стр. 260).

тако по-малу всѣхъ васъ бояръ начаша въ самовольство приводити, нашу же власть съ насъ снимающе... и тако по-малу сотвердися сія злоба, и васъ почалъ *причитати къ вотчинамъ ко градомъ и къ селомъ*, еже дѣда нашего великаго государя Уложеніемъ, которыя вотчины у васъ взимали и которымъ вотчинамъ еже нѣсть потреба отъ васъ даятися, и *ть вотчины вѣтру подобно роздалъ неподобно... ни единыя власти не оставиша, идѣже своя уподники не поставиша*, и тако во всемъ свое хотѣніе улучиша... потому же утвердися дружбами, и вся властію всей своей волѣ имый, ничто же отъ насъ пытая, аки нѣсть насъ, вся строенія и утвержденія по своей волѣ и своихъ совѣтниковъ хотѣнію творяше“ [1]).

Какъ поклонникъ Сильвестра, Курбскій въ его дѣятельности видитъ только руку помощи, которую подалъ Богъ, „отдохнути землѣ христіанской“ (стр. 8), но также правъ былъ Іоаннъ, обвинявшій его въ честолюбивыхъ замыслахъ: „сперва убо, пишетъ царь о Сильвестрѣ, яко благо нача, послѣдовавше божественному писанію; мнѣ видѣвшу въ божественномъ писаніи, како подобаетъ наставникомъ благимъ покарятися безъ всякаго разсужденія, и ему, совѣта ради духовнаго, повинухся въ колебаніи, въ невидѣніи; *онъ же восхитися властію*, яко же Илія жрецъ, пача совокуплятися въ дружбу подобно мірскимъ“ [2]).

Въ самомъ дѣлѣ, чтобы убѣдиться въ томъ, что духъ честолюбія руководилъ Сильвестромъ въ его дѣятельности, стоитъ припомнить его поведеніе во время болѣзни царя, когда ясно сказалось его сочувствіе происканъ удѣльнаго князя Владиміра, обязаннаго ему освобожденіемъ, вслѣдствіе чего онъ могъ разсчитывать сохранить свое вліятельное положеніе въ государствѣ, прекрасно понимая, что, въ случаѣ воцаренія младенца Димитрія, власть перейдетъ въ руки Захарьиныхъ.

Архим. Леонидъ иначе объясняетъ поведеніе Сильвестра во время болѣзни царя. По его словамъ, „Сильвестръ, дружелюбное расположеніе котораго къ князю Владиміру было общеизвѣстно, по своему обычному миролюбію сталъ заступаться за него предъ боярами, увлекся и обмолвился при томъ такимъ словомъ: „за что вы не

---

[1]) Сказанія, стр. 163—164.
[2]) Сказанія, стр. 163.

пускаете брата къ брату, вѣдь князь Владиміръ хочетъ царю добра!“ [1]). Несправедливо объяснять эти слова, какъ порывъ миролюбія, и видѣть въ нихъ лишь великодушную неосторожность, такъ какъ это не согласуется съ характеромъ сознательно-честолюбивымъ попа Сильвестра: припомнимъ, что онъ въ сокращенномъ изводѣ Домостроя переставилъ главу о священническомъ чинѣ и о полной духовной и нравственной зависимости отъ него выше главы о почитаніи царя, что въ древнѣйшемъ изводѣ стоитъ совершенно наоборотъ [2]). Такимъ образомъ, вышеприведенные факты и соображенія подтверждаютъ совершенную правдивость показанія царя о честолюбіи Сильвестра. Всякую тѣнь сомнѣнія, если бы только оно могло зародиться, уничтожаетъ свидѣтельство нашей лѣтописи. Въ Царственной Книгѣ читаемъ: „Въ то время былъ при придворной Благовѣщенской церкви на сѣняхъ нѣкій священникъ Сильвестръ, родомъ новгородецъ. Сильвестръ былъ у государя въ великомъ жалованіи и совѣтѣ духовномъ и думномъ, все могъ, все ему повиновалось, и никто не смѣлъ ни въ чемъ ему противиться вслѣдствіе царскаго жалованья, такъ что онъ указывалъ митрополиту, епископамъ, архимандритамъ, игуменамъ, монахамъ, священникамъ, боярамъ, дьякамъ, приказнымъ людямъ, воеводамъ, дѣтямъ боярскимъ и всякимъ людямъ; кратко говоря, всякими дѣлами и властью святительскою и царскою онъ распоряжался, и никто не осмѣливался что-либо сказать или сдѣлать не по его велѣнію. Отправляя святительскую власть, какъ царь и святитель, онъ только не имѣлъ имени, внѣшности и престола царскаго и святительскаго, а былъ попомъ, но всѣми былъ весьма почитаемъ и со своими совѣтниками владѣлъ всѣмъ“ [3]).

Это свидѣтельство лѣтописи относится къ началу 1553 г., но говоритъ, разумѣется, о времени, предшествующемъ болѣзни царя.

II. Изложивъ обстоятельства возвышенія партіи Сильвестра и Адашева, Курбскій переходитъ къ обозрѣнію внѣшнихъ московскихъ отношеній за время господства этой партіи. Если бы кто взялъ на

---

[1]) «Благовѣщенскій іерей Сильвестръ», стр. 19.
[2]) Некрасовъ, «Опытъ Ист.-Критич. Изслѣд.», стр. 180.
[3]) Царств. Кн. стр. 342—343.

себя трудъ переиздать эту часть Сказаній Курбскаго и снабдилъ бы текстъ болѣе подробными примѣчаніями, чѣмъ тѣ, которыя даетъ Устряловъ, то самый предубѣжденный читатель убѣдился бы, какими высокими достоинствами исторической правдивости отличается разсказъ Курбскаго о взятіи и покореніи казанской области, борьбѣ съ крымцами и ливонской войнѣ. Такъ какъ мы въ достаточной мѣрѣ останавливались на изложеніи всѣхъ этихъ событій въ той части нашего изслѣдованія, которую мы посвятили обозрѣнію жизни и дѣятельности Курбскаго, и тамъ подвергнули многіе его разсказы разбору, то теперь намъ нѣтъ надобности останавливаться на всѣхъ подробностяхъ и разбирать ихъ. Если мы отмѣтимъ всѣ неточности и ошибки нашего историка, если укажемъ, въ чемъ его разсказъ дополняетъ другіе наши источники, то этимъ, какъ кажется, вполнѣ выполнимъ нашу задачу.

Излагая внѣшнія событія за извѣстный періодъ времени совершенно согласно съ другими источниками, какъ въ этомъ можно было убѣдиться изъ первой части нашего изслѣдованія, Курбскій допускаетъ нѣкоторыя неточности и ошибки.

1) Ханъ, по его словамъ, побѣжалъ отъ Тулы ночью и успѣлъ за ночь отойти отъ города на 8 миль (около 40 верстъ) и переправиться черезъ три рѣки (стр. 13); но изъ лѣтописи мы знаемъ, что еще утромъ 23 іюня ханъ собирался возобновить попытки взять Тулу, а бѣжалъ потому, что принялъ ополченіе изъ украйныхъ городовъ (Репнинъ изъ Прони и Салтыковъ изъ Михайлова) за войско самого царя, воеводы же пришли три часа спустя послѣ бѣгства татаръ [1]).

2) Когда войска возвратились изъ-подъ Тулы, то царь, по словамъ Курбскаго, далъ утомленному войску 8-дневный отдыхъ, послѣ чего всѣ выступили въ походъ (стр. 14); но въ дѣйствительности было не такъ: войска возвратились изъ-подъ Тулы лишь 1 іюля, а 3 числа царь и воеводы двинулись уже на Казань [2]).

3) Курбскій говоритъ, что все войско переправилось черезъ Волгу въ два дня (стр. 16); но изъ лѣтописи оказывается, что пе-

---

[1]) Ник. Лѣт. т. VII, стр. 125—126; Царств. Кн. стр. 231—232; Льв. Лѣт. т. IV, стр. 321—324.

[2]) Ник. Лѣт. т. VII, стр. 127, 129; Царств. Кн. стр. 234, 236; Льв. Лѣт. т. IV, стр. 327, 329.

переправа началась 16 августа, когда было приказано перевозиться ертаулу, передовому полку, правой руки и большему полку, самъ же царь переправился 18 числа и приказалъ сторожевому полку и лѣвой рукѣ приступить къ переправѣ, ожидая на луговой сторонѣ, пока всѣ полки перевезутся, послѣ чего лишь 20 авг. двинулся далѣе. Значитъ, переправа всего войска продолжалась не менѣе 4 дней [1]).

4) Въ битвѣ на Арскомъ полѣ, по разсказу Курбскаго, захватили русскіе въ плѣнъ 1000 человѣкъ, которыхъ вывели передъ шанцы и привязали къ кольямъ, чтобы они увѣщевали своихъ сдаться, но казанцы начали со стѣнъ стрѣлять въ этихъ несчастныхъ и убивать ихъ (стр. 22). Изъ лѣтописи же извѣстно, что тогда захватили 340 человѣкъ, которыхъ царь приказалъ вывести подъ стѣны Казани и всѣхъ ихъ побить послѣ того, какъ казанцы отказались сдаться [2]).

5) Эта битва на Арскомъ полѣ происходила 30 авг., и лишь 6 сент. царь отправилъ воеводъ на Арскъ [3]); но Курбскій неправильно утверждаетъ, что царь отправилъ Горбатаго и Микулинскаго спустя три дня послѣ битвы (стр. 22).

6) По словамъ его, подземный ходъ къ источнику былъ взорванъ за двѣ или три недѣли до взятія города (стр. 25), но это произошло 4 сент. [4]), слѣдовательно за 4 почти недѣли до окончанія осады.

7) Также неправильно его утвержденіе, что осада Казани продолжалась 7 недѣль (стр. 25), хотя съ этимъ согласна Подробная лѣтопись [5]), такъ какъ по самому точному исчисленію оказывается, что осада длилась безъ двухъ дней 6 недѣль [6]).

8) Разсказывая о походѣ 1553 года [7]), въ которомъ онъ самъ принималъ участіе, Курбскій говоритъ, что этотъ походъ происхо-

---

[1]) Ник. Лѣт. т. VII, стр. 148—149; Царств. Кн. стр. 260—261; Льв. лѣт. т. IV, стр. 366—367.

[2]) Ник. Лѣт. т. VII, стр. 162—163; Царств. Кн. стр. 283—284; Льв. Лѣт. т. IV, стр. 391—393.

[3]) Ник. Лѣт. т. VII, стр. 165; Царств. Кн. стр. 287; Льв. Лѣт. т. IV, стр. 396.

[4]) Ник. Лѣт. т. VII, стр. 164; Царств. Кн. стр. 285—286; Льв. лѣт. т. IV, стр. 395.

[5]) Подр. лѣт. т. II, стр. 183. Здѣсь читаемъ: «обстояше бо градъ седмь седмицъ».

[6]) Прим. 49 Устрялова къ Сказаніямъ.

[7]) Ник. Лѣт. т. VII, стр. 208; Льв. Лѣт. т. V, стр. 22—23.

дилъ на 6-мъ году послѣ взятія Казани, и также неосновательно прибавляетъ, что со времени этого похода „начала усмиряться и покоряться Казанская земля“ (стр. 42), хотя мы достовѣрно знаемъ, что осенью слѣдующаго года происходили тамъ опасныя волненія и столкновенія туземцевъ съ русскими [1]).

Итакъ, всѣ ошибки и неточности въ этой части изложенія Курбскаго сводятся къ неправильнымъ указаніямъ датъ. Если припомнимъ, что Курбскому приходилось писать по памяти и уже въ преклонныхъ лѣтахъ описывать событія, происшедшія въ его юности, то поймемъ, что эти ошибки были весьма естественны.

Послѣ того, какъ мы указали на всѣ ошибки въ изложеніи Курбскаго и сказали, основываясь на первой части нашего изслѣдованія, что почти всѣ сообщенія нашего писателя въ изучаемой части его сочиненія подтверждаются свидѣтельствами другихъ нашихъ источниковъ, необходимо отмѣтить другую важную сторону повѣствованія Курбскаго, т. е. послѣдовательно привести всѣ тѣ его сообщенія, которыми дополняются наши лѣтописи, и подвергнуть ихъ критической провѣркѣ.

1) Какъ извѣстно изъ лѣтописи, 21 іюня 1552 года царь, получивъ вѣсть, что крымцы опустошаютъ окрестности Тулы, отправилъ на выручку правую руку изъ Каширы (Щенятевъ и Курбскій), передовой полкъ изъ Ростиславля (Пронскій и Хилковъ) и Михаила Воротынскаго изъ Колычева; воеводы, прибывъ къ Тулѣ три часа спустя послѣ того, какъ бѣжалъ ханъ, его преслѣдовали до рѣчки Шиворони, гдѣ онъ побросалъ обозъ и порѣзалъ верблюдовъ [2]); другая же лѣтопись кратко говоритъ объ этомъ походѣ воеводъ: „воеводы... многажды ту на Крымскихъ людей исходиша, и много ихъ убиша“ [3]). Курбскій дополняетъ эти лѣтописи: получивъ приказаніе царя, воеводы въ тотъ же день двинулись къ Тулѣ съ возможно бо́льшею поспѣшностью; пройдя за день 13 миль (около 65 верстъ), русскіе расположились около какой-то рѣчки ночевать, не доходя полторы мили до города; возлѣ того

---

[1]) Ник. Лѣт. т. VII, стр. 227; Льв. Лѣт. т. V, стр. 59—60.

[2]) Ник. Лѣт. т. VII, стр. 123, 126; Царств. Кн. стр. 227. 232—233; Льв. Лѣт. т. IV, стр. 317—318, 324—325.

[3]) П. С. Р. Л. т. VI, стр. 304.

же мѣста стояла татарская стража, успѣвшая убѣжать и извѣстить ханъ о движеніи русскихъ войскъ; предполагая, что идетъ самъ царь, Девлетъ-Гирей поспѣшно отступилъ, такъ что воеводы не застали уже хана и расположились въ покинутомъ лагерѣ; между тѣмъ, третья часть крымской орды, бывшая „въ загонахъ“, т. е. опустошавшая окрестности, явилась къ городу, не зная о бѣгствѣ хана, предполагавшаго стоять три дня, и схватилась съ русскими въ рукопашную; битва продолжалась полтора часа, такъ какъ крымцы бились храбро, но все-же русскіе одолѣли „и толико избиша ихъ, яко зѣло мало осталось ихъ, и едва вѣсть въ орду возвратилась“ (стр. 13—14). Разумѣется, получивъ приказаніе итти на выручку Тулы, вѣроятно, къ ночи съ 21 на 22 іюня, воеводы не могли пройти за день все разстояніе отъ Оки до Тулы: не доходя какихъ-нибудь 10 вер., необходимо было дать отдыхъ утомленному большимъ переходомъ войску; явившись къ городу и не заставъ хана, убѣжавшаго тремя часами ранѣе, воеводы рѣшили дать возможность войску перевести духъ и поѣсть, а потомъ уже думали преслѣдовать татаръ и бить ихъ загоны: войска расположились въ покинутомъ татарскомъ лагерѣ, а сами воеводы поѣхали къ Григорію Темкину, тульскому воеводѣ, на обѣдъ [1]). Между тѣмъ, къ городу подходили тѣ татарскіе загоны, которые, по свидѣтельству лѣтописи, были оставлены ханомъ, поспѣшно отступившимъ [2]), и съ ними пришлось русскимъ выдержать почти подъ стѣнами Тулы ту битву, о которой разсказываетъ нашъ писатель.

2) Описывая начало осады Казани, когда русскіе вокругъ города устраивали шанцы и разставляли стѣнобитный снарядъ, Курбскій сообщаетъ, что всѣхъ пушекъ было около 150, и изъ нихъ самаго малаго размѣра была полторасаженная (стр. 19). Дѣйствительно, когда Иванъ Выродковъ построилъ 6-саженную башню, и и ее придвинули къ стѣнѣ осажденнаго города, то на верхъ ея взнесли „много наряду (по словамъ Курбскаго—10 пушекъ и 50 гаковницъ), полуторныя пищали и затинныя“ [3]).

---

[1]) Посланіе Іоанна въ Сказаніяхъ, стр. 186.

[2]) «Стоя три дни, и не дождався люди изъ загоновъ, и великомъ страхомъ побѣжа». См. Отрыв. Рус. Лѣт. въ П. С. Р. Л. т. VI, стр. 304.

[3]) Вик. Лѣт. т. VII, стр. 167; Царств. Кн. стр. 290; Льв. Лѣт. т. IV, стр. 400—401.

3) Извѣстно, что въ лѣсахъ, окружавшихъ городъ, оставалось множество казанскихъ наѣзниковъ, которые постоянно тревожили русское осаждающее войско въ то время, какъ изъ города дѣлались постоянныя вылазки [1]). По поводу этихъ вылазокъ и нападеній съ тылу Курбскій сообщаетъ, что между врагами былъ уговоръ дѣлать одновременно вылазки и нападенія изъ лѣсовъ, и сигналъ подавался знаменемъ, которое выносили или на башню, или на другое высокое въ городѣ мѣсто и махали имъ по воздуху (стр. 19). Хотя объ этомъ умалчиваютъ лѣтописи, но это сообщеніе весьма правдоподобно: мы знаемъ, что Казань со всѣхъ сторонъ была окружена русскими, и было прервано всякое сношеніе жителей города съ окружающей страною, такъ что необходимость сношеній съ лѣсными наѣзниками и нѣкотораго обмѣна мыслей естественно приводила казанцевъ къ какимъ-либо условнымъ знакамъ, въ родѣ маханія знаменемъ, о чемъ разсказываетъ нашъ писатель.

4) Постоянные наѣзды и вылазки не давали возможности, по словамъ Курбскаго, войску ни спать, ни поѣсть и крайне всѣхъ истомили; видя невозможность при такихъ условіяхъ продолжать осаду, царь, посовѣтовавшись съ боярами и воеводами, рѣшилъ раздѣлить войско на двѣ части, изъ которыхъ одна оставалась бы при орудіяхъ и охраняла шанцы, а другая отдыхала бы въ то время; далѣе, по его словамъ, рѣшили отдѣлить 30-тысячный конный отрядъ, раздѣлить его на полки и поставить въ главѣ каждаго по два-три воеводы, а также устроить 15-тысячный отрядъ стрѣльцовъ и казаковъ; главнымъ начальникомъ такимъ образомъ организованнаго отряда, которому была поручена борьба съ лѣсными наѣзниками, былъ назначенъ Александръ Горбатый (стр. 21). Хотя въ лѣтописи ничего не говорится о подобной организаціи войска, но въ ней имѣются указанія, отчасти подтверждающія это сообщеніе нашего писателя. Раздѣленіе войска на двѣ половины обнаруживается изъ росписи, по которой воеводы должны были дѣйствовать въ день приступа: „А въ Кабацкія ворота (птти) воеводамъ передового полка, на-

---

[1]) Ник. Лѣт. стр. 150, 157, 159—160; Царств. Кн. стр. 262, 272—273, 278—279; Лѣз. Лѣт. т. IV, стр. 368—369, 382—383, 386—389. «Бяше бо выѣзжаху по вся дни полки на Арское поле, хотяше бо конмъ ухищреніемъ пробитися во градъ». См. Отр. Рус. Лѣт. стр. 307.

передъ князю Дмитрію Ивановичу Хилкову, а помогать ему—боярину князю Ивану Ивановичу Пронскому, въ Збойливые борота ертаулу, напередъ князю Ѳедору (Троекурову), а помогать князю Юрью Ивановичу Шемякину; въ Елбугины ворота отъ Казанки рѣки (правой рукѣ) воеводѣ князю Андрею Михайловичу Курбскому, а помогать боярину князю Петру Михайловичу Щепятеву; въ Муралеевы ворота (сторожевому полку) воеводѣ Семену Васильевичу Шереметьеву, а помогать боярину князю Василью Семеновичу Серебряному и въ Тюменьскія ворота (лѣвой рукѣ) воеводѣ Дмитрію Михайловичу Плещееву, а помогать воеводѣ князю Дмитрію Ивановичу Микулинскому“ [1]). Изъ этой росписи обнаруживается, что всякій полкъ былъ раздѣленъ на двѣ половины, имѣя во главѣ одного изъ двухъ воеводъ. Мы знаемъ, что всякому полку во время осады было отведено опредѣленное мѣсто, и если Курбскій говоритъ, что царь „раздѣлити повелѣлъ войско все на двое; аки половину его подъ градомъ при дѣлахъ (т. е. пушкахъ) оставя, части же не малой здравія своего стрещи повелѣлъ, при шатрѣхъ своихъ“, то это нужно понимать такъ, что каждый полкъ былъ раздѣленъ на двѣ половины, и каждая изъ нихъ поочередно смѣняла одна другую. Что же касается сообщенія нашего писателя объ организаціи особаго 45-тысячнаго отряда, то оно также не подлежитъ сомнѣнію, какъ можно судить изъ того, что̀ мы узнаемъ изъ лѣтописи о дѣйствіяхъ Александра Горбатаго: начальствуя отрядомъ, въ составъ котораго входили дѣти боярскіе, головы царскаго полка, стрѣлецкіе головы, стрѣльцы, казаки съ ихъ атаманами, Мордва Темниковская и горные люди, онъ бился 30 августа на Арскомъ полѣ съ лѣсными наѣздниками, а 6 сент. ходилъ на Арскъ и острогъ [2]).

5) Въ началѣ осады, разсказываетъ Курбскій, шли такіе частые и сильные дожди [3]), что даже сухія мѣста обращались въ бо-

---

[1]) Ник. Лѣт. т. VII, стр. 173; Царств. Кн. стр. 299; Льв. Лѣт. т. IV, стр. 413.

[2]) Ник. Лѣт. т. VII, стр. 161—162, 165—166; Царств. Кн. стр. 281—283, 287—289; Льв. Лѣт. т. IV, стр. 390.

[3]) Какъ сынъ своего времени, это атмосферическое явленіе Курбскій объяснялъ дѣйствіями чаръ: «егда, пишетъ онъ, солнце начнетъ восходити, вздымутъ ва градъ, всѣмъ нимъ зрящимъ, ово престарѣвшіе ихъ мужи, ово бабы, и начнутъ вопіяти сатанинскія слова, машуще одеждами своими на войско наше и вертящеся неблагочинно; тогда абіе востанетъ вѣтръ и сочинятся сблаки, аще бы и день ясенъ зѣло начинался, и будетъ дождь» (стр. 24).

дото, и вода стояла поверхъ земли, не успѣвая всосаться или сбѣжать; рѣшили послать въ Москву и привезти крестъ, въ который была вдѣлана частица того животворящаго древа, на которомъ былъ распятъ Спаситель; когда привезли въ скоромъ времени крестъ (до Нижн. Новгорода посланные ѣхали три или четыре дня вятскими быстрыми судами, а оттуда до Москвы „пруткошественными“ подводами) и освятили воду, то установилась хорошая погода (стр. 24—25). Дѣйствительно, мы знаемъ, что, когда царь вступалъ во взятый городъ, „восія на немъ праведное солнце самое древо животворящій крестъ“ [1]). Мы даже можемъ опредѣлить приблизительно время, когда происходили эти сильные дожди, которые сухія мѣста въ болото обращали: „егда, пишетъ Курбскому царь, запасы истопиша, како, три дни стоявъ, хотѣсте во своя возвратитися“ [2]). Если припомнимъ, что, по словамъ Курбскаго, эти дожди шли „скоро по облежанію града“, а воеводы „запасы истопиша“, какъ говоритъ царь, три дня спустя, какъ приступили къ Казани, то есть основаніе предполагать, что запасы погибли во время этихъ сильныхъ дождей, начавшихся приблизительно около 23 августа, когда русскіе подступили къ городу. Какъ ни странно молчаніе нашей оффиціальной лѣтописи на этотъ счетъ, но его можно объяснить: если въ ней, какъ мы видѣли, ничего не упоминается о пріѣздѣ изъ Москвы въ началѣ сент. митрополичьяго боярина Плещеева съ письмомъ и дарами отъ митрополита Макарія [3]), то это указываетъ на существованіе въ дошедшихъ до насъ спискахъ оффиціальной московской лѣтописи извѣстнаго пропуска; и этимъ обстоятельствомъ можно объяснить молчаніе и о сильныхъ дождяхъ, и о доставленіи изъ Москвы креста, привезеннаго, можетъ быть, также въ началѣ сентября спутниками Плещеева.

6) Не останавливаясь на разборѣ обстоятельствъ взятія Казани потому, что разсказъ о нихъ Курбскаго почти не отличается отъ изложенія другихъ нашихъ источниковъ, подтверждается послѣдними и подвергнутъ былъ разбору въ первой части нашего изслѣ-

---

[1]) Ник. Лѣт. т. VII, стр. 183; Царств. Кн. стр. 113, Льв. Лѣт. т. VI, стр. 429.
[2]) Сказанія, стр. 173.
[3]) Отр. Рус. Лѣт. стр. 307.
[4]) Ник. Лѣт. т. VII, стр. 119; Царств. Кн. стр. 223; Льв. Лѣт. т. IV, стр. 311.

дованія, переходимъ къ одному очень спорному свидѣтельству. Такъ какъ оно весьма важно для характеристики Іоанна, то приведемъ его цѣликомъ: „и даша вѣдати цареви нашему, пишетъ Курбскій, и всѣмъ совѣтникомъ, окрестъ его въ тотъ часъ бывшимъ, яко и самому ему зрящу бѣгство изъ града оныхъ предреченныхъ бѣгуновъ: *и зьло ему не токмо лице измѣняшесь, но и сердце сокрушися*, уповая, иже все войско уже христіанское бусурманы изъ града изгнаша; видѣвше же сицевое, мудрые и искусные сигклитове его, повелѣша хоругвь великую христіанскую близу вратъ градскихъ, нареченныхъ царскихъ, подвигнути, и самого царя, *хотяща и не хотяща, за бразды коня взявъ, близъ хоругви поставиша*“ (стр. 28).

Курбскій въ то время былъ по другую сторону города, и поэтому самъ не могъ видѣть ни того, какъ царь оробѣлъ и измѣнился въ лицѣ, ни того, какъ „мудрые и искусные сигклитове“ брали царскаго коня подъ уздцы и ставили почти насильно у Царскихъ воротъ; если же онъ повѣрилъ разсказу другихъ, то это доказываетъ, что самъ онъ былъ невысокаго мнѣнія о храбрости и мужествѣ Іоанна или даже считалъ его трусомъ. Если припомнимъ, что Курбскій, какъ указывали мы выше, не разъ хвалилъ царя за бодрость и мужество, обнаруженныя, правда, подъ воздѣйствіемъ совѣтниковъ, въ походахъ противъ хана, то должны будемъ согласиться, что нельзя подозрѣвать его въ преднамѣренномъ извращеніи фактовъ. Обратимъ также вниманіе на то, что въ письмѣ къ Курбскому самъ Іоаннъ хвалился только своимъ ратнымъ благоразуміемъ, проявившимся подъ Казанью въ томъ, что онъ воспрепятствовалъ воеводамъ „не въ подобно время брань начати“, такъ какъ воеводы, по его словамъ, никогда не хотѣли „во многопребываніи надобна времени ждати, ниже главъ своихъ щадяще, ниже бранныя побѣды смотряще“, заботились же только объ одномъ, какъ бы поскорѣе возвратиться домой все равно съ побѣдою или пораженіемъ [1]). Если Іоаннъ ничего не говоритъ о своемъ мужествѣ и ни словомъ не обмолвился о томъ, что онъ „остановилъ бѣгущихъ“, то, по нашему мнѣнію, это служитъ подтвержденіемъ свидѣтельства Курбскаго, такъ какъ Іоаннъ былъ изъ числа тѣхъ людей, которые любятъ выставлять на

[1]) Сказанія, стр. 173.

видъ свои доблести и способны скорѣе преувеличивать значеніе своей дѣятельности, чѣмъ умалять [1]).

Довольно, кажется, и этихъ соображеній, чтобы убѣдиться въ правдивости Курбскаго, но такъ какъ всегда можетъ отыскаться защитникъ „*представителя государственной идеи*“, который захочетъ опровергнуть показаніе „*дружинника*“, то намъ остается еще обратиться къ свидѣтельству оффиціальной московской лѣтописи о поведеніи царя при взятіи Казани, не подтвердитъ ли она показаніе нашего писателя, несмотря на то, что въ ней господствуетъ обычный оффиціальнымъ лѣтописямъ хвалебный тонъ.

Царь, какъ узнаемъ изъ лѣтописи, въ походной церкви слушалъ литургію; когда діаконъ провозгласилъ послѣднюю строку въ читаемомъ евангеліи: „и будетъ едино стадо, и единъ пастырь“, взорвало подкопъ, и войска пошли на приступъ. Между тѣмъ, Іоаннъ продолжалъ слушать обѣдню, и вотъ пришелъ одинъ приближенный царскій и сказалъ: „Государь! пора тебѣ ѣхать, такъ какъ наши уже бьются съ невѣрными, а многіе полки тебя ожидаютъ“.—„Подождемъ конца служенія и получимъ совершенную милость отъ Христа“, отвѣтилъ на это Іоаннъ и остался въ церкви. И вотъ, продолжаетъ лѣтопись, пришла вторая вѣсть изъ города: необходимо царю ѣхать, чтобы воины ободрились, видя его. Царь вздохнулъ отъ глубины души, заплакалъ и сказалъ: „не остави меня, Господи Боже мой, и не отступи отъ меня, буди въ помощь мнѣ!“ Обѣдня уже кончилась; царь приложился къ образу чудотворца Сергія, причастился и вышелъ изъ церкви, когда служеніе совершенно окончилось [2]).

Разумѣется, если читаемъ далѣе въ лѣтописи: „и видѣвъ всѣ люди, яко Государь приближился къ нимъ и мужественне храбствуетъ съ ними“, но рѣшительно не видимъ изъ дальнѣйшаго разсказа, въ чемъ состояло это „мужественное храбствованіе“, а узнаемъ только, что все участіе Іоанна во взятіи Казани сводилось къ тому, что онъ приблизился

---

[1]) Къ сожалѣнію, мы не могли достать тотъ томъ «Энциклопедіи военныхъ и морскихъ наукъ», гдѣ помѣщена статья Е. Бѣлова, въ которой, по словамъ ея автора, «радикально опровергнута клевета (?) на Грознаго въ трусости подъ Казанью и показано, какъ Іоаннъ остановилъ бѣгущихъ». См. отвѣтъ Е. Бѣлова Иловайскому въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1886, № 3. стр. 224.

[2]) Ник. Лѣт. т. VII, стр. 176—177; Царств. Кн. стр. 302—304; Льв. Лѣт. т. IV, стр. 417—419.

къ воинамъ, которые „на крыляхъ взлетѣли на стѣны города“ [1]), а также если знаемъ, какъ долго онъ медлилъ приблизиться, какъ приближенные понукали его ѣхать скорѣе къ стѣнамъ города, то не имѣемъ никакого основанія сомнѣваться въ достовѣрности показанія нашего писателя.

7) Относительно возвращенія изъ-подъ Казани Курбскій сообщаетъ слѣдующія интересныя данныя: на совѣтъ объ устройствѣ новозавоеванной страны „всѣ мудрые и разумные“ совѣтовали государю провести зиму подъ Казанью для окончательнаго умиротворенія страны тѣмъ болѣе, что всякихъ запасовъ было достаточно, но царь послушался совѣта своихъ шурьевъ, уговаривавшихъ его поспѣшить въ столицу къ женѣ; спустя почти недѣлю послѣ взятія Казани, царь сѣлъ въ суда и поѣхалъ въ Нижн.-Новгородъ, а конную рать отправилъ вверхъ по Волгѣ черезъ гористую Чувашскую землю такими скверными дорогами, что почти всѣ лошади пали (у кого было сто або двѣсти коней, едва два або три вышли); по пріѣздѣ въ Нижній, гдѣ пробылъ три дня, царь распустилъ все войско по домамъ, а самъ сухопутью отправился въ столицу (стр. 33—34).

Какъ извѣстно, въ Казани Іоаннъ оставилъ тысячъ до 7 войска, подъ начальствомъ Александра Горбатаго и Василія Серебрянаго [2]), но съ такимъ количествомъ военной силы было невозможно держать въ повиновеніи только-что завоеванную страну, населеніе которой непріязненно смотрѣло на господство русскихъ; вслѣдствіе этого въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ приходилось употреблять усилія, чтобы умиротворить ее и подавить постоянно вспыхивающія тамъ возстанія. Эту ошибку понимали и царь, и бояре. Мы видѣли, что Курбскій винилъ въ этой ошибкѣ царя, послушавшагося своихъ шурьевъ, но Іоаннъ вину вскладывалъ на бояръ: „та же и войны многоподобныя, пишетъ онъ, *возвращенія ради скораго*, остависте, еже послѣдя отъ сего много пролитія крови христіанскія бысть“ [3]). Кто жъ тутъ правъ? Лѣтопись указываетъ, что виновникомъ поспѣшнаго возвращенія былъ самъ царь: „и самъ хощетъ *вборзѣ итти* въ цар-

---

[1]) Ник. Лѣт. т. VII, стр. 177; Царств. Кн. стр. 305; Льв. Лѣт. т. IV, стр. 420.
[2]) Отр. Рус. Лѣт. стр. 314.
[3]) Сказанія, стр. 173.

ствующій ему градъ Москву“ [1]). Курбскій имѣлъ также основаніе обвинять шурьевъ царя, которые, по его словамъ, не только сами „шептали въ уши“ царю, чтобы онъ поспѣшилъ къ своей царицѣ, „но и другихъ ласкателей направили съ попами“ (стр. 34). Какъ извѣстно, Іоаннъ, выступая изъ Москвы и оставляя беременную жену, просилъ митрополита заботиться о ней [2]) и могъ ожидать со дня на день, что Анастасія подаритъ его наслѣдникомъ (боярин Траханіотъ встрѣтилъ царя, при возвращеніи его изъ-подъ Казани, въ Судогдѣ, на дорогѣ между Балахною и Владиміромъ, и обрадовалъ вѣстью, что Анастасія родила ему сына) [3]), такъ что весьма естественно ему было желать возвратиться въ Москву поскорѣе къ больной женѣ. Если же мы припомнимъ, что въ іюлѣ, когда Іоаннъ находился еще въ Коломнѣ послѣ отраженія Девлетъ-Гирея, царица такъ горевала и скучала (отъ многа стуженія слезы проливающи, подобны рѣчному теченію), что разжалобила митрополита, утѣшавшаго ее, и онъ пообѣщалъ отъ себя отправить къ царю слезную просьбу возвратиться обратно [4]), то поймемъ, что шурья и попы въ дѣлѣ поспѣшнаго возвращенія Іоанна въ Москву могли играть лишь ту роль, какую имъ приписываетъ нашъ писатель. Какъ мы видѣли, Курбскій говоритъ, что царь въ Нижн.-Новгородѣ отдыхалъ три дня и распустилъ по домамъ „*воинство все*“; основываясь на этихъ словахъ его, можно сдѣлать заключеніе, что войско сопровождало Іоанна до Нижняго, гдѣ было и распущено по домамъ. Между тѣмъ, самъ царь совершенно иначе передаетъ фактъ возвращенія изъ-подъ Казани: „аки плѣнника, пишетъ онъ Курбскому, всадивъ въ судно, везяху съ малѣйшими людьми сквозѣ безбожную и невѣрную землю! Аще не бы всемогущая десница Вышняго защитила мое смиреніе, то всячески живота гонзнулъ бы“ [5]). Для разрѣшенія этого противорѣчія обратимся къ лѣтописи: „того же мѣсяца (ноября) въ 11 день, читаемъ тамъ, приговорилъ государь съ княземъ Владиміромъ Андреевичемъ и всѣми боярами—итти въ Москву:

---

[1]) Отр. Рус. Лѣт. стр. 314.

[2]) Ник. Лѣт. т. VII, стр. 119; Царств. Кн. стр. 223; Льв. Лѣт. т. IV, стр. 310—311.

[3]) Отр. Рус. Лѣт. стр. 314; Ник. Лѣт. т. VII, стр. 187; Царств. Кн. стр. 319; Льв. Лѣт. т. IV, стр. 437.

[4]) Отр. Рус. Лѣт. стр. 305.

[5]) Сказанія, стр. 165.

самому государю итти Волгою въ судахъ, а конную рать, подъ начальствомъ слуги и воеводы князя Михаила Ивановича Воротынскаго съ товарищами, отпустить на Васильгородъ берегомъ" [1]). Такимъ образомъ, какъ можно заключить изъ этого свидѣтельства, пѣшее ополченіе отправилось также въ ушкулахъ вмѣстѣ съ государемъ и было, по словамъ Курбскаго, въ Нижнемъ распущено по домамъ. Одно только обстоятельство въ разсказѣ о возвращеніи въ Москву, мы говоримъ о погибелѣ лошадей въ той конной рати, которая была отправлена черезъ горную Чувашскую страну на Васильгородъ, не находитъ себѣ подтвержденія въ лѣтописи, но молчаніе ея на этотъ счетъ не даетъ намъ права сомнѣваться въ правдивости свидѣтельства Курбскаго о погибели лошадей, такъ какъ, если мы не встрѣчаемъ подтвержденія, то, съ другой стороны, не знаемъ данныхъ противоположнаго свойства, т. е. такихъ, которыя опровергали бы или даже набрасывали тѣнь подозрѣнія на это свидѣтельство [2]).

8) Разсказывая о набѣгѣ въ іюнѣ 1555 года крымскаго хана на одоевскія украйны совершенно согласно съ лѣтописью [3]), Курбскій сообщаетъ интересныя подробности о ходѣ Судьбищенской битвы, которыхъ не находимъ въ лѣтописи: Шереметевъ, выслѣдивший появленіе въ степи крымскихъ ордъ, шелъ по ихъ слѣдамъ, но, противъ его ожиданій, ханъ, испуганный вѣстями о движеніи къ Тулѣ царя, поспѣшно началъ отступать въ степи и около полудня въ среду наткнулся на его отрядъ; завязалась битва, продолжавшаяся съ нѣкоторымъ даже успѣхомъ для русскихъ до самой ночи; ханъ собирался уже отступать поскорѣе дальше, въ глубь степей, но, къ несчастью, крымцы взяли въ плѣнъ двухъ дѣтей боярскихъ, одинъ изъ которыхъ разсказалъ, что у Шереметева войска мало и то четвертая часть послана на ханскій кошъ; получивъ такія свѣдѣнія, ханъ въ четвергъ снова атаковалъ русскихъ; русскіе бились храбро,

---

[1]) Ник. Лѣт. т. VII, стр. 186; Царств. Кн. стр. 317; Льв. Лѣт. т. IV, стр. 435. См. также Отеч. Зап. часть 44, стр. 88.

[2]) Не можемъ удержаться отъ необходимаго замѣчанія. С. Горскій (стр. 252) сомнѣвается въ правдивости свидѣтельства Курбскаго о погибели лошадей, основываясь на томъ, что Іоаннъ въ рѣчи къ митрополиту, по прибытіи въ Москву, говорилъ, что «всѣ пришли здравы», но онъ упустилъ изъ виду два обстоятельства: 1) что царь говорилъ о людяхъ, а не о лошадяхъ и 2) могъ говорить лишь о благополучномъ прибытіи своихъ спутниковъ, такъ какъ спѣшилъ въ столицу и прибылъ туда, разумѣется, ранѣе какой бы то ни было рати.

[3]) Ник. Лѣт. т. VII, стр. 241—243; Льв. Лѣт. т. V, стр. 87—92.

и крымцы даже обратились въ бѣгство, но видя, что ханъ съ отрядомъ янычаръ выдерживаетъ натискъ, поворотили назадъ и снова бросились въ бой; въ самый разгаръ сѣчи Шереметевъ раненый былъ сбитъ раненымъ же конемъ; лишившись начальника, русскіе смѣшались и были разбиты на голову: много было убито, взято въ плѣнъ или разбѣжалось, и только двухтысячный отрядъ окопался и успѣлъ отразить всѣ приступы хана, поторопившагося, въ виду приближенія царя, отступить (стр. 44—45).

9) Среди изложенія разныхъ событій 1560 года въ лѣтописи встрѣчаемъ такое краткое и неопредѣленное извѣстіе: „а царю (т. е. хану) крымскому съ ногаи, сказываютъ, *рознь великая, и голодъ въ Крымѣ великой*“ [1]). Брошенное мимоходомъ, это извѣстіе при своей неопредѣленности почти не привлекаетъ вниманія изслѣдователя; но благодаря Курбскому узнаемъ какъ подробности этого дѣла, такъ и степень важности этого извѣстія. Какъ оказывается, была студеная зима, и весь почти скотъ у заволжскихъ ногаевъ погибъ, а затѣмъ, съ наступленіемъ лѣтняго времени, и сами они стали гибнуть отъ голода: „живятся млекомъ... а хлѣбъ тамо а ни имянуется“; нѣкоторая часть ногаевъ двинулась въ Крымъ; по дорогѣ туда они гибли, такъ какъ отъ жары и бездождія пересохли всѣ рѣчки и приходилось копать три сажени вглубь, чтобы добыть воды; крымцы, однако, прогнали ногайцевъ, ибо въ самой крымской ордѣ отъ мора сохранилось едва 10 тыс. коней (стр. 55).

10) Какъ мы видѣли выше, Курбскій подробно изложилъ событія похода 1560 г., когда онъ самъ былъ главнокомандующимъ, между тѣмъ, какъ въ лѣтописи относительно этого похода встрѣчаемъ лишь нѣсколько строкъ: „того же лѣта, послѣ Тройцына дня, ходили воевать князь Андрей Курбскій да князь Петръ Горенскій и иные воеводы, и воевали много нѣмецкой земли; и приходили на нихъ нѣмцы отъ Колывани, и они побили нѣмцевъ“ [2]).

11) Что же касается рѣчи Филиппа фонъ-Белля (стр. 64—66), въ которой проводилась та мысль, что всѣ бѣды постигли Ливонію послѣ того, какъ рыцари „отступили отъ вѣры церковной и дерзнули ниспровергнуть законы и уставы святые, принявъ вѣру но-

---

[1]) Льв. Лѣт. т. V, стр. 308.

[2]) Псков. Перв. Лѣт. стр. 311—312.

вонзобрѣтенную", то слѣдуетъ сказать, что невольно вспоминается сочиненіе Бреденбаха, который проводитъ ту же самую мысль въ своей „Исторіи ливонской войны" [1]), въ виду чего нельзя сомнѣваться въ автентичности самой рѣчи и видѣть какую-либо подражательность древнимъ историкамъ, которые вводили въ свое изложеніе рѣчи, никѣмъ никогда непроизносимыя.

Представляя военныя событія за извѣстный промежутокъ времени во всемъ, если не считать отмѣченныхъ нами неточностей, преимущественно, хронологическаго характера, согласно съ другими нашими источниками, и дополняя ихъ, какъ можно видѣть изъ нашего разбора, совершенно правдиво лишь въ вышеприведенныхъ пунктахъ, изложеніе Курбскаго въ этой части заслуживаетъ полнаго вниманія и довѣрія со стороны историка и можетъ служить къ провѣркѣ и устраненію разногласій другихъ источниковъ.

Чтобы не показалась эта послѣдняя мысль голословною, остановимся хотя бы на разсказѣ о взятіи Дерпта.

Рюссовъ, разсказывая о взятіи Дерпта, передаетъ, что „московитъ ни разу не выстрѣлилъ и не поранилъ ни одного человѣка", а горожане сдались 18 іюня (1558 г.) только изъ большого страха и легкомыслія [2]), но жившій въ то время въ Дерптѣ Нienштедтъ говоритъ буквально слѣдующее: „врагъ, между тѣмъ, повыстроилъ шанцы одинъ другого крѣпче и началъ уже проламывать городскіе валы стрѣльбою, а всѣ люди отъ безпрестаннаго бодрствованія и стражи были измучены и совсѣмъ обезсилены" [3]). То же самое подтверждаетъ и Бреденбахъ (pp. 20—27), писавшій свою „Исторію ливонской войны" по разсказамъ Филиппа Ольмена, бывшаго въ Дерптѣ каноникомъ [4]). Уже одно то соображеніе, что Рюссовъ жилъ въ Ревелѣ и писалъ, значитъ, о взятіи Дерпта по разсказамъ другихъ лицъ, заставляетъ отдать предпочтеніе сообщенію Нienштедта

---

[1]) См. въ I томѣ Старчевскаго Scr. Ext. это небольшое сочиненіе (25 pp.) Tilemanni Bredenbachii et Philippi Olmeni, озаглавленное Belli Livonici Historia.

[2]) Прибл. Сборн. т. II, стр. 367.

[3]) Прибл. Сборн. т. IV, стр. 17.

[4]) Самъ Бреденбахъ говоритъ, что пишетъ по разсказамъ Ольмена: «D. Philippus, qui haec omnia mihi communicavit, Torpati cum praesentibus equestris Ordinis viris jam grandaevis sermones contulit, qui haec se vidisse et praelio interfuisse referebant» (p. 16), а въ другомъ мѣстѣ указываетъ, кто былъ Ольменъ: «vidit venerandus vir D. Philippus Olmen, quondam Metropolitanae Ecclesiae Torpatensis stipendiarius Canonicus, nunc Ecclesiastes Ressensis (p. 20).

и Бреденбаха, изъ которыхъ одинъ самъ былъ въ городѣ во время осады, а другой писалъ по разсказамъ Дерптскаго каноника. Какъ оказывается, Курбскій въ описаніи осады Дерпта какъ будто повторяетъ Ніенштедта: „Егдаже уже, пишетъ онъ, мы стѣны мѣскія (городскія) изъ великихъ дѣлъ (пушекъ) разбихомъ, также изъ верхнихъ дѣлъ стрѣляюще, ово огнистыми кулями (ядрами), ово каменными, немалую тщету въ людѣхъ сотворихомъ; тогда они начали роковати (переговоры) съ нами“ (стр. 52).

III) Мы указывали выше главную мысль, проходящую черезъ всю „Исторію Князя Великаго Московскаго“, указывали также на цѣль, которую поставилъ себѣ авторъ ея въ самомъ началѣ своего произведенія: изложивъ обстоятельства возвышенія новой партіи, отмѣтивъ фактъ нравственнаго перерожденія царя, Курбскій охарактеризовалъ благотворную перемѣну въ управленіи государствомъ и описалъ рядъ счастливыхъ войнъ, которыя велъ царь въ первый періодъ своего царствованія, когда около него находились „добрые и правду совѣтующіе“. Такимъ изложеніемъ Курбскій процвѣтаніе Россіи и славныя дѣла первой половины Іоаннова царствованія поставилъ въ связь и причинную зависимость отъ факта вліянія на государственныя дѣла той партіи Сильвестра и Адашева, къ которой онъ самъ принадлежалъ. Какъ только эта связь и причинная зависимость была установлена, онъ приступилъ къ объясненію происшедшей съ Іоанномъ перемѣны и этимъ закончилъ первую часть своего сочиненія.

Соловьевъ, приводя разсказъ Курбскаго о перемѣнѣ съ царемъ, оговаривается, что не ручается за достовѣрность его свидѣтельства [1]). Чтобы убѣдиться, насколько справедливо недовѣрчивое отношеніе къ этому свидѣтельству, слѣдуетъ подвергнуть его критическому разбору.

Исторія перемѣны съ царемъ у Курбскаго распадается на двѣ части: въ первой онъ излагаетъ зародыши разрыва и охлажденія Іоанна къ Сильвестру и Адашеву, а во второй разсказываетъ, какъ произошелъ этотъ разрывъ.

1) Когда царь, по словамъ Курбскаго, оправился послѣ болѣзни, то рѣшилъ ѣхать на богомолье въ Кирилловъ монастырь. На треть-

---

[1]) Соловьевъ, т. VI, стр. 184.

ей или четвертой недѣлѣ послѣ Пасхи онъ съ царицею и малолѣтнимъ сыномъ тронулся въ путь. Достигнувъ Троицко-Сергіевскаго монастыря, отдыхалъ тамъ три дня: „бо еще былъ не зѣло оздравѣлъ“. Находившійся въ этомъ монастырѣ Максимъ Грекъ, отговаривая царя отъ задуманнаго далекаго путешествія, особенно съ женою и маленькимъ сыномъ, говорилъ ему: „Если ты далъ обѣтъ ѣхать туда, чтобы умолить святого Кирилла предстательствовать (за тебя) передъ Богомъ, то такіе обѣты неразумны (съ разумомъ не согласуютъ), и вотъ почему: когда ты завоевывалъ прегордое и сильное бусурманское царство (т. е. Казань), тогда пало множество храбраго христіанскаго войска, мужественно подвизающагося за православіе, а теперь ихъ жены и дѣти оспротѣвъ, матери же обезчадѣвъ проводятъ жизнь въ слезахъ и скорбяхъ, и вмѣсто того, чтобы исполнять неразумные обѣты, гораздо лучше ты сдѣлаешь, если прикажешь всѣхъ этихъ несчастныхъ собрать въ столицу и утѣшить позаботившись объ обезпеченіи ихъ существованія. Богъ, продолжалъ Максимъ, вездѣсущъ, все исполняетъ и всюду зритъ недремлющимъ своимъ окомъ... и святые его внимаютъ молитвамъ нашимъ, взирая не на мѣсто, гдѣ онѣ приносятся (не по мѣсту объятія молитвамъ внимаютъ), а на добрую волю и власть нашу надъ собою. Если, добавлялъ онъ, послушаешься меня, здоровъ и многолѣтенъ будешь съ женою и сыномъ“. Однако, царь продолжалъ твердить только: „ѣхати да ѣхати ко святому Кириллу“; и нѣкоторые монахи поддерживали его, хваля усердіе. Видя эту настойчивость Іоанна, презрѣвшаго его совѣтъ и устремившагося ко „ѣханію безгодному“, Максимъ, по словамъ Курбскаго, высказался въ духѣ пророческомъ: „Если не послушаешься меня, совѣтующаго тебѣ по Богѣ, забудешь кровь мучениковъ, избитыхъ погаными за православіе, презришь слезы спротъ и вдовъ и поѣдешь съ упрямствомъ, такъ знай, что сынъ твой умретъ и не возвратится оттуда живъ; если же послушаешься и воротишься, здоровъ будешь какъ самъ ты, такъ и сынъ твой“. Эти слова Іоанну передали его спутники (протопопъ Андрей, Иванъ Мстиславскій, Алексѣй Адашевъ и нашъ авторъ), но желаніе ѣхать къ Кириллу пересилило, и царь поѣхалъ на Дмитровъ, а оттуда въ Песношскій монастырь, лежащій при рѣкѣ Яхромѣ, гдѣ были приготовлены суда для дальнѣйшаго путешествія. Въ Песношскомъ монастырѣ, продолжаетъ свой

разсказъ Курбскій, проживалъ бывшій Коломенскій епископъ Вассіанъ Топорковъ, іосифлянинъ по убѣжденіямъ, любимецъ и приближенный Іоаннова отца, лишенный сана „не токмо по совѣту всѣхъ сигклитовъ, но и всенароднѣ“. Зная, что Вассіанъ былъ „единосовѣтенъ и во всемъ угоденъ и согласенъ“ его отцу, царь посѣтилъ его, разговаривалъ съ нимъ въ его келліи и спросилъ: „Како бы могль добрѣ царствовати и великихъ и сильныхъ своихъ въ послушествѣ имѣти?“ Вассіанъ, по словамъ Курбскаго, отвѣтилъ: „Если хочешь быть самодержцемъ, не держи при себѣ ни одного совѣтника, который умнѣе тебя самого, такъ какъ ты глава всѣмъ; и тогда будешь твердъ на царствѣ и все будешь имѣть въ рукахъ своихъ. Если же будешь имѣть при себѣ людей умнѣе себя, то по необходимости будешь послушенъ имъ“. Выслушавъ этотъ совѣтъ, который чрезвычайно пришелся ему по душѣ, царь поцѣловалъ руку Вассіана: „если бы, сказалъ при этомъ онъ, живъ былъ мой отецъ, то такого полезнаго совѣта не далъ бы мнѣ“. Отъ этого „сатанинскаго силлогизма“, какъ выражается Курбскій, произошла вся бѣда: Вассіанъ Топорковъ „въ сердце царя христіанскаго всѣялъ, по его словамъ, такую безбожную искру, отъ которой во всей святорусской землѣ возгорѣлся лютый пожаръ“; авторъ же этого сатанинскаго силлогизма можетъ быть названъ не топоромъ, т. е. малою сѣкирою (игра словъ), а широкою и большою сѣкирою, уничтожившей „благородныхъ и славныхъ мужей въ великой Россіи“, ибо царь, погубившій ихъ и множество простонародья, былъ имъто „прелютостію напоенъ“. Напившись, по выраженію Курбскаго, смертоноснаго яда отъ этого епископа, царь Яхромою спустился до Волги и Волгою до Шексны, этою же послѣднею поднялся до Бѣлоозера, гдѣ стоитъ Кирилловъ монастырь. По дорогѣ туда, когда плыли Шексною, умеръ малолѣтній сынъ царя (стр. 34—38; 40—41).

Лѣтопись вполнѣ согласна съ Курбскимъ въ описаніи маршрута этого кирилловскаго объѣзда, совершеннаго царемъ въ маѣ мѣсяцѣ 1553 г.[1]), но только говоритъ, что царевичъ умеръ при обратномъ путешествіи, когда царь ѣхалъ уже въ Москву.

---

[1]) Ник. Лѣт. т. VII, стр. 102—103; Льв. Лѣт. т. V, стр. 12—13.

Соловьевъ отмѣтилъ, что слова Максима Грека Іоанну о путешествіи вполнѣ согласуются съ его взглядами, выраженными въ его сочиненіяхъ [1]), но слѣдуетъ еще прибавить, что царь уважалъ Максима: „явись, писалъ Іоаннъ послѣднему по поводу ереси Матвѣя Башкина въ 1554 г., споспѣшникомъ и ревнителемъ благочестія, умножь данный тебѣ Богомъ талантъ и пришли ко мнѣ писаніе противъ нынѣшней ереси. Какъ мы слышали, продолжаетъ царь, ты оскорбляешься, предполагая, что мы, приглашая къ этому, считаемъ тебя единомышленникомъ Матвѣя, но совершенно напротивъ: какъ можно вѣрнаго сравнить съ невѣрнымъ? а ты оставь сомнѣнія, умножь данный тебѣ талантъ и не оставь насъ писаніемъ“ [2]).

Если послѣ кирилловскаго объѣзда царь считалъ необходимымъ пригласить Максима къ участію въ соборѣ на Матвѣя Башкина (въ январѣ 1554 года) [3]), а узнавъ, что онъ обижается этимъ приглашеніемъ, видя въ немъ косвенное обвиненіе въ сочувствіи къ новой ереси, пишетъ ему длинное посланіе, излагаетъ въ этомъ посланіи свое вѣроученіе, согласное съ ученіемъ св. церкви, успокаиваетъ огорченнаго старца и повторяетъ приглашеніе умножить данный талантъ, явиться ревнителемъ и поборникомъ православія [4]), то это служитъ наилучшимъ доказательствомъ, какъ высоко цѣнилъ царь высокообразованнаго старца, указывая также на то, что послѣдній могъ говорить съ царемъ учительно, и тотъ этимъ не обижался.

Соловьевъ колеблется признать фактомъ слова Вассіана царю: „такъ, замѣчаетъ онъ, по мнѣнію Курбскаго съ товарищами, долженъ былъ говорить монахъ Іосифова монастыря, любимецъ великаго князя Василія, единомышленникъ митрополита Даніила; и догадка ихъ могла быть справедлива; говоримъ—догадка, ибо шепчутъ на ухо не для того, чтобъ другіе слышали“ [5]). Проф. И. Ждановъ основательно возражаетъ Соловьеву, и намъ остается привести его собственныя слова: „Что разсказъ Курбскаго о бесѣдѣ царя съ Вассіаномъ не былъ вымысломъ или догадкой его, это доказывается тѣмъ, что слова Коломенскаго епископа Курбскій не только приводитъ въ своей „Исто-

---

[1]) Соловьевъ, т. VI, стр. 187.
[2]) Акт. Ист. т. I, № 161.
[3]) См. Акт. Арх. Эксп. т. I, №№ 238—239.
[4]) См. это посланіе въ Акт. Ист, т. I, № 161.
[5]) Соловьевъ, т. VI, стр. 188.

ріи", но рѣшается припомнить ихъ и въ посланіи къ самому Ивану: „А что во истину сану царскому надлежитъ или достоитъ, сирѣчь судъ праведный и оборона, се уже подобно исчезло за молитвою и совѣтомъ прелукавыя четы Осифлянскія Васьяна Топоркова, *иже ти совѣтовалъ и шепталъ во ухо не держати мудрѣйшіе роды при себѣ* и другихъ таковыхъ совѣтниковъ твоихъ, вселукавыхъ мниховъ и мірскихъ". Выраженіе „шепталъ въ ухо" нѣтъ надобности понимать совершенно буквально" [1]).

Курбскій, называя Вассіана „великимъ похлѣбникомъ" отца Іоаннова, говоритъ, что его изгнали „не токмо по совѣту всѣхъ епископовъ, но и всенародно" (стр. 37).

Дѣйствительно, изъ Царственной Книги извѣстно, что Вассіанъ былъ человѣкомъ особенно близкимъ великому князю Василію: съ нимъ, между прочимъ, послѣдній совѣтовался о принятіи схимы, и онъ принималъ извѣстное участіе въ приготовленіяхъ къ этому обряду [2]). Какъ мы видѣли, Курбскій глухо говоритъ о недовольствѣ противъ Вассіана простого народа; немного даетъ свѣдѣній объ этомъ лѣтопись, въ которой читаемъ: „того же лѣта (въ концѣ іюня 1542 г.; 2 іюля Макаріемъ былъ уже поставленъ новый епископъ Ѳеодосій) оставилъ епископію Вассіанъ Коломенскій" [3]).

Объ этомъ темномъ дѣлѣ Соловьевъ выражается такъ: „Вассіанъ Топорковъ, монахъ Іосифова Волоколамскаго монастыря, въ слѣдствіе особеннаго расположенія великаго князя Василія къ этому монастырю и лично къ Вассіану, былъ въ 1525 г. возведенъ на Коломенскую епископію, оставался вѣренъ преданію своего монастыря, дѣйствовалъ за одно съ митрополитомъ Даніиломъ, возбудилъ противъ себя ненависть людей, думавшихъ одинаково съ Патрикѣевыми и Курбскими, и въ 1542 году тотчасъ послѣ вторичнаго торжества Шуйскихъ долженъ былъ оставить епископію и удалиться въ Пѣсношскій монастырь" [4]).

Возможно ли ставить оставленіе Вассіаномъ епископіи въ связь съ низложеніемъ митрополита Даніила и утверждать, что оставленіе

---

[1]) Н. Ждановъ, «Матеріалы для исторіи стоглаваго собора» въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1876 г. № 8, стр. 217, прим. 3.

[2]) Царств. кн. стр. 12—14.

[3]) Ник. лѣт. т. VII, стр. 37; Царств. кн. стр. 99; Льв. лѣт. т. IV, стр. 158.

[4]) Соловьевъ, т. VI, стр. 187.

епископіи произошло тотчасъ послѣ вторичнаго торжества Шуйскихъ, какъ дѣлаетъ Соловьевъ, т. е. кто болѣе правъ Курбскій, современникъ этихъ событій, или ученый XIX вѣка. На эти вопросы найдемъ отвѣтъ въ нашихъ лѣтописяхъ. Митрополитъ Даніилъ былъ „сведенъ съ митрополіи“ бояриномъ Иваномъ Шуйскимъ и его совѣтниками въ февралѣ 1539 г. за то, что сочувствовалъ Бѣльскому (такому же потомку Гедимина, какъ и Патрикѣевы) и Тучкову (дѣду Курбскаго) и посланъ въ Волоколамскій монастырь, на свое постриженіе [1]), а на его мѣсто поставленъ былъ Іоасафъ, сосланный Шуйскими въ январѣ 1542 г. въ Кирилловъ монастырь за то, что держалъ сторону Бѣльскаго, врага Шуйскихъ [2]). Между тѣмъ, Вассіанъ Топорковъ продолжалъ оставаться епископомъ, его не тронули Шуйскіе ни въ 1539, ни въ 1542 году. Рѣшительно не видимъ никакой возможности ставить оставленіе епископіи Вассіаномъ въ зависимость отъ январьскаго переворота 1542 года и вражды къ нему Шуйскихъ послѣ того, какъ узнаемъ, что онъ въ числѣ другихъ епископовъ принималъ участіе въ поставленіи митрополита Макарія въ мартѣ 1542 г., т. е. черезъ два мѣсяца послѣ низверженія Бѣльскаго и удаленія Іоасафа [3]); а лишь въ концѣ іюня произошло оставленіе имъ епископіи. Любопытно обратить также вниманіе на то, что лѣтописецъ, упоминая объ этомъ событіи, говоритъ, что Вассіанъ „*оставилъ* епископію“, указывая этимъ какъ бы на добровольное удаленіе, тогда какъ о насильственныхъ низверженіяхъ Даніила и Іоасафа онъ выражается иначе: первый, по его словамъ, былъ „сведенъ“ бояриномъ Шуйскимъ и его совѣтниками, а второго бояре „*сослали*“.

Всѣ эти факты, опровергая предположеніе Соловьева о немедленномъ удаленіи Вассіана Топоркова послѣ вторичнаго торжества Шуйскихъ, исключаютъ также возможность видѣть въ немъ жертву боярской партіи: трудно предположить, чтобы своевольная и не останавливающаяся ни передъ какими насиліями партія Шуйскихъ терпѣла въ теченіе 6 мѣсяцевъ нежелательнаго или непріязненнаго чело-

---

[1]) Льв. лѣт. т. IV, стр. 115; Ник. лѣт. т. VII, стр. 19; Царств. кн. стр. 76.

[2]) Ник. лѣт. т. VII, стр. 33—34; Царств. кн. стр. 100—102; Льв. лѣт. т. IV, стр. 152—154.

[3]) Ник. лѣт. т. VII, стр. 35; Царств. кн. стр. 104—105; Льв. лѣт. т. IV, стр. 155—156.

вѣка на Коломенской епископіи и не только терпѣла, но позволяла принимать участіе въ торжественномъ возведеніи на митрополію Новгородскаго епископа Макарія, ихъ кандидата. Правдоподобнѣе всего, что Вассіанъ, какъ намекаетъ Курбскій, своими дѣйствіями вызвалъ недовольство своей паствы и вынужденъ былъ „оставить епископію“.

Итакъ, *фактическая* сторона изложенія Курбскаго о Кирилловскомъ объѣздѣ и обстоятельствахъ его заслуживаетъ полнаго довѣрія и вниманія со стороны изслѣдователя.

Наконецъ, представивъ объясненіе, что понуждало Максима Грека отговаривать царя отъ путешествія въ Кирилловъ монастырь, и разобравъ вопросъ, правъ ли былъ Курбскій, когда видѣлъ въ совѣтѣ Вассіана зародыши разрыва съ Сильвестромъ и Адашевымъ, мы представимъ критическое разсмотрѣніе этой части сочиненія въ должной полнотѣ.

Арцыбашевъ, приводя цѣликомъ разсказъ Курбскаго о совѣтѣ Максима Грека возвратиться обратно въ Москву и его пророчествѣ, говоритъ: „Изъ этого примѣтенъ заговоръ: удержать царя отъ свиданія съ Топорковымъ, противникомъ власти любимцевъ царскихъ и вельможъ“ [1]), а Соловьевъ думаетъ, что „Максимъ Грекъ старался оказать единомышленникамъ Вассіана (Патрикѣева) послѣднюю услугу, отвращая Іоанна отъ поѣздки въ Кирилловъ монастырь, отъ свиданія съ ученикомъ Іосифа Волоцкаго“ (Вассіаномъ Топорковымъ) [2]).

Правда, Максимъ Грекъ, какъ мы указывали выше, былъ приверженецъ идей Нила Сорскаго о нестяжательности монаховъ и не могъ питать дружелюбія къ Вассіану Топоркову, который игралъ роль его обвинителя на соборѣ 1531 года и былъ послѣдователемъ Іосифа Санина, защитника монастырскихъ владѣній; вѣрно также и то, что Максимъ былъ другомъ Сильвестра [3]), но все это не даетъ еще основанія видѣть въ его словахъ заговоръ. Припомнимъ, что царь, по словамъ Курбскаго, собрался „на долгій путь“, но еще не вполнѣ оправился отъ болѣзни (былъ не зѣло оздравѣлъ), а дѣло происхо-

---

[1]) Арцыбашевъ, кн. IV, отд. I, прим. 1321.

[2]) Соловьевъ, т. VI, стр. 184.

[3]) См. письмо Максима къ Сильвестру въ статьѣ архим. Леонида, стр. 31—32 (Чт. Моск. Общ. Ист. 1874, № 1). Оно начиналось такъ: «Честнѣйшему во іереяхъ Вышняго, и всякими цвѣты добродѣтельными преукрашенному, и во искуствѣ и разумѣ Богодухновенныхъ Писаній изящному разсудителю, Господину Селивестру и благодѣтелю моему.... челомъ бью до земли».

дило раннею весною, въ началѣ мая, такъ что при этихъ условіяхъ было „ѣханіе безгодное“ особенно, когда приходилось ѣхать на сѣверъ и по водѣ.

Человѣку, вооружающемуся противъ приверженности къ внѣшности и привыкшему говорить съ царемъ учительно [1]), вполнѣ приличествовало и было естественно отговаривать отъ путешествія въ далекій Кирилловъ монастырь. Если была бы хотя тѣнь заговора въ поведеніи Максима Грека, то невольно возникло бы подозрѣніе въ душѣ наклоннаго къ подозрительности царя особенно послѣ свиданія и разговора съ Вассіаномъ Топорковымъ, завѣдомымъ врагомъ всѣхъ нестяжателей и въ томъ числѣ Максима Грека. Между тѣмъ, оказывается, что благосклонность царя *ни мало не уменьшилась* къ послѣднему: послѣ Кирилловскаго объѣзда царь, услышивъ, что Максимъ обижается, пишетъ, какъ мы указывали, ласковое письмо къ нему, излагаетъ свое вѣроученіе и проситъ написать трактатъ противъ ереси Башкина.

Видя зародышъ охлажденія Іоаннова „къ добрымъ и правду совѣтующимъ“ въ совѣтѣ Вассіана, „всѣявшаго въ сердце царя христіанскаго такую безбожную искру, отъ которой возгорѣлся во всей свято-русской землѣ лютый пожаръ“, Курбскій лишь вскользь упоминаетъ о болѣзни царя. Хотя нельзя, конечно, отрицать, что совѣтъ Топоркова долженъ былъ произвести свое вліяніе на царя и способствовать его охлажденію къ нимъ, но начало разрыва съ Сильвестромъ и Адашевымъ слѣдуетъ искать въ событіяхъ, происходившихъ во время болѣзни Іоанна.

Могущественная партія Сильвестра и Адашева, какъ мы отмѣтили въ первой части нашего изслѣдованія, держалась во время болѣзни царя крайне предосудительно и скомпроментировала себя въ его глазахъ, и съ этого времени начинается остуда.

Дѣйствительно, когда въ январѣ 1554 г., т. е. черезъ 10 мѣсяцевъ послѣ болѣзни царя, возникло дѣло объ ереси Матвѣя Баш-

---

[1]) Незадолго до поѣздки царя въ Кирилловъ монастырь Максимъ ему писалъ: «Истинный царь и самодержецъ тотъ, кто правдою и благозаконіемъ старается устроить житейскія дѣла подручниковъ своихъ, старается побѣдить безсловесныя страсти и похоти души своей т. е. ярость, гнѣвъ напрасный.... Разумъ не велитъ очи блудно наслаждать чужими красотами, преклонять слухъ къ пѣснямъ непристойнымъ и къ клеветамъ, по зависти творимымъ». Соловьевъ, т. VI, стр. 185.

кина, а въ связи съ нимъ вопросъ о правовѣріи бывшаго Троицкаго игумена Артемія, и дьякъ Иванъ Висковатый подалъ собору докладную, въ которой обвинялъ попа Сильвестра въ томъ, что онъ изъ Благовѣщенскаго собора „образы старинные выносилъ, а новые своего мудрованія поставилъ", то послѣдній поспѣшилъ подать собору челобитную, доказывая въ ней, что въ новонаписанныхъ подъ его руководствомъ иконахъ не было никакого „мудрованія", и при этомъ старательно отстранялъ отъ себя даже тѣнь подозрѣнія, что онъ состоялъ въ какихъ-либо сношеніяхъ съ Башкинымъ.

Содержаніе челобитной „попа Селиверстишки", какъ онъ себя именуетъ, указываетъ, что дьякъ Висковатый, подымая вопросъ объ иконахъ, хотѣлъ также возбудить подозрѣніе въ правовѣріи Сильвестра, указывая на существующее будто бы единомысліе его съ еретикомъ Башкинымъ: „Башкинъ, писалъ дьякъ, съ Артеміемъ и Семеномъ совѣтенъ, а Сильвестръ съ Артеміемъ и Семеномъ совѣтенъ" [1]).

Какъ бы мы ни смотрѣли на предположеніе архимандрита Леонида, считающаго доносъ Висковатаго дѣломъ цѣлой партіи, искавшей случая ускорить паденіе знаменитаго мужа [2]), но самый фактъ возникновенія доноса для насъ служитъ яснымъ указаніемъ, что вліяніе Сильвестра при дворѣ начало колебаться со времени болѣзни Іоанновой.

Въ отвѣтъ на просьбу князя Александра Горбатаго печаловаться за него передъ государемъ, Сильвестръ, вѣроятно, вскорѣ послѣ болѣзни Іоанна писалъ ему: „Но, Господине, не имѣю о тебѣ къ кому о семъ ходатайствомъ что сотворити, токмо долженъ у Бога полезныхъ о тебѣ просити" [3]).

---

[1]) Акты Арх. Экси. т. I. № 238; Жалобница Сильвестра въ ст. архим. Леонида, стр. 25.

[2]) Ст. архим. Леонида, стр. 29; см. также нашу ст. «Московскій архивъ», стр. 13—14.

[3]) См. эту отписку въ приложеніяхъ къ статьѣ архим. Леонида, стр. 101 въ Чт. Моск. Общ. Ист. 1874, кн. I. Въ самой отпискѣ не названо лицо, которому она писана, но такъ какъ она въ рукописи слѣдуетъ непосредственно за письмомъ къ князю Горбатому, то это обстоятельство вызываетъ догадку, что ему же писана утѣшительная отписка, тѣмъ болѣе, что въ послѣдней, какъ и въ первомъ, къ получателю посланія Сильвестръ обращается съ однимъ и тѣмъ же словомъ: «любимиче», а его прошлую жизнь характеризуетъ такими чертами, которыя вполнѣ подходятъ къ Александру Горбатому: «въ прежнія времена и великое страшное Царьское наказаніе было: отлученіе Царьскихъ очей и всякого ближняго совѣта, и отнятіе дому, и взятіе всякаго стяжанія и отосланіе въ далечныя страны. Тебѣ же, продолжаетъ Сильвестръ, любимиче, впавшему въ такая великая неизреченныя скорби, ни единою жъ, ни дважды, но и у смертнаго часу въ наказаніи у казни бывающу» (стр. 100). Припомнимъ, что Александръ Горбатый

Видѣлъ паденіе своего авторитета попъ Сильвестръ; чувствовали это его единомышленники и страшились справедливаго гнѣва Іоаннова. Правда, послѣ выздоровленія царь опалы ни на кого не клалъ, какъ будто забылъ все случившееся и даже награждалъ такихъ лицъ (Ѳеодора Адашева и Семена Ростовскаго), которыя за свое поведеніе во время его болѣзни и ослушаніе его воли заслуживали наказанія; но бояре, сторонники Сильвестра и Адашева, чувствовали свою вину передъ царемъ, а въ памяти всѣхъ было свѣжо дѣло Воронцовыхъ и Кубенскаго: помнили, что Іоаннъ долго таилъ свое неудовольствіе; знали, съ какою радостью онъ ухватился за подходящій случай, какъ только онъ представился, чтобы жестоко расправиться съ самовластными боярами. Замѣчательное сходство тогдашнихъ обстоятельствъ и отношеній съ теперешними вызывало невольно на сравненіе, наводило на тяжелыя думы и заставляло страшиться за ближайшее будущее: тогда Глинскіе, ближайшіе родственники молодого государя, не могли быть довольны тѣмъ, что власть въ государствѣ захватили Воронцовы, вслѣдствіе чего, вѣроятно, воору-

---

принималъ живое участіе въ боярскихъ смутахъ во время малолѣтства Іоанна и подвергался, вѣроятно, неоднократно опаламъ: по крайней мѣрѣ, знаемъ, что въ началѣ октября 1545 года на него вмѣстѣ съ другими государь положилъ опалу, а въ декабрѣ, по печалованію митрополита, простилъ всѣхъ опальныхъ (См. Царств. Кн. стр. 119—120; Ник. лѣт. т. VII, стр. 46; Лъв. лѣт. т. IV. стр. 175—176), но отлученіе царскихъ очей и всякаго ближняго совѣта (былъ пожалованъ въ бояре въ 1544 г.), взятіе всякаго стяжанія и отосланіе въ дальныя окраины несомнѣнно обнаруживаются изъ грамоты самого Іоанна: желая выдать дочь Александра Горбатаго за Ивана Мстиславскаго, своего племянника, царь пишетъ Горбатому въ Муромъ, что приказалъ дать весь свадебный запасъ отъ себя и обѣщалъ пособить ему въ приготовленіи приданаго, а женѣ князя Александра (Настасьѣ) приказалъ передать, чтобы она ѣхала въ Москву съ дочерью немедленно, и послалъ ей «отъ себя платье, въ чемъ ѣхати», обѣщая выкупить всѣ вещи, заложенныя ея мужемъ (Акт. Ист. т. I, № 146). Когда же постигла снова опала Александра Горбатаго? Въ октябрѣ 1552 года онъ былъ оставленъ въ Казани намѣстникомъ; и въ этомъ званіи въ послѣдній разъ мы его видимъ въ мартѣ 1553 года (Ник. лѣт. т. VII, стр. 200; Лъв. лѣт. т. V, стр. 7). Архимандритъ Леонидъ (стр. 64), ошибочно утверждаетъ, что онъ былъ смѣненъ съ воеводства и замѣненъ своимъ родичемъ, княземъ Петромъ Шуйскимъ, такъ какъ обнаруживается изъ лѣтописи, что до назначенія Шуйскаго былъ въ Казани намѣстникомъ Михаилъ Глинскій (Ник. лѣт. т. VII, стр. 223; Лъв. лѣт. т. V, стр. 52), изъ разрядовъ же видимъ, что Горбатый былъ смѣненъ Юріемъ Булгаковымъ, а этотъ послѣдній—Михаиломъ Глинскимъ (Отеч. Зап. 1850, часть 44, стр. 88, 92, 95). Вслѣдствіе этого можно предполагать, что Горбатаго постигла опала въ 1553 году и къ этому же году слѣдуетъ отнести утѣшительную отписку Сильвестра; безусловно же вѣрно, что въ 1556 году онъ былъ уже въ опалѣ, такъ какъ не упоминается ни въ числѣ воеводъ и начальниковъ полковъ, ни между боярами, сопровождавшими царя въ походѣ, а между боярами, остающимися въ Москвѣ (Древн. Вивл. т. XIII, стр. 251—255).

жали Іоанна противъ его любимцевъ, а теперь эту роль должны были сыграть шурья царя, такъ какъ не могли же они смотрѣть дружественно на людей, заявлявшихъ со злобою: „а Захарьинымъ намъ не служить“, и прекрасно понимали справедливость замѣчанія, сдѣланнаго царемъ: „вы отъ бояръ первые мертвецы“.

Въ виду подобнаго настроенія, попытка Семена Ростовскаго, сильно скомпрометтированнаго во время болѣзни, бѣжать лѣтомъ 1554 года въ Литву имѣетъ характеръ спасенія отъ угрожающей бѣды и могла возникнуть только при тогдашнихъ тяжелыхъ для единомышленниковъ Сильвестра и Адашева отношеніяхъ.

Въ іюлѣ 1554 года побѣжалъ въ Литву князь Никита Лобановъ-Ростовскій, но въ Торопцѣ его поймали дѣти боярскіе; и на допросѣ онъ показалъ: послалъ его князь Семенъ Ростовскій передать королю, что онъ идетъ въ Литву съ братьями и племянниками. Подвергнули допросу Семена Ростовскаго, и онъ сознался, что „хотѣлъ бѣжать по убожеству и малоумству, такъ какъ у него скудость разума и всего хорошаго, а онъ понапрасно и безполезно сидитъ на царскомъ жалованіи и своихъ хлѣбахъ“. Одинъ изъ его слугъ показалъ, что его господинъ ссылался съ литовскими послами, посылая своего человѣка Бахтѣя, и самъ дважды видѣлся съ послами, при чемъ имъ „приказывалъ думу царя“, т. е. передавалъ совѣщанія царя съ думою [1]), а потомъ послалъ къ королю того же Бахтѣя съ письмомъ, гдѣ „писалъ хулу и укоризну на государя и на землю“. Семенъ Ростовскій подтвердилъ, что дѣйствительно думу царя къ королю съ послами приказывалъ, но дѣлалъ это по малоумству, а съ нимъ хотѣли ѣхать въ Литву „такіе же малоумы князья Лобановы и Пріимковы и другіе клятвопреступники“. Царь съ боярами приговорилъ князя Семена къ смертной казни, но митрополитъ и духовенство „отпросили его отъ смертной казни“, и его отправили въ заточеніе на Бѣлоозеро, а людей его освободили [2]).

---

[1]) «И затѣмъ послы вѣчнаго мира не сдѣлали»—передаетъ свое соображеніе лѣтописецъ. Дѣйствительно, въ августѣ 1558 года Сигизмундъ присылалъ Полоцкаго воеводу Станислава Довойну, маршалка Евстафія Воловича и старосту Петра Семашку, которые заключили перемиріе на два года (Ник. лѣт. т. VII, стр. 207; Льв. лѣт. т. V, стр. 21). Въ перемирномъ актѣ было сказано: посылали мыословъ «о миру и о доброй змове, и то межи насъ съ тобою, братомъ нашимъ, нине не сталося» (Пос. Кн. Метр. Лит. т. I, № 56).

[1]) Ник. лѣт. т. VII, стр. 211—212; Льв. лѣт. т. V, стр. 29—32. За опальнаго Семена Ростовскаго, какъ мы видимъ изъ лѣтописи, печаловалось духовенство во главѣ съ митрополи-

Итакъ, болѣзнь царя была рѣшительнымъ моментомъ въ исторіи партіи Сильвестра и Адашева, моментомъ, съ котораго слѣдуетъ начинать разсказъ о томъ, какъ постепенно эта партія оттиралась отъ трона и теряла свое вліяніе на дѣла государственныя. Такимъ образомъ, излагая факты Кириловскаго объѣзда вполнѣ согласно съ истиною, Курбскій усматриваетъ зародыши перемѣны съ Іоанномъ въ совѣтѣ Вассіана. Не отрицая значенія послѣдняго обстоятельства, мы могли убѣдиться, что поведеніе партіи Сильвестра и Адашева во время болѣзни Іоанновой играло въ дѣлѣ охлажденія къ прежнимъ любимцамъ главное значеніе. Иная постановка этого вопроса у Курбскаго, происшедшая, вѣроятно, вслѣдствіе пристрастія къ Сильвестру и Адашеву и ненависти къ Вассіану Топоркову, извѣстному послѣдователю Іосифа Санина, защитника монастырскихъ владѣній, доказываетъ, какъ нельзя лучше, что нашего писателя можно скорѣе упрекать въ умолчаніи нѣкоторыхъ фактовъ (въ данномъ случаѣ молчаніе о поведеніи приверженцевъ Сильвестра и Адашева во время болѣзни Іоанна), но никакъ не въ ихъ искаженіи.

2) Представивъ изложеніе начала перемѣны съ Іоанномъ, Курбскій не слѣдитъ за постепеннымъ паденіемъ вліянія Сильвестра и

томъ Макаріемъ, а царь въ письмѣ къ Курбскому обвинялъ Сильвестра и его совѣтниковъ въ томъ, что они Семена Ростовскаго держали въ большомъ береженіи и помогали ему и его родственникамъ всячески (Сказанія, стр. 166). Трудно сказать, насколько было основательно это обвиненіе царя, такъ какъ отсутствуютъ какія бы то ни было данныя для провѣрки его. Правдоподобнѣе предположить, что Іоаннъ извратилъ этотъ фактъ: припомнимъ отвѣтъ Сильвестра на просьбу Александра Горбатаго печаловаться за него: «не имѣю, писалъ онъ, о тебѣ ходатайствомъ что сотворити, токмо долженъ у Бога полезныхъ о тебѣ просити». Сохранилось, правда, посланіе Максима Грека, который проситъ Сильвестра, чтобы онъ «пожаловалъ помянулъ благовѣрному Царю и Самодержцу всея Россіи *о опытѣхъ покойника Никиты Борисовича*, чтобы Государь умилосердился, и показалъ милость къ нимъ, въ великой скудости и нуждѣ живущимъ». Мы, однако, не знаемъ времени, когда писано это посланіе, и рѣшительно, несмотря на самыя усердныя розысканія, не можемъ даже выставить предположенія, кто это такой «покойникъ Никита Борисовичъ». Архим. Леонидъ думаетъ, что дѣло идетъ о семействѣ Никиты Борисовича Ростовскаго Пріимкова (стр. 21, 31), и за нимъ догадку архим. Леонида повторяетъ уже какъ фактъ проф. Н. Барсовъ въ извѣстной намъ статьѣ (Сборн. Арх. Инст. кн. IV, стр. 107—108). Между тѣмъ, приходится совершенно отвергнуть эту догадку. По справкѣ оказывается, что у Бориса Андреевича Ростовскаго-Пріимкова было два сына Никита и Даніло (Родословная Книга, стр. 39, 141 по Врем. Моск. Общ. Ист. кн. X), и оба они были въ 1559 году головами въ правой рукѣ, находившейся подъ начальствомъ Петра Шуйскаго (Древн. Вивл. т. XIII, стр. 300). Такимъ образомъ, обнаруживается, что Максимъ Грекъ, самъ скончавшійся въ 1556 году, ходатайствовалъ о семействѣ не Никиты Борисовича Пріимкова-Ростовскаго, благополучно тогда здравствующаго, а какого-то неизвѣстнаго намъ покойника Никиты Борисовича.

Адашева, а довольствуется разсказомъ о судѣ надъ ними, вскользь бросивъ нѣсколько словъ объ отношеніяхъ между Сильвестромъ и Іоанномъ незадолго до суда и о добровольномъ удаленіи перваго.

Это отступленіе отъ хронологической послѣдовательности, къ которой, замѣтимъ кстати, не былъ обязанъ Курбскій, ибо онъ не писалъ лѣтописи своего времени, навлекло на него сильныя нападки со стороны автора „Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ“: „И такъ, пишетъ онъ, по разсказу Курбскаго сперва выходитъ, что дѣло началось отогнаніемъ Сильвестра и Адашева, что это отогнаніе послѣдовало по смерти Анастасіи, въ слѣдствіе клеветы въ отравѣ; а потомъ вдругъ узнаемъ, что Сильвестръ еще прежде самъ удалился и постригся въ Кирилловѣ Бѣлозерскомъ монастырѣ, что враги его потомъ изъ зависти и страха, составили клевету, осудили заочно и отправили въ Соловки; слѣдовательно, дѣло началось не клеветою въ отравѣ, а прежде; Сильвестръ ушелъ, увидавъ, что царь отвратилъ отъ него лице свое; что же заставило Іоанна отвратить лицо отъ Сильвестра?—объ этомъ Курбскій не говоритъ, и, перемѣшавши порядокъ событій какъ бы намѣренно, поставивши позади то, что должно было быть на переди, *чтобъ замять дѣло, обмануть читателя, удовлетворить его одною причиною*, тогда какъ надобно было выставить двѣ, лишилъ себя довѣренности, показалъ, что или не умѣлъ, или не хотѣлъ объяснить причины неразположенія царя къ Сильвестру, которое заставило послѣдняго удалиться“ [1]).

Такимъ образомъ, выходитъ, что Курбскій преднамѣренно не соблюдалъ хронологической послѣдовательности въ своемъ разсказѣ, чтобы замять дѣло, обмануть читателя, удовлетворить его одною причиною, тогда какъ ихъ было двѣ. Обвиненіе тяжкое, но справедливое-ли? Представимъ, однако, прежде всего разсказъ Курбскаго, вызвавшій это обвиненіе со стороны нашего великаго историка и учителя.

Шурья Іоанна и другіе ласкатели, разсказываетъ Курбскій, клеветали на Сильвестра и Адашева; слушая этихъ клеветниковъ, царь удалилъ отъ себя ихъ обоихъ. Когда же умерла жена Іоанна, клеветники объявили ему, что „ее счаровали“ Сильвестръ и Адашевъ; и царь повѣрилъ этой клеветѣ. Узнавъ объ этомъ обвине-

---

[1]) Соловьевъ т. VI, стр. 192.

ніи, опальные посылали письма къ царю и обращались къ посредничеству митрополита, умоляя, чтобы имъ позволили на судѣ лично опровергнуть клевету и дать отвѣтъ самимъ клеветникамъ (да будетъ очевистое глаголаніе): „Не отрицаемся, писали они, аще повинни будемъ, смерти; но да будетъ судъ явственный предъ тобою и предо всѣмъ сенатомъ твоимъ“. Враги ихъ, не допуская этихъ писемъ до царя, удерживая митрополита угрозами отъ заступничества за оклеветанныхъ, продолжали вооружать Іоанна противъ бывшихъ его любимцевъ: Сильвестръ и Адашевъ, по словамъ этихъ клеветниковъ, держали царя какъ бы въ оковахъ, приказывая „въ мѣру ясти и пити и со царицею жити“; если бы они не препятствовали ему на каждомъ шагу, „уже бы мало не всею вселенною обладалъ“; но они сами хотѣли царствовать и повелѣвать всѣми и т. д. Наслушавшись всего этого, царь созываетъ боярскую думу, всѣхъ епископовъ, приглашаетъ на этотъ соборъ Мисаила Сукина, Вассіана Бѣснаго [1]) и другихъ подобныхъ лицъ. Засѣданія этого собора открылись чтеніемъ винъ отсутствующихъ Сильвестра и Адашева. Выслушавъ обвиненія, митрополитъ и другіе члены собора указывали на то, что слѣдовало бы, чтобы обвиняемые были приведены и дали отвѣтъ передъ соборомъ, но враги, заявивъ, что бывшіе любимцы царя, завѣдомые

---

[1]) «Присовокупляетъ прелукавыхъ нѣкоторыхъ *мниховъ*, Мисаила, глаголемаго Сукина, издавна прославнаго въ злостяхъ, и Васьяна Бѣснаго, поистинѣ реченнаго, неистоваго» —пишетъ Курбскій. Мисаила Сукина мы встрѣчаемъ въ описаніи смерти великаго князя Василія Ивановича и знаемъ, что онъ былъ монахомъ Волоколамскаго монастыря и пользовался уваженіемъ отца Іоаннова (См. Царст. Кн. стр. 12—14). Но кто такой Васьянъ Бѣсный? Соловьевъ по этому поводу высказывается (т. VI, прим. 71) такъ: «Издатель (Устряловъ) напечаталъ Бѣснаго съ большою буквою, какъ прозваніе; Арцыбашевъ читалъ бѣснаго какъ эпитетъ, приданный Курбскимъ, и разумѣлъ подъ Вассіаномъ Топоркова. Мы соглашаемся съ Арцыбашевымъ и читаемъ такъ: «И Вассіана бѣснаго поистинѣ, реченнаго (т. е. прежде реченнаго), неистоваго». Н. Барсовъ думаетъ, что не можетъ быть сомнѣнія въ тождествѣ Вассіана Топоркова и Вассіана «бѣснаго» (см. прим. на 118 стр.). Нетрудно замѣтить, что Соловьевъ, при оправданіи Арцыбашевской догадки, прибѣгаетъ къ натяжкамъ, произвольно разставляя знаки препинанія, а истолкованіе слова «реченнаго» въ смыслѣ «прежде реченнаго» не находитъ себѣ оправданія въ текстѣ Курбскаго, такъ какъ, говоря объ упомянутомъ уже лицѣ или событіи онъ никогда не упускаетъ назвать ихъ «предреченными» или «преждереченными» (стр. 15. 23, 27, 32. 46, 62 et passim). Если даже допустить возможность Соловьевской пунктуаціи и согласиться, что Курбскій упустилъ слово «прежде», то, спрашивается, какъ объяснить слова Курбскаго: «нѣкоторыхъ *мниховъ*, Мисаила, глаголемаго Сукина..., и Васьяна Бѣснаго», когда мы знаемъ, что онъ Топоркова, который «прежде былъ мнихъ отъ Осифлянскія чети», называетъ не иначе, какъ епископомъ (см. стр. 37, 38. 41: «идѣже епископъ, уже престарѣвшійся во днехъ многѣхъ»; «забылъ еси епископе»; «напившися... отъ православнаго епископа... яду») и разъ только старцемъ (стр. 37), а въ нашемъ текстѣ Вассіанъ Бѣсный названъ мнихомъ и поставленъ послѣ Мисаила Сукина, какъ лицо менѣе значительное.

злодѣи и искусные чародѣи („очарують царя и насъ погубятъ, аще пріидутъ") добились заочнаго осужденія обоихъ обвиняемыхъ. Сильвестра сослали на заточеніе въ Соловки, а Алексѣй Адашевъ посланъ былъ воеводою въ новозавоеванный Феллинъ. Недолго оставался Адашевъ въ этомъ городѣ воеводою; враги продолжали клеветать на бывшаго любимца, и царь приказалъ отправить его подъ стражу въ Дерптъ, гдѣ черезъ два мѣсяца онъ заболѣлъ горячкою и умеръ, но враги объяснили его скоропостижную смерть отравленіемъ: „твой измѣнникъ, говорили они Іоанну, самъ себѣ задалъ ядъ смертоносный и умре" (стр. 68—71).

Разсказавъ о заочномъ осужденіи на соборѣ прежнихъ приближенныхъ царя, Курбскій счелъ нужнымъ прибавить, что въ то время Сильвестръ находился въ монастырѣ, лежащемъ въ ста миляхъ отъ Москвы [1]), принялъ тамъ постриженіе и оттуда уже послѣ соборнаго рѣшенія былъ перевезенъ въ Соловецкій монастырь, а удалился отъ двора онъ потому, что Іоаннъ не внималъ его преще-ніямъ, „къ ласкателямъ приклонилъ умъ свой и уши и отъ него отвратилъ лицо свое" (стр. 71—72), т. е. вторично повторяетъ сказанное въ началѣ разсказа: „отгоняетъ дву мужей, Сильвестра и Алексѣя Адашева туне, отворивши оба ухи своимъ презлымъ ласкателемъ" (стр. 68). Такимъ образомъ, вопреки Соловьеву, по разсказу Курбскаго выходитъ, что дѣло началось тѣмъ, что Сильвестръ былъ вынужденъ удалиться въ Кирилловъ-Бѣлозерскій монастырь, гдѣ принялъ постриженіе, а потомъ уже его осудили заочно и отправили въ Соловки.

Необходимо, однако, объяснить, какъ авторъ „Исторіи Россіи" допустилъ ошибку въ пониманіи словъ Курбскаго. „По разсказу Курбскаго сперва выходитъ, что дѣло началось отогнаніемъ Сильвестра и Адашева"—замѣчаетъ Соловьевъ, отнесшись недостаточно внимательно къ изложенію нашего писателя. Дѣло въ томъ, что въ началѣ пятой главы, озаглавленной „начало злу", Курбскій ставитъ два вопроса: на первый изъ нихъ, чѣмъ отплатилъ царь своимъ вѣрнымъ воеводамъ, отвѣчаетъ: „презлыми за предобрѣйшее, прелютыми за превозлюбленнѣйшее, лукавствы и хитролествы за простыя и вѣр-

[1]) Въ Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ, какъ слѣдуетъ изъ его собственнаго опредѣленія въ другомъ мѣстѣ (стр. 34), что Кирилловъ монастырь отстоитъ во ста миляхъ отъ Москвы. См. статью архим. Леонида, стр. 40 и прим.

ныя ихъ службы", а на второй вопросъ, какъ царь началъ гоненіе („А якоже сіе начинаетъ?), могъ дать лишь тотъ отвѣтъ, какой у него находимъ: „первѣе, отгоняетъ дву мужей оныхъ... Сильвестра, глаголю, презвитера, и Алексѣя предреченнаго, Адашева". Между тѣмъ, Соловьевъ принялъ отвѣтъ на послѣдній изъ этихъ двухъ риторическихъ вопросовъ за начало изложенія объ опалѣ Сильвестра и Адашева и увидѣлъ въ этомъ какое-то преднамѣренное несоблюденіе хронологической послѣдовательности и желаніе замять дѣло, тогда какъ изложеніе обстоятельствъ опалы начинается у нашего писателя только послѣ этого риторическаго вступленія.

Несправедливо въ равной степени обвинять Курбскаго въ желаніи замять дѣло и обмануть читателя, удовлетворивши его одною причиною, такъ какъ дѣло представляется у него такъ: злой совѣтъ Васcіана царю (не держать мудрыхъ совѣтниковъ) былъ искрою, отъ которой „возгорѣлся лютый пожаръ", но волненія въ Казанской области и нашествіе Девлетъ-Гирея (лѣтомъ 1555 г.) ужаснули царя, и онъ „акибы въ покаяніе вниде, и не мало лѣтъ царствовалъ добрѣ" (стр. 46); полный же разрывъ царя съ его прежними любимцами произошелъ около времени роковой для нихъ смерти Анастасіи.

Самъ Іоаннъ не отрицаетъ причинной связи между болѣзнью и смертью своей царицы и окончательной опалой Сильвестра и Адашева. Упомянувъ о своемъ „немилостивомъ путномъ прехожденіи" съ больною царицею изъ Можайска, Іоаннъ обвиняетъ Сильвестра и Адашева въ нерадѣніи о здоровьѣ его больной жены: „Единаго ради малаго слова, пишетъ онъ, непотребна: *молитвы* же убо и прехожденія по святымъ мѣстамъ, и еже убо приношенія *и обѣты ко святыни* о душевномъ спасеніи, *и о тѣлесномъ здравіи*... и сія вся лукавымъ умышленіемъ вашимъ отъ насъ отнюдь взяшася, въ *врачествѣ же и хитрости, своего ради здравія, ниже помянути тогда бяше*" [1]).

Какъ можно видѣть изъ этихъ словъ, царь обвинялъ своихъ прежнихъ любимцевъ въ томъ, что они не приносили по церквамъ

---

[1]) Сказанія, стр. 166—167.

молитвъ о здравіи больной царицы, не давали обѣтовъ и не позаботились прислать своевременно, когда царь возъ свою жену изъ Можайска, врача или какого-нибудь врачебнаго средства, т. е. были, по его убѣжденію, виновниками того, что болѣзнь его „юницы“ осложнилась и свела ее въ могилу [1]).

Іоаннъ, сказавъ въ своемъ письмѣ къ Курбскому о нерадѣніи относительно здоровья жены, продолжаетъ такъ: „И сице убо намъ въ таковыхъ зѣльныхъ скорбѣхъ пребывающимъ, и понеже убо *такова отягченія не могохомъ понести*, еже не человѣчески сотвористе: и сего ради сыскахъ измѣны собаки Алексѣя Адашева со всѣми его совѣтники, милостивый свой гнѣвъ учинили: смертныя казни не положили, но по разнымъ мѣстомъ разослали“,—и эти слова, по связи ихъ съ предыдущимъ, нужно понимать такъ: по возвращеніи въ Москву съ больною женою, въ скорби и печали, Іоаннъ узналъ, вѣроятно, отъ враговъ Сильвестра и Адашева, что его жена была „единаго ради малаго слова непотребна“; тая издавна къ нимъ неудовольствіе, припомнивъ, что ни врача, ни врачебнаго средства не выслали своевременно на встрѣчу во время его печальнаго „прехожденія отъ Можайска“ и приписывая этому обстоятельству, какъ естественно человѣку въ его горестномъ положеніи, усиленіе болѣзни любимой жены, онъ „сыскалъ измѣны Адашева и его совѣтниковъ, опалился на нихъ и разослалъ по разнымъ мѣстамъ“.

Въ это-то время, по словамъ Іоанна, Сильвестръ, видя, что опала постигла его совѣтниковъ, „своею волею отъиде, нам же его благословеніе отпустившу, не яко устыдѣвшися, но яко не хотѣвши судити здѣсь, но въ будущемъ вѣцѣ“ [2]).

Такимъ образомъ, самъ царь ясно и опредѣленно указываетъ, что Сильвестръ удалился „своею волею“ только послѣ того, какъ была сыскана измѣна Адашева и его совѣтниковъ и послѣ того, какъ разослали ихъ по разнымъ мѣстамъ.

---

[1]) Въ этомъ смыслѣ нужно понимать слова Іоанна во второмъ его посланіи: «А съ женою меня вы почто разлучили? Только бы у меня не отняли юницы моея: ино бы Крановы жертвы (блуда) не было» (Сказанія, стр. 195), на что Курбскій (въ 1579 году, т. е. послѣ написанія своей Исторіи) отвѣчалъ, не вполнѣ понимая обвиненіе Іоанна: «А еже пишеши, яки бы царицу твою «счаровано» (?) и тебя съ ней разлучено отъ тѣхъ предреченныхъ мужей и отъ меня... (Сказанія, стр. 202).

[2]) Сказанія, стр. 166—167.

Свидѣтельства и показанія другихъ нашихъ источниковъ послужатъ не только для того, чтобы найти отвѣтъ на вопросъ, имѣла ли болѣзнь Анастасіи роковое значеніе для Сильвестра и Адашева, хотя единогласное свидѣтельство царя и Курбскаго не оставляетъ на этотъ счетъ почти никакого сомнѣнія, но главнымъ образомъ—для того, чтобы опредѣлить точно время, когда Сильвестръ добровольно удалился въ монастырь и когда происходилъ въ Москвѣ соборъ, его осудившій [1]).

Мы видѣли уже выше, что Іоаннъ въ 1550 году Алексѣю Адашеву поручилъ высшее наблюденіе за отправленіемъ правосудія, предоставляя право изъ среды бояръ и вельможъ назначить справедливыхъ и опытныхъ судей [2]), а потомъ ему постоянно поручалъ вести переговоры съ послами, являющимися ко двору изъ всѣхъ странъ: въ февралѣ 1552 года Іоаннъ послалъ его въ Казань свести Шигъ-Алея [3]); въ октябрѣ 1553 г. поручалъ „выпроситиословъ ногайскаго князя Измаила [4]); въ маѣ слѣдующаго года посылалъ съ отвѣтомъ къ ливонскимъ посламъ [5]), а въ февралѣ 1557 года съ отвѣтомъ къ посламъ шведскаго короля [6]); тогда же ему было приказано выслушать ливонское посольство и отказать ему [7]); въ декабрѣ того же 1557 года ему было приказано выслушать ливонскихъ пословъ и договориться о дани [8]); въ маѣ 1558 года онъ выслушивалъ челобитье нарвскихъ пословъ [9]); въ февралѣ слѣдующаго года его посылалъ царь съ отвѣтомъ къ литовскимъ посламъ [10]), а въ мартѣ того же года онъ выслушивалъ посольство датскаго короля [11]);

---

[1]) «Отшелъ бысть въ монастырь, сто миль отъ Москвы лежащь» (т. е. въ Кирилло-Бѣлозерскій) –говоритъ Курбскій, а въ согласіи съ нимъ царь пишетъ Косьмѣ, игумену этого монастыря: «другой на васъ Селивестръ наскочилъ» (Акт. Ист. т. I, № 204, стр. 384). См. также статью архим. Леонида о вкладахъ Сильвестра и его сына Анфима въ этотъ же монастырь (стр. 48—49).

[2]) Собр. Госуд. Грам. и Догов. т. II, № 37.

[3]) Ник. Лѣт. т. VII, стр. 96; Царств. Кн. стр. 195; Льв. Лѣт. т. IV, стр. 268.

[4]) Ник. Лѣт. т. VII, стр. 208—209; Льв. Лѣт. т. V, стр. 23—24.

[5]) Ник. Лѣт. т. VII, стр. 215; Льв. Лѣт. т. V, стр. 36—37.

[6]) Ник. Лѣт. т. VII, стр. 280; Льв. Лѣт. т. V, стр. 164—165.

[7]) Ник. Лѣт. т. VII, стр. 282; Льв. Лѣт. т. V, стр. 167.

[8]) Ник. Лѣт. т. VII, стр. 294; Льв. Лѣт. т. V, стр. 190—191.

[9]) Ник. Лѣт. т. VII, стр. 304; Льв. Лѣт. т. V, стр. 210—211.

[10]) Льв. Лѣт. т. V, стр. 280—281.

[11]) Льв. Лѣт. т. V, стр. 286—287.

въ январѣ 1560 года велъ переговоры съ Мартиномъ Володковымъ, посланникомъ литовскаго короля [1]).

Такимъ образомъ, мы видимъ, что Алексѣю Адашеву поручались всѣ дипломатическія дѣла, и вплоть до февраля 1560 года онъ не сходилъ съ поприща дипломатіи. Оффиціальная московская лѣтопись, какъ извѣстно, обрывается на февральскихъ событіяхъ 1560 года (Львовская лѣтопись) и возобновляется на февральскихъ событіяхъ 1563 года (Александро-Невская лѣтопись), и вслѣдствіе этого мы лишены возможности слѣдить за дальнѣйшей судьбою Адашева, умершаго въ 1561 году [2]).

Встрѣчая вдругъ Алексѣя Адашева третьимъ воеводою большого полка [3]) въ войскѣ, отправляющемся на Феллинъ послѣ Ильина дня (20 іюля) 1560 года [4]), заключаемъ, что опала царская постигла дипломата нашего и его приверженцевъ въ *промежутокъ времени отъ января*, когда онъ велъ переговоры съ Мартиномъ Володковымъ, *до іюля 1560 года*, когда находился уже при войскѣ въ качествѣ третьяго воеводы большого полка, и тогда же Сильвестръ удалился въ Кирилловъ монастырь. Курбскій и царь, какъ мы видѣли, ставятъ опалу эту въ связь съ болѣзнью Анастасіи, и дѣйствительно не можетъ подлежать сомнѣнію, что исторія этой болѣзни имѣла рѣшающее значеніе на судьбу Адашева и Сильвестра.

Въ октябрѣ 1559 г. царь поѣхалъ въ Можайскъ „въ монастыри помолиться и по селомъ прохладиться“ [5]) съ царицею и сыновьями. Въ ноябрѣ „царь и государь хотѣлъ ѣхати вскорѣ изъ Можайска къ Москвѣ, да не возможно было ни верхомъ, ни въ саняхъ, безпута была кромѣ обычая на много времени, *а се грѣхъ ради царица не домогая*“. Царь хотѣлъ ѣхать, потому что получилъ извѣстіе о пораженіи Плещеева, разбитаго магистромъ на-голову: было убито 70 дѣтей боярскихъ и 1000 ихъ слугъ; потерянъ весь обозъ. Лишь 30 декабря возвратился въ Москву царь съ больною женою и дѣтьми [6]).

---

[1]) Льв. Лѣт. т. V, стр. 310—311.

[2]) Древн. Вивл. т. XX, стр. 44.

[3]) Древн. Вивл. т. XIII, стр. 311.

[4]) Пск. Перв. Лѣт. стр. 312.

[5]) Объ этой «прохладѣ» государей московскихъ см. высоко-художественныя страницы (88—96) въ статьѣ Стромилова «Александровская Слобода».

[6]) Льв. Лѣт. т. V, стр. 298—299, 303.

Начались наговоры царю на Сильвестра и Адашева со стороны братьевъ царицы и враговъ прежнихъ любимцевъ; все было поставлено на видъ Іоанну: Сильвестръ и Адашевъ не молились о здравіи Анастасіи, не приносили обѣтовъ, не посылали въ Можайскъ, зная о болѣзни царицы, врачей и не позаботились о своевременномъ доставленіи „врачевства и хитрости".

Давнее неудовольствіе, скорбь и горесть о болѣзни своей „юницы", наговоры со стороны враговъ—все это возымѣло свое дѣйствіе: въ январѣ 1560 года, по приказанію царя, Алексѣй Адашевъ велъ переговоры, но скоро Іоаннъ „сыскалъ измѣны собаки Алексѣя Адашева со всѣми его совѣтниками и разослалъ ихъ по разнымъ мѣстамъ": Адашевъ былъ посланъ въ Ливонію, а Сильвестръ удалился въ монастырь, видя полный разгромъ своей партіи, „своею волею", какъ говоритъ царь.

Этимъ дѣло не ограничилось; закончилось первое дѣйствіе драмы: опала уже постигла прежнихъ любимцевъ, но не въ полной мѣрѣ.

17 іюля, когда Адашевъ былъ уже при войскѣ, вспыхнулъ въ Москвѣ сильный пожаръ, „а царица и великая княгиня въ то время бысть больна, и царь и великій князь великую княгиню отпровадилъ въ свое село Коломенское съ великою нужею, *зане же болѣзнь ее бысть велика зѣло*... Августа въ 7 день, въ пятый часъ дни, узнаемъ изъ той лѣтописи, преставися царица и великая княгиня Анастасія" [1]).

Смерть „юницы", какъ называетъ Анастасію Іоаннъ, послужила къ окончательной погибели опальныхъ: 30 августа 1560 г., писалъ къ царю Иванъ Ѳедоровичъ Мстиславскій съ товарищами, что они взяли городъ Феллинъ и оставили тамъ воеводами Ивана Плещеева, Осипа Полева и Романа Ольферьева, „и царь и великій государь, читаемъ въ разрядахъ, велѣлъ въ Вильянѣ оставить окольничихъ и воеводъ, Алексѣя да Данилу Ѳедоровичевъ Адашевыхъ, да Осипа Полева, да Романа Ольферьева" [2]).

---

[1]) Карамзинъ, т. VIII, прим. 586. Прод. Царств. Кн. листъ 486.
[2]) Древн. Вивл. т. XIII, стр. 316.

Курбскій говоритъ, что на соборѣ, гдѣ присутствовали митрополитъ, всѣ епископы, бояре и монахи Мисаилъ Сукинъ и Вассіанъ Бѣсный, заочно осудили Сильвестра и Адашева, а послѣ того царь перваго изъ нихъ сослалъ въ Соловки, послѣдняго же назначилъ въ Феллинъ воеводою. Отсюда слѣдуетъ, что соборъ этотъ долженъ былъ происходить въ промежутокъ времени, прошедшаго со дня смерти Анастасіи, умершей 9 августа 1560 года, до дня приказа Іоаннова оставить Адашева воеводою въ Феллинѣ, приказа, который послѣдовалъ, вѣроятно, въ первыхъ числахъ сентября, вскорѣ по полученіи извѣстія (отправленнаго воеводами 30 августа) о взятіи этого города.

По словамъ Курбскаго, узнавъ о скоропостижной смерти Алексѣя Адашева въ Дерптѣ, куда его перевели подъ стражу черезъ два мѣсяца послѣ назначенія въ Феллинъ воеводою, т. е. приблизительно въ началѣ ноября 1560 года, клеветники внушали царю подозрѣніе, что онъ отравился.

Зная, что объ его смерти производился въ Дерптѣ обыскъ князя Андрея Петровича Телятевскаго [1]), можно убѣдиться въ безусловной достовѣрности вышеприведеннаго свидѣтельства.

Мы лишены какой бы то ни было возможности провѣрить извѣстіе Курбскаго о соборѣ и ссылкѣ Сильвестра въ Соловки, такъ какъ оффиціальная лѣтопись обрывается, какъ извѣстно, на описаніи февральскихъ событій 1560 г., а другія наши лѣтописи интересуются преимущественно мѣстными дѣлами.

Правда, Іоаннъ писалъ Курбскому, что „попу Сильвестру ни чего зла не сотворихъ“, и объявлялъ, что его онъ отпустилъ, „не хотѣвши судити здѣсь, но въ будущемъ вѣцѣ“ [2]), но, скажемъ словами архим. Леонида, „трудно предположить, чтобы весь подробный разсказъ Курбскаго о ссылкѣ Сильвестра въ Соловки, и о предшествовавшемъ сему соборѣ, былъ плодомъ его собственной фантазіи“ [3]), трудно предположить, прибавимъ мы, потому что во всѣхъ

---

[1]) Акт. Арх. Экп. I, № 289, стр. 354. Приведемъ это мѣсто изъ Описи царскаго архива. «обыскъ князя Андрея Петровича Телятевскаго, въ Юрьевѣ Ливонскомъ про Олексѣеву смерть Адашева».

[2]) Сказанія, стр. 167.

[3]) См. статью архим. Леонида, стр. 47.

другихъ подробностяхъ разсказъ его отличается высокими достоинствами исторической достовѣрности.

Итакъ, заканчивая эту часть нашего разбора, мы, какъ кажется, получаемъ право утверждать, что въ первой части „Исторіи князя Великаго Московскаго“ всѣ факты, если не считать двухъ—трехъ ошибокъ и нѣсколькихъ хронологическихъ неточностей, переданы вполнѣ правильно.

V.

Разборъ 2-ой половины историческаго труда Курбскаго.

Вторая половина „Исторіи Князя Великаго Московскаго“, какъ мы говорили выше, посвящена разсказу о казняхъ, совершенныхъ Іоанномъ во вторую несчастную половину царствованія. Сказавъ о погибели друзей и родственниковъ Адашева, Курбскій послѣдовательно обозрѣваетъ казни лицъ княжескихъ (шестая глава сочиненія), боярскихъ и дворянскихъ родовъ (седьмая глава), присоединяетъ восьмую главу „о страданіи священномучениковъ“, вскользь упоминая о новгородскомъ разгромѣ и подробно останавливаясь на житіи своего духовника, архимандрита Ѳеодорита, и заканчиваетъ свое сочиненіе маленькою девятою главою, въ которой сравниваетъ Іоанна съ другими мучителями и новыхъ мучениковъ съ древними. Къ сожалѣнію, Курбскій не указываетъ годовъ казни различныхъ лицъ и, разбивая свое изложеніе на нѣсколько главъ, лишаетъ насъ возможности установить хотя приблизительную хронологическую послѣдовательность, какую находимъ у него въ отдѣльныхъ главахъ.

I. Для провѣрки этихъ извѣстій Курбскаго у насъ, кромѣ ничтожнаго обрывка недошедшей въ цѣломъ составѣ оффиціальной лѣтописи (Александро-Невская лѣтопись), имѣются слѣдующіе источники: „Послужной списокъ старинныхъ чиновниковъ“, напечатанный Новиковымъ въ XX части его Вивліоѳики, синодики царя Іоанна, „Описаніе Московіи“ Александра Гваньини, „Жизнь Іоанна“ Павла Одерборна, письмо Таубе и Крузе къ Готгарту Кетлеру; но достовѣрность всѣхъ этихъ источниковъ, исключая Послужного списка, заподозрѣна, вслѣдствіе чего необходимо, приступая къ разбору и про-

вѣркѣ этой части сочиненія Курбскаго, хотя нѣсколько остановиться на характеристикѣ этихъ источниковъ и разсмотрѣть, насколько они заслуживаютъ довѣрія безпристрастнаго изслѣдователя.

Въ Послужномъ спискѣ отмѣчаются по годамъ пожалованные въ бояре и окольничіе, такъ что возможно, на основаніи этого акта, возстановить составъ боярской думы за любой годъ; здѣсь же отмѣчается, кто и когда умеръ, кто бѣжалъ въ Литву, и кто выбылъ.

Пожалованные въ бояре или окольничіе оставались въ составѣ боярской думы до своей смерти, и годъ послѣдней отмѣчался въ Послужномъ спискѣ.

Помѣта о нѣкоторыхъ членахъ этого высшаго московскаго государственнаго учрежденія, что они *выбыли*, а не умерли, имѣла, разумѣется, особенное значеніе.

Просматривая Послужной списокъ за время царствованія Іоанна III, мы видимъ, что выбывшими отмѣчены слѣдующія лица: Дмитрій Исааковичъ Борецкій—подъ 1472 годомъ и Семенъ Ивановичъ Ряполовскій—подъ 1499 [1]). Принимая во вниманіе, что въ Русѣ 20 іюля 1472 года была отсѣчена голова взятаго въ плѣнъ Дмитрія Исааковича Борецкаго, сына извѣстной Марѳы — посадницы, а 5 февр. 1499 года отрубили голову князю Семену Ряполовскому на рѣкѣ Москвѣ, ниже моста [2]), приходимъ къ заключенію, что выбывшими отмѣчались всѣ казненные.

Этотъ выводъ подтвердится во всей своей полнотѣ, если припомнимъ, что казненные и погибшіе насильственною смертью до 1548 года (Иванъ Бѣльскій, Иванъ Овчина-Телепневъ-Оболенскій, Иванъ Кубенскій, Ѳеодоръ Степановичъ Воронцовъ и Василій Михайловичъ Воронцовъ) отмѣчены въ Послужномъ спискѣ также выбывшими [3]).

Если, съ одной стороны, не можетъ подлежать сомнѣнію, что всѣ лица, отмѣченныя въ Послужномъ спискѣ выбывшими за время отъ 1564 до 1577 года, погибли насильственною смертью, подвергнувшись царской опалѣ [4]), то, съ другой стороны, мы не имѣемъ

---

[1]) Древн. Вивл. т. XX, стр. 3, 9.

[2]) Арцыбашевъ, кн. IV, отд. I, стр. 17, 71.

[3]) Древн. Вивл. т. XX, стр. 30, 33.

[4]) Древн. Вивл. т. XX, стр. 46—55. Алексѣй Адашевъ (стр. 44) отмѣченъ также выбывшимъ, хотя достовѣрно знаемъ, что онъ умеръ своею смертью, но это отступленіе отъ обыч-

основанія утверждать, что только эти 29 человѣкъ были казнены во вторую половину царствованія Іоанна, такъ какъ казненные не всегда обозначались выбывшими: такъ, напр., князь Андрей Шуйскій, отданный царемъ псарямъ на растерзаніе, отмѣченъ не выбывшимъ, а умершимъ [1]). Слѣдовательно, основываясь на томъ, что какой-либо бояринъ или окольничій отмѣченъ умершимъ, нельзя видѣть въ этомъ доказательства, что онъ умеръ естественною смертью, и опровергать съ Послужнымъ спискомъ [2]) въ рукахъ другіе наши источники тѣмъ болѣе, что иногда даже годы смерти обозначаются неправильно: такъ, напр., бояринъ Михаилъ Васильевичъ Тучковъ, согласно съ Послужнымъ спискомъ, умеръ въ 1535 году [3]), а лѣтопись разсказываетъ, какъ мы видѣли, что въ 1538 году онъ былъ ревностнымъ союзникомъ Ивана Бѣльскаго; Иванъ большой Шереметевъ умеръ, по свидѣтельству Послужного списка, въ 1570 году [4]), а между тѣмъ царь въ посланіи, писанномъ около 1578 года въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь къ игумену Козьмѣ, приказываетъ не докучать о Шереметевѣ: „а впередъ бы есте о Шереметевѣ, пишетъ онъ, намъ не докучали: намъ въ томъ отвѣту никако не давати“ [5]).

Заручившись этими выводами, перейдемъ къ разсмотрѣнію синодика, внимательное изученіе котораго укажетъ истинное значеніе Послужного списка.

Сенаторъ К. М. Бороздинъ, осматривая въ 1809 году ветхія книги и бумаги Кирилло—Бѣлозерскаго монастыря, отыскалъ двѣ рукописи въ 16-ю долю листа, писанныя уставомъ съ киноварными заглавіями, съ замасленными краями, закапанныя воскомъ; рукописи эти, оказавшіяся синодиками, онъ передалъ въ распоряженіе Устрялова, издавшаго ихъ, безъ малѣйшихъ измѣненій, съ примѣчаніями въ своей книгѣ: „Сказанія князя Курбскаго“ (стр. 373—391).

наго обозначенія объясняется тѣмъ, что, вѣроятно, Іоаннъ намѣтилъ его какъ жертву, и только смерть естественная избавила его отъ насильственной: недаромъ же, какъ знаемъ, объ его смерти производилось разслѣдованіе.

[1]) Древн. Вивл. т. XX, стр. 32.

[2]) Въ этомъ Е. Бѣловъ найдетъ отвѣтъ на свой вопросъ (стр. 267): «На какомъ основаніи это оффиціальное извѣстіе (Послужного списка объ умершихъ въ 1565 г.) оставлено историками безъ вниманія?».

[3]) Древн. Вивл. т. XX, стр. 28.

[4]) Древн. Вивл. т. XX, стр. 50.

[5]) Акт. Ист. т. I, № 204, стр. 394.

Одна изъ рукописей была озаглавлена: „Лѣта седмь тысящь девятьдесять перваго Царь и Государь и великій Князь Иванъ Васильевичь Всеарусіи прислалъ в' Кириловъ монастырь сіе поминаніе и велѣлъ поминати на литіяхъ и на литоргіяхъ и на попахидахъ по вся дни въ церкви Божіи“, а другая рукопись начиналась такъ: „помяни Господи душа усопшихъ рабъ своихъ и рабынь, прежде почившихъ отъ Адама и до сего дни“. Слѣдуетъ замѣтить, что первое заглавіе есть общее для обѣихъ рукописей, такъ какъ и въ первой рукописи послѣ поминанія удѣльной княгини иноки Евдокіи, инокинь Маріи и Александры, также повторяются тѣ же слова, которыми начиналась вторая [1]), такъ что, на основаніи уже этихъ внѣшнихъ признаковъ, можно прійти къ заключенію, что Устряловъ издалъ одинъ только синодикъ, и не было никакой надобности вторую рукопись, въ которой продолжался даже счетъ страницъ первой, издавать раздѣльно, обозначая римской цифрою II это продолженіе синодика.

Не можетъ быть сомнѣнія, что всѣ поименованныя въ синодикѣ лица были казнены Іоанномъ, такъ какъ въ кормовыхъ книгахъ Кириллова монастыря было отмѣчено: „въ субботу сыропустную, по опальныхъ, избіенныхъ, потопленныхъ и созженныхъ, съ жены ихъ, и чады и домочадцы *(а имена ихъ писаны въ синодикѣ)* панихиды поютъ соборомъ“ [2]). Крайне предосудительно, по нашему мнѣнію, поступаетъ Е. Бѣловъ, когда старается, вопреки этому ясному свидѣтельству кормовыхъ книгъ, увѣрить читателя, что въ синодикѣ „объ убіенныхъ нѣтъ ни слова“. Равнымъ образомъ, если онъ, приведя замѣтку вкладной книги, гдѣ дѣйствительно говорится только объ опальныхъ, записанныхъ въ синодикѣ, съ торжествомъ заявляетъ: „и опять ни слова о томъ, что всѣ писанные суть убитые“ [3]), такъ этимъ обнаруживается его желаніе во что бы то ни стало подорвать значеніе синодика. Только этой предвзятостью можно объяснить, почему Е. Бѣловъ не приводитъ замѣтки изъ кормовыхъ книгъ, гдѣ говорится, что имена убитыхъ, потопленныхъ и сожжен-

---

[1]) Синодикъ Кирилловскій, стр. 3 и 40 (страницы рукописей).

[2]) Сказанія, стр. 371.

[3]) Въ статьѣ «Объ историческомъ значеніи русскаго боярства». См. Журн. Мин. Нар. Просв. 1886, № 2, стр. 268.

ныхъ записаны въ синодикѣ, замѣтки, которая не могла быть ему неизвѣстною, такъ какъ помѣщена Устряловымъ рядомъ съ той замѣткой изъ вкладной книги, которою онъ пользуется.

Если не можетъ возникнуть никакого сомнѣнія, что въ томъ синодикѣ, о которомъ упоминаютъ кормовыя книги Кириллова монастыря, были записаны имена жертвъ Іоаннова гнѣва, то можетъ явиться основательное сомнѣніе, были ли рукописи, изданныя Устряловымъ, этими синодиками, такъ какъ 1) въ кормовыхъ книгахъ говорится о *синодикахъ*, а рукопись, отысканная сенаторомъ К. М. Бороздинымъ, названа, какъ мы видѣли, *поминаньемъ*, и 2) днемъ поминовенія въ кормовыхъ книгахъ указана *суббота сыропустная*, когда „панихиды поютъ и литургію служатъ соборомъ", а въ рукописи К. Бороздина сказано, что царь приказалъ *ежедневно* поминать на литіяхъ. литургіяхъ и панихидахъ лицъ, отмѣченныхъ въ присланномъ поминаньѣ.

Это сомнѣніе и нѣкоторое какъ бы противорѣчіе блистательно устраняется, если сравнимъ текстъ рукописей, отысканныхъ въ Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ и изданныхъ Устряловымъ въ „Сказаніяхъ", съ текстомъ записи Вологодскаго Спасоприлуцкаго монастыря, изданой Н. Суворовымъ [1]).

Эта запись носила заглавіе: „Тетрадь, а въ ней имена писаны опальныхъ при царѣ и великомъ князѣ Іоаннѣ Васильевичѣ всеа Росіи". Издатель этой рукописи пишетъ: „замѣчательно сходство одного мѣста записи съ тою замѣткою, какая сдѣлана въ записи Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, а именно: и въ Кирилловскомъ, и въ Прилуцкомъ синодикахъ число казненныхъ въ извѣстное время Новгородцевъ показано одно: 1505 человѣкъ" (стр. 89). Отмѣчая это частное сходство, Н. Суворовъ не подмѣтилъ тождественности этихъ записей. Между тѣмъ, внимательное изученіе этихъ записей Кирилловской, изданной Устряловымъ, и Спасоприлуцкой, изданной Суворовымъ, приводитъ къ убѣжденію въ тождественности ихъ. Чтобы сходство этихъ записей представлялось нагляднѣе, приведемъ то мѣсто изъ Кирилловской, гдѣ кончается одна рукопись и начинается другая, и соотвѣтствующее мѣсто изъ Спасоприлуцкой, потому что это вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ служить доказательствомъ того нашего мнѣ-

[1]) См. Чт. Моск. Общ. Ист. и Древн. 1859, № 3, стр. 89—100.

нія, что Устряловъ издалъ одинъ только синодикъ, такъ какъ вторая рукопись, обозначенная въ его изданіи римскою цифрою II и начинающаяся словами: „помяни Господи....“, служила простымъ продолженіемъ первой рукописи, на что даже указывалъ счетъ страницъ этихъ рукописей:

Палицынъ Серебренникъ Несторовъ
38. Пятово. Родиона. Обиду.
Ямской Новгородцы вы
Димитрія. Феодора. зженою. дѣти
Подь ячѣй
его Стефана. Никиту. Ирiну. Іванна зженою. дѣти его. Ананію.
Аньдрѣевъ
Екатерину. Кирила зженою. дѣти
Игнатьевъ
его Василія. Марѳу. Харитона.
Ре-
39. зженою. Стефаниду. Пезаньцовъ Шаховъ
телю зженою. Карпа Селянина зженою. дѣти ихъ. Петра. Пелагію.

II.

40. Помяни Гди душа оусопшихъ рабъ своихъ, ірабынь. прежде почившихъ вѣка сего отъ Адама ідосего дни. Помяни гди.
Ершовъ
41. Глѣба зженою. Матроны.
Борода Ворыпаевъ
Феодора зженою. Іванна зженою.
Палицынъ
Григорія зженою. Симеона зженою. дѣти его. Феодора. Данiила.
Зворыкинъ
Алексія зженою. Василія зженою.
Савуровы
Андрея зженою. сына его.

42. Лазаря. Болобана зженою.
Бутурлин Игнатьевъ
Неждана зженою. Богдана зженою.
Алексія зженою. Марiи. Григорія...

(Кирилловское поминанье. См. Сказанія, стр. 384).

Помяни, Господи, души: Серебряника Родіона Обиды, Димитрія Ямского, подъячихъ Новгородцкихъ: Ѳеодора Маслова съ женою и дѣтей ихъ—Никиты, Ирины, Іоанна Лукина съ женою, да ихъ дѣтей—Стефана, Ананіи, Екатерины, Кирила и дѣтей его—Василія, Марѳы, Харитона съ женою и дщери его Стефаниды, Пятелю съ женою и сына его Карпа Селянина, Шахова съ женою и дѣтей его—Пелагіи, Глѣба, Ершова съ женою и дочь ихъ Матроны, Ѳеодора съ женою, Іоанна съ женою, Симеона съ женою и дѣтей ихъ Ѳеодора, Данiила, Алексія съ женою, Василія, Андрея съ женою и сына ихъ Лазаря, Болабана съ женою, Неждана съ женою, Богдана съ женою, Алексія съ женою и дочери ихъ Маріи, Григорія.....

(Спасоприлуцкая запись. См. Чт. Моск. Общ. Ист. и Древ. 1859 г. № 3, стр. 96).

Такое сходство, не исключающее, правда, нѣкоторыхъ различій и дополненій въ текстѣ то той, то другой записи, оказывается не въ одномъ или нѣсколькихъ мѣстахъ, но на всемъ протяженіи ихъ [1]).

Текстъ этихъ записей дошелъ въ неисправномъ видѣ, такъ что надъ многими именами пропущены родовыя прозванія или переданы неправильно. Устряловъ, издавая рукописи, отысканныя сенаторомъ К. Бороздинымъ, нѣкоторыя неправильности исправилъ: напр., онъ отмѣтилъ, что 1) чтеніе Коменскихъ (стр. рукописи 6) есть описка, а нужно Коломенскихъ, 2) что родовое прозваніе надъ именемъ князя Іосифа—Григорьяновъ также описка, потому что такихъ князей не было (стр. 20), 3) что вмѣсто Алексѣй Масмановъ (стр. 78) слѣдуетъ читать—Алексѣй Басмановъ и т. д. Всѣ эти поправки подтверждаются текстомъ Спасоприлуцкой записи, за исключеніемъ одной. Въ Кирилловскомъ поминаньѣ стоитъ: „князя Юрія, князя Іванна Шашины“ (стр. 78), и Устряловъ въ примѣчаніи къ этому мѣсту замѣчаетъ, что „вѣроятнѣе князья Шамины, потомки князей Ярославскихъ“, но эту поправку слѣдуетъ отвергнуть, такъ какъ въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ Спасоприлуцкой записи (стр. 99) читаемъ: „князя Юрія, князя Іоанна Кашина“.

Какъ извѣстно, Спасоприлуцкая запись начиналась такъ: „По выписи Государскихъ книгъ, имена и прозванія представившихся православныхъ христіанъ, мужей, женъ и дѣтей, разныхъ городовъ людей. По цареву государеву велѣнію великаго князя Іоанна Васильевича всеа Россіи, поминать тѣхъ христіанъ, по его государственнымъ книгамъ, по именамъ и прозваніямъ; ихъ же имена чти ниже сего“, и имѣла заглавіе: „тетрадь, а въ ней имена писаны *опальныхъ*“ [2]). Все это приводитъ къ заключенію, что „Спасоприлуцкая запись“ и тождественное ей „Кирилловское поминанье“ представляютъ выпись изъ государевыхъ книгъ и содержатъ въ себѣ *исключительно имена опальныхъ*.

Далѣе, припомнимъ, что кормовыя книги Кириллова монастыря

---

[1]) Такимъ образомъ, соотвѣтствіе страницъ печатнаго изданія Спасоприлуцкой записи и страницъ рукописи Кирилловскаго поминанья слѣдующее: 91 (печатная первой)=3—6 (рукописнымъ второго); 92=6—8, 14—16; 93=16—22; 94=23, 10—13; 95=14, 27—33; 96=33—39, 41—43; 97=44, 55—63, 24—26, 51—52; 98=53—55, 64—71, 45—48, 72—73; 99=74—83, 100=83—84.

[2]) Чт. Моск. Общ. Ист. и Древн. 1859 г., № 3, стр. 91, 89.

говорятъ, что въ синодикѣ были поименованы опальные, одни изъ которыхъ были потоплены, другіе побиты, а третьи сожжены. Разумѣется, если Спасоприлуцкая запись свидѣтельствуетъ, что лица, въ ней перименованныя, подвергались „отсѣченію рукъ, ручному усѣченію, отдѣлыванію и застрѣливанію изъ пищалей и сожженію“ (стр. 92—95), а тождественное Спасоприлуцкой записи Кирилловское поминаніе указываетъ, кромѣ того, на потопленіе (стр. по рук. 2), такъ это доказываетъ, что Кирилловское поминаніе и было тѣмъ синодикомъ, о которомъ говорятъ кормовыя книги Кириллова монастыря, а слѣдовательно на это поминаніе и на Спасоприлуцкую запись распространяется все, что̀ говорятъ кормовыя книги о синодикѣ.

Мы доказали, что Спасоприлуцкій и Кирилловскій синодики представляютъ выпись изъ государевыхъ книгъ, въ которыхъ, какъ говорится въ концѣ Спасоприлуцкаго, были написаны опальные именами, чинами и прозваніями. Это даетъ намъ основаніе утверждать, что хранящійся въ Императорской Публичной Библіотекѣ синодикъ, совершенно сходственный, по замѣчанію Устрялова [1]), и наружнымъ видомъ, и содержаніемъ съ Кирилловскимъ, представлялъ собою также выпись изъ государевыхъ книгъ, а все это наводитъ на догадку, что незадолго до смерти (Кирилловскій синодикъ былъ присланъ въ 1583 году) во всѣ монастыри царь приказалъ разослать синодики, т. е. выписи изъ тѣхъ книгъ, куда онъ записывалъ имена, чины и прозванія казненныхъ.

Этимъ происхожденіемъ синодиковъ объясняются тѣ междустрочныя надписи, благодаря которымъ мы знаемъ прозванія и чины, а иногда подробности казни отдѣльныхъ лицъ, надписи, которымъ изслѣдователь имѣетъ основаніе оказывать полное довѣріе [2]).

Чтобы окончательно исчерпать вопросъ о синодикахъ и устранить всякія возраженія противъ исторической ихъ достовѣрности, необходимо указать, какъ содержаніе ихъ подтверждается другими нашими достовѣрными источниками.

Сенаторъ К. Бороздинъ, отыскавъ рукописи поминанья, препроводилъ ихъ Устрялову съ замѣчаніями, которыя, по мнѣнію по-

---

[1]) Сказанія, стр. 372.

[2]) Какъ кажется, наше изложеніе является отвѣтомъ на вопросъ Е. Бѣлова: «зачѣмъ было ему (т. е. Іоанну) приказывать дѣлать междустрочныя надписи, безъ сомнѣнія, затруднявшія чтеніе?».

слѣдняго, неоспоримо доказывали, что всѣ поименованныя въ нихъ лица были жертвами Іоаннова гнѣва, и о содержаніи ихъ писалъ: „какъ въ первой, такъ и во второй означены по большей части именно тѣ лица, которыя по другимъ достовѣрнымъ свидѣтельствамъ погибли въ несчастное время Грознаго“ [1]).

Е. Бѣловъ, приведя послѣднее соображеніе К. Бороздина, ставитъ при словѣ „достовѣрнымъ“ вопросительный знакъ и продолжаетъ: „кто же далъ право заключить, что если тутъ и есть убитые, то и всѣ поминаемые убиты?“ [2]).

Выше уже мы указывали, что̀ даетъ право заключать, что всѣ поминаемые погибли, а теперь остается указать на достовѣрные источники, подтверждающіе показанія синодика. Такими достовѣрными свидѣтельствами безспорно признаются лѣтописи, наказныя рѣчи посламъ и Послужной списокъ. Какъ извѣстно, въ синодикѣ встрѣчаются имена Ивана Кашина, Александра Горбатаго и его сына Петра, Петра Головина и Владиміра Старицкаго (стр. 29 и 78), насильственная смерть которыхъ засвидѣтельствована лѣтописями [3]); о казни князя Петра Горенскаго, печатника Висковатаго и казначея Никиты Фуникова, упоминаемыхъ въ синодикѣ (стр. 65 и 83), сказано было въ наказахъ посламъ, отправляемымъ въ Литву [4]); наконецъ, въ синодикѣ находятся имена Алексѣя Басманова (стр. 78), Андрея Шенна (стр. 14), Петра Серебрянаго (стр. 55), Михаила Черкасскаго (стр. 78), Каллиста (неправильно—Каллиника) Собакина (стр. 81), Петра Куракина (стр. 79) и Бориса Тулупова (стр. 81), которые въ Послужномъ спискѣ отмѣчены выбывшими [5]), т. е., какъ мы доказали, были казнены.

---

[1]) Предисловіе Устрялова въ Сказаніяхъ, стр. 371—372.

[2]) Журн. Мин. Нар. Просв. 1886, № 2, стр. 268.

[3]) О смерти первыхъ четырехъ см. Александро-Невскую лѣтопись (стр. 258). О погибели послѣдняго читаемъ въ Новгородской третьей лѣтописи: «Въ лѣто 7077 (1569), генваря въ 6 день, на Крещеніе Господне, царь и великій князь Иванъ Васильевичъ всея Росіи уби брата своего... князя Владиміра Старицкаго» (П. С. Р. Л. т. III, стр. 253).

[4]) Въ одномъ наказѣ читаемъ: «А нѣчто вспросятъ про князя Петра Горенскаго, чего для его царь и великій князь казнилъ, и Ѳедору Ивановичу молвити»..., а въ другомъ: «А нѣчто вспросятъ, почему государь вашъ казнилъ казначея Микиту Фуникова, печатника Ивана Михайловича (Висковатаго).... и князю Ивану и князю Григорью съ товарищи говорити».... Карамзинъ, прим. 143 и 299 къ IX тому.

[5]) Древн. Вивл. т. XX, стр. 50—51, 53—54.

Можно было бы, пожалуй, согласиться съ Е. Бѣловымъ, что „синодикамъ оказано излишнее довѣріе“, если бы онъ, на основаніи другихъ заслуживающихъ довѣрія (исключаемъ отсюда Послужной списокъ, о неисправностяхъ котораго выше говорили) источниковъ, доказалъ, что не погибъ насильственной смертью хотя одинъ человѣкъ изъ тѣхъ опальныхъ, которые перечисленованы въ синодикѣ, но, какъ мы видѣли, другіе достовѣрные источники подтверждаютъ показанія синодика; и безпристрастный изслѣдователь только можетъ пожалѣть, что синодикъ Іоанновъ, представлявшій собою выпись изъ подлинныхъ государевыхъ книгъ, гдѣ были записаны имена опальныхъ именами, прозваніями и чинами, не дошелъ до насъ въ вполнѣ исправномъ видѣ.

Достовѣрность показаній иностранныхъ источниковъ, какъ оказывается, еще въ бо̀льшей степени заподозрѣна нашими изслѣдователями.

Называя Гваньини, Одерборна, Таубе и Крузе явными врагами и недоброжелателями Іоанна, Арцыбашевъ отказывается придавать ихъ сообщеніямъ какую-либо достовѣрность [1]). Относительно этихъ же писателей Кн. Бестужевъ-Рюминъ высказывается такъ: „Двое слугъ Грознаго царя въ Александровской слободѣ Елертъ Крузе и Іоганъ Таубе, измѣнивъ и перешедши на службу польскую, представили записку Курляндскому Герцогу Кетлеру въ 1572 году. Въ этой запискѣ они старались, сколько могли, очернить Русскаго царя. Видѣли они, конечно, много, но зная, что они переходили отъ одной стороны къ другой, едва ли можно придавать ихъ разсказамъ значеніе несомнѣннаго документа. Также мало значенія можно придавать разсказамъ итальянца Александра Гваньини (р. 1538 † 1614), бывшаго на службѣ у Стефана Баторія и въ своихъ объемистыхъ компиляціяхъ помѣстившаго свѣдѣнія о Москвѣ. Они послужили источникомъ для „Жизни Іоанна Васильевича“, написанной пасторомъ Одерборномъ, жившимъ сначала въ Ковно, а потомъ въ Ригѣ и Митавѣ“ [1]). Е. Бѣловъ въ своей статьѣ „Объ историческомъ значеніи русскаго боярства“, замѣчая, что необходимо историкамъ „строже разобрать иностранные источники, касающіеся исторіи Грозн-

---

[1]) Арцыбашевъ, кн. IV, отд. I, прим. 1855, 1898, 1912.

[2]) «Русская Исторія», т. I, стр. 183—184.

наго", довольствуется лишь нѣсколькими бѣглыми замѣчаніями: Гваньини „писалъ явно, по его словамъ, въ угоду Баторію, у котораго служилъ"; памфлетнаго характера книжечка Одерборна не заслуживаетъ также особеннаго вниманія, потому что онъ былъ „большой поклонникъ Баторія и, конечно, писалъ съ такою же цѣлью, какъ и Гваньини, то-есть, съ цѣлью вооружить общественное мнѣніе въ Европѣ противъ врага польскаго короля"; относительно Таубе и Крузе онъ, со словъ Эверса, издателя ихъ письма, повторяетъ, что, „желая извинить себя или совсѣмъ оправдаться въ глазахъ Кетлера, они грѣхами царя, которому измѣнили, старались прикрыть свой собственный позоръ" [1]).

Однако, необходимо замѣтить, что, если пристрастіе писателя неопровержимо доказано, то это обстоятельство даетъ право изслѣдователю подозрѣвать въ его сообщеніяхъ только извѣстную долю преувеличенія и неправильную окраску фактовъ, но отвергать его сообщенія и признавать ихъ незаслуживающими довѣрія безпристрастный изслѣдователь рѣшится только послѣ тщательной провѣрки и разбора.

Между тѣмъ, какъ оказывается, наши изслѣдователи удовлетворялись только тѣмъ, что подчеркивали пристрастіе къ Баторію Гваньини и Одерборна и вражду Таубе и Крузе къ Іоанну, но никто не взялъ на себя труда провѣрить сообщенія этихъ писателей.

Мы также не беремъ на себя труда восполнить этотъ пробѣлъ въ нашей исторической литературѣ, такъ какъ подобная работа можетъ служить темой для отдѣльной монографіи и завела бы насъ слишкомъ далеко; наша задача гораздо скромнѣе: мы провѣримъ указанія Гваньини, Одерборна, Таубе и Крузе относительно того, кто былъ казненъ Іоанномъ, свидѣтельствами нашихъ достовѣрныхъ источниковъ и этимъ покажемъ, въ какой степени они заслуживаютъ довѣрія историка.

Въ сочиненіи Гваньини [2]) говорится о казни Ивана Петровича Челяднина и Владиміра Морозова, дерзнувшаго похоронить трупъ казненнаго слуги Курбскаго (pp. 30, 38); и мы знаемъ, что эти лица

---

[1]) Журн. Мин. Нар. Просв. 1886, № 2, стр. 258, 260—261.

[2]) Сочиненіе Александра Гваньини изъ Вероны (Veronіensis), озаглавленное Omnium regionum Moscoviae Descriptio, помѣщено въ 1 томѣ сборника Старчевскаго (pp. 48) Historiae Ruthenicae Scriptores Exteri.

дѣйствительно погибли насильственной смертью, такъ какъ отмѣчены въ Послужномъ спискѣ выбывшими [1]). Гваньини также указываетъ, что были казнены Казаринъ Дубровскій съ двумя сыновьями и Петръ Серебряный (pp. 31, 41); и тотъ и другой поименованы въ синодикѣ, а значитъ, какъ мы доказывали, дѣйствительно были казнены царемъ [2]). Согласіе Гваньини съ синодикомъ не ограничивается только этимъ, такъ какъ въ описаніи казней 1570 года онъ буквально какъ будто повторяетъ синодикъ, въ чемъ можно убѣдиться изъ слѣдующаго сопоставленія этихъ нашихъ источниковъ:

„appellabatur *Ioannes Michaelovicz Viskovaty*... Iussit secundo loco produci in Theatrum suum Thesaurarium, cui nomen erat *Michael Funichow*... Deinde jussit adduci quendam *Georgium Czapkin cum uxore et liberis*... Deinde productus est alter secretarius, cui nomen *Ioannes Bulhakow*, qui fuit una *cum uxore et liberis* capite truncatus... Tunc jubet educi et secretarium suum *Basilium Stepanow*... (Moscoviae Descriptio, pp. 43—45).

„Никиты Фуникова, Ивана Висковатаго, Василія Стефанова съ женою и двема сыны, Ивана съ женою и дочерью, Григорія Шапкина съ женою, дочерью и съ двема сыны“... (Кирилловскій Синодикъ, стр. 65).

Это замѣчательное сходство столь различныхъ источниковъ, какъ разсказы иностранца и показанія оффиціальнаго синодика, бывшаго выписью изъ государевыхъ книгъ, служитъ не только къ полному удостовѣренію факта казни тѣхъ или другихъ лицъ, но, что̀ для насъ теперь важнѣе, позволяетъ рѣшительно не согласиться съ К. Н. Бестужевымъ-Рюминымъ, что „также мало значенія можно придавать разсказамъ итальянца Александра Гваньини“.

Все сказанное относительно Гваньини имѣетъ приложеніе къ Одерборну [3]), такъ какъ изложеніе казней Іоанновыхъ у послѣдняго не только сходится въ подробностяхъ и мелочахъ съ разсказомъ Гваньини, но даже идетъ въ той же послѣдовательности.

---

[1]) Древн. Вивл. т. XX, стр. 46, 48.

[2]) Кирилловскій синодикъ, стр. 3, 55.

[3]) Сочиненіе Павла Одерборна, озаглавленное Ioannis Basilidis Magni Moscoviae Ducis vita, помѣщено у Старчевскаго см. Scriptores Exteri, t. II, pp. 189—267.

Основываясь, вѣроятно, на этомъ сходствѣ, К. Бестужевъ-Рюминъ высказываетъ предположеніе, что сочиненіе Гваньини послужило для Одерборна источникомъ, но съ этимъ мнѣніемъ нельзя согласиться, такъ какъ при всемъ сходствѣ замѣчаются важныя отличія, не допускающія мысли о томъ, что Одерборнъ списывалъ Гваньини: 1) послѣдній разсказываетъ объ одновременной казни двоюроднаго брата царя и его жены, не называя ихъ по имени (р. 40), но Одерборнъ, называя неправильно этого брата Юріемъ, говоритъ, что сначала онъ былъ казненъ, а потомъ уже его жена (рр. 232—233); 2) Одерборнъ менѣе подробно разсказываетъ о казни Дмитрія Овчинина, князя Ростовскаго, Ивана Петровича Ѳедорова (рр. 227—228). Висковатаго и Фуникова (р. 231), чѣмъ Гваньини (см. рр. 28—30, 43—45); 3) совершенно не упоминаетъ о казни какого-то Василія Дмитріевича и Владиміра Морозова (Гваньини, р. 38); 4) называетъ Владиміромъ Казаринымъ (р. 234) того знатнаго человѣка, о которомъ Гваньини разсказываетъ (р. 32), что онъ хотѣлъ истолкованіемъ своего сна добиться у Іоанна освобожденія изъ тюрьмы, и 5) подробно разсказываетъ о протестѣ знатныхъ лицъ съ бояриномъ Телятевскимъ во главѣ противъ безжалостнаго преслѣдованія лицъ высшаго сословія (рр. 233—234), тогда какъ Гваньини упоминаетъ только о фактѣ протеста, не указывая даже главнаго дѣйствующаго лица (р. 33).

Какъ бы ни были ничтожны эти отличія, но они указываютъ скорѣе на то, что у Одерборна и Гваньини былъ общій источникъ, котораго они держались довольно близко, но все же въ результатѣ получились нѣкоторыя отличія субъективнаго характера: одному компиляторy показалось интереснымъ распространиться объ одномъ болѣе подробно, другому же о другомъ; гдѣ одинъ счелъ лишнимъ приводить имена дѣйствующихъ лицъ, другой тамъ нашелъ нужнымъ ихъ назвать.

Это объясненіе сходства въ изложеніи Одерборна и Гваньини находитъ себѣ подтвержденіе въ томъ, что мы знаемъ объ Одерборнѣ изъ его собственнаго сочиненія.

Какъ оказывается, Одерборнъ былъ знакомъ съ славяно-русскимъ языкомъ настолько, что могъ перевести съ этого языка на латинскій трактатъ Рокиты, представленный этимъ лютеранскимъ проповѣдни-

комъ Іоанну [1]); ему королевскій секретарь показывалъ письма царя къ Стефану Баторію [2]); о смерти Іоанна онъ разсказывалъ со словъ заслуживающихъ вѣры людей [3]); въ Гроднѣ, куда онъ пріѣзжалъ для переговоровъ съ королемъ о важныхъ дѣлахъ, ему показывали письмо Сапѣги въ которомъ обсуждался вопросъ о средствахъ и способахъ борьбы съ московскимъ царемъ [4]), а въ своемъ домѣ Одерборнъ пріютилъ нѣсколькихъ человѣкъ, бывшихъ въ плѣну московскомъ [5]).

Такимъ образомъ, какая была надобность Одерборну списывать у Гваньини, когда онъ владѣлъ русскимъ языкомъ, когда ему были доступны тайныя оффиціальныя бумаги, когда притомъ разсказы пріютившихся у него лицъ, бывшихъ въ московскомъ плѣну, могли служить для него добавочнымъ матеріаломъ! Гораздо естественнѣе, въ виду всего вышесказаннаго, прійти къ заключенію, что въ основу разсказа Гваньини и Одерборна о казняхъ Іоанновыхъ легло какое-то неизвѣстное намъ сочиненіе, написанное или на русскомъ, или на латинскомъ языкѣ, сочиненіе, которымъ пользовались эти писатели каждый по своему.

Весьма можетъ быть, что въ основу изложенія Гваньини и Одерборна легла оффиціальнаго характера записка, представленная Стефану Баторію, въ которой канцлеръ Сапѣга, по словамъ Одерборна, подробно и точно описывалъ нравы московскаго царя (barbari Principis mores exacte delineabat) и говорилъ о средствахъ успѣшной съ нимъ борьбы [6]).

Какъ бы то ни было, но замѣчательное сходство, которое мы подмѣтили между царскимъ синодикомъ и сообщеніями Гваньини, и,

---

[1]) remque adeo omnem in longa disputatione tractatum scripto comprehendi jussit (Іоаннъ), quod nos (Одерборнъ) *de Slavonico sermone conversum* Latina civitate donavimus (p. 213).

[2]) Literas ad Stephanum Regem... quas Paulus Oderbornius, qui haec conscripsit, a regio secretario acceptus recitari etiam audivit (p. 255).

[3]) ego certe haud obscuris ex relatione prestantium hominum innixus testimoniis, rem quidem rarissime auditam, sed veram me commemorare scio (p. 260).

[4]) Sapieha deinde litteras ad Regem fecit, quas ego Grodnae vidi et quibus ille *barbari Principis mores exacte delineabat*, docebatque simul quibus modis esset enitendum, ut Mosci in tanto cardine omni imperio et dominatione exsuerentur. Cum haec a Moscovia in Lithuaniam nuntiarentur, Groduam profectus eram, ut *gravibus quibusdam de rebus Serenissimi Regis nostri sententiam* coram intelligerem, a quo cum *clementissime auditus et dimissus* essem... (p. 265).

[5]) Captivos vinculis solvit, quorum non paucos nobili etiam genere natos et stipem rogantes mea in domo habui (p. 267).

[6]) Одерборнъ, p. 265.

слѣдовательно, Одерборна, должно заставить нашихъ изслѣдователей, какъ смѣемъ надѣяться, относиться къ этимъ писателямъ снисходительнѣе и съ бо́льшимъ довѣріемъ.

Что же касается письма Таубе и Крузе къ герцогу Кетлеру [1]), то слѣдуетъ замѣтить, что казнь князя Александра Горбатаго и его 15-лѣтняго сына, князя Петра Горенскаго (SS. 196—197), Ивана Петровича Ѳедорова (S. 206), князя Петра Серебрянаго (S. 207), Владиміра Старицкаго (SS. 213—218), Никиты Фуникова, Ивана Висковатаго (S. 225), Ивана Петровича Яковлева (S. 230) засвидѣтельствована лѣтописями, наказными рѣчами и Послужнымъ спискомъ [2]); затѣмъ, казнь Никиты и Василія Оболенскихъ (S. 197), Хозяина Тютина съ женою, двумя сыновьями и двумя дочерьми (S. 206), Петра Щенятева, Владиміра Курлятева (S. 207), Ѳеодора Салтыкова (S. 230), о которыхъ упоминается въ томъ же письмѣ, не подлежитъ сомнѣнію, ибо имена всѣхъ этихъ лицъ встрѣчаются въ синодикѣ [3]), такъ что непровѣренной и неподтвержденной достовѣрными источниками остается только казнь нѣсколькихъ лицъ, имена которыхъ переданы въ нѣмецкой транскрипціи такъ плохо, что трудно догадаться объ ихъ русскомъ наименованіи.

Итакъ, послѣ краткаго разбора этихъ иностранныхъ писателей, болѣе или менѣе подробно останавливающихся на описаніи эпохи казней Іоанновыхъ, мы приходимъ къ заключенію, что они заслуживаютъ гораздо бо́льшаго довѣрія со стороны безпристрастнаго изслѣдователя, и несправедливо, основываясь лишь на томъ, что они враги или враждебно къ Іоанну относятся, не придавать ихъ словамъ никакого значенія, а ихъ сочиненія выключать почти совершенно изъ числа заслуживающихъ довѣрія источниковъ исторіи Іоанна тѣмъ болѣе, что послѣдняя богатствомъ таковыхъ не отличается и необходимо поэтому воспользоваться всякимъ скуднымъ словомъ, дошедшимъ до насъ отъ той отдаленной поры, всякимъ звукомъ, долетѣвшимъ до насъ изъ той, къ счастью, давноминувшей жизни.

---

[1]) Полное заглавіе этого письма слѣдующее: Zar' Iwan der Grausame Sendschreiben an Gothard Kettler Herzog zu Kurland und Semgallen. von Iohann Taube und Elert Kruse (1572). Оно было издано Эверсомъ въ 1816 г. въ сборникѣ (SS. 187—238) Beiträge zur Kenntniss Russlands und seiner Geschichte.

[2]) Алекс.-Нев. Лѣт. стр. 258; Новг. Третья Лѣт. стр. 253; Карамзинъ, т. IX, прим. 143 и 299; Древн. Вивл. т. XX, стр. 47—48, 50.

[3]) Кирилловскій синодикъ, стр. 84, 8, 64, 14, 84.

Разумѣется, изслѣдователь, для котораго дорога историческая истина сама по себѣ, безъ всякаго отношенія къ тому, пріятна ли она или непріятна его самосознанію, согласуется ли она или нѣтъ съ его взглядомъ, сложившимся какъ-либо подъ вліяніемъ обстоятельствъ побочныхъ и неимѣющихъ ничего общаго съ наукою, долженъ принять всѣ мѣры предосторожности, чтобы ложныя слова врага не провозгласить исторической дѣйствительностью и не отвергнуть въ то же время правдиваго показанія только потому, что оно передано врагомъ. Чтобы сохранить равновѣсіе и не впасть ни въ ту, ни въ другую ошибку, необходимо руководиться такими, какъ кажется, основательными пріемами: 1) провѣрять показанія Курбскаго о казняхъ и лицахъ казненныхъ по возможности только вполнѣ достовѣрными источниками (лѣтописи, наказныя рѣчи, синодикъ и оффиціальные акты), пользуясь иностранными источниками только какъ дополнительнымъ матеріаломъ; 2) если же какое-либо свидѣтельство Курбскаго будетъ подтверждаться лишь однимъ изъ вышеуказанныхъ иностранныхъ писателей, то можно принимать его за достовѣрное и доказанное, основываясь не только на томъ, что эти писатели, какъ мы доказывали, заслуживаютъ гораздо бо́льшаго довѣрія, чѣмъ сколько имъ оказывается, но главнымъ образомъ—на томъ соображеніи, что свидѣтельство, переданное согласно двумя источниками, между которыми, какъ въ этомъ случаѣ, невозможно установить никакого взаимодѣйствія и—вліянія, пріобрѣтаетъ въ свою пользу значительную долю несомнѣнности.

II. Какъ мы упоминали, изложеніе Курбскаго не даетъ возможности опредѣлить послѣдовательность казней и указать время ихъ совершенія.

Между тѣмъ, необходимость вести обозрѣніе историческихъ событій въ хронологической послѣдовательности и желаніе объяснить мотивы отдѣльныхъ казней связью съ современными событіями и отношеніями побудили Карамзина, а вслѣдъ за нимъ Соловьева, распредѣлить главнѣйшія казни, о которыхъ говорятъ наши источники, извѣстными группами.

Карамзинъ указываетъ 6 эпохъ казней; это дѣленіе и распредѣленіе усвоено было и Соловьевымъ съ той только разницей, что его изложеніе менѣе подробно, такъ какъ онъ не упоминаетъ о многихъ казняхъ, о которыхъ говоритъ Карамзинъ, и сокращаетъ по возможности самый обзоръ ихъ.

Положивъ въ основаніе нашего изложенія распредѣленіе казней, введенное Карамзинымъ и принятое Соловьевымъ, возможно будетъ не только представить разборъ этой части сочиненія Курбскаго, но и указать слабыя стороны и неправильности какъ въ распредѣленіи казней, такъ и въ объясненіи ихъ мотивовъ.

Разсказывая о казни одной вдовы Маріи съ пятью сыновьями, Данила Адашева съ сыномъ, трехъ Сатиныхъ, Ивана Шишкина, князя Михаила Репнина, князя Юрія Кашина, князя Димитрія Курлятева съ семействомъ, Никиты Шереметева и преслѣдованіи Ивана большого Шереметева со словъ Курбскаго, а о погибели князя Дмитрія Овчинина со словъ Гваньини и Одерборна [1]), Карамзинъ всѣ эти событія относитъ къ эпохѣ первыхъ казней, совершенныхъ будто въ періодъ времени 1560—1561 гг. (эти годы стоятъ вверху страницы) [2]). Соловьевъ поступаетъ правильнѣе, хотя также о всѣхъ этихъ казняхъ разсказываетъ въ томъ же порядкѣ, какъ и Карамзинъ: разсказавъ о казни и преслѣдованіяхъ родственниковъ Алексѣя Адашева, онъ говоритъ объ умерщвленіи Репнина, Юрія Кашина и Овчинина какъ о примѣрахъ, которые выставляютъ въ доказательство нравственной порчи Іоанна, упоминаетъ о постриженіи Дмитрія Курлятева съ семействомъ и ихъ удавленіи и заканчиваетъ это обозрѣніе, выражая сомнѣніе относительно насильственной смерти Никиты Шереметева [3]).

Мы говоримъ—правильнѣе, потому что нельзя относить къ эпохѣ первыхъ казней гибель боярина Михаила Репнина, Юрія Кашина и Никиты Шереметева, которые, по свидѣтельству Послужного списка, скончались въ 1565 году [4]), но все-же напрасно Соловьевъ, слѣдуя Карамзину, сгруппировалъ вмѣстѣ всѣ эти казни, совершенныя въ различное время [5]).

---

[1]) Гваньини, p. 28; Одерборнъ, p. 227.

[2]) Карамзинъ, т. IX, стр. 11—12.

[3]) Соловьевъ, т. VI, стр. 198—202.

[4]) Древн. Вивл. т. XX, стр. 46 - 47.

[5]) Самъ Соловьевъ чувствовалъ эту неловкость, какъ видно изъ того, что, разсказавъ о казни Репнина и Кашина, онъ прибавилъ: «Мы сочли себя въ правѣ упомянуть здѣсь объ этихъ казняхъ потому, что Курбскій въ первомъ посланіи своемъ къ царю уже говоритъ: «Зачѣмъ ты святую кровь воеводъ своихъ въ церквахъ Божіихъ пролилъ, зачѣмъ мученическою ихъ кровью пороги церковные обагрилъ?» Іоаннъ, въ отвѣтъ на это, не отрицая казней, говоритъ однако: «Крови въ церквахъ никакой мы не проливали и порогомъ церковныхъ кровью не

Въ основу разсказа Карамзина и Соловьева о первой эпохѣ казней легло изложеніе нашего писателя.

Вскорѣ послѣ смерти Алексѣя Адашева и удаленіи Сильвестра „воскурилось, по словамъ Курбскаго, гоненіе великое, и пожаръ лютости въ землѣ Русской возгорѣлся“: была казнена Марія Магдалина съ пятью своими сыновьями, оклеветанная передъ царемъ, какъ „чаровница и Алексѣева согласница“, казненъ былъ Иванъ Шишкинъ, родственникъ Адашева, а два-три года спустя той же участи подверглись Данило Адашевъ съ 12-лѣтнимъ сыномъ, тесть Данила, Петръ Туровъ, также Ѳедоръ, Алексѣй и Андрей Сатины, на сестрѣ которыхъ былъ женатъ Алексѣй Адашевъ (стр. 79—80).

О смерти всѣхъ этихъ лицъ мы не имѣемъ никакихъ рѣшительно извѣстій; знаемъ только, что въ 1562 году въ Стародубѣ былъ воеводою какой-то Иванъ Ѳедоровичъ Шишкинъ [1]), что Алексѣй Сатинъ въ 1560 году былъ воеводою въ Мценскѣ [2]), что Данило Адашевъ, у котораго былъ сынъ Торхъ [3]), былъ въ 1559 г. пожалованъ въ окольничіе [4]), и что въ синодикѣ упоминаются, т. е. казнены были Андрей Шишкинъ съ женою и Петръ Шишкинъ [5]), но, какъ совершенно основательно замѣчаетъ Соловьевъ, мы имѣемъ право принять показаніе Курбскаго, потому что „Іоаннъ не отрицаетъ казней, послѣдовавшихъ за открытіемъ движенія (?) совѣтниковъ Сильвестра и Адашева въ пользу послѣднихъ“ [6]).

Казнь молодого князя Димитрія Овчинина, упоминаемаго въ по-

обагрили» (стр. 200). Однако, эта оговорка не устраняетъ неловкости, такъ какъ царь отвѣчалъ Курбскому въ іюлѣ 1564 года и не могъ имѣть въ виду Репнина и Кашина, которые погибли въ 1565 году.

[1]) Древн. Вивл. т. XIII, стр. 324.

[2]) Древн. Вивл. т. XIII. стр. 304.

[3]) Прим. 118 Устрялова къ Сказаніямъ.

[4]) Древн. Вивл. т. XX. стр. 43.

[5]) Кирилловскій синодикъ. стр. 36 и 84.

[6]) Соловьевъ, т. VI, стр. 198. Здѣсь авторъ «Исторіи Россіи» имѣетъ въ виду, вѣроятно, слѣдующія слова Іоанна въ первомъ письмѣ къ Курбскому: «неперва же убо казнію конечною ни единому коснухомся: всѣмъ же убо, иже къ нимъ не приставши, повелѣхомъ отъ нихъ отлучитися... и послѣже убо имъ наша заповѣдь ни во что же положиша и крестное цѣлованіе преступивше, не токмо отсташа отъ тѣхъ измѣнниковъ, но и большими начаша имъ помогати и всячески промышляти, дабы ихъ на первый чинъ возвратити... сего ради повинные по своей винѣ такова суда пріяли... сего ради повинные пріяша казнь по своимъ винамъ»... (Сказанія, стр. 167—168), а также слова изъ того же письма: «изобѣнные и заточенные вси пріяша по своимъ виностемъ» (Тамъ же, стр. 189).

слѣдній разъ въ разрядахъ 1563 года, когда царь шелъ на Полоцкъ, въ числѣ придворныхъ („за государемъ ѣздилъ“) [1]), казнь, о которой говоритъ Курбскій (стр. 80—81), находитъ себѣ подтвержденіе у Гваньини и Одерборна [2]). Казнь Михаила Репнина и Юрія Кашина не подлежитъ сомнѣнію, такъ какъ ихъ имена стоятъ рядомъ въ синодикѣ [3]).

Желая привлечь и расположить къ себѣ Михаила Репнина, царь, по словамъ Курбскаго, пригласилъ его на пиръ. Когда, отуманенные винными парами, царь и всѣ его гости надѣли маски и принялись плясать, Репнинъ началъ со слезами говорить, что христіанскому государю это не приличествуетъ; въ отвѣтъ на это, Іоаннъ шутливо пригласилъ его принять участіе въ общемъ веселіи и сталъ прилаживать къ его лицу маску; воспитанный въ старозавѣтныхъ правилахъ, боярин сорвалъ маску и растоптал ее ногами: „не буди ми, сказалъ онъ, се безуміе и безчиніе сотворити, въ совѣтническомъ чину сущу мужу“; разгнѣванный царь прогналъ Репнина, а черезъ нѣсколько дней приказалъ заколоть въ церкви, возлѣ алтаря, во время чтенія евангелія на всенощномъ бдѣніи. Князя же Юрія Кашина, по словамъ Курбскаго, царь приказалъ умертвить въ ту же ночь: его убили на церковной паперти, когда онъ шелъ на утреннюю молитву (стр. 81).

Князя Димитрія Курлятева, по словамъ Курбскаго, царь приказалъ съ женою и дѣтьми постричь насильно въ монашество, а черезъ нѣкоторое время всѣхъ ихъ удавить (стр. 82). Насильственное постриженіе Курлятева и его всей семьи только правдоподобно: правда, въ ящикѣ 214 царскаго архива хранились „отписки о князѣ Дмитріи Курлятевѣ, его княгинѣ и дочеряхъ въ Каргополь, въ Челмскій монастырь“ [4]), но извѣстно, что монастыри тогда служили мѣстами ссылки. Хотя въ Послужномъ спискѣ Курлятевъ показанъ умершимъ въ 1562 году [5]), но мы имѣли случай замѣтить, что

---

[1]) Древн. Вивл. т. XIII, стр. 332.

[2]) Гваньини, p. 28; Одерборнъ, p. 227.

[3]) Кирилловскій синодикъ, стр. 78; Спасоприлуцкій синодикъ, стр. 99.

[4]) Акт. Арх. Экс. I, № 289. См. также (Карамзинъ, т. IX, прим. 36) выписку изъ Архивной Переписной книги, № 2, л. 420—425, гдѣ сказано: «Столникъ, а въ немъ Государева грамота... о князѣ Дмитреѣ Курлятевѣ, какъ велѣно его везти въ монастырь къ Спасу на Вожеко»...

[5]) Древн. Вивл. т. XX, стр. 44.

такъ сплошь и рядомъ обозначаются казненные; разсказъ же о насильственной смерти Курлятева и его семьи заслуживаетъ полнаго довѣрія: Іоаннъ считалъ его главнымъ приверженцемъ Сильвестра и не упускалъ случая попрекнуть его поведеніемъ въ своихъ письмахъ къ Курбскому [1]).

Еще въ началѣ своихъ преслѣдованій и казней Іоаннъ, по словамъ Курбскаго, посадилъ Ивана большого Шереметева въ узкую тюрьму и приказалъ оковать его цѣпями, а къ бедрамъ придѣлать желѣзный обручъ, съ привѣсомъ 10 пуд. желѣза; когда въ эту тюрьму пришелъ Іоаннъ и допытывался съ угрозами, гдѣ его богатства, бояринъ отвѣтилъ, что они руками нищихъ перенесены въ небесную сокровищницу, и продолжалъ, какъ разсказываетъ Курбскій, мудро и основательно бесѣдовать; смягчившись подъ вліяніемъ этой бесѣды, царь облегчилъ тяжесть заточенія, но все-же въ тотъ день велѣлъ удавить его брата, боярина Никиту Шереметева; пожившій еще нѣсколько лѣтъ при дворѣ (Курбскій, однако, не говоритъ объ его освобожденіи изъ тюрьмы, полагая, вѣроятно, что это само собою вытекаетъ изъ разсказа), Иванъ Шереметевъ раздалъ послѣднее свое имущество, удалился въ одинъ изъ монастырей и принялъ постриженіе (стр. 92—93).

О Никитѣ Шереметевѣ знаемъ, что въ 1562 году онъ начальствовалъ лѣвой рукой въ походѣ изъ Дерпта къ Тарвасу и отмѣченъ въ Послужномъ спискѣ умершимъ въ 1565 году [2]), но извѣстіе Курбскаго о насильственной его смерти не находитъ подтвержденія въ другихъ источникахъ. Что же касается Ивана большого Шереметева, то источники даютъ почти полное подтвержденіе свидѣтельства нашего писателя: 8 марта 1564 года съ него была взята поручная запись за ручательствомъ многихъ лицъ, обязавшихся внести 10 тыс. рублей на случай его отъѣзда или побѣга, а въ апрѣлѣ того же года онъ былъ на берегу Оки первымъ воеводою правой руки [3]); участвовалъ въ засѣданіяхъ земскаго собора, приго-

---

[1]) См. отзывы царя въ его письмахъ: 1) «единомышленника своего, князя Дмитрія Курлятева, къ намъ въ сигклитію принустилъ»; 2) «явлено, еже Курлятевымъ насъ хотѣсте судити про Сицкаго» и 3) «А Курлятевъ былъ почему меня лучше? Его дочерямъ всякое узорочье покупай благословно и здорово, а моимъ дочерямъ проклято и за упокой!» См. Сказанія, стр. 164, 166, 195.

[2]) Древн. Вивл. т. XIII, стр. 320; т. XX, стр. 46.

[3]) Собр. Госуд. Грам. и Догов. т. I, №№ 180, 181; Древн. Вивл. т. XIII, стр. 350.

ворившаго не уступать Лифляндіи и стоять за нее, и его подпись видимъ на этомъ приговорѣ, писанномъ 2-го іюля 1566 года [1]), неправильно отмѣченъ въ Послужномъ спискѣ умершимъ въ 1570 г., такъ какъ изъ грамоты Іоанна къ Козьмѣ, игумену Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, грамоты, писанной около 1578 года, видно, что Шереметевъ, въ монашествѣ принявшій имя Іоны, былъ тогда еще живъ: „а Іону Шереметева, пишетъ царь, никто въ зашеекъ не билъ: зачѣмъ же безчинствуетъ?“ [2]).

Вторая эпоха казней, по словамъ Карамзина, открылась при введеніи опричнины, послѣ знаменитаго отъѣзда Іоанна въ Александровскую слободу. Тогда, по его словамъ, 4 февраля 1565 года были казнены: князь Александръ Горбатый-Шуйскій съ сыномъ Петромъ, шуринъ Горбатаго Петръ Ховринъ, окольничій Головинъ, князь Иванъ Сухой-Кашинъ, князь Петръ Горенскій и князь Дмитрій Шевыревъ. Извѣстно, что въ наказѣ Колычеву, отправляемому къ польскому королю въ 1565 году, было приказано на разспросы о послѣднихъ казняхъ отвѣчать, что казнены совѣтники Курбскаго, такъ какъ они вмѣстѣ съ послѣднимъ „умышляли всякое лихое дѣло“ противъ царскаго семейства, а Петра Горенскаго будто-бы поймали на отъѣздѣ въ Литву [3]).

Карамзинъ не придаетъ значенія этимъ оправданіямъ и заявленіямъ Іоанна, но Соловьевъ, упоминая о казни этихъ же лицъ, говоритъ, что они были казнены „какъ совѣтники Курбскаго, умышлявшіе съ нимъ на государя, жену и дѣтей его всякія лихія дѣла, и что князь Горенскій былъ пойманъ на отъѣздѣ“ [4]).

Зная истинную причину опалы на Курбскаго и другихъ приверженцевъ Сильвестра и Адашева, слѣдуетъ признать, что Соловьевъ оказалъ слишкомъ много довѣрія оффиціальнымъ заявленіямъ, о характерѣ которыхъ мы будемъ имѣть случай говорить далѣе.

Казнь всѣхъ этихъ, кромѣ Ховриныхъ, лицъ не можетъ подлежать сомнѣнію: 1) о казни Александра Горбатаго съ сыномъ Петромъ, Петра Головина, князя Ивана Кашина, князя Дмитрія Ше-

[1]) Собр. Госуд. Грам. и Догов. т. I, № 192, стр. 547, 556.
[2]) Древн. Вивл. т. XX, стр. 50; Акт. Ист. т. I, № 204, стр. 384, 394.
[3]) Карамзинъ, т. IX, прим. 141, 143.
[4]) Карамзинъ, т. IX, стр. 47—48; Соловьевъ, т. VI, стр. 217.

вырева говоритъ лѣтопись [1]), 2) казнь князя Петра Горенскаго, какъ мы видѣли, удостовѣрена въ наказной рѣчи Колычеву; 3) имена Александра Горбатаго и сына его Петра, Петра Головина, Ивана Кашина, Петра Горенскаго стоятъ въ синодикѣ [2]); 4) въ Послужномъ спискѣ отмѣчены выбывшими Александръ Горбатый и Петръ Горенскій [3]); 5) Таубе и Крузе пишутъ, что князь Александръ Горбатый и его 15-лѣтній сынъ были обезглавлены, а князь Петръ Горенскій повѣшенъ [4]).

Совсѣмъ не упоминая о казни князя Петра Горенскаго и Петра Головина, Курбскій говоритъ, что князь Иванъ Кашинъ былъ убитъ, князь Дмитрій Шевыревъ посаженъ на колъ и скончался, распѣвая псалмы, а князю Александру Горбатому и его 17-лѣтнему сыну отсѣкли головы (Курбскій, со словъ очевидцевъ, передаетъ трогательный разговоръ между отцемъ и сыномъ, который первымъ хотѣлъ лечь на плаху, но уступилъ очередь своему отцу, нежелавшему видѣть его казни), а въ одинъ день съ ними были казнены Петръ Ховринъ, шуринъ Горбатаго, и Михаилъ Петровичъ, братъ Петра Ховрина (стр. 81—83).

Какъ мы видѣли, насильственная смерть всѣхъ этихъ лицъ, исключая Ховриныхъ, удостовѣрена и подтверждается нашими источниками; весьма правдоподобно извѣстіе и о казни Ховриныхъ въ виду того, что они были родственниками князя Александра Горбатаго, самаго выдающагося лица изъ числа казненныхъ въ февр. 1565 г.

Разсказъ о „третьей эпохѣ убійствъ“ Карамзинъ начинаетъ изложеніемъ существеннаго содержанія отвѣтныхъ грамотъ князей Бѣльскаго, Мстиславскаго, Воротынскаго и конюшаго Ивана Петровича Ѳедорова на тѣ листы короля польскаго, которые были вручены тайно этимъ боярамъ [5]).

Эти грамоты, изданныя Новиковымъ подъ заглавіемъ: „Отвѣтныя грамоты къ польскому королю Сигизмунду—Августу и къ гетману литовскому Хоткевичу отъ четырехъ главнѣйшихъ россійскихъ

---

[1]) Алекс.-Невск. Лѣт. стр. 258.
[2]) Кирилловскій синодикъ, стр. 78, 83; Спасоприлуцкій синод. стр. 99.
[3]) Древн. Вивл. т. XX, стр. 47.
[4]) Таубе и Крузе, стр. 196—197.
[5]) Карамзинъ, т. IX, стр. 57—58.

бояръ“ [1]), всѣ помѣчены 1567 годомъ (іюлемъ и августомъ) и буквально тождественнаго содержанія въ главныхъ своихъ частяхъ.

Какъ оказывается, королевскія грамоты были вручены боярамъ бывшимъ слугою князей Воротынскихъ, какимъ-то Иваномъ Петровичемъ Козловымъ [2]). Надѣвшись надъ королемъ, котораго бояре называютъ „прокураторомъ, фальшеромъ и лотромъ“ [3]), князь Михаилъ Воротынскій въ отвѣтной грамотѣ изъявляетъ желаніе перейти съ своими товарищами на его службу, если онъ ему дастъ Новгородокъ Литовскій, Витебскъ, Минскъ, Могилевъ и всѣ города по Днѣпру, кромѣ Кіевскаго повѣта, Волынскую и Подольскую земли, князю Бѣльскому—великое княжество Литовское и русскія земли, князю Мстиславскому—Трокскую, Берестейскую, Прусскую и Жмудскую земли, а себѣ оставитъ только Польское королевство, и далѣе рисуетъ съ самой злой иронісй такую картину: „мы всѣ, соединяясь такъ съ тобою, нашимъ братомъ, будемъ пребывать между собою въ братствѣ и любви, находясь подъ высшимъ покровительствомъ (голдомъ) великаго царскаго самодержства, а царь милостивъ къ христіанству, для своихъ подданныхъ противъ недруговъ не щадитъ своей жизни, въ силахъ оборонитъ тебя и насъ отъ турокъ, крымскаго хана, цесаря и другихъ инозсмцевъ, и будетъ блюсти надъ нашимъ покоемъ и безопасностью“ [4]).

Карамзинъ сомнѣвается въ подлинности королевскихъ грамотъ и предполагаетъ, что Іоаннъ самъ составилъ ихъ для испытанія вѣрности бояръ: „если государь, пишетъ исторіографъ, составленіемъ мнимыхъ королевскихъ грамотъ испытывалъ вѣрность бояръ своихъ, то она симъ случаемъ была доказана въ его глазахъ“ [5]).

Съ этимъ предположеніемъ Карамзина нельзя согласиться. Тождественность содержанія во всѣхъ отвѣтныхъ грамотахъ указываетъ на то, что онѣ писались боярами совмѣстно и съ вѣдома царя, но сверхъ того имѣются другія данныя, неопровержимо, какъ намъ кажется, доказывающія, что авторомъ этихъ отвѣтовъ былъ самъ Іоаннъ. Злая ирошя и сильныя выраженія въ этихъ отвѣтныхъ письмахъ наводятъ

[1]) Древн. Вивл. т. XV, стр. 20—76.
[2]) Древн. Вивл. т. XV, стр. 21, 35, 42—43.
[3]) Древн. Вивл. стр. 23, 30, 34, 40, 46, 54, 70.
[4]) Древн. Вивл. т. XV, стр. 52—53.
[5]) Карамзинъ, т. IX, стр 58.

невольно на эту мысль, которая подтверждается нижеприводимымъ параллельнымъ сравненіемъ излюбленныхъ общихъ мыслей Іоанна въ несомнѣнно принадлежащихъ ему письмахъ съ такими же выраженіями въ отвѣтныхъ грамотахъ боярь польскому королю:

1) „а государство свое бережетъ крѣпко отъ всякаго лиха, а виноватыхъ и израдецъ (т. е. измѣнниковъ) вездѣ казнятъ".
(Грамоты, стр. 24, 36).

1) „а измѣнникамъ вездѣ казнь и опала бываетъ"... „а въ иныхъ земляхъ израдецъ не любятъ: казнятъ ихъ"... „подвластнымъ своимъ благимъ убо благая подаемъ, такожде и злымъ злая"...
(Сказанія, стр. 180, 157, 189).

2) „а гдѣ государской воли надъ собою не имѣютъ, тутъ яко пьяны шатаются".
(Грамоты, стр. 27, 38).

2) „тогда убо еже отъ тебѣ нарицаемые доброхоты возшаташася, яко пьяніи, съ попомъ Селивестромъ и съ начальникомъ вашимъ Алексѣемъ".
(Сказанія, стр. 166).

3) „наши государи отъ Великаго Владиміра, просвѣтившаго сю землю русскую святымъ крещеніемъ, и до нынѣшняго государя нашего ихъ вольное царское самодержство николи непремѣнно, а на государствѣ и никѣмъ не посажены и необдержимы, но отъ всемогущія Божія десницы на своихъ государствахъ государи самодержствуютъ".
(Грамоты, стр. 47—48).

3) „самодержство Божіимъ изволеніемъ починъ отъ великаго князя Владиміра, просвѣтившаго всю русскую землю святымъ крещеніемъ... дойде и до насъ, смиренныхъ скипетродержавія русскаго царствія... не восхитихомъ ни подъ кимъ же царства... воцарихомся Божіимъ велѣніемъ и родителей своихъ благословеніемъ свое всяхомъ...
(Сказанія, стр. 136—136).

4) „нашихъ великихъ государей вольное царское самодержство не какъ ваше убогое королевство, а нашимъ великимъ государемъ не указываетъ никто".
(Грамоты, стр. 47).

4) россійское самодержство изначала сами владѣютъ всѣми царствы, а не бояре и вельможи".
(Сказанія, стр. 141).

5) „могъ ли ты малую волю свою мимо пановъ радъ твоихъ волю сотворити, и коли ты самъ въ себѣ неволенъ, какъ же тобѣ вольну быти въ своемъ государствѣ, а то про красу собѣ притворяешь, что будто ты милостію волю даешь, а ты неволенъ ни въ чемъ".
(Грамоты, стр. 49).

5) „сего ради такова государя искалъ еси по своему злобѣсному хотѣнію, еже ни чимъ же собою владѣюща, но паче худѣйша отъ худѣйшихъ рабъ суща, понеже отъ всѣхъ повелѣваемъ есть, а не самъ повелѣвая".
(Сказанія, стр. 190).

Разумѣется, подобная тождественность въ мыслях и въ способѣ ихъ выраженія, какую мы видимъ изъ вышеприведенныхъ примѣровъ, не можетъ быть объясняема случайнымъ совпаденіемъ, такъ какъ это не какія-либо малозначительныя мысли, но основныя и коренныя воззрѣнія Іоанна, его излюбленныя общія мѣста.

Если не можетъ подлежать, какъ кажется, сомнѣнію, что отвѣтныя грамоты королю польскому писалъ царь, то само собою падаетъ предположеніе Карамзина, что боярамъ были доставлены мнимыя королевскія грамоты, писанныя для испытанія ихъ вѣрности, такъ какъ не было бы въ такомъ случаѣ никакого смысла царю изощрять свою иронію по адрессу Сигизмунда—Августа, составляя эти отвѣтныя грамоты. Такимъ образомъ, приходимъ къ выводу, что въ 1567 году вышеупомянутымъ боярамъ были доставлены отъ польскаго короля листы съ заманчивыми обѣщаніями.

Бѣльскій разсказываетъ, что 1568 году Сигизмундъ-Августъ собралъ огромное войско подъ Радосковицами, за Вильною, и стоялъ въ ожиданіи, пославъ какого-то Козлова съ грамотами къ боярамъ, изъявившимъ черезъ Козлова желаніе не только поддаться королю, когда тотъ покажется съ войскомъ, но выдать въ его руки царя связаннымъ; однако, царь будто бы узналъ объ этомъ заговорѣ и велѣлъ посадить Козлова на колъ [1]).

Арцыбашевъ принимаетъ на вѣру весь этотъ разсказъ польскаго историка и съ его словъ говоритъ о заговорѣ и измѣнѣ

[1]) У Карамзина (т. IX. прим. 183) приводится подобный же разсказъ Кольха (Liefl. Gesch. 280).

бояръ [1]). Между тѣмъ, разсказъ Бѣльскаго не заслуживаетъ довѣрія: 1) войско польское собралось будто бы въ 1568 году, и тогда же были отправлены грамоты боярамъ черезъ Козлова, но мы видѣли, что уже даже отвѣтныя грамоты помѣчены лѣтними мѣсяцами 1567 года; 2) король, говоритъ Бѣльскій, распустилъ войско, потому что не удался заговоръ бояръ, но мы знаемъ, что сильное московское войско во главѣ съ Іоанномъ стояло на литовской границѣ [2]), и въ этомъ видимъ причину нерѣшительнаго образа дѣйствій Сигизмунда-Августа; 3) Козлова, по словамъ Бѣльскаго, посадили на колъ, но это неправда: „а иное есьми, читаемъ въ концѣ каждой отвѣтной грамоты, всказали тебѣ брату своему словомъ молвити твоему вѣрному слугѣ Ивашку Козлову, и что онъ учнетъ тебѣ говорити, и ты въ ему вѣрилъ, бо суть наши рѣчи“ [3]).

Пристрастіе къ Іоанну и желаніе по возможности обѣлить его память не остановили строгій критическій умъ Арцыбашева на разборѣ этихъ подробностей, которыя лишаютъ разсказъ Бѣльскаго нашего довѣрія. Довѣрившись свидѣтельству Бѣльскаго, что въ Москвѣ былъ заговоръ, и главными заговорщиками были князь Бѣльскій, князь Мстиславскій, князь Воротынскій и конюшій Ѳедоровъ. Арцыбашевъ проглядѣлъ невольно при этомъ возникающее противорѣчіе: если бы заговоръ дѣйствительно существовалъ, и было бы открыто намѣреніе заговорщиковъ выдать царя связаннымъ въ руки Сигизмунда, то голову сложилъ бы не одинъ Ѳедоровъ, но и его три товарища.

Конечно, была связь между казнью Ивана Петровича Ѳедорова и присылкою грамотъ отъ польскаго короля, но только иного рода: наклонный къ подозрительности Іоаннъ въ этомъ увидѣлъ новое доказательство, что измѣна гнѣздится въ средѣ бояръ, что, какъ (по словамъ Курбскаго) говорили ласкатели и новые царскіе любимцы, „Сильвестровъ или Адашевъ духъ не вышелъ изъ нихъ“ [4]); и достаточно было какого-либо ничтожнаго обстоятельства, чтобы чаша гнѣва Іоаннова переполнилась, и начались казни.

По словамъ Карамзина и Соловьева, въ эту „третью эпоху

[1]) Арцыбашевъ, кн. II, отд. I, стр. 308 и прим. 1854; Бѣльскій, р. 566.
[2]) Древн. Вивл. т. XIII, стр. 389—394.
[3]) Древн. Вивл. т. XV, стр. 29, 40, 55.
[4]) Сказанія, стр. 73.

убійствъ" были казнены слѣдующія лица: конюшій Ѳедоровъ, князь Иванъ Куракинъ—Булгаковъ, князь Дмитрій Ряполовскій, трое князей Ростовскихъ, князь Петръ Щенятевъ, князь Иванъ Турунтай-Пронскій, казначей Хозяинъ Юрьевичъ Тютинъ и думный дьякъ Казаринъ Дубровскій [1]).

Однако, ставить въ связь всѣ эти казни едва ли позволительно, потому что онѣ совершались не въ одно время: конюшій Ѳедоровъ, князь Семенъ Ростовскій и князь Иванъ Куракинъ выбыли, какъ отмѣчено въ Послужномъ спискѣ, въ 1567 году, но князь Щенятевъ умеръ въ 1568 г., а Пронскій въ слѣдующемъ году [2]).

Курбскій разсказываетъ о казни всѣхъ вышепоименованныхъ лицъ, исключая князя Ивана Куракина, отмѣченнаго въ Послужномъ спискѣ выбывшимъ, и Казарина Дубровскаго [3]). Царь, по его словамъ: 1) казнивъ Ивана Петровича Ѳедорова съ женою (Маріей), приказалъ перебить всѣхъ его слугъ и, не довольствуясь этимъ, съ толпой опричниковъ выжегъ всѣ его вотчины и помѣстья, истребивъ въ нихъ, не щадя ни женъ, ни грудныхъ младенцевъ, все населеніе и все живое (а ни скота единаго живити повелѣлъ), что только тамъ было, причемъ люди загонялись въ хоромы и ихъ взрывали порохомъ (стр. 91—92, 95); 2) князя Петра Щенятева, принявшаго монашество, замучилъ, приказавъ жечь его на раскаленной желѣзной сковородѣ и подъ ногти забивать иглы, а его родственниковъ Петра и Іоанна казнилъ (стр. 84); 3) казнилъ также князя Димитрія Ряполовскаго и князей Семена, Андрея и Василія Ростовскихъ (стр. 83—84); 4) Ивана Пронскаго приказалъ утопить (стр. 85), а 5) своего казначея Хозяина Тютина казнилъ съ женою, дѣтьми и родственниками (стр. 93).

Наши источники подтверждаютъ свидѣтельство Курбскаго о всѣхъ этихъ казняхъ, исключая казни князя Димитрія Ряполовскаго: 1) въ Послужномъ спискѣ конюшій Ѳедоровъ и князь Семенъ Ростовскій отмѣчены выбывшими [4]); 2) въ синодикѣ упоминаются слуги Ивана Петро-

[1]) Карамзинъ, т. IX, стр. 58—59; Соловьевъ, т. VI, стр. 221.

[2]) Древн. Вивл, т. XX, стр. 48—50.

[3]) Казнь Казарина, о которой говорятъ Гваньини (р. 31) и Одерборнъ (р. 228), несомнѣнно произошла, такъ какъ имя его встрѣчаемъ въ Кирилловскомъ синодикѣ (стр. 3): «Казарина Дубровскаго и двухъ сыновъ его».

[4]) Древн. Вивл. т. XX, стр. 48.

вича и стоятъ имена князя Василія и Андрея Ростовскихъ, инока Пимена Нероцкаго монастыря (въ Обиходникѣ Кириллова монастыря князь Петръ Михайловичъ Щепятевъ названъ инокомъ Пименомъ) [1]), князя Петра Щенятева, Адріана Щенятева и его сына Ивана, Хозяина съ женою, братомъ и пятью сыновьями [2]); 3) Одерборнъ и Гваньини говорятъ объ опустошеніи помѣстій и вотчинъ Ивана Петровича и уничтоженіи въ нихъ всего живого, казни его самого и князя Ростовскаго [3]); 4) въ письмѣ Таубе и Крузе засвидѣтельствована казнь Ивана Петровича Хозяина (Kasçan Jurgiowitz) съ семействомъ, князя Петра Щенятева (knese Petter Schemnetrow) и князя Ивана Турунтая—Пронскаго (Turentri Prausky) [4]).

Къ этой же третьей эпохѣ убійствъ Карамзинъ относитъ гоненіе на митрополита Филиппа и казнь князя Василія Рыбина—Пронскаго [5]).

Курбскій говоритъ, что Іоаннъ приказалъ казнить князя Василія Рыбина—Пронскаго и въ одинъ день съ нимъ около двухъ-сотъ знатныхъ лицъ и дѣтей боярскихъ (стр. 85).

Въ письмѣ Таубе и Крузе находитъ себѣ подтвержденіе это сообщеніе Курбскаго: на другой день послѣ обличенія царя митрополитомъ Филиппомъ многіе, по словамъ авторовъ письма, были казнены и заключены въ тюрьму, и въ числѣ другихъ былъ обезглавленъ князь Василій Пронскій (Wassili Brantzki) [6]).

Митрополитъ Филиппъ, по словамъ Курбскаго, видя злыя дѣйствія царя, началъ „первѣе молити благовременнѣ“, а „потомъ претити страшнымъ судомъ Христовымъ“; вознегодовавъ за это на митрополита, Іоаннъ повсюду разослалъ своихъ ласкателей искать на Филиппа „изметныхъ вещей“ и подкупилъ лжесвидѣтелей; приготовившись такимъ образомъ, царь „собираетъ... іерсевъ Вельзевулиныхъ и проклятое сонмище согласниковъ Кайяфиныхъ“ въ церковь; туда привели и митрополита въ его одеждахъ; сорвали съ него святительскія ризы и отдали его въ руки палачей, а тѣ вы-

[1]) Прим. 135 Устрялова къ Сказаніямъ.

[2]) Кирилловскій синодикъ, стр. 6, 1. 60, 56; Спасоприлуцкій синодикъ, стр. 95; Кирилловскій синодикъ, стр. 8.

[3]) Гваньини, pp. 30–31, 29; Одерборнъ, p. 228.

[4]) Таубе и Крузе, SS. 206—207.

[5]) Карамзинъ, т. IX, стр. 60—63.

[6]) Таубе и Крузе, S. 110. Кромѣ князя Пронскаго, они называютъ какихъ-то двухъ другихъ князей: Iwan Karmissin und Cristian Budna, но трудно догадаться, о комъ они говорятъ.

волокли святителя изъ церкви, посадили на вола и нещадно бичевали; онъ хвалилъ Бога и благословлялъ народъ, горько плакавшій и рыдавшій вокругъ него; оковавъ руки, ноги и все тѣло тяжкими оковами, посадили страдальца въ узкую и мрачную тюрьму съ твердыми заклепами и замками; когда явились черезъ два дня посмотрѣть, не умеръ ли заключенный, то увидѣли его молящимся безъ оковъ; усматривая въ этомъ чародѣйство („чары творитъ епископъ"), царь приказалъ впустить въ тюрьму голоднаго медвѣдя, но звѣрь не тронулъ святителя. Свой разсказъ о Филиппѣ Курбскій заключаетъ приведеніемъ двухъ версій объ его кончинѣ: по разсказамъ однихъ, митрополитъ былъ сосланъ въ Отрочъ монастырь, находящійся въ Тверской землѣ, и тамъ спустя годъ былъ удавленъ однимъ опричникомъ послѣ того, какъ, въ отвѣтъ на просьбу царя возвратиться на митрополію, потребовалъ уничтоженія опричнины и произнесъ проклятіе на Іоанна, если онъ не захочетъ исполнить это требованіе; по разсказамъ другихъ, митрополитъ былъ сожженъ на горящихъ угольяхъ (стр. 102—105).

Весь этотъ разсказъ, кромѣ нѣкоторыхъ подробностей, внушенныхъ благочестивымъ чувствомъ лицъ, разсказывавшихъ Курбскому (чудеса въ тюрьмѣ, о которыхъ молчитъ житіе святого Филиппа), подтверждается свидѣтельствами другихъ нашихъ источниковъ: 1) лѣтопись указываетъ, что 22 марта 1568 г., въ воскресенье средокрестной недѣли, „началъ митрополитъ Филипъ съ государемъ враждовать объ опричинѣ", а въ четвергъ, 4 ноября того же года, свергли его съ святительскаго сана [1]); 2) указывая ту же причину вражды между царемъ и митрополитомъ и называя пособниковъ Іоанна (Пимена, архіепископа Новгородскаго, Пафнутія Суздальскаго, Филоѳея Рязанскаго, Благовѣщенскаго протопопа Евстафія), житіе св. Филиппа передаетъ, что царь отправилъ въ Соловки епископа суздальскаго Пафнутія, архимандрита Ѳеодосія и князя Василія Темкина искать клеветниковъ на митрополита и они привезли оттуда игумена Паисія, сыгравшаго роль главнаго обвинителя [2]); 3) по словамъ Таубе и Крузе, когда Филиппа поставили на судъ и привели лжесвидѣтелей, принявшихся клеветать на него, ми-

[1]) Нов. Вт. Лѣт. см. П. С. Р. Л. т. III, стр. 162.
[2]) Карамзинъ, т. IX, стр. 62 и прим. 197.

трополитъ, снявъ ризы и ничего не отвѣчая на клеветы, хотѣлъ удалиться, но царь дружественно обратился къ нему и просилъ служить на Михайловъ день (8 ноября) обѣдню, во время которой его схватили и, посадивъ на сани, отвезли въ монастырь [1]); 4) житіе подробнѣе разсказываетъ о сценѣ изгнанія митрополита изъ собора: на него надѣли монашеское разодранное платье, посадили на дровни, отвезли въ монастырь Богоявленія и, издѣваясь надъ нимъ по дорогѣ, били его метлами [2]); 5) изъ Пролога же узнаемъ, что митрополита задушилъ Малюта Скуратовъ подушкою въ Отрочѣ монастырѣ [3]).

По словамъ Курбскаго, вмѣстѣ съ Филиппомъ погибло нѣсколько сотъ человѣкъ, проживавшихъ на церковной землѣ (стр. 106). Хотя въ письмѣ Таубе и Крузе говорится о казняхъ, послѣдовавшихъ около времени столкновенія митрополита и царя, но, можетъ быть, сообщеніе Курбскаго есть отголосокъ тѣхъ убійствъ, которыя опричники произвели въ Торжкѣ, замучивъ около 200 человѣкъ разными способами [4]).

Окончивъ разсказъ о митрополитѣ Филиппѣ, Курбскій сообщаетъ нѣкоторыя подробности объ архіепископѣ Казанскомъ Германѣ, котораго Іоаннъ хотѣлъ видѣть на митрополіи послѣ удаленія митрополита Аѳанасія [5]).

Когда Германъ, по словамъ Курбскаго, уже прожилъ на митрополичьемъ дворѣ около двухъ дней, царь вступилъ съ нимъ въ бесѣду; разговоръ этотъ произвелъ на него сильное впечатлѣніе; возвратившись къ себѣ, Іоаннъ сообщилъ обо всемъ своимъ приближеннымъ и Басманову; послѣдніе стали высказывать царю свои опасенія, чтобы онъ не попалъ еще въ болѣе горькую неволю, чѣмъ во время господства Сильвестра и Адашева, если потерпитъ Германа на митрополіи. Эти навѣты подѣйствовали на царя, и онъ приказалъ изгнать Германа изъ митрополичьяго двора, а черезъ два

[1]) Таубе и Крузе. SS. 211—212.

[2]) Карамзинъ, т. IX, прим. 200, 204.

[3]) См. слова Пролога у Ардыбашева, прим. 1893.

[4]) Таубе и Крузе, S. 213.

[5]) Аѳанасій. Благовѣщенскій протопопъ и духовникъ Іоанна, былъ хиротонисованъ 5 марта 1564 года, и 19 мая 1566 года оставилъ митрополію «за немощію телесей» и поселился въ Чудовѣ монастырѣ. См. Алекс.-Невск. Лѣт. стр. 215, 275.

дня нашли архіепископа мертвымъ на его же дворѣ; по словамъ однихъ, какъ передаетъ Курбскій, Германъ былъ удушенъ, по словамъ же другихъ—отравленъ (стр. 106—107).

Но этотъ разсказъ не подтверждается другими нашими источниками: какъ извѣстно, Германъ былъ живъ 25 іюня 1566 г. и участвовалъ въ возведеніи на митрополію св. Филиппа; его подписи нѣтъ на грамотѣ, въ силу которой Филиппъ обязывался не вмѣшиваться въ опричнину и домовый обиходъ царя, но, по нѣкоторымъ свидѣтельствамъ, онъ умеръ въ Москвѣ 6 ноября 1567 года отъ моровой язвы [1]).

Описаніемъ казни Владиміра Старицкаго и разсказомъ о новгородскомъ разгромѣ Карамзинъ начинаетъ повѣствованіе о „четвертой ужаснѣйшей эпохѣ мучительства“.

По словамъ Курбскаго, Іоаннъ приказалъ убить князя Владиміра, своего двоюроднаго брата, съ матерью Евфросиніей, а жену его Евдокію и двухъ сыновей, старшаго изъ которыхъ звали Василіемъ, разстрѣлять; одновременно съ княземъ Владиміромъ, какъ утверждаетъ Курбскій, погибло много его вѣрныхъ слугъ (стр. 85—86).

Правда, въ письмѣ Таубе и Крузе, гдѣ подробно описываются обстоятельства казни князя Владиміра, сказано, что царь заставилъ своего двоюроднаго брата съ женою, двумя сыновьями и двумя дочерьми выпить ядъ [2]); Гейденштейнъ пишетъ, что царь своего брата казнилъ, по подозрѣнію въ стремленіи къ перевороту, со всѣми дѣтьми и слугами, пощадивъ одну лишь дочь [3]); Лаврентій же Миллеръ въ своихъ запискахъ объясняетъ, почему эту молоденькую дочь князя Владиміра царь пощадилъ: ему сказали, что она на него

[1]) Карамзинъ, т. IX, прим. 170; Устряловъ, прим. 189 къ Сказаніямъ.

[2]) Таубе и Крузе, SS. 213—218. Датскій посолъ Ульфельдъ говоритъ, что, подозрѣвая своего брата въ измѣнѣ и козняхъ, царь приказалъ ему выпить яду (Hodoeporicon Ruthenicum, p. 8 въ сборникѣ Старчевскаго Scrip. Ext. t. 1).

[3]) Reinholdi Heidensteinii, De bello Moscovitico, p. 95. (См. Script. Ext. t. II). По словамъ Гваньини, двоюроднаго брата Іоаннова оклеветалъ какой-то дьякъ Третьякъ Висковатый, и царь, подвергнувъ оклеветаннаго пыткѣ, приказалъ отсѣчь ему голову, а его жену утопить (p. 40). Одерборнъ, неправильно называя этого брата Юріемъ, разсказываетъ почти тоже, вставляя еще рѣчь, сказанную несчастнымъ передъ самой казнью (pp. 232—233). Рюссовъ говоритъ, что царь казнилъ Владиміра съ женою и дѣтьми (Прибл. Сбор. т. III, стр. 185).

похожа [1]). Однако, въ этихъ разсказахъ далеко не все заслуживаетъ вѣры: такъ, напр., мы знаемъ, что Василій, сынъ Владиміра Старицкаго, не только остался живъ, но въ 1573 году на свадьбѣ своей сестры Маріи, выданной замужъ за Магнуса, игралъ значительную роль [2]). Согласно свидѣтельству синодика, достовѣрно знаемъ, что мать князя Владиміра (Евфросинія, а въ иночествѣ Евдокія) съ инокинями, бывшими при ней, и съ 12 человѣкъ была потоплена въ Шекснѣ, а князь Владиміръ съ женою и дочерью былъ умерщвленъ въ деревнѣ Боганѣ. недалеко отъ Александровской слободы [3]).

„Не безъ связи съ дѣломъ Владиміра стоитъ Новгородскій погромъ"—замѣчаетъ Бестужевъ-Рюминъ [4]). Слѣдуетъ помнить, что это предположеніе, и мы увидимъ ниже, насколько твердо оно обосновано.

По словамъ Курбскаго, явившись въ Новгородъ, Іоаннъ приказалъ утопить въ рѣкѣ Новгородскаго архіепископа Пимена („бо глаголютъ его похлѣбовати мучителю, и гонитель былъ вкупѣ на митрополита Филиппа"—свидѣтельство, какъ выше мы видѣли, вполнѣ справедливое) и въ одинъ день погубилъ различными муками болѣе 15 тысячъ. Во время тогдашняго „прелютаго пожара" погибло, по словамъ нашего писателя, много знатныхъ лицъ и въ числѣ ихъ Андрей Тулуповъ и Неудача Цыплятевъ съ женою и дѣтьми [5]), а также много священниковъ и монаховъ. Два же года спустя, по приказанію царя, былъ казненъ и преемникъ архіепископа Пимена (стр. 107—108).

Всѣ эти сообщенія, кромѣ извѣстія о Пименѣ, о которомъ мы знаемъ, что онъ былъ сосланъ въ Веневъ и тамъ въ монастырѣ

---

[1]) Прибл. Сбори. т. IV, стр. 184—185.

[2]) Древн. Вивл. т. XIII, стр. 97.

[3]) Кирилловскій синодикъ, стр. 2, 10, 30 и прим. Устрялова къ этимъ страницахъ; Спасоприлуцкій синодикъ, стр. 94—95.

[4]) «Русская исторія», т. II, стр. 269.

[5]) Они, по словамъ Курбскаго, были «даны на послужение великія церкви Софіи». Дѣйствительно, изъ грамоты, данной архіепископомъ Леонидомъ 13 мая 1574 г. своему боярину Василію Ошину, узнаемъ, что этому послѣднему было пожаловано то село съ деревнями, которое было «прежъ того въ помѣстьѣ за архіепископля дворецкаго за Неудачинымъ сыномъ Цыплятева за Никитою». См. Акт. Ист. т. I, № 190.

св. Николая скончался [1]), вполнѣ достовѣрны и подтверждаются свидѣтельствами нашихъ источниковъ.

По свидѣтельству Таубе и Крузе, перебито было въ Новгородѣ болѣе 27 тысячъ народу (12 тысячъ человѣкъ болѣе знатныхъ и зажиточныхъ, а болѣе 15 тысячъ ремесленниковъ и простонародья) [2]); новгородская третья лѣтопись говоритъ, что убійства продолжались болѣе 5 недѣль, и всякій день топили тысячу или полторы тысячи человѣкъ, такъ что счастливымъ днемъ считался тотъ день, когда погибало 500—600 человѣкъ [3]); по свидѣтельству же псковской первой лѣтописи, число погибшихъ въ Новгородѣ простиралось до 60 тысячъ [4]). Основываясь на показаніяхъ этихъ источниковъ, можно прійти къ выводу, что въ новгородскій знаменитый погромъ погибло около 40 тысячъ человѣкъ. Между тѣмъ, въ кирилловскомъ синодикѣ, которому отказывать въ довѣріи мы не имѣемъ никакихъ основаній, означено 1505 новгородцевъ. Это противорѣчіе между показаніями (кирилловскаго синодика и другихъ источниковъ) относительно числа убитыхъ уничтожается помѣтою спасоприлуцкаго синодика: „по Малютинскіе Поугороцкіе посылки, читаемъ тамъ, отдѣлано скончавшихся православныхъ христіанъ тысяща четыреста девятдесять человѣкъ, да изъ пищалей пятнадцать человѣкъ“. Такимъ образомъ, оказывается, что отмѣченное въ синодикѣ число убитыхъ въ Новгородѣ относится только къ дѣяніямъ передового отряда, предводимаго Малютою Скуратовымъ, а вовсе не обозначаетъ собою числа всѣхъ побитыхъ въ извѣстный новгородскій разгромъ. Послѣ этого объясненія нельзя, кажется, будетъ съ синодикомъ въ рукахъ опровергать свидѣтельства нашихъ лѣтописей и съ призрачнымъ безпристрастіемъ заявлять: „лучше десяти страннымъ увѣдомленіямъ не повѣрить, нежели одинъ поклепъ счесть истиною“ [5]).

Какъ извѣстно, передовой отрядъ опричниковъ оцѣпилъ городъ 2 января 1570 года; свезли съ окрестностей 500 духовныхъ лицъ, поставили ихъ на правежъ, требуя съ каждаго по 20 руб. новгородскихъ; кромѣ того, похватали всѣхъ богатыхъ и именитыхъ лю-

---

[1]) Крат. лѣт. Новг. Вл. и Нов. Вт. лѣт. см. въ П. С. Р. Л. т. III, стр. 186, 252.
[2]) Таубе и Крузе, S. 222.
[3]) П. С. Р. Л. т. III, стр. 258, 261.
[4]) П. С. Р. Л. т. IV, стр. 343.
[5]) Археографическій сборникъ, т. IV, прим. 1898.

дей, опечатавъ предварительно ихъ имущество; 6 же января подошелъ самъ царь и велѣлъ на слѣдующій день побить палицами стоявшихъ на правежѣ [1]). Вотъ объясненіе, что значатъ слова синодика: „по Малютинскія посылки отдѣлано“.

Имѣя въ виду всѣ вышеприведенныя соображенія, слѣдуетъ признать, что число побитаго простонародья не удостоилось быть записаннымъ ни „въ царевы государевы книги“, ни въ представляющій выпись изъ этихъ книгъ синодикъ, гдѣ обозначено только число знатныхъ и нарочитыхъ людей. Это заключеніе, вытекающее само собою при внимательномъ изученіи синодика и лѣтописей, подтверждается нѣкоторыми иностранными писателями: Гваньини и Одерборнъ единогласно утверждаютъ, что Іоаннъ умертвилъ въ Новгородѣ 2770 гражданъ, если не считать простонародья [2]).

Итакъ, въ показаніяхъ о числѣ убитыхъ въ Новгородѣ нѣтъ въ источникахъ разногласія, какъ хотятъ увѣрить въ этомъ нѣкоторые изслѣдователи.

Далѣе, казнь князя Андрея Тулупова, Несудачи Цыплятева съ женою и дѣтьми не подлежитъ сомнѣнію, такъ какъ имена всѣхъ ихъ встрѣчаемъ въ синодикѣ [3]). Что же касается казни преемника архіепископа Пимена, то дѣйствительно знаемъ, что Леонидъ, поставленный въ архіепископы Новгорода изъ архимандритовъ Чудова монастыря, пробылъ на владычествѣ два года и, по свидѣтельству одной лѣтописи, былъ удаленъ „кзенью“ (?) въ Москвѣ, куда пріѣхалъ на соборъ, по свидѣтельству же другой лѣтописи, царь приказалъ его зашить въ медвѣжью шкуру и затравилъ собаками [4]).

Ко времени новгородскаго разгрома Курбскій относитъ мученическую смерть Корнилія, игумена Псково-Печерскаго монастыря, и его ученика Василіана Муромцева, которые, по его словамъ, были раздавлены какимъ-то „орудіемъ мучительскимъ“, а также грабежъ и кровопролитія въ Ивангородѣ, Псковѣ и въ другихъ городахъ той страны (стр. 10б—109).

[1]) Новгор. третья лѣт. см. въ П. С. Р. Л. т. III, стр. 255—258.

[2]) Гваньини, p. 34: «2770 civium, *excepto paupere vulgo, sexuque femineo* trucidati, et aquis obruti fuerint». Одерборнъ, p. 230: «Caesi sunt homines bis mille, septingenti et septuaginta, si ignobiliorum hominum turbam excipias».

[3]) Кирилловскій синодикъ, стр. 66, 71, 77.

[4]) П. С. Р. Л. т. III, стр. 262 (Новг. Тр. лѣт.); Тамъ же, т. IV, стр. 319 (Пск. Пер. лѣт.).

Дѣйствительно, имена Корнилія и Вассіана Муромцева встрѣчаются въ синодикѣ [1]), а въ одномъ изъ краткихъ лѣтописцевъ отмѣчено, что 20 фев. 1570 года Корнилій былъ „земнымъ царемъ посланъ къ небесному царю“ [2]).

Хотя въ лѣтописяхъ ничего не говорится о кровопролитіяхъ въ Псковѣ, но въ синодикѣ мы находимъ указаніе, что было казнено 190 псковичей съ женами и дѣтьми, а тридцать изъ нихъ сожжено [3]). Что же касается грабежей и кровопролитія въ Нарвѣ, то Рюссовъ сообщаетъ, что въ этомъ городѣ не былъ попаженъ ни одинъ русскій, а всѣ ихъ товары и имущество сжигали или, изрубивъ въ куски, бросали въ прорубь [4]).

Что же побудило Іоанна къ этимъ ужаснымъ неистовствамъ въ новгородской и псковской области, и можно ли ставить эти событія въ связь съ казнью Владиміра Старицкаго?

По одному извѣстію, какой-то бродяга Петръ Волынецъ, наказанный въ Новгородѣ за худыя дѣла, изъ мести составилъ отъ имени архіепископа и всѣхъ именитыхъ людей грамоту, въ которой они писали польскому королю о своемъ желаніи перейти въ его подданство, поддѣлался подъ ихъ подписи и скрылъ ее въ Софіевскомъ соборѣ, за образомъ Богородицы, а самъ бѣжалъ въ Москву и донесъ царю о намѣреніи новгородцевъ измѣнить; довѣренные люди, посланные Іоанномъ съ Волынцемъ, нашли въ указанномъ этимъ послѣднимъ мѣстѣ грамоту и представили царю [5]). Аббатъ Джеріо, бывшій съ польскими послами въ то время въ Москвѣ, въ своемъ донесеніи венеціанскому дожу подтверждаетъ это извѣстіе о грамотѣ: по его словамъ, царь казнилъ въ Новгородѣ 18 тыс. человѣкъ, чтобы окончательно вывести измѣну (per cradicar quella linea di detti malfattori), потому что была отыскана грамота, доказывающая измѣну (per haver trovato un correro con lettere di ribellarsi) [6]).

[1]) Кирилловскій синодикъ, стр. 24.

[2]) Карамзинъ, т. IX, прим. 485. Карамзинъ опровергаетъ дату этого лѣтописца, основываясь на словахъ Курбскаго и относя слова его «тогдажъ убіенъ» ко времени смерти Леонида, но неосновательно, какъ можно видѣть изъ связи разсказа нашего писателя.

[3]) Кирилловскій синодикъ, стр. 33; Спасокирилловскій синодикъ, стр. 95.

[4]) Прибл. Сборн. т. III, стр. 186.

[5]) Карамзинъ, т. IX, стр. 85 и прим. 263, гдѣ ссылка на «Ядро Рос. Ист.» Хилкова, стр. 242; Арцыбашевъ, ч. IV, прим. 1891 (приведена выписка изъ Хилкова).

[6]) Тургеневъ, Rus. Mon. p. 214. Аббатъ Джеріо называетъ Іоанна величайшимъ тираномъ: подданные, по его словамъ, оказываютъ ему величайшее повиновеніе и боятся его, какъ Бога, а онъ казнитъ не только провинившагося, но и всю семью.

Одни иностранные писатели говорятъ, что Іоаннъ казнилъ новгородцевъ, псковичей и тверянъ, подозрѣвая ихъ въ желаніи поддаться польскому королю [1]), а другіе пишутъ, что царь подозрѣвалъ новгородцевъ въ сочувствіи Владиміру Старицкому [2]). Дѣйствительно, какъ оказывается изъ Переписной книги посольскаго приказа и наказа князьямъ Канбарову и Мещерскому, отправляемымъ въ 1571 году въ Литву, царь какъ будто былъ убѣжденъ, что измѣнники хотѣли посадить на престолъ князя Владиміра Старицкаго, а Новгородъ и Псковъ отдать польскому королю. Въ томъ же примѣчаніи, въ которомъ приведена выписка изъ Переписной книги и наказа посламъ, Карамзинъ по поводу этихъ подозрѣній справедливо высказывается такъ: „Замѣтимъ, что Іоаннъ не упрекалъ симъ мнимымъ ковомъ ни Сигизмунда, ни Курбскаго въ новой съ нимъ перепискѣ... Если Пименъ, Фуниковъ, Висковатый, Басмановы, Вяземскій хотѣли *тайно извести* Іоанна, то какую нужду имѣли они въ содѣйствіи Литвы? для чего было имъ отдавать Новгородъ Сигизмунду?“ [3]).

Если же допустить, что новгородцы съ своимъ архіепископомъ во главѣ дѣйствительно замышляли поддаться польскому королю, то трудно представить, чтобы подобный замыселъ, подобная тайна была извѣстна всякому проходимцу; далѣе, если бы она была извѣстна бродягѣ Петру, то невозможно допустить, чтобы власти рѣшились наказать его за какой-бы то ни было проступокъ, а, наказавъ его, дали возможность бѣжать въ Москву.

Если на это можно отвѣтить, что возможное не всегда есть дѣйствительность, то заявленіе лѣтописца, что злые люди оклеветали архіепископа и новгородцевъ, что всѣ эти горестныя событія произошли „наущеніемъ и злоумышленіемъ богоотступниковъ, злыхъ и буявыхъ человѣкъ, хищниковъ, влагающихъ во уши царевы непріязненныя глаголы“,—нельзя не считать основательнымъ доказательствомъ невинности новгородцевъ, такъ какъ у лѣтописца мы не видимъ ни пристрастія въ пользу новгородцевъ, ни злобы противъ царя: 1) въ бѣдствіяхъ Новгорода онъ видитъ грозную десницу Все-

---

[1]) Таубе и Крузе. стр. 218; Гваньини. p. 34; Одерборнъ, p. 229; Рюссовъ, стр. 185 - 186 (Прибл. Сборн. т. III).

[2]) Ульфельдъ, pp. 8, 13; Гейденштейнъ, p. 95.

[3]) Карамзинъ, т. IX, прим. 299.

держителя, карающаго „за злая и непріязненная дѣла и беззаконія“, 2) царя же постоянно называетъ благочестивымъ и благовѣрнымъ [1]). При такомъ своемъ отношеніи къ царю и новгородцамъ лѣтописецъ не сталъ бы скрывать измѣны, если бы она была; но если лѣтописецъ молчитъ, а только въ тонѣ, обычномъ въ лѣтописяхъ, говоритъ о гнѣвѣ Бога, грѣхахъ людей, навлекшихъ на себя грозную десницу Вседержителя, и навѣтахъ злыхъ и хищниковъ, то это наилучшее доказательство невинности новгородцевъ и архіепископа Пимена; объяснить же молчаніе невѣдѣніемъ нельзя, такъ какъ невозможно себѣ представить, чтобы то, что̀ зналъ всякій проходимецъ и многіе новгородцы, оставалось бы тайною для лѣтописца, лица образованнаго и духовнаго, слѣдовательно принадлежащаго къ классу наиболѣе при разгромѣ пострадавшему.

Итакъ, навѣты клеветниковъ, а въ частности подложная грамота Петра Волынца навлекли на новгородцевъ, псковичей и тверичей всѣ ужасы кровопролитія и грабежа, такъ что, если возможно новгородскій погромъ ставить въ связь съ дѣломъ Владиміра Старицкаго, то слѣдуетъ прибавить, что эта связь была плодомъ подозрительности Іоанна, а не есть реальный историческій фактъ.

Къ этой же „четвертой эпохѣ мучительства“ Карамзинъ относитъ дѣло, о которомъ знаемъ изъ вышеупоминаемой Переписной книги посольскаго приказа, дѣло о сношеніяхъ новгородскихъ измѣнниковъ съ боярами Алексѣемъ Басмановымъ и его сыномъ Ѳедоромъ, Семеномъ Васильевичемъ Яковлевымъ, казначеемъ Фуниковымъ, печатникомъ Висковатымъ, дьякомъ Василіемъ Степановымъ, Андреемъ Васильевымъ и княземъ Леанасіемъ Вяземскимъ; всѣхъ ихъ обвиняли въ томъ, что они хотѣли сдать Новгородъ и Псковъ польскому королю, извести самого Іоанна, а на государство посадить князя Владиміра Андреевича [2]). По словамъ Соловьева, „это сыскное измѣнное дѣло до насъ не дошло, а потому историкъ не имѣетъ права произнести свое сужденіе о событіи“, но, не придавая значенія дѣйствительности обвиненію въ измѣнѣ новгородцевъ, тѣмъ менѣе можно вѣрить измѣнѣ московскихъ бояръ и приказныхъ: Іоаннъ отъ одного подозрѣнія переходилъ къ другому. Свое изложеніе Со-

[1]) Новг. Гр. лѣт. стр. 254—262.

[2]) Карамзинъ, т. IX, прим. 299.

ловьевъ продолжаетъ такъ: „Извѣстны слѣдствія: казнены были князь Петръ Оболенскій—Серебряный, Висковатый, Фуниковъ, Очинъ-Плещеевъ, Иванъ Воронцевъ, сынъ извѣстнаго намъ Ѳедора, и многіе другіе; всего удивительнѣе встрѣтить между осужденными имена главныхъ любимцевъ Іоанновыхъ—Басмановыхъ и Вяземскаго; Вяземскій умеръ отъ пытокъ, Алексѣй Басмановъ, какъ говорятъ, былъ убитъ сыномъ Ѳеодоромъ“ [1]).

Курбскій говоритъ, что царь заставилъ Ѳедора Басманова убить отца своего Алексѣя, имя котораго стоитъ въ синодикѣ [2]), а Никиту Прозоровскаго—своего брата Василія (стр. 98, 126); и это извѣстіе подтверждается рукописью Синодальной Библіотеки подъ № 364, л. 851: „Царь Іоаннъ принуди Ѳедора Басманова отца своего убити и Никиту Прозоровскаго брата своего Василія“ [3]). Однако, во всякомъ случаѣ невозможно погибель Алексѣя Басманова ставить въ зависимость отъ сыскного дѣла новгородскаго, такъ какъ онъ въ Послужномъ спискѣ отмѣченъ выбывшимъ въ 1569 году, т. е. погибъ еще до новгородскаго разгрома [4]).

Какъ мы видѣли, Соловьевъ довольствуется тѣмъ, что отмѣчаетъ лишь нѣкоторыхъ изъ казненныхъ, прибавляя послѣ имени Ивана Воронцова — „и многіе другіе“. Карамзинъ, называя тѣхъ же лицъ, что и Соловьевъ, говоритъ, что казнены были тогда также слѣдующія лица: Хабаровъ-Добрынскій, Василій Разладинъ, Крикъ-Тыртовъ, Андрей Кашкаровъ, Михаилъ Лыковъ, Никита Казариновъ-Голохвостовъ, Мясоѣдъ Вислой [5]).

Курбскій, ничего не упоминая о насильственной смерти Фуникова, Висковатаго, Василія Степанова, Захарія Плещеева, Ѳеодора Басманова, Вяземскаго и Мясоѣда Вислаго [6]), говоритъ, что князь

[1]) Соловьевъ, т. VI, стр. 229—230.
[2]) Кирилловскій синодикъ, стр. 78.
[3]) Карамзинъ, т. IX, прим. 307.
[4]) Древн. Вивл. т. XX, стр. 50.
[5]) Карамзинъ, т. IX, стр. 91.
[6]) Данныя, подтверждающія насильственную смерть этихъ лицъ, слѣдующія: 1) въ Послужномъ спискѣ отмѣчены выбывшими Захарій Ивановичъ Очинъ-Плещеевъ, кравчій Ѳедоръ Басмановъ и казначей Никита Аоанасьевичъ Курцовъ-Фуниковъ (Древн. Вивл. т. XX, стр. 51—52); 2) въ Кирилловскомъ синодикѣ встрѣчаемъ имена Никиты Фуникова, Ивана Висковатаго, Василія Степанова (стр. 64) и Константина Мясоѣдова Вислаго (стр. 63); 3) Гваньини говоритъ, что Иванъ Висковатый, Фуниковъ, Василій Степановъ (pp. 44—45) и Мясоѣдовъ (p. 42) были казнены, а Аоанасій Вяземскій замученъ въ пыткахъ (pp. 36—37); 4) Одерборнъ разсказываетъ

Петръ Оболенскій (стр. 82), Семенъ Яковлевъ съ женою и сыномъ (стр. 93), Иванъ Хабаровъ-Добрынскій съ сыномъ (стр. 93), Михаилъ Лыковъ съ родственникомъ (стр. 93), Василій Разладинъ съ матерью Ѳеодосіей, Крикъ-Тыртовъ (стр. 96), Иванъ Воронцовъ (стр. 97). Андрей и Азарій Кашкаровы (стр. 98) были казнены, а Никиту Казаринова, который постригся въ одномъ за-окскомъ монастырѣ, Іоаннъ приказалъ взорвать порохомъ, сына его же Ѳедора казнить (стр. 100).

Казнь только трехъ изъ всѣхъ этихъ лицъ подтверждается нашими источниками: князь Петръ Серебряный, о казни котораго говорятъ Гваньини, Одерборнъ, Таубе и Крузе, отмѣченъ въ Послужномъ спискѣ выбывшимъ въ 1571 году [1]), а имена его, Ѳеодора Казаринова и инока Никиты Казаринова стоятъ въ синодикѣ [2]).

Что касается прочихъ лицъ, упоминаемыхъ Курбскимъ, то приходится удовлетвориться приведеніемъ обстоятельствъ, косвенно подтверждающихъ свидѣтельство о насильственной ихъ смерти или относящихся къ послѣднимъ годамъ ихъ жизни: Семенъ Яковлевъ обвинялся въ сношеніяхъ съ новгородскими измѣнниками [3]); Иванъ Хабаровъ (въ монашествѣ Іоасафъ) былъ инокомъ въ Кирилловѣ монастырѣ и водилъ, по словамъ царя, дружбу съ Іоною Шереметевымъ [4]); окольничій Михаилъ Лыковъ, отмѣченный умершимъ въ 1571 году, былъ въ этомъ же году воеводою въ одномъ изъ городовъ (въ Копьѣ) на литовской границѣ, а въ синодикѣ встрѣчается имя Ивана Лыкова [5]); въ синодикѣ встрѣчаются также имена Андрея и Ивана Квашниныхъ, а Василій Разладинъ-Квашнинъ въ 1572 г. былъ воеводою въ Орѣшкѣ и 27 іюня того же года постригали его жену въ монахини [6]); Квашнины и Крикъ-Тыртовъ были новгородскими по-

о казни Ивана Висковатаго, Фуникова и Аоанасія Вяземскаго (р. 231); 5) въ письмѣ Таубе и Крузе сказано, что казначей Никита Фуниковъ и Иванъ Висковатый были четвертованы (SS. 224—225).

[1]) Древн. Вивл. т. XX, стр. 51; Гваньини, р. 41; Одерборнъ, р. 233; Таубе и Крузе, S. 207.

[2]) Кирилловскій синодикъ, стр. 55, 7.

[3]) Карамзинъ, т. IX, прим. 299. Переписная книга Посольскаго приказа.

[4]) Акт. Ист. т. I, стр. 376, 394. Посланіе царя въ Кириллo-Бѣлозерскій монастырь.

[5]) Древн. Вивл. т. XX, стр. 51; Тамъ же, т. XIII, стр. 419; Кирилловскій синодикъ, стр. 8.

[6]) Спасоприлуцкій синод. стр. 92; Древн. Вивл. т. XIII, стр. 440; Новг. Вт. лѣт. (П. С. Р. Л. т. III), стр. 171.

мѣщиками [1]); Иванъ Воронцовъ состоялъ въ числѣ дворянъ стана царскаго въ 1570 году (имя его стоитъ въ разрядѣ этого года рядомъ съ именемъ Малюты Скуратова) [2]).

Курбскій пишетъ, что Іоаннъ казнилъ десять Колычевыхъ, голову одного изъ которыхъ (Ивана Борисовича) приказалъ зашить въ мѣшокъ и отправить митрополиту Филиппу (стр. 94—96), Ѳедора Львова и Ивана Шаховскаго, котораго убилъ булавою собственноручно въ Невлѣ (стр. 84—85), князей Василія, Александра и Михаила Прозоровскихъ, князей Ушатыхъ (стр. 85). Игнатія, Богдана и Ѳеодосія Заболоцкихъ, Василія и другихъ Бутурлиныхъ (стр. 97), и прибавляетъ, что князья Никита и Андрей Мещерскіе, а также князь Андрей Аленкинъ избавились отъ казни потому только, что палачи, явившіеся привести надъ ними въ исполненіе приговоръ, нашли всѣхъ ихъ мертвыми: они пали при защитѣ какого-то новопоставленнаго города отъ татаръ (стр. 99).

Всѣ эти казни и преслѣдованія Карамзинъ относитъ къ „четвертой эпохѣ мучительства“ [3]).

Мы имѣемъ право принять свидѣтельство Курбскаго объ этихъ казняхъ, потому что оно подтверждается другими нашими источниками: 1) въ Послужномъ спискѣ отмѣченъ выбывшимъ окольничій Михаилъ Ивановичъ Колычевъ въ 1571 г., а бояринъ Иванъ Андреевичъ Бутурлинъ—въ 1575 году [4]); 2) въ синодикѣ встрѣчаемъ имена—Андрея, Василія, Тимофея и Венедикта Колычевыхъ [5]), князя Ѳедора Львова-Троекурова съ племянникомъ [6]), князя Василія Шаховскаго [7]), князя Даніила Чулкова-Ушатаго [8]), Богдана, Ѳеодосія и Ѳедора Заболоцкихъ [9]), Василія, Дмитрія, Григорія, Леонтія, Неждана и Стефана Бутурлиныхъ [10]); 3) въ житіи же св. Филиппа упоминается о присылкѣ головы убитаго Колычева въ тюрьму къ святителю [11]).

---

[1]) Древн. Вивл. т. VIII, стр. 18; Тамъ же, т. XIII, стр. 291.
[2]) Древн. Вивл. т. XIII, стр. 410.
[3]) Карамзинъ, т. IX, стр. 96.
[4]) Древн. Вивл. т. XX, стр. 51, 54.
[5]) Кирилловскій синодикъ, стр. 31, 18, 83.
[6]) Спасоприлуцкій синодикъ, стр. 93.
[7]) Кирилловскій синодикъ, стр. 66.
[8]) Спасоприлуцкій синодикъ, стр. 93.
[9]) Кирилловскій синод. стр. 31, 19; Спасоприлуцкій синод. стр. 93.
[10]) Кирилловскій синодикъ, стр. 24, 79, 59, 62, 42, 31.
[11]) Карамзинъ, т. IX, прим. 203.

Что же касается князей Прозоровскихъ, то извѣстіе о казни ихъ не подтверждается нашими источниками. Однако, слѣдуетъ замѣтить, что въ разрядахъ послѣдній разъ встрѣчаемъ Александра Прозоровскаго воеводою въ Полоцкѣ въ 1567 году, Василія—воеводою въ Серпуховѣ въ 1566 и Михаила—въ Свіажскомъ городѣ въ 1565 году [1]), а это обстоятельство дастъ основаніе предположить, что въ исходѣ 60-хъ годовъ они, по крайней мѣрѣ, подверглись опалѣ царя, если не были казнены.

Эпизодъ съ князьями Мещерскими и Аленкинымъ мы лишены возможности провѣрить другими источниками; знаемъ только, что въ 1567 году послѣдній былъ воеводою въ Шатскомъ городѣ [2]).

Болѣе или менѣе слѣдуя за Карамзинымъ въ его распредѣленіи казней по эпохамъ, Соловьевъ на обозрѣніи четвертой эпохи обрываетъ свой разсказъ о казняхъ, удовлетворяясь лишь такимъ замѣчаніемъ: „между тѣмъ казни продолжались по разнымъ поводамъ: по поводу нашествія Крымскаго хана, когда Мстиславскій признался, что онъ съ товарищами привелъ его: по поводу болѣзни и смерти невѣсты царской“ [3]).

Между тѣмъ, Курбскій не только молчитъ объ измѣнѣ Мстиславскаго и его товарищей, но и укоряетъ царя за сожженіе Москвы и погибель христіанскаго населенія (стр. 74). Молчаніе Курбскаго могло произойти или вслѣдствіе желанія избѣгнуть всего, что̀ можетъ бросить тѣнь подозрѣнія на боярское сословіе, или вслѣдствіе того, что никакой измѣны со стороны Мстиславскаго и его товарищей въ дѣйствительности не происходило.

Какъ извѣстно, въ степи (на Злынскомъ полѣ) встрѣтили Девлетъ-Гирея, шедшаго съ огромными силами на московскія украйны, дѣти боярскіе—двое изъ Бѣлева (Кудеяръ Тишенковъ и Окулъ Семеновъ), двое изъ Калуги (Ждапъ и Иванъ Юдинковы), одинъ изъ Каширы (Ѳедоръ Лихаревъ) и одинъ изъ Серпухова (Русинъ), и объявили ему, что въ Москвѣ и во всѣхъ московскихъ городахъ два года меженина (голодъ) и моръ, много людей вымерло, многихъ царь въ опалѣ побилъ, а остальные воинскіе люди и всѣ татары въ нѣ-

[1]) Древн. Вивл. т. XIII, стр. 385, 381, 361.
[2]) Древн. Вивл. т. XIII, стр. 384.
[3]) Соловьевъ, т. VI, стр. 236.

мецкой землѣ, государя же ждутъ съ опричниками въ Серпуховѣ, но людей съ нимъ мало: „Ты иди, прибавляли они, прямо на Москву; мы переведемъ тебя черезъ Оку и доведемъ до Москвы; если же до Москвы встрѣтитъ тебя войско, то вели насъ казнить“ [1]).

Ханъ, руководимый этими измѣнниками, переправился черезъ Оку (неизвѣстно въ какомъ мѣстѣ) и бросился на Москву. Узнавъ, что ханъ за рѣкою, воеводы поспѣшно двинулись къ столицѣ, куда прибыли 23 мая [2]). По одному извѣстію, Бѣльскій, Мстиславскій и Воротынскій съ 50 тысячами дали подъ Москвою хану сраженіе, но были разбиты и отступили [3]); по другому же, князь Иванъ Бѣльскій и Михаилъ Морозовъ съ большимъ полкомъ стали на большой Варламовской улицѣ, князь Иванъ Мстиславскій и Иванъ меньшой Шереметевъ съ правой рукою—на Якимовской улицѣ; князь Михаилъ Воротынскій и князь Петръ Татевъ на Таганскомъ лугу, противъ Крутицъ, а князь Василій Темкинъ съ отрядомъ опричниковъ за Неглинною [4]). Въ день Вознесенья (24 мая) къ Москвѣ подошелъ ханъ; татары зажгли посады, и пожаръ охватилъ весь городъ, кромѣ Кремля: „людей погорѣло, говоритъ лѣтописецъ, многое множество“: горѣли и задыхались въ каменныхъ церквахъ и погребахъ; рѣка Москва была запружена трупами; а на своемъ дворѣ, въ каменномъ погребѣ, задохся князь Иванъ Бѣльскій. Зрѣлище народнаго бѣдствія и сильный жаръ заставили хана отступить въ село Коломенское [5]). По словамъ Таубе и Крузе, опустошивъ окрестности Москвы и захвативъ 100-тысячный полонъ, ханъ поторопился уйти въ Крымъ, такъ какъ получилъ извѣстіе о движеніи изъ Ливоніи герцога Магнуса и не желалъ подвергать испытанію свое счастье (dem Gluck nicht weiter vertrauen) [6]).

Е. Бѣловъ въ статьѣ „Объ историческомъ значеніи русскаго боярства“ старается доказать, что въ 1571 году бояре измѣнили царю. Доводы его слѣдующіе: 1) „Воеводы, говоритъ онъ, запрудивъ

[1]) Карамзинъ, т. IX, прим. 352; Дѣла крымскія, № 14, л. 25.

[2]) Карамзинъ, т. IX, прим. 353; Разрядн. Кн.

[3]) Тургеневъ, Monum. Rus. I, p. 220.

[4]) Князь Щербатовъ, «Исторія Россійская», т. IV, ч. II, стр. 278—279. Щербатовъ пользовался лѣтописцемъ своей библіотеки, сгорѣвшимъ въ 1812 году, когда погибли всѣ рукописи библіотеки графа Мусина—Пушкина (Карамзинъ, т. IX, прим. 354).

[5]) Ник. лѣт. т. VII, стр. 313.

[6]) Таубе и Крузе, стр. 229.

Кремль и улицы предмѣстій народомъ. рѣшились защищаться среди этихъ бревенныхъ улицъ. Безуміе этого распоряженія бросается въ глаза всякому"; 2) „Боярскій сынъ Кудеяръ Тишенковъ.... зналъ, равно какъ и его товарищи, что хану на походѣ къ Москвѣ препятствія не будетъ. Откуда же они могли знать? Всякій догадается, что только воеводы могли дать хану такое ручательство. Не должно при этомъ забывать, что князь Мстиславскій признался послѣ, что онъ навелъ хана"; 3) „Въ то время, когда политическія страсти дошли до такого ожесточенія, что люди потеряли всякую нравственную сдержку, нельзя не обратить вниманія на то, что въ сторожевомъ полку начальникомъ былъ сынъ князя Андрея, растерзаннаго псарями" [1]).

Всѣ эти доводы, кромѣ ссылки на признаніе князя Мстиславскаго. основаны на различныхъ предположеніяхъ и догадкахъ, а слѣдовательно, не заслуживаютъ особеннаго вниманія и опроверженія.

Однако, слѣдуетъ замѣтить. что измѣнники всѣ были изъ украйнныхъ городовъ: прекрасно зная всѣ пути и перевозы черезъ Оку. они знали также расположеніе полковъ и малочисленность русскихъ войскъ, вслѣдствіе чего могли поручиться хану головою. что онъ не встрѣтитъ препятствій до самой Москвы. Далѣе, что касается характера дѣйствій воеводъ, то никакого безумія мы въ немъ не усматриваемъ: явившись къ Москвѣ ранѣе хана, значительно уступая численностью татарскимъ ордамъ и ожидая ихъ прибытія съ часа на часъ, воеводы не могли рѣшиться вступить въ открытый бой съ непріятельскимъ войскомъ. не имѣли времени соорудить подъ городомъ окоповъ, а имъ оставалось сдѣлать то, что они и сдѣлали: расположиться подъ защитою городскихъ укрѣпленій, въ разсчетѣ отсидѣться [2]).

Признаніе князя Ивана Мстиславскаго въ клятвенной записи, данной въ 1571 году, дѣйствительно навлекаетъ на воеводъ подозрѣніе въ измѣнѣ: „Я, князь Иванъ Мстиславскій, читаемъ въ этой записи. Богу, святымъ Божьимъ церквамъ и всему православному

[1]) Журн. Мин. Нар. Просв. 1886 г. № 2, стр. 263—264.

[2]) Третье соображеніе К. Бѣлова логически несостоятельно, такъ какъ основано на доказываемомъ положеніи (idem per idem): по мнѣнію автора, то обстоятельство. что въ сторожевомъ полку былъ начальникомъ сынъ князя Андрея, растерзаннаго псарями, важно потому, что тогда «люди потеряли всякую нравственную сдержку», т. е. были склонны навести хана, а всякую сдержку нравственную потеряли потому, что навели хана.

христіанству вѣры не сохранилъ, а государю своему, его землямъ, всему православному христіанству и *всей русской землѣ измѣнилъ*; *навелъ съ моими товарищами* безбожнаго Девлетъ-Гирея: святыя мѣста *моею и моихъ товарищей измѣною* ниспровергнуты, христіанская кровь пролита, а многое множество христіанъ погребенья не удостоилось“ [1]). Такимъ образомъ, князь Иванъ Мстиславскій признавался, что онъ и его товарищи измѣнили и навели хана на русскую землю.

Какъ извѣстно, князь Мстиславскій начальствовалъ правой рукой, князь Бѣльскій—большимъ полкомъ, а передовымъ полкомъ—князь Михаилъ Воротынскій [2]). Въ силу признанія Мстиславскаго, онъ самъ и эти два главнѣйшіе воеводы русскаго войска, стоявшаго въ 1571 году на берегу Оки, измѣнили царю и навели хана на русскую землю. Какъ же согласовать съ этимъ то обстоятельство, что въ слѣдующемъ году князю Михаилу Воротынскому ввѣряется главное начальствованіе войсками, которымъ было поручено охранять южныя украйны отъ набѣга того же хана [3]). Если невозможно себѣ представить, чтобы царь рѣшился ввѣрить главное начальствованіе силами, предназначенными для отраженія Девлетъ-Гирея, воеводѣ, который въ предшествующемъ году измѣнилъ и навелъ на русскую землю того-же хана, то сама собою устраняется всякая мысль объ измѣнѣ воеводъ, а это указываетъ на необходимость иного объясненія признанія князя Мстиславскаго.

Ключъ къ правильному истолкованію словъ князя Мстиславскаго объ измѣнѣ даетъ самъ Іоаннъ; при отправленіи польско-литовскаго уполномоченнаго, Ѳедора Воропая, царь говорилъ такъ о набѣгѣ 1571 года: „Мои подданные подвели меня подъ Крымскаго, подъ татаръ. Тѣхъ было сорокъ тысячъ, а у меня только шесть, ровно-ли это. И я о томъ не вѣдалъ: шестеро воеводъ, что шли передо мной съ сильными отрядами, не дали мнѣ знать. Правда они *не могли выиграть дѣло противъ многочисленнаго врага*, но я поблагодарилъ бы ихъ, если бы, погубивъ нѣсколько тысячъ своихъ, они *принесли мнѣ хоть татарскій бичъ, либо плеть*. Но и тогда я ни крошечки не боялся татарской силы.

[1]) Собр. Госуд. Грам. и Договор., т. I, № 196, стр. 561—562.

[2]) Древн. Вивл. т. XIII, стр. 416.

[3]) Тамъ-же, стр. 433.

Я отступилъ немного передъ нею только тогда, когда увидѣлъ коварство и измѣну собственныхъ людей..... И уже Москва была сожжена, а *меня не увѣдомили о томъ*. Пойми же, какова тутъ была измѣна мнѣ отъ людей моихъ!“ [1]). Такимъ образомъ, царь ни слова не говоритъ объ измѣнѣ въ томъ смыслѣ, какъ нынѣ понимается измѣна всѣми; вся вина воеводъ, которые, по собственному его признанію, не могли выиграть дѣла противъ сильнаго непріятельскаго войска,—или измѣна, какъ онъ выражается, заключалась въ томъ, что они ему не дали своевременно знать о движеніи хана и сожженіи Москвы.

Правда, въ январѣ 1574 года Іоаннъ говорилъ татарскому послу: „Братъ нашъ (Девлетъ-Гирей), сославшись съ боярами нашими измѣнниками, пошелъ на нашу землю; а бояре наши еще на поле прислали къ нему съ вѣстью на встрѣчу разбойника Кудеяра Тишенкова“ [2]), но въ 1572 году онъ говорилъ совершенно иное и только первое его заявленіе заслуживаетъ нашего вниманія: въ самомъ дѣлѣ, если бы Іоаннъ зналъ или даже подозрѣвалъ, что воеводы—бояре были въ сношеніяхъ съ Девлетъ-Гиреемъ и выслали ему на встрѣчу Кудеяра, то навѣрно князь Мстиславскій не отдѣлался бы выдачей проклятой грамоты и поручной записи, а князя Воротынскаго, подвергавшагося еще въ 60-хъ годахъ опалѣ и бывшаго въ ссылкѣ на Бѣлоозерѣ, онъ не назначилъ бы главнымъ воеводою войскъ, отправляемыхъ въ слѣдующемъ году на берегъ Оки противъ того-же Девлетъ-Гирея. Послѣднее заявленіе Іоанна принадлежитъ къ числу тѣхъ оффиціальныхъ оправданій и выгораживаній себя, въ которыхъ нѣтъ и тѣни правды. Изслѣдователь долженъ относиться съ большою осторожностью къ заявленіямъ самого Іоанна, такъ какъ въ нихъ онъ не затруднялся ложь выдавать за истину: 1) напр., какъ мы видѣли выше, въ письмѣ къ Курбскому Іоаннъ обвинялъ приверженцевъ Адашева и Сильвестра въ нерадѣніи о здоровьи Анастасіи, но въ 1572 году, желая добиться отъ собора разрѣшенія вступить въ четвертый бракъ, онъ объявлялъ, что „злыхъ людей чародѣйствомъ и отравленіемъ царицу Анастасію изведоша“, повторяя тоже относительно двухъ другихъ своихъ женъ (Маріи Черкасской и Марѳы Со-

---

[1]) Monum. Rus. I, № 163, p. 230. Вмѣсто подлиннаго польскаго текста мы приводимъ переводъ проф. А. Трачевскаго («Польское безкоролевье», стр. 254—255).

[2]) Карамзинъ, т. IX, прим. 404. Крымскія дѣла, №. 14, л. 153 и слѣд.

бакиной) [1]); 2) въ 1563 г. Іоаннъ наказывалъ отправляемому въ Крымъ Аѳанасію Нагому говорить Сулешу, московскому благопріятелю: „которые, господине, люди ближніе были при государѣ, Иванъ Шереметевъ, Алексѣй Адашевъ, Иванъ Михайловъ и иные люди государя нашего съ *царемъ ссорили*, и государь нашъ *того сыскалъ, и опалу свою на нихъ положилъ*“ [2]), а въ письмѣ своемъ къ Козьмѣ, игумену Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, писалъ: „потому ли вамъ добрѣ жаль Шереметева, что жестоко за него стоитс, что *братія его и нынѣ не перестанутъ въ Крымъ посылати*, да бесерменьство на христіяньство наводити“ [3]).

Такимъ образомъ, объясняя и послѣдующія казни, кратко отмѣченныя у Соловьева и раздѣляемыя Карамзинымъ на двѣ эпохи (пятую и шестую), изслѣдователь долженъ или отыскать, если только это возможно [4]), иные мотивы, а не указывать на измѣну князя Мстиславскаго и смерть женъ царскихъ, или прійти къ заключенію, что эти казни, какъ и предшествующія, произошли вслѣдствіе чрезмѣрной жестокости и подозрительности Іоанна.

Въ „пятую эпоху душегубства“, по словамъ Карамзина, были казнены—князь Михаилъ Черкасскій, Иванъ Петровичъ Яковлевъ и его братъ Василій, Замятня Сабуровъ, Левъ Салтыковъ, Григорій Грязный и князь Иванъ Гвоздевъ-Ростовскій.

Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что относить казнь всѣхъ этихъ лицъ къ одному времени мы не имѣемъ основанія, зная изъ Послужнаго списка, что бояринъ Иванъ Яковлевъ выбылъ въ 1570, князь

---

[1]) Древн. Вивл. т. XIII, стр. 104—105. Правъ ли былъ Іоаннъ, когда обвинялъ «злыхъ людей» въ отравленіи Анастасіи, можно судить изъ слѣдующихъ данныхъ: въ октябрѣ царь поѣхалъ въ Можайскъ «въ монастыри помолиться и по селамъ прохладиться» съ женою и дѣтьми; царица заболѣла въ ноябрѣ и по отвратительной дорогѣ царь съ больной женой возвратился только 30 декабря изъ Можайска въ Москву; 17 іюля былъ страшный въ столицѣ пожаръ, и Іоаннъ тяжко-больную жену отвезъ въ Коломенское село, а скончалась она 7 августа (Лѣв. лѣт. т. V, стр. 298—299, 303; Карамзинъ, т. VIII, прим. 586. Продолж. Царств. Кн. листъ 486). Итакъ, если болѣзнь, сведшая Анастасію въ могилу, тянулась почти 10 мѣсяцевъ, то не можетъ быть рѣчи объ отравленіи. Обстоятельства смерти двухъ другихъ женъ намъ неизвѣстны, но въ виду этого ложнаго заявленія о смерти Анастасіи, мы имѣемъ основаніе сомнѣваться и въ ихъ «очарованіи».

[2]) Карамзинъ, т. IX, прим. 76; Дѣла Крымскія, № 10, л. 98.

[3]) Акты Ист. т. I, № 204, стр. 396.

[4]) Оставаясь въ предѣлахъ этого изслѣдованія, едва ли позволительно пересматривать неприятно длинную нить тогдашнихъ отношеній московскаго государства къ польско-литовскому, къ разсчетѣ отыскать здѣсь слѣды измѣны и заговора боярскаго класса.

Черкасскій—въ 1572 году, а смерть Василія Яковлева и Льва Салтыкова послѣдовала въ 1573 году [1]).

Не упоминая о насильственной смерти всѣхъ этихъ лицъ [2]), Курбскій говоритъ, что Левъ Салтыковъ былъ казненъ съ 4 или 5 сыновьями, а Замятня Сабуровъ съ женою и малолѣткою - сыномъ (стр. 97).

Дѣйствительно, изъ письма Таубе и Крузе знаемъ, что Иванъ Замятня (Zathania) Сабуровъ былъ засѣченъ, Левъ же Салтыковъ сначала отосланъ въ Троицкій монастырь и потомъ умерщвленъ; въ синодикѣ же встрѣчаемъ имена Никиты и Ѳедора Салтыковыхъ [3]).

Къ „шестой эпохѣ казней" Карамзинъ относитъ казнь князя Михаила Воротынскаго, князя Никиты Одоевскаго и Михаила Яковлевича Морозова, а также насильственную смерть всѣхъ погибшихъ въ послѣдніе годы царствованія Іоанна [4]).

Князь Никита Одоевскій, по словамъ Курбскаго, былъ замученъ съ женою и малолѣтними двумя сыновьями: пронзивъ насквозь его грудь, палачи продѣли въ сквозную рану сорочку и, раздражая рану дерганіемъ этой сорочки, замучили несчастнаго. Князь Михаилъ Воротынскій, оклеветанный своимъ слугою въ чародѣйствѣ, былъ связанъ и положенъ, по словамъ Курбскаго, между двумя кострами, а самъ Іоаннъ подгребалъ жезломъ пылающія угольія подъ его тѣло; замученнаго и почти бездыханнаго шестидесятилѣтняго старца повезли въ ссылку и заточеніе на Бѣлоозеро, но едва успѣли провезти три мили, какъ онъ скончался (стр. 86—88) [5]). Михаила Морозова, по словамъ Курбскаго, Іоаннъ казнилъ вмѣстѣ съ его женою и двумя сыновьями (стр. 101).

---

[1]) Древн. Вивл. т. XX, стр. 50—52.

[2]) Данныя, подтверждающія ихъ казнь, слѣдующія: 1) въ Послужномъ спискѣ отмѣчены выбывшими—Иванъ Петровичъ Яковлевъ, Михаилъ Черкасскій (Древн. Вивл. т. XX, стр. 50—51); 2) въ Кирилловскомъ синодикѣ встрѣчаемъ имя князя Михаила Черкасскаго (стр. 78); 3) Таубе и Крузе говорятъ о казни Ивана Петровича Яковлева, его брата Василія и Григорія Грязнаго (S. 230); 4) Гваньини разсказываетъ объ умерщвленіи князя Гвоздева (pp. 31—32).

[3]) Таубе и Крузе, S. 230; Кирилловскій синодикъ, стр. 80, 84.

[4]) Карамзинъ. т. IX, стр. 157—158. Въ Послужномъ спискѣ отмѣчены выбывшими за время отъ 1575 до 1577 г. слѣдующія лица: князь Петръ Куракинъ, Иванъ Бутурлинъ, Петръ Зайцовъ, Григорій Собакинъ, князь Борисъ Тулуповъ, Никита Борисовъ, князь Иванъ Девятелевичъ (Древн. Вивл. т. XX, стр. 54—55).

[5]) Разсказывая о казни князя Воротынскаго, Курбскій вспоминаетъ о побѣдѣ его надъ татарами въ 1572 г.: по его словамъ, битва съ непріятельскими силами продолжалась нѣсколько дней; взяли два сына хана, а Дивій Мурза и третій сынъ были взяты въ плѣнъ (стр. 86—87).

Казнь всѣхъ этихъ трехъ воеводъ не подлежитъ сомнѣнію. Они отмѣчены въ Послужномъ спискѣ выбывшими въ 1573 году [1]), и насильственная смерть ихъ засвидѣтельствована разрядными книгами: какъ читаемъ тамъ, царь „положилъ опалу свою“ на Воротынскаго, Морозова и Одоевскаго и „велѣлъ ихъ казнити смертною казнью“ [2]).

Списокъ жертвъ гнѣва Іоаннова у Курбскаго далеко не отличается полнотою, такъ какъ о казни многихъ бояръ и воеводъ, какъ мы видѣли, онъ совершенно не упоминаетъ, но и этотъ неполный перечень не вошелъ въ изложеніе Карамзина.

По словамъ Курбскаго, были казнены слѣдующія лица, о насильственной смерти которыхъ не упоминаетъ нашъ исторіографъ: князь Александръ Ярославскій, князь Владиміръ Курлятевъ (стр. 82, 98), князь Василій Темкинъ съ сыномъ (стр. 84), Димитрій Пушкинъ (стр. 96), Андрей Шеинъ-Морозовъ, Владиміръ Морозовъ (стр. 97), Василій и Григорій Тетерины, Данило Чулковъ, Ѳеодоръ Булгаковъ съ родственниками, Григорій Сидоровъ (стр. 98), Сабуровы и Сарыхозины (стр. 100).

Казнь почти всѣхъ этихъ лицъ подтверждается нашими источниками: 1) въ Послужномъ спискѣ Владиміръ Морозовъ отмѣченъ выбывшимъ въ 1564, а Андрей Шеинъ—въ 1569 году [3]); 2) въ синодикѣ встрѣчаемъ имена князя Александра Ярославскаго, князя Владиміра Курлятева, князя Василія Темкина съ сыномъ, Андрея Шеина, Григорія, Василія и другихъ Тетеринныхъ, Булгаковыхъ, Пушкиныхъ, Сидоровыхъ и Сабуровыхъ [4]); 3) въ письмѣ Таубе и Крузе говорится о казни Владиміра Курлятева (Waldmer Kurbatau [5]); 4) Гвальини говоритъ о казни Владиміра Морозова [6]).

Дѣйствительно, «Повѣсть о бою воевод московскихъ съ невѣрнымъ ханомъ», отысканная Карамзинымъ въ «Книгѣ о древностяхъ рос. государства» (Син. Библ. № 52, т. I, л. 98), подтверждаетъ свидѣтельство Курбскаго о томъ, что битва или схватки съ татарами тянулись нѣсколько дней, прибавляя также, что въ бою «убили царева Калгина сына, царевича, и многихъ мурзъ и татаръ живыхъ поимали» (Карамзинъ, т. IX, прим. 391). Новгородская вторая лѣтопись говоритъ, что 9 августа въ Новгородъ, гдѣ тогда былъ царь, привезли взятаго въ плѣнъ мурзу Дивія (П. С. Р. Л. т. III, стр. 173).

[1]) Древн. Вивл. т. XX, стр. 52—53.

[2]) Карамзинъ, т. IX, прим. 478; Архивн. Разряди. Кн. л. 482.

[3]) Древн. Вивл. т. XX, стр. 46, 50.

[4]) Кирилловскій синодикъ, стр. 63, 14, 80, 14, 7, 47, 81, 10, 26, 13, 24.

[5]) Таубе и Крузе, S. 207.

[6]) Гвальини, p. 38.

Представивъ довольно все-таки длинный перечень казненныхъ, Курбскій счелъ нужнымъ сказать объ орудіяхъ казней и родахъ ихъ, а въ разныхъ мѣстахъ своего изложенія пытался объяснить, что побуждало Іоанна къ казнямъ.

По словамъ его, Іоаннъ употреблялъ при казняхъ разжженныя сковороды, печи и клещи, а роды мученьства были слѣдующіе: бичеваніе, разрываніе на части, забиваніе иголъ за ногти, рѣзаніе по составамъ и распиливаніе пополамъ (стр. 127).

Нѣтъ надобности приводить ужасающихъ и омерзительныхъ подробностей казней Іоанна, подробностей, встрѣчаемыхъ въ изобиліи у иностранныхъ писателей и подтверждающихъ это свидѣтельство Курбскаго, а достаточно, въ подтвержденіе его, сослаться на буквально тождественное свидѣтельство одной рукописи синодальной библіотеки [1]) и на приводимое уже выше свидѣтельство Спасоприлуцкаго синодика.

По словамъ Курбскаго, Іоаннъ казнилъ родственниковъ и друзей Адашева „ихъ богатствъ ради и стяжанія“ (стр. 79), князей Ярославскихъ и Хабарова погубилъ, потому что они „имѣли отчины великія“ (стр. 85, 93), а князя Воротынскаго, потому что онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ князей, которые „были на своихъ удѣлѣхъ и велія отчины подъ собою имѣли“ (стр. 87).

Однако, съ подобнымъ объясненіемъ нашего автора нельзя согласиться, такъ какъ мы достовѣрно знаемъ, что Іоаннъ былъ убѣжденъ въ измѣнѣ бояръ и въ необходимости бороться съ ними: „А что, читаемъ въ его духовномъ завѣщаніи, по множеству беззаконій моихъ, распростерся Божій гнѣвъ, *изгнанъ я отъ бояръ*, ради ихъ самовольства, отъ своего достоянія, и скитаюсь по странамъ, и вамъ (т. е. сыновьямъ) моими грѣхами многія бѣды нанесены: то Бога ради не изнемогайте въ скорбяхъ“, и не былъ увѣренъ въ благополучномъ исходѣ этой борьбы для своей семьи: „насъ, родителей своихъ и прародителей, пишетъ царь въ своемъ завѣщаніи, не только въ государствующемъ градѣ Москвѣ или гдѣ будете въ другомъ мѣстѣ, но если даже въ гоненіи и въ изгнаніи будете, въ божественныхъ

[1]) Карамзинъ, т. IX, прим. 321; Рукопись библіот. синод. № 364 л. 851. Въ Новгородской третьей лѣтописи читаемъ: «и повелѣ государь ихъ (новгородцевъ) предъ собою горцѣ и безчеловѣчнѣ различными муками мучити, и по многихъ неисповѣдимыхъ горкихъ различныхъ мукахъ повелѣ государь тѣлеса ихъ нѣкоею составною мудростію огненною поджигати, иже именуется поджаръ» (П. С. Р. Л. т. III, стр. 260).

литургіяхъ, панихидахъ и литіяхъ, въ милостыняхъ къ нищимъ и препитаніяхъ, сколько возможно, не забывайте“ [1]).

Какъ извѣстно, Курбскій къ концу своего сочиненія присоединяетъ житіе Ѳеодорита. Несмотря на скудость нашихъ источниковъ, главнѣйшіе моменты его разсказа находятъ подтвержденіе въ нихъ.

Такъ, Курбскій говоритъ, что Ѳеодоритъ, около 20 лѣтъ проживъ среди Лопарей въ строгой отшельнической жизни, съ своимъ товарищемъ, какимъ-то старцемъ Митрофаномъ, прибылъ въ Новгородъ, гдѣ архіепископъ Макарій посвятилъ его въ священники и сдѣлалъ своимъ духовникомъ; но, проживъ тамъ недолго (около 2-хъ лѣтъ), Ѳеодоритъ отправился съ богатыми пожертвованіями и нѣсколькими спутниками въ землю Лопарей, къ устьямъ рѣки Колы, гдѣ основалъ монастырь и съ успѣхомъ распространялъ христіанство среди туземцевъ (стр. 114—115).

Дѣйствительно, мы знаемъ, что зимою 1532 года прибыли въ Новгородъ отъ Мурманскаго берега, съ береговъ рѣки Колы, Лопари и просили архіепископа отправить въ ихъ страну проповѣдниковъ и поставить церкви, и Макарій вслѣдствіе этого отправилъ къ нимъ священника и діакона Софіевскаго собора [2]).

Монахи основаннаго въ землѣ Лопарей монастыря, какъ разсказываетъ Курбскій, не взлюбивъ Ѳеодорита за строгій уставъ монастырской жизни, введенный имъ въ своемъ монастырѣ, изгнали его; и нѣкоторое время онъ былъ игуменомъ въ какомъ-то небольшомъ монастырѣ новгородской земли, но вскорѣ царь назначилъ его архимандритомъ Евѳиміева монастыря; управляя этимъ послѣднимъ, Ѳеодоритъ навлекъ на себя своей строгостью нерасположеніе монаховъ, а ненависть суздальскаго епископа обличеніями въ сребролюбіи; когда возникло дѣло о неправовѣріи бывшаго Троицкаго игумена Артемія [3]), то суздальскій епископъ объявилъ, что Ѳеодоритъ также ере-

---

[1]) Доп. къ Акт. Ист. т. I, № 220, стр. 372, 378. Эти тексты мы приводимъ въ переводѣ Соловьева (т. VI, стр. 231, 234).

[2]) Отр. Рус. лѣт.; П. С. Р. Л. т. VI, стр. 289.

[3]) По словамъ Курбскаго, однимъ изъ главныхъ «навѣтчиковъ» на Артемія и Савву Шаб былъ Нектарій, но ихъ клеветы были опровергнуты Ѳеодоритомъ и Іоасафомъ Бѣлобаевымъ, на которыхъ они сослались, въ подтвержденіе своихъ словъ (стр. 117—118). Дѣйствительно, изъ соборной грамоты въ Соловецкій монастырь (отъ 24 янв. 1554 года) извѣстно, что бывшій Ѳеранонтовскій игуменъ Нектарій въ своихъ обвиненіяхъ Артемія и Перфила (онъ же Савва—Шахъ см. Ник. лѣт. т. VII, стр. 204) сослался на Іоасафа Бѣлобаева и другихъ старцевъ Нило-вой пустыни, «и на соборѣ старцы сказали, что они отъ Артемья хулы на божественное пи-

тикъ; Ѳеодорита отставили отъ игуменства и послали въ Кирилловъ монастырь, но черезъ полтора года онъ былъ, по просьбѣ Курбскаго и другихъ бояръ, освобожденъ и поселился въ одномъ изъ монастырей (св. Спаса) города Ярославля, гдѣ покоились мощи св. Ѳеодора Ростиславича; вскорѣ затѣмъ Іоаннъ, по словамъ Курбскаго, отправилъ его въ Константинополь просить у патріарха благословенія на вѣнчаніе тѣмъ же чиномъ, какимъ вѣнчались византійскіе императоры; и Ѳеодоритъ выполнилъ это порученіе (стр. 116—121).

Дѣйствительно, какъ извѣстно, въ январѣ 1557 года царь отправлялъ на Аѳонскую гору „бывшаго архимандрита Евфимьева монастыря Ѳеодорита“ [1]), а въ ноябрѣ 1564 года, отпуская Кизицкаго митрополита, вручилъ ему милостыню для передачи тѣмъ епископамъ, которые „писали ко царю и великому князю благословеніе о его государскомъ поставленіи на царство“ [2]); въ архивѣ же царскомъ сохранялись грамоты восточныхъ патріарховъ „и отписки къ тѣмъ патріархамъ съ архимандритомъ Ѳеодоритомъ и архимандритомъ Геннадіемъ“; наконецъ, какъ выше мы доказали, Ѳеодоритъ былъ духовникомъ нашего писателя, подвергался допросу по случаю его бѣгства въ Литву и жилъ въ монастырѣ св. Спаса [3]).

Итакъ, изложеніе Курбскаго о казняхъ Іоанна Грознаго подтверждается, какъ мы видѣли, главнымъ образомъ такими заслуживающими нашего полнаго довѣрія источниками, какъ Послужной списокъ, лѣтописи, синодикъ, и наказныя рѣчи посламъ, и отчасти свидѣтельствами иностранныхъ писателей, которымъ, по нашему убѣжденію, несправедливо оказывалось слишкомъ мало довѣрія; но его изложеніе нельзя считать полнымъ, такъ какъ, составляя эту часть сочиненія на чужбинѣ, куда доходили не всѣ свѣдѣнія, онъ вовсе не упоминаетъ о насильственной смерти весьма многихъ лицъ.

саніе и на христіанскій законъ не слыхали ничего»: изъ той же грамоты знаемъ, что Артемія послали на заточеніе въ Соловки (Акт. Арх. Эксп. т. I, № 239, стр. 253—254), а изъ описи царскаго архива (ящикъ 202), что онъ оттуда убѣжалъ (Акт. Арх. Эксп. т. I, № 289).

[1]) Ник. лѣт. т. VII, стр. 279; Львов. лѣт. т. V, стр. 161—162.

[2]) Алек.-Невск. лѣт. стр. 244.

[3]) Акт. Арх. Эксп. т. I, № 289; Опись царскаго архива (ящикъ 176 и 191).

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Стран.	Строка.	Напечатано:	Должно быть:
8	10 сн.	Юрію,	Юрію
11	13 „	Афанасія	Аѳанасія
15	8 „	львовская	Львовская
16	14 „	но	но,
17	1 св.	печерскаго	Печерскаго
„	11—12 „	взгляды.	взгляды,
22	6 „	Михайлорича	Михайловича
23	15 „	приминулъ	преминулъ
26	6 „	боярами,	боярами;
27	2 и 3 сн.	Сказанія	Сказанія,
28	1 св.	не смотря	несмотря
40	6 сн.	Levenclavii	Leveclavii
52	7 св.	tribatum	tributum
62	11 „	Хоткѣвичемъ	Ходкѣвичемъ
67	1 сн.	новый	Новый
68	16 „	такъ-то	такъ то
75	8 „	Литвѣ;	Литвѣ:
81	5 „	Тамъ же	Тамъ же,
83	19 св.	Троицо	Троицко
89	2 „	но когда,	но, когда
90	6 сн.	узости	узкости
95	16—17 „	время провожденіе	времяпровожденіе
104	5 св.	слуховъ,	слуховъ
106	15 сн.	когда“ вслѣдствіе	когда „вслѣдствіе
116	16 „	такъ	такъ,
137	4 „	1886	1889
138	7 св.	совѣтъ	совѣтѣ
144	16 „	утѣшить	утѣшить,
148	2 „	правъ	правъ:
152	5 сн.	году и	году; и
154	5 св.	Кириловскаго	Кирилловскаго
155	1 сн.	Соловьевъ	Соловьевъ,
156	10 „	событіи	событіи,
161	16 св.	года.	года,
177	11 „	228).	228),
181	21 сн.	выставляютъ	выставляются
184	6 „	Курлятевымъ	съ Курлятевымъ
188	8 „	всяхомъ	взяхомъ
212	3 св.	книгами;	книгами:

Примѣчаніе къ стр. 168.

Кормовая книга Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, извѣстная сенатору К. Бороздину по рукописи, хранившейся въ библіотекѣ этого монастыря, была издана Ив. Сахаровымъ по рукописи Новгородской Софійской библіотеки (№ 464) въ 1 томѣ „Зап. отд. рус. и слав. археол. Имп. Арх. Общ.“ (отд. II, стр. 46—89). Торжественныя панихиды и кормы по опальныхъ царя Іоанна Грознаго, какъ видно изъ кормовой книги, совершались въ Кирилловѣ монастырѣ въ сырную субботу и 30 января „за Государево жалованье, за милостыню, что по опальныхъ давалъ по Щенятевѣ, и по Кубенскомъ и по иныхъ, которые *въ памяти* написаны“ (стр. 68–69, 71).

ДЛЯ ГАЗЕТЪ И КНИГЪ. МОРСКОЙ БИБЛІОТЕКА

2007065947